

С.С. СМЕРНОВ

Брест- ская кре- пость

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

- 1 Земляные валы крепости.
- 2 Место Восточных, или Кобринских, ворот крепости.
- 3 Восточный форт.
- 4 Северные (главные) ворота.
- 5 Дома комсостава.
- 6 Место пленения Гаврилова.

- 7 Расположение 125-го полка.
- 8 Северо-западные ворота.
- 9 Казармы 33-го инженерного полка — ныне Музей обороны Брестской крепости.
- 10 Место гибели штаба обороны цитадели.
- 11 Место, где были Трехарочные ворота.
- 12 Участок казарм 455-го полка.
- 13 Развалины церкви.
- 14 Развалины бывшего штаба польского корпуса.
- 15 Участок казарм 44-го полка.
- 16 Тереспольские ворота.
- 17 Развалины казармы 333-го полка.
- 18 Место, где находилось здание 9-й погранзащиты.
- 19 Холмские ворота.
- 20 Участок казарм 84-го полка.
- 21 Развалины госпиталя.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С.С.СМИРНОВ

**Брест-
ская
кре-
пость**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1969

Решением Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров Союза ССР Смирнову Сергею Сергеевичу за книгу «Брестская крепость» присуждена Ленинская премия за 1964 год.

Оформление Д. БИСТИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Открытое письмо героям Брестской крепости

Дорогие мои друзья!

Эта книга — плод десятилетней работы над историей обороны Брестской крепости: многих поездок и долгих раздумий, поисков документов и людей, встреч и бесед с вами. Она окончательный итог этой работы.

О вас, о вашей трагической и славной борьбе еще напишут повести и романы, поэмы и исторические исследования, создадут пьесы и кинофильмы. Пусть это сделают другие. Быть может, собранный мной материал поможет авторам этих будущих произведений. В большом деле стоит быть и одной ступенькой, если эта ступенька ведет вверх.

Десять лет назад Брестская крепость лежала в забытых, заброшенных развалинах, а вы — ее герои-защитники — не только были неизвестными, но как люди, в большинстве своем прошедшие через гитлеровский плен, встречали обидное недоверие к себе, а порой испытывали и прямые несправедливости. Наша партия и ее XX съезд, покончив с беззакониями и ошибками периода культа личности Сталина, открыли для вас, как и для всей страны, новую полосу жизни.

Сейчас Брестская оборона — одна из дорогих сердцу советских людей страниц истории Великой Отечественной войны. Руины старой крепости над Бугом почитаются как боевая реликвия, а вы сами стали любимыми героями своего народа и повсюду окружены уважением и заботой. Многие из вас уже награждены высокими правительственными наградами, но и те, кто еще не имеет их, не обижены, ибо одно звание «защитник Брестской крепости» равнозначно слову «герой» и стоит ордена или медали.

Теперь в крепости есть хороший музей, где полно и интересно отражен ваш подвиг. Целый коллектив научных сотрудников-энтузиастов занимается изучением борьбы вашего легендарного гарнизона, выявляет новые ее подробности, разыскива-

ет еще неизвестных героев. Мне остается только почтительно уступить дорогу этому коллективу, дружески пожелать ему успеха и обратиться к другому материалу. В истории Отечественной войны до сих пор много неизученных «белых пятен», нераскрытых подвигов, неведомых героев, которые ждут своих разведчиков, и здесь может кое-что сделать даже один писатель, журналист, историк.

С выходом в свет этой книги я передаю музею крепости весь собранный за десять лет материал и прощаюсь с темой обороны Бреста. Но вам, дорогие друзья, хочется сказать не «прощайте», а «до свидания». У нас будет еще много дружеских встреч, и я надеюсь всегда бывать как ваш гость на тех волнующих традиционных торжествах, которые ныне проводятся в крепости каждые пять лет.

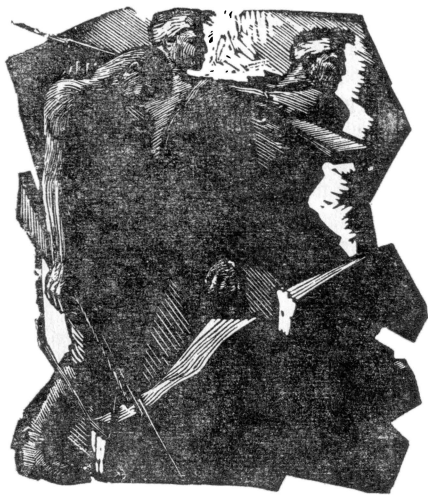
До конца дней я буду гордиться тем, что моя скромная работа сыграла какую-то роль в ваших судьбах. Но я обязан вам больше. Встречи с вами, знакомство с вашим подвигом определили направление работы, которую я буду вести всю жизнь,— поиски неизвестных героев нашей четырехлетней борьбы с германским фашизмом. Я был участником войны и немало видел в те памятные годы. Но именно подвиг защитников Брестской крепости как бы новым светом озарил все виденное, раскрыл мне силу и широту души нашего человека, заставил с особой остротой пережить счастье и гордость сознания принадлежности к великому, благородному и самоотверженному народу, способному творить даже невозможное. Вот за этот бесценный для литератора подарок я низко кланяюсь вам, дорогие друзья. И если в своей литературной работе мне удастся передать людям хоть частицу всего этого, я буду думать, что не зря ходил по земле.

До свидания, до новых встреч, мои дорогие брестцы!

Всегда ваш С. С. Смирнов

**часть
первая**

**Легенда,
стающая
бытью**

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над захваченной гитлеровцами землей Польши, далеко, на западном крае чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звезд самой короткой летней ночи, вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка, — то красные, то зеленые, — они не стояли неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда, к востоку, прокладывая свой путь среди гаснущих ночных звезд. Они усеяли собой весь горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собою все вокруг, и наконец разноцветные огоньки проплыли в небе над головой дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза.

И прежде чем пограничники, охваченные внезапной зловещей тревогой, успели осознать смысл этого непонятного и дерзкого вторжения, предрассветная полумгла на западе озарилась мгновенно взблеснувшей зарницей, яростные вспышки взрывов, вздымающих к небу черные столбы земли, забушевали на первых метрах пограничной советской территории, и все потонуло в тяжком оглушительном грохоте, далеко сотрясающем землю. Тысячи германских орудий и минометов, скрытно сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по нашей пограничной полосе. Всегда настороженно тихая линия государственного рубежа сразу превратилась в ревущую, огненную линию фронта...

Так началось предательское нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, так началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В это утро в один и тот же час военные действия начались на всем пространстве западной границы СССР, протянувшейся на три с лишним тысячи километров от Баренцева до Черного моря. После усиленного артиллерийского обстрела, после ожесточенной бомбежки пограничных объектов более двухсот германских, финских и румынских дивизий начали вторжение на советскую землю. Фашистские войска принялись осуществлять так называемый «план Барбаросса» — план похода против СССР, тщательно разработанный генералами гитлеровской Германии.

Три мощные группы германских армий двинулись на восток. На севере фельдмаршал Лееб направлял удар своих войск через Прибалтику на Ленинград. На юге фельдмаршал Рунштедт нацеливал свои войска на Киев. Но самая сильная группировка войск противника развертывала свои операции в середине этого огромного фронта, там, где, начинаясь у пограничного города Бреста, широкая лента асфальтированного шоссе уходит в восточном направлении — через столицу Белоруссии Минск, через древний русский город Смоленск, через Вязьму и Можайск к сердцу нашей Родины — Москве.

Гитлеровский фельдмаршал Теодор фон Бок, командовавший этой Центральной группой армий, имел в своем распоряжении больше пятидесяти пехотных дивизий, а также две мощные танковые группы генералов Гудериана и Гота.словно два тяжелых тарана, эти танковые массы должны были проломить оборону советских войск севернее и южнее Бреста, прорваться далеко в наши тылы и, описывая две широкие сходящиеся дуги, встретиться через несколько дней в Минске. Это означало, что они отсекут и зажмут в кольцо наши дивизи-

зии, расположенные в приграничных районах — между Минском и Брестом. Окружить и уничтожить основные силы советских войск еще по правую сторону Днепра, близ границы, — такова была задача, поставленная гитлеровским генеральным штабом перед Центральной группой своих армий. А затем должен был последовать новый рывок к востоку — на Смоленск и дальше, к Москве. Противник рассчитывал, что, прежде чем советское командование успеет сформировать в тылу и перебросить к линии фронта новые дивизии взамен уничтоженных в боях за Днепром, немецкие танки войдут в Москву и решат тем самым исход борьбы на советско-германском фронте.

Уже два года шла в Европе вторая мировая война, и за это время гитлеровская армия не знала поражений. Она разгромила Польшу, заняла Данию и Норвегию, захватила Бельгию и Голландию, нанесла жестокое поражение англо-французским войскам и покорила Францию. Совсем незадолго до нападения на СССР армия Гитлера добилась крупных успехов в войне на Балканах и оккупировала Грецию и Югославию. Воодушевленные всеми этими победами, гитлеровские генералы были уверены в скором и успешном завершении своего восточного похода. Все этапы этого похода были распланы по дням, и накануне войны германские офицеры на своих пирушках провозглашали тосты за победный парад на Красной площади через четыре недели.

Первые дни войны, казалось, подтверждали правильность этих самоуверенных предположений. События на фронте развивались как нельзя более благоприятно для гитлеровской армии. Была достигнута полная внезапность нападения, и советские войска в приграничных районах оказались захваченными врасплох неожиданным ночным ударом врага. Германская авиация сумела в первые же часы войны уничтожить на аэродромах и в парках большую часть наших самолетов и танков. Поэтому господство в воздухе осталось за противником. Немецкие бомбардировщики непрерывно висели над отступающими колоннами наших войск, бомбили склады боеприпасов и горючего, наносили удары по городам и железнодорожным узлам, а быстрые «мессершмитты» носились над полевыми дорогами, преследуя даже небольшие группы бойцов, а то гоняясь и за одиночными пешеходами, бредущими на восток.

На первый взгляд все шло строго по плану, разработанному в гитлеровской ставке. Точно, как было предусмотрено, танки Гудериана и Гота 27 июня встретились под Минском; фашисты овладели столицей Белоруссии и отрезали часть на-

ших войск. Через три недели после этого, 16 июля, передовые отряды германской армии вступили в Смоленск. Здесь и там отступающие с тяжелыми боями советские войска попадали в окружения, несли большие потери, и фронт откатывался все дальше на восток. Берлинская печать уже трубила победу, твердя, что Красная Армия уничтожена и в самое ближайшее время немецкие дивизии вступят в Москву.

Но в эти же самые первые дни войны выявилось нечто вовсе не предусмотренное планами гитлеровского командования. Итоги первых боев и сражений, несмотря на успехи фашистских войск, невольно заставляли задумываться наиболее дальновидных германских генералов и офицеров. Война на Востоке оказалась совсем непохожей на войну на Западе. Противник здесь был иным, и его поведение опрокидывало все привычные представления немецких военачальников и их солдат.

Это началось от самой границы. Застигнутые врагом врасплох, потерявшие большую часть своей техники, столкнувшиеся с необычайно сильным, численно превосходящим противником, советские войска тем не менее сопротивлялись с удивительным упорством, и каждая, даже небольшая победа над ними добывалась чересчур дорогой ценой. Отрезанные от своей армии, окруженные советские части, которые по всем законам немецкой военной науки должны были бы немедленно сложить оружие и сдаться в плен, продолжали драться отчаянно и яростно. Даже рассеянные, расчлененные на мелкие группы, очутившиеся в глубоком тылу наступающего противника и, казалось, неминуемо обреченные на уничтожение, советские бойцы и командиры, не выпуская из рук оружия, пробирались глухими лесами и болотами на восток, дерзко нападали по дороге на обозы и небольшие колонны противника, с боем прорывались через линию фронта и присоединялись к своим. Другие, оставаясь в тылу врага, создавали — вооруженные отряды и начинали ожесточенную партизанскую борьбу, в которую постепенно все больше втягивались жители оккупированных гитлеровскими войсками советских областей.

Это странное и необъяснимое упорство советских людей поражало и тревожило многих немецких полководцев. Во всех прежних походах на Западе, против кого бы ни сражались германские войска — будь то поляки или французы, англичане или греки, — они имели перед собой привычную линию фронта. По ту сторону этой линии был расстроенный, дезорганизованный отступлением противник, силы которого все больше слабели и которого лишь предстояло добить. Но все, что было позади, являлось уже прочно завоеванной, покоренной землей.

Тут, в России, все было не так. Правда, по ту сторону ли-

нии фронта тоже были отступающие, терпящие поражение войска. Но вопреки тому, что обычно случалось во всех кампаниях на Западе, сила сопротивления этих войск не уменьшалась, а возрастала по мере отступления в глубь страны, несмотря на все тяжелые военные неудачи, которые выпали на их долю.

На фронте с каждым днем крепло сопротивление Красной Армии. Вслед за упорными арьергардными боями в западных областях Белоруссии и на Березине противнику пришлось испытать первые сильные контрудары наших войск в долгой кровопролитной битве под Смоленском. Рядом с донесениями об одержанных победах, о захвате больших пространств советской земли, о быстром продвижении в глубь России на штабные столы как грозное и злое предвестие будущего ложились перед германскими генералами отчеты и сводки с цифрами огромных потерь, понесенных их войсками в этих первых боях, потерь, отнюдь не предусмотренных планами фашистского командования.

Но и то пространство, которое лежало уже позади линии фронта, враг не смог считать ни завоеванным, ни покоренным. Это пространство смело можно было тоже назвать полем сражения, ибо здесь повсюду шла вооруженная борьба, то явная, то скрытая, но всегда необычайно ожесточенная и упорная. Дрались советские части, пробивающиеся из окружения, дрались сотни и тысячи мелких групп, пробирающихся к фронту по тылам врага. И уже поднималось грозной и неистребимой силой в густых лесах и непроходимых болотах Белоруссии губительное для захватчиков всенародное партизанское движение, руководимое подпольными организациями Коммунистической партии. Фронт фактически был повсюду, куда ступила нога оккупанта, он простирался на сотни километров в глубину от линии передовых отрядов немецко-фашистских войск до самой границы СССР.

И все же положение было необычайно тяжелым, смертельно опасным для нашей страны, для нашего народа. Потери фашистов, как бы велики они ни были, пока что не могли заметно ослабить размаха немецкого наступления. Враг еще обладал большим численным и техническим перевесом, он бешено рвался вперед. Первые крупные победы поднимали боевой дух гитлеровских солдат и офицеров, в руках германского командования были большие резервы, пополнявшие потери на фронтах, а в тылу на армию Гитлера работала вся промышленность Западной Европы, в достатке снабжая наступающие дивизии танками и самолетами, оружием и боеприпасами.

Ведя тяжкую борьбу, советские войска под ударами врага отступали все дальше к востоку. Земли Белоруссии, Украины, Прибалтики были захвачены врагом. В руки гитлеровцев попали огромные богатства, созданные народом в течение многих лет. Миллионы наших людей оказались под страшной властью фашистов. И все ближе за спиной отступающих вставала Москва — сердце родной страны.

Гнетущее, тяжелое чувство охватывало воинов, отходивших с оружием в руках на восток. Каждый шаг назад болью отдавался в сердце; проходя через города и деревни, нестерпимо стыдно было глядеть в глаза женщин и детей, с немым вопросом, с надеждой и мольбой смотревших на своих защитников. С каждым шагом назад все сильнее давило душу свинцовое ощущение неотвратимой и грозной беды, нависшей над Родиной и народом, над родными и близкими людьми. С каждым метром отданной врагу земли все горячее вскипала в сердце ненависть к захватчикам. И все эти чувства — горечь и боль, стыд и раскаяние, ненависть и тревога, — как в огненной печи, медленно и постепенно переплавлялись в душе человека, образуя новый сплав особой твердости — каменное упорство в бою, стальную решимость стоять насмерть и любой ценой остановить врага. Так на горьких путях неудач и поражений возникала в людских сердцах великая, непреклонная воля к победе.

Именно в эти черные, полные горечи дни отступления в наших войсках родилась легенда о Брестской крепости. Трудно сказать, где появилась она впервые, но, передаваемая из уст в уста, она вскоре прошла по всему тысячекилометровому фронту от Балтики до причерноморских степей.

Это была волнующая легенда. Рассказывали, что за сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около города Бреста, в стенах старой русской крепости, стоящей на самой границе СССР, уже в течение многих дней и недель героически сражаются с врагом наши войска. Говорили, что противник, окружив крепость плотным кольцом, яростно штурмует ее, но при этом несет огромные потери, что ни бомбы, ни снаряды не могут сломить упорства крепостного гарнизона и что советские воины, обороняющиеся там, дали клятву умереть, но не покориться врагу и отвечают огнем на все предложения гитлеровцев о капитуляции.

Неизвестно, как возникла эта легенда. То ли принесли ее с собой группы наших бойцов и командиров, пробиравшиеся из района Бреста по тылам немцев и потом пробившиеся через фронт. То ли рассказал об этом кто-нибудь из фашистов, захваченных в плен. Говорят, летчики нашей бомбардировочной

авиации подтверждали, что Брестская крепость сражается. Отправляясь по ночам бомбить тыловые военные объекты противника, находившиеся на польской территории, и пролетая около Бреста, они видели внизу вспышки снарядных разрывов, дрожащий огонь стреляющих пулеметов и текущие струйки трасирующих пуль.

Однако все это были лишь рассказы и слухи. Действительно ли сражаются там наши войска и что это за войска, проверить было невозможно: радиосвязь с крепостным гарнизоном отсутствовала. И легенда о Брестской крепости в то время оставалась только легендой. Но, полная волнующей героики, эта легенда была очень нужна людям. В те тяжкие, суровые дни отступления она глубоко проникала в сердца воинов, воодушевляла их, рождала в них бодрость и веру в победу. И у многих, слышавших тогда этот рассказ, как укор собственной совести, возникал вопрос: «А мы? Разве мы не можем драться так же, как они там, в крепости? Почему мы отступаем?»

Бывало, что в ответ на такой вопрос, словно виновато подыскивая для самого себя оправдание, кто-то из старых солдат говорил: «Все-таки крепость! В крепости обороняться сподручнее. Стены, укрепления, пушек, наверно, много. Вот и дерутся так долго».

Крепость! Это слово, казалось, говорило само за себя, как бы объясняя долгую борьбу легендарного гарнизона. И лишь немногие из тех, что воевали на фронте, знали, какова была эта Брестская крепость, и могли бы рассказать о ней товарищам.

Что же за крепость стояла там, на границе, около Бреста? В самом ли деле так неприступны были ее укрепления, в самом ли деле так грозны были ее пушки?

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Еще в далекие, древние времена в том месте, где в Западный Буг впадает один из его притоков — небольшая речка Мухавец, на пологих холмах, покрытых густыми зарослями берега, возникло славянское поселение, под названием Берестье. Впоследствии это поселение превратилось в довольно значительный и укрепленный город, который, оказавшись сначала под властью Литвы, а потом — Польши, стал называться Брестом или Брест-Литовском.

Город-крепость — постоянный объект борьбы между тремя сильными государствами — русским, польским и литовским, на стыке которых он находился, — такова историческая судьба Бреста на протяжении столетий. За это время не раз появля-

лись под его стенами войска чужеземных завоевателей, не однажды город подвергался грабежу и разрушениям, а его жители — почти поголовному истреблению.

В самом конце XVIII века эти земли снова вошли в состав России. После Отечественной войны 1812 года царское правительство решило превратить Брест в один из главных опорных пунктов русской армии в западных областях страны. Так сто с лишним лет тому назад у слияния Мухавца с Бугом возникла нынешняя Брестская крепость.

Русские военные инженеры, умело используя преимущества местности, создали здесь укрепления, которые были действительно неприступными по тем временам. Массивный земляной вал десятиметровой высоты оградил со всех сторон крепостную территорию, протянувшись в длину на шесть с половиной километров. В толще этого вала были устроены многочисленные казематы и складские помещения, которые могли вместить запасы, необходимые для целой армии. Там, где земляной вал не пролегал по берегу реки, у подножия его были прорыты широкие рвы, заполненные водой из Буга и Мухавца. Эти рвы в сочетании с естественными рукавами рек образовали как бы четыре острова — четыре укрепления, составляющие вместе Брестскую крепость.

Мухавец, который здесь течет прямо на запад, незадолго до впадения в Буг разделяется на два рукава. Омываемый с севера и юга этими двумя протоками, а с юго-запада самим Бугом, в центре крепостной территории лежит небольшой возвышенный островок. Этот остров и стал цитаделью — центральным ядром Брестской крепости.

В отличие от трех других частей крепости, он не был обнесен земляным валом. Зато по всей его внешней окружности тянулось одно непрерывное двухэтажное строение из темно-красного кирпича — здание крепостных казарм, образующее сплошное кольцо, или, как тогда говорили, «рондо».

Пятьсот казематов казарменного здания могли вместить гарнизон численностью в двенадцать тысяч человек со всеми запасами, нужными для жизни и боя этих войск на длительное время. Кроме того, под казармами находились обширные подвалы, а еще ниже подвалов, как бы во втором глубинном этаже, протянулась во все стороны сеть подземных ходов, которые не только соединяли между собой различные участки Брестской крепости, но уходили на несколько километров за пределы крепостной территории.

Толстые, полутораметровые стены казарм успешно могли противостоять снарядам любого калибра. Надежно защищенные этими стенами, стрелки имели возможность почти безнаказанно

обстреливать наступающего неприятеля через узкие прорезы бойниц. Здесь и там на внешней стене казарм полукругом выдавались вперед полубашни с такими же бойницами для флангового обстрела атакующего противника. Двое ворот — Тереспольские и Холмские — в южной части кольцевого здания и большие трехарочные ворота в северной его части глубокими туннелями соединяли внутренний двор казарм с мостами, ведущими к трем другим укрепленным секторам крепости.

Эти три укрепления прикрывали со всех сторон центральную часть — цитадель. Два из них, так называемые Западный и Южный острова, защищали ее с юга. Самое же обширное укрепление, занимавшее почти половину всей крепостной площади, ограждало Центральный остров с севера, охватывая его словно большой подковой, концы которой упирались в Буг и Мухавец.

Ядро крепости было защищено отовсюду. Прежде чем приблизиться к крепостным казармам, осаждающий противник должен был овладеть по меньшей мере одним из трех внешних укреплений. А каждое из этих укреплений, окруженное валом и водой, со своими бастиями и рavelинами, с прочными укрытиями для солдат и орудий, со складами боеприпасов и снаряжения, размещенными в глубине валов, тоже представляло собой настоящую крепость.

В 1842 году строительство было закончено, и над Брестской крепостью был торжественно поднят военный флаг России. Можно было с уверенностью сказать тогда, что над Западным Бугом встала поистине грозная твердыня — одна из самых современных и мощных крепостей. Вопрос заключался лишь в том, надолго ли она останется такой?

В войнах прошлого, когда борьбу вели сравнительно небольшие массы войск, крепости играли очень важную роль. Крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника.

Неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своем тылу, не решался пройти мимо, а вынужден был предпринимать долгую и трудную осаду или блокировать крепость, выделив для этого значительную часть своих сил. Случалось, что порою вся война сводилась к борьбе за овладение теми или иными крепостями.

Фортификация — наука об укреплении местности в военных целях и, в частности, наука о строительстве крепостей. Эта наука развивалась в постоянном и тесном взаимодействии с прогрессом военной техники вообще.

Особенно же сильное влияние на крепостное строительство оказывало развитие артиллерии, и можно сказать, что в

известном смысле пушки не только разрушали, но и создавали крепости.

Артиллерия властно диктовала инженерам свои требования. От калибра снарядов, от их пробивной силы зависели толщина стен крепости и другие особенности ее укреплений. Дальность орудий во многом определяла размеры крепостной территории. Чем дальше летели снаряды, тем дальше вперед приходилось выносить внешние укрепления крепости, чтобы надежно обезопасить от неприятельского огня ее центральное ядро — цитадель. Словом, с момента появления первых пушек история крепостей, по существу, стала историей их борьбы с артиллерией.

В середине прошлого века новая Брестская крепость вполне отвечала требованиям военной техники того времени. Но уже несколько лет спустя Крымская война и оборона Севастополя наглядно показали, что эта техника двинулась дальше и что ни одна из существующих крепостей не может считаться достаточно современной. А вскоре после этого произошла подлинная революция в артиллерии, которая тотчас же повлияла на судьбу крепостей.

Наряду с прежними гладкоствольными пушками появились первые орудия с нарезками в канале ствола. Это резко увеличило как дальность артиллерии, так и точность ее огня. Теперь любая крепость оказывалась уязвимой на всю глубину своей территории: противник, подойдя к ее внешним валам, легко мог обстреливать цитадель.

Военные инженеры принялись искать выход. И они вскоре нашли его, создав так называемые фортовые крепости. Существующие крепости стали обносить поясом фортов — отдельных укреплений, снабженных артиллерией и гарнизоном и вынесенных на несколько километров за пределы внешнего крепостного вала. Таким образом, вокруг крепости создавалось новое оборонительное кольцо — форты своим огнем держали противника в отдалении и тем самым защищали цитадель от артиллерийского огня.

Между тем нарезная артиллерия все больше совершенствовалась и дальность орудий росла. Наступило время, когда это кольцо фортов оказалось недостаточным — центр крепости вновь был под угрозой обстрела.

Не оставалось ничего другого, как снова выдвинуть вперед оборонительные позиции крепости. Вынесенный еще на несколько километров дальше, в дополнение к первому, возникает второй пояс таких же фортов. Впрочем, было ясно, что и его хватит ненадолго: с появлением еще более дальноточных пушек та же проблема с неизбежностью встала бы опять.

Но к этому времени возникло другое обстоятельство, которое и решило окончательно судьбу крепостей.

Эпоха империализма вывела на театры военных действий огромные, многомиллионные массы войск. С ними уже ни в какое сравнение не могла идти ни одна из армий прошлого; даже так называемая «великая армия» Наполеона, которую французский полководец двинул в 1812 году на Москву. И как только появились эти новые большие армии, крепости окончательно утратили свою стратегическую роль. Они уже не могли служить серьезными препятствиями для наступающих войск такой численности. Вражеские армии, вторгшиеся в страну, просто проходили мимо крепостей, попутно блокируя их небольшой частью своих сил и нисколько не задерживая своего наступления. Наоборот, крепости оказывались теперь невыгодными для обороняющейся стороны — необходимость содержать в них гарнизоны отвлекала часть войск от маневренной борьбы на решающих участках фронта, способствовала ненужному дроблению сил. А если добавить к этому неизмеримо возросшую огневую мощь артиллерии и появление такого нового и сильного средства борьбы, как авиация, станет ясно, что судьба крепостей была бесповоротно решена: они отжили свой век.

Первая мировая война застала Брестскую крепость в самом разгаре строительства второго пояса фортов. Однако уже начальные месяцы войны на Западном фронте, где немцы развивали мощное наступление против бельгийских и французских войск, показали русскому командованию, что реконструкция крепостей не спасет их. Самые мощные, самые современные крепости Бельгии и Франции, такие, как Льеж, Намюр, Мобеж, были не в силах остановить или даже надолго задержать наступление германских войск и пали одна за другой в течение нескольких дней.

Это было поучительно, и русское командование извлекло уроки из боев на Западном фронте. Работы в Брестской крепости были прекращены, а ее гарнизон и почти всю артиллерию отправили на фронт. В крепости остались лишь склады, а сама она стала местом формирования резервных дивизий для фронта. Когда же летом 1915 года немцы предприняли наступление на Восточном фронте и подошли к Бресту, большая часть складов была вывезена, а войска, находившиеся в то время в крепости, по приказу командования взорвали часть фортов и укреплений и отошли без боя, оставив Брест противнику. С тех пор и до конца войны Брестская крепость находилась в руках немцев, и именно здесь, в ее стенах, в 1918 году был подписан тяжелый для молодой Советской республики Брестский мир.

После империалистической войны западнобелорусские области стали частью панской Польши, и ее войска хозяйничали в Брестской крепости на протяжении двадцати лет, вплоть до 1939 года, когда земли Западной Белоруссии по праву вошли в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

В Брестскую крепость пришли советские войска. Впрочем, эти старые укрепления в наше время уже невозможно было считать крепостью. В век авиации, танков, мощной артиллерии и тяжелых минометов, в век тротила и тринитротолуола ни земляные валы, ни полутораметровые кирпичные стены не в силах были устоять перед огневой мощью современной армии и не могли служить сколько-нибудь существенным препятствием для наступающих войск. Но зато казармы центральной цитадели и складские помещения, находившиеся в толще валов, вполне можно было использовать для размещения воинских частей и необходимых запасов. Именно в этом смысле, и только в этом смысле, как казарма и склад, Брестская крепость еще продолжала оставаться военным объектом.

Правда, наше командование решило построить на берегу Западного Буга обширный укрепленный район, в который должна была войти и Брестская крепость. Для этого предстояло переоборудовать некоторые крепостные форты, соорудить здесь и там мощные бетонные доты с орудиями и пулеметами, устроить противотанковые рвы и надолбы. В течение 1940 и первой половины 1941 года наши войска усиленно занимались этим строительством, но к началу войны укрепленный район еще не был готов, доты стояли необорудованными, и почти никакой роли в обороне Бреста и крепости эти незавершенные укрепления сыграть не могли.

Даже весь внешний облик Брестской крепости был каким-то удивительно невоенным. Земляные валы уже давно поросли травой и кустарником. Повсюду огромные многолетние тополя высоко вздымали свои густые зеленые кроны. Вдоль берега Мухавца и обводных каналов пышно росли сирень и жасмин, наполнявшие весной пряным запахом всю крепость, и плакучие ивы низко склоняли ветви над темной спокойной водой. Зеленые газоны, спортивные площадки, крепостной стадион, аккуратные домики командного состава, дорожки, посыпанные песком, яркие цветы на клумбах, посаженные заботливыми руками жен командиров, звонкие голоса играющих тут и там детей — все это, особенно в летнее время, придавало крепости совсем мирный облик. Если бы не часовые у туннелей крепостных ворот, не обилие людей в красноармейской форме в крепостном дворе, если бы не пушки, рядами стоявшие на бе-

тонированных площадках, этот зеленый уголок скорее можно было бы принять за парк, чем за военный объект.

Нет, в 1941 году Брестская крепость оставалась крепостью только по названию. И если фронтовая легенда, о которой рассказано в предыдущей главе, содержала правду, то стойкость крепостного гарнизона отнюдь нельзя было объяснить мощью укреплений.

Но, может быть, многочисленным и сильным был сам гарнизон? Может быть, там, за старыми валами и стенами крепости, находились войска, до зубов вооруженные новейшей военной техникой и вполне готовые встретить первый удар врага?

Весной 1941 года на территории Брестской крепости размещались части двух стрелковых дивизий Красной Армии. Это были действительно стойкие, закаленные, хорошо обученные войска, и они день ото дня продолжали совершенствовать свою воинскую выучку в продолжительных и трудных походах, на стрельбах, в постоянных занятиях, на учениях и маневрах.

Одна из этих дивизий — 6-я Орловская Краснознаменная — имела долгую и славную боевую историю. Она была сформирована в декабре 1918 года в Петрограде, в основном из рабочих Путиловского завода. В 1919 году она получила крещение в боях против Юденича и белоэстонцев в районах Нарвы, Ямбурга и Гатчины. А когда Юденич был разгромлен, частям дивизии поручили нести пограничную службу на эстонской границе и вдоль побережья Балтики.

Но уже летом 1920 года ее полки погрузились в эшелоны и отправились на Западный фронт. Там дивизия приняла участие в разгроме белополяков и в составе победоносно наступавших частей Красной Армии достигла подступов к Варшаве.

С окончанием гражданской войны она была размещена в Орле и его окрестностях и именно тогда получила наименование Орловской. А в декабре 1928 года 6-ю дивизию, отмечавшую свое десятилетие, Советское правительство за боевые заслуги перед Родиной наградило революционным орденом Красного Знамени.

Другая, 42-я стрелковая дивизия была сформирована в 1940 году во время финской кампании и уже успела хорошо показать себя в боях на линии Маннергейма. Многих ее бойцов и командиров правительство наградило за доблесть и мужество орденами и медалями. Лучшим в этой дивизии считался 44-й стрелковый полк, которым командовал недавно окончивший Академию имени М. В. Фрунзе майор Петр Гаврилов. Доброволец 1918 года, участник гражданской войны, коммунист почти с двадцатилетним партийным стажем, майор

Гаврилов обладал недюжинными организаторскими способностями, был мужественным, волевым человеком, очень строгим и требовательным командиром, который с большой настойчивостью обучал и воспитывал своих бойцов. Этому человеку в дальнейшем суждено было сыграть выдающуюся роль в организации героической обороны Брестской крепости.

Но если еще весной крепость была довольно густо населена войсками, то уже в начале лета 1941 года полки обеих дивизий, артиллерийские и танковые части были, как всегда, выведены в лагеря, расположенные в окрестностях Бреста. Началась обычная летняя лагерная учеба, шли работы по сооружению укрепленного района на берегу Западного Буга. В крепости остались лишь штабы да дежурные подразделения от полков, большей частью одна-две роты.

Таким образом, в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, гарнизон Брестской крепости был очень небольшим и насчитывал в общей сложности около двух полков пехоты. Если вдобавок учесть, что все это были мелкие подразделения от разных частей, да еще разбросанные по всей крепостной территории и не представлявшие в целом единого слаженного войскового организма, станет понятным, насколько трудной в этих условиях была оборона. Что же касается артиллерии и танков, то их оставалось в крепости совсем мало, и к тому же часть машин и пушек с вечера была разобрана и оставлена так до утра в связи с назначенным на воскресенье смотром боевой техники.

Гитлеровское командование располагало сведениями о численности гарнизона, оставшегося в крепости. И фельдмаршал фон Клюге, который командовал 4-й немецкой армией, наступавшей на Брест, надеялся овладеть цитаделью в первые же часы боев. Чтобы вернее обеспечить этот успех, он решил создать здесь подавляющее превосходство в силах. В приграничную полосу напротив Брестской крепости был выдвинут целый армейский корпус генерала Шрота — три свежие пополненные пехотные дивизии, из которых одна — 45-я дивизия — когда-то первой вошла в горящую Варшаву и в побежденный Париж и пользовалась в германской армии славой одного из лучших соединений, заслужив не раз личное одобрение Гитлера. Этой дивизии теперь предстояло нанести главный удар по Брестской крепости.

Вся корпусная артиллерия Шрота с многочисленными приданными ему артиллерийскими и минометными частями была заранее поднята к крепости и замаскирована в густых зарослях левого берега Буга. Германские генералы были уверены, что уже один этот мощный и неожиданный огневой удар в со-

четании с усиленной бомбежкой с воздуха должен будет сломить дух крепостного гарнизона и пехоте, которая бросится в атаку после артиллерийской подготовки, останется лишь взять в плен ошеломленных и подавленных русских солдат.

У противника было более чем десятикратное превосходство в силах. Это превосходство возрастало во много раз благодаря полной внезапности предательского ночного нападения.

С давних времен германская военщина делала ставку на короткую войну, на так называемую «одноактную победу», достигнутую одним решительным и смертельным для противника ударом. Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен, все создатели военной доктрины мечтали о такой быстротечной войне, и на протяжении десятков лет германский генеральный штаб разрабатывал свои военные планы, исходя из подобной «мгновенной» победы над будущими противниками. При этом важнейшее значение придавалось внезапности нападения, в которой немецкие военные теоретики видели ключ к достижению быстрой победы в войне.

Гитлеровские генералы были прямыми наследниками и верными продолжателями теоретиков агрессивного германского милитаризма. Теория «блицкрига» — молниеносной войны — стала краеугольным камнем всей их деятельности и легла в основу всех многочисленных захватнических планов, которые они не только разрабатывали в тиши кабинетов, но и пытались, не без успеха, практически осуществлять на полях сражений Европы.

«План Барбаросса» тоже был планом молниеносной, скоротечной войны, и внезапность нападения составляла один из главных его элементов. Заключив с Советским Союзом договор о ненападении, усыпляя бдительность советских людей миролюбивыми заверениями, гитлеровская Германия в глубокой тайне готовила свое злодейское нападение.

Скрытно, главным образом под покровом ночной темноты, выдвигались к границе пехотные и танковые дивизии, артиллерия. По ночам в приграничной полосе устанавливались орудия и танки, тщательно замаскированные кустарником. Ожилась тайная гитлеровская агентура в пограничных районах Советского Союза. Фашистская разведка то и дело перебрасывала через наш государственный рубеж шпионов и диверсантов.

В районе Бреста гитлеровские агенты действовали особенно активно. В последние дни перед войной наши пограничники нередко задерживали здесь шпионов. 21 июня вечером в городе и даже в крепости появились немецкие диверсанты, переодетые в форму советских бойцов и командиров и хорошо говорившие

по-русски. Часть из них была якобы переброшена через границу в товарном поезде с грузами, который немцы подали накануне войны на станцию Брест в счет поставок Германии по торговому договору с Советским Союзом. Под покровом ночи эти диверсанты выводили из строя линии электрического освещения, обрезали телефонные и телеграфные провода в городе и крепости, а с первыми залпами войны принялись действовать в нашем тылу.

Но как бы скрытно ни проводил враг свои приготовления, они не могли остаться совершенно незамеченными. О сосредоточении германских войск близ границы сообщала наша разведка. Пограничники, зорко наблюдавшие за прирубежной полосой, доносили, что с каждой ночью в левобережных зарослях поймы Западного Буга появляются все новые, тщательно замаскированные немецкие орудия.

Сведения о зловещих замыслах гитлеровцев приходили и другими путями. По ту сторону Буга жители приграничных польских деревень пристально наблюдали за накоплением немецких войск у государственного рубежа Советского Союза. Иногда германские офицеры и солдаты открыто говорили полякам о предстоящем нападении на СССР. И многие местные жители — настоящие друзья нашей страны — обеспокоенно думали о том, как бы предупредить советское командование о готовящейся войне. Несколько раз смелые польские крестьяне с риском для жизни переплывали Буг и предупреждали пограничников о намерениях фашистского командования.

Все эти сообщения немедленно передавались пограничниками в Москву и докладывались лично Берия, занимавшему тогда пост народного комиссара внутренних дел. Но в ответ на эти тревожные вести всегда следовал один и тот же стандартный приказ: «Усилить наблюдение и не поддаваться на провокации».

Словом, все это позволило врагу в значительной степени осуществить внезапность своего нападения.

Неожиданность первого мощного удара, большое превосходство в силах, полная отмобилизованность и готовность к борьбе уже закаленных в боях войск Гитлера — эти обстоятельства давали фашистской армии неоспоримые преимущества. И именно здесь, на маленьком участке фронта около Брестской крепости, эти преимущества сказались в полной мере. Особенно большим здесь был численный и технический перевес врага, и как раз тут была достигнута полнейшая внезапность нападения.

Итак, в ночь начала войны в Брестской крепости был совсем незначительный и разрозненный гарнизон, не имевший к тому же достаточного вооружения и боевой техники и вдоба-

вок застигнутый врагом врасплох. Значит, дело было не в численности, не в оснащенности войск, не в их боевой готовности. Значит, если фронтовая легенда о Брестской крепости была правдой, оставалось только одно возможное объяснение того, почему так долго и успешно сопротивлялся гарнизон. Его удивительная стойкость могла иметь только одну причину — героическое упорство, воинское мужество и боевое мастерство самих защитников крепости. Видимо, крепче земляных и каменных укреплений, грознее самой мощной боевой техники оказались наши люди — советские воины. И слово «крепость» в этой легенде надо было понимать не в прямом, а, скорее, в переносном смысле. Речь шла о крепости духа советских людей, о крепости воли тех, кто принял на себя этот первый страшный удар врага.

Но кто знал тогда, есть ли правда в этой легенде. Не была ли она просто красивым героическим вымыслом, который создала чья-то богатая фантазия, быть может, для того, чтобы поднять дух, подбодрить людей в тот тяжелый период поражений и неудач?

Только время могло ответить на этот вопрос. И оно ответило.

ЛЕГЕНДА СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ

Прошло девять месяцев с начала войны. Остались позади трудные дни первых неудач и поражений. Враг был остановлен на ближних подступах к Москве, и зимою Красная Армия нанесла ему здесь мощный удар, разгромив и отбросив на запад войска противника. Почти одновременно гитлеровская армия потерпела поражения на севере и на юге — под Тихвином и Ростовом. Зимой и весной 1942 года на ряде участков фронта инициатива перешла к советским войскам.

В неослабевающем напряжении этой борьбы, в цепи тяжелых битв, среди новых суровых испытаний постепенно поблекла в памяти людей и, казалось, навсегда ушла в прошлое фронтовая легенда о крепости над Бугом, родившаяся в первые месяцы войны. И вдруг совершенно неожиданно люди снова вспомнили о Брестской крепости, и старая легенда сразу превратилась в волнующую героическую быль.

В марте 1942 года на одном из участков фронта в районе Орла наши войска разгромили 45-ю пехотную дивизию противника. При этом был захвачен архив штаба дивизии. Разбирая документы, захваченные в немецком архиве, наши офицеры обратили внимание на одну весьма любопытную бумагу. Этот документ назывался «Боевое донесение о занятии Брест-Литов-

ска», и в нем день за днем гитлеровцы рассказывали о ходе боев за Брестскую крепость.

Вопреки воле немецких штабистов, которые, естественно, старались всячески превознести действия своих войск, все факты, приводимые в этом документе, говорили об исключительном мужестве, о поразительном героизме, о необычайной стойкости и упорстве защитников Брестской крепости. Как вынужденное, невольное признание врага звучали последние, заключительные слова этого донесения.

«Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови,— писали штабные офицеры противника.— Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брестской крепости. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

Таково было признание врага.

Это «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» было переведено на русский язык, и выдержки из него опубликованы в 1942 году в газете «Красная звезда». Так, фактически из уст нашего врага, советские люди впервые узнали некоторые подробности замечательного подвига героев Брестской крепости. Легенда стала былью.

Прошло еще два года. Летом 1944 года, во время мощного наступления наших войск в Белоруссии, Брест был освобожден. 28 июля 1944 года советские воины, впервые после трех лет фашистской оккупации, вошли в Брестскую крепость.

Почти вся крепость лежала в развалинах. По одному виду этих страшных руин можно было судить о силе и жестокости происходивших здесь боев. Эти груды развалин были полны сурового величия, словно в них до сих пор жил несломленный дух павших борцов 1941 года. Угрюмые камни, местами уже поросшие травой и кустарником, избитые и выщербленные пулями и осколками, казалось, впитали в себя огонь и кровь былого сражения, и людям, бродившим среди развалин крепости, невольно приходила на ум мысль о том, как много видели эти камни и как много сумели бы рассказать, если бы произошло чудо и они смогли заговорить.

И чудо произошло! Камни вдруг заговорили! На уцелевших стенах крепостных строений, в проемах окон и дверей, на сводах подвалов, на устоях моста стали находить надписи, оставленные защитниками крепости. В этих надписях, то безымянных, то подписанных, то набросанных второпях карандашом, то просто нацарапанных на штукатурке штыком или пулей, бойцы заявляли о своей решимости сражаться насмерть, посы-

ляли прощальный привет Родине и товарищам, говорили о преданности народу и партии. В крепостных руинах словно зазвучали живые голоса безвестных героев 1941 года, и солдаты 1944 года с волнением и сердечной болью прислушивались к этим голосам, в которых были и гордое сознание исполненного долга, и горечь расставания с жизнью, и спокойное мужество перед лицом смерти, и завет о мщении.

«Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22/VI 1941. Умрем, но не уйдем!» — было написано на кирпичках наружной стены близ Тереспольских ворот.

В западной части казарм в одном из помещений была найдена такая надпись: «Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умрем как герои. Июль 1941».

В центре крепостного двора стоит полуразрушенное здание церковного типа. Здесь действительно была когда-то церковь, а впоследствии, перед войной, ее переоборудовали в клуб одного из полков, размещенных в крепости. В этом клубе, на площадке, где находилась будка кинемеханика, на штукатурке была выцарапана надпись: «Нас было трое москвичей — Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву: умрем, но не уйдем отсюда. Июль 1941».

Эту надпись вместе со штукатуркой сняли со стены и перенесли в Центральный музей Советской Армии в Москве, где она сейчас хранится. Ниже, на той же стене, находилась другая надпись, которая, к сожалению, не сохранилась, и мы знаем ее только по рассказам солдат, служивших в крепости в первые годы после войны и много раз читавших ее. Эта надпись была как бы продолжением первой: «Я остался один, Степанчиков и Жунтяев погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся. Товарищи, отомстите за нас!» Слова эти были выцарапаны, видимо, последним из трех москвичей — Ивановым.

Заговорили не только камни. В Бресте и его окрестностях, как оказалось, жили жены и дети командиров, погибших в боях за крепость в 1941 году. В дни боев эти женщины и дети, застигнутые в крепости войной, находились в подвалах казарм, разделяя все тяготы обороны со своими мужьями и отцами. Сейчас они делились воспоминаниями, рассказывали много интересных подробностей памятной обороны.

И тогда выяснилось удивительное и странное противоречие. Немецкий документ, о котором я говорил, утверждал, что крепость сопротивлялась девять дней и пала к 1 июля 1941 года. Между тем многие женщины вспоминали, что они были захвачены в плен только 10, а то и 15 июля, и когда гитлеровцы

выводили их за пределы крепости, то на отдельных участках обороны еще продолжались бои, шла интенсивная перестрелка. Жители Бреста говорили, что до конца июля или даже до первых чисел августа из крепости слышалась стрельба и гитлеровцы привозили оттуда в город, где был размещен их армейский госпиталь, своих раненых офицеров и солдат.

Таким образом, становилось ясно, что немецкое донесение о занятии Брест-Литовска содержало заведомую ложь и что штаб 45-й дивизии противника заранее поспешил сообщить своему высшему командованию о падении крепости. На самом же деле бои продолжались еще долго.

Правда, прямых доказательств этого на первых порах не было. Но вот в 1950 году научный сотрудник московского музея, исследуя помещения западных казарм, нашел еще одну надпись, выцарапанную на стене. Надпись эта была такой: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» Подписи под этими словами не оказалось, но зато внизу стояла совершенно ясно различимая дата — «20 июля 1941 года». Так удалось найти прямое доказательство того, что крепость продолжала сопротивление еще на 29-й день войны. Историки с этих пор стали считать, что гарнизон сражался 29 дней, хотя очевидцы стояли на своем и уверяли, что бои шли больше месяца.

После войны в крепости производили частичную разборку развалин и при этом под камнями нередко находили останки героев, обнаруживали их личные документы, оружие. Останки героев торжественно предавали земле на брестском гарнизонном кладбище, а их оружие и документы становились экспонатами наших музеев.

Так, в 1949 году при разборке развалин Тереспольской башни-цитадели под камнями были найдены останки защитника крепости молодого лейтенанта Алексея Наганова. В кармане полуистлевшей гимнастерки сохранился его комсомольский билет, который и дал возможность установить личность погибшего.

Рядом с Нагановым лежал его пистолет. В обойме оружия осталось три патрона. Четвертый патрон был в канале ствола, а курок пистолета стоял на боевом взводе, свидетельствуя о том, что отважный комсомолец погиб сражаясь. Жители Бреста с почестями похоронили останки лейтенанта, и именем Алексея Наганова была названа одна из улиц города.

В ноябре 1950 года под развалинами одного из участков казарм был обнаружен так называемый «Приказ № 1», вернее, его остатки. Это были три обрывка бумаги, второпях исписанные карандашом, — боевой приказ, который 24 июня 1941 года набросали командиры, возглавлявшие оборону центральной

крепости. «Приказ № 1», по существу, остался до настоящего времени единственным документом, относящимся к Брестской обороне, которым располагают историки. Из этого приказа мы впервые узнали фамилии руководителей обороны центральной цитадели: полкового комиссара Фомина, капитана Зубачева, старшего лейтенанта Семененко и лейтенанта Виноградова.

Несколько позже удалось установить, что не все участники обороны Брестской крепости погибли, а кое-кто из них остался в живых. Эти люди, в большинстве своем тяжело раненные или контуженные, попали во вражеский плен и перенесли все ужасы фашистских концлагерей. Некоторым из них посчастливилось бежать из плена, и они сражались в отрядах партизан, а потом в рядах Советской Армии. Теперь они вспоминали отдельные эпизоды обороны, рассказывали о том, как шла борьба, называли фамилии своих боевых товарищей. Картина начала проясняться.

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Вскоре после войны в газетах и журналах появились первые статьи, посвященные обороне Брестской крепости. К сожалению, материал тогда был еще весьма скуден, известно об обстоятельствах обороны было очень мало. Поэтому в этих статьях, как выяснилось потом, содержались ошибки и неточности.

Одним из первых обратился к теме героической обороны Брестской крепости наш известный художник-баталист П. А. Кривоногов. В 1950 году он поехал в Брест, длительное время жил в крепости, беседовал с очевидцами боев, делал многочисленные этюды и наброски. Год спустя появилась его талантливая и сейчас широко известная картина «Защитники Брестской крепости». Нужно сказать, что на этом полотне, где изображен момент боя у Тереспольских ворот цитадели, тема героической обороны получила яркое и правдивое воплощение. Многие участники боев за крепость, которых впоследствии удалось найти, не раз говорили мне, что они не могут без большого волнения смотреть эту картину и что художник сумел глубоко проникнуть в существо событий и хорошо передать напряженность борьбы и героический дух памятной обороны.

Потом появилась пьеса белорусского драматурга Константина Губаревича «Брестская крепость», которая до сих пор идет на сцене ряда театров. И все же следует признаться, что мы долгое время мало знали об обстоятельствах боев за Брестскую крепость.

Так, во всяком случае, было до 1954 года, когда у меня возник замысел написать книгу о Брестской обороне. В обращении к этой теме была и закономерность и известная случайность. Закономерность заключалась в том, что я уже несколько лет писал о событиях Великой Отечественной войны, только недавно закончил свою последнюю книгу «Сталинград на Днепре» — о Корсунь-Шевченковской битве — и искал новую тему, к которой я мог бы обратиться после этой моей работы. Я уже начал подумывать о том, чтобы написать книгу, посвященную обороне городов-героев Одессы и Севастополя, как вдруг один случайный разговор заставил меня изменить свои планы.

Однажды ко мне пришел мой товарищ, писатель Герман Нагаев. Он расспросил меня, над чем я собираюсь работать в дальнейшем, и вдруг сказал:

— Вот написали бы вы книжку про оборону Брестской крепости. Это был необычайно интересный эпизод войны.

И тогда я вспомнил, что год или два назад мне попал на глаза очерк писателя М. Л. Златогорова о героической обороне Брестской крепости. Он был напечатан в «Огоньке», а потом помещен в одном сборнике, выпущенном в Военном издательстве Министерства обороны СССР. После разговора с Нагаевым я разыскал у себя этот сборник и снова перечитал очерк Златогорова.

Должен сказать, что тема Брестской крепости как-то сразу захватила меня. В ней ощущалось присутствие большой и еще не раскрытой тайны, открывалось огромное поле для изысканий, для нелегкой, но увлекательной исследовательской работы. Чувствовалось, что эта тема насквозь проникнута высоким человеческим героизмом, что в ней как-то особенно ярко проявился героический дух нашего народа, нашей армии. И я начал работу над книгой об обороне Брестской крепости.

Литератору, который берется за историческую тему, приходится сначала обращаться к печати, перечитывая все, что содержится по интересующему его вопросу в книгах, газетах, журналах. Я прежде всего изучил статьи, которые были в свое время помещены в белорусской печати. Писал их один партийный работник Белоруссии, бывший секретарь Брестского обкома партии Н. И. Красовский. После войны он снова приехал работать в Брест и тогда начал записывать воспоминания некоторых участников и очевидцев обороны крепости, послужившие материалом для его статей.

Статьи Красовского содержали лишь самые общие сведения о событиях в крепости, в них упоминалось лишь несколько фамилий погибших героев обороны, и, как впоследствии выяс-

пилося, не все в них было фактически верным. Но отправной точкой они могли послужить.

Я обратился снова к очерку Златогорова. Этот очерк я опять внимательно проштудировал, а потом позвонил его автору, Михаилу Львовичу Златогорову, и спросил, не может ли он передать мне те материалы, которые остались у него после поездки в Брест.

Златогоров ответил, что материалов было очень мало и все, что он тогда собрал, целиком вошло в написанный им очерк. Но он тут же вспомнил, что, после того как в 1952 году этот очерк был напечатан в «Огоньке», один из участников обороны Брестской крепости вскоре прислал в редакцию журнала свое письмо. Он уже забыл фамилию этого человека, но сказал, что пороется в своем архиве, где должна храниться копия письма, и если найдет ее, то передаст мне.

Изучив весьма немногочисленные печатные источники, я обратился к источникам музейным, и прежде всего, конечно, к материалам, которые хранятся в крупнейшем нашем военном музее — в Центральном музее Советской Армии в Москве. Я пришел туда, посмотрел экспонаты, выставленные в залах музея, а затем познакомился со всеми документами, которые хранятся в его фондах.

К сожалению, и там нужного мне материала оказалось очень немного. Естественно, что чисто музейные экспонаты меня интересовали меньше, чем всевозможные документы, относящиеся к обороне крепости, а таких документов, по существу, не было.

Но все же в фондах музея я нашел два или три интересных письма бывшего участника обороны Александра Филя, который до войны служил в крепости писарем в штабе полка, а теперь находился в Якутии и работал там на Алданских золотых приисках.

В своих письмах Филь подробно освещал события первых дней обороны на одном из участков Брестской крепости, сообщал кое-что о своих боевых товарищах, о командирах. Он, например, рассказывал о том, как в самом начале войны, когда крепость была внезапно разбужена грохотом канонады, когда кругом рвались снаряды и бомбы и люди, неожиданно проснувшиеся среди огня и смерти, не могли в первый момент не поддаться известной растерянности, — как в это самое время полковой комиссар Ефим Фомин, оказавшийся в расположении своей части, принял на себя командование подразделениями, которые находились в центральной крепости. Комиссар собрал и организовал бойцов и тут же поручил своему ближайшему помощнику, комсору полка, заместителю политрука Самвелу

Матевосяну возглавить первую контратаку. Матевосян обратился к бойцам с горячим призывом выполнить свой воинский долг, а затем во главе своих комсомольцев бросился в штыковую атаку. Это был первый серьезный удар по противнику — Матевосян и его бойцы уничтожили отряд автоматчиков, прорвавшийся в центр цитадели. С этого удара, собственно говоря, и начинается героическая оборона Брестской крепости.

Филь писал, что вскоре Матевосян был тяжело ранен, отнесен в подвалы крепости вместе с другими ранеными и там погиб. В дальнейших боях Филь сражался рядом с руководителями обороны — полковым комиссаром Фоминым и капитаном Зубачевым, который на третий день войны принял на себя командование всеми подразделениями, сражавшимися в центре крепости.

Однако, к моему огорчению, в музее мне сказали, что Филь прислал свое последнее письмо в 1952 году и с тех пор перестал отвечать на все запросы. Казалось, эта первая ниточка безнадежно оборвалась. Я попробовал ее восстановить и написал Филью два письма, но не получил ответа ни на первое, ни на второе.

ИНЖЕНЕР САМВЕЛ МАТЕВОСЯН

Тем временем М. Л. Златогоров не забыл своего обещания и вскоре позвонил мне, сообщив, что он нашел в своих архивах копию письма, присланного в журнал «Огонек». Мы встретились с ним, и он передал мне это письмо. Каково же было мое удивление, когда я увидел на листке подпись: «Самвел Матевосян». Это был тот самый комсорг полка Матевосян, который стал ближайшим помощником комиссара Фомина в первые дни боев в крепости и, по словам Филья, позднее погиб. Здесь же в письме был и его нынешний адрес. Он жил в Ереване, работал в качестве инженера-геолога и возглавлял изыскательскую экспедицию, занимавшуюся разведкой полезных ископаемых в горах Армении.

Я написал Матевосяну по этому адресу, запрашивая его, будет ли он летом 1954 года в Ереване, с тем чтобы я мог приехать туда к нему и подробно записать его воспоминания об обороне крепости. Отослав письмо, я с нетерпением стал ждать ответа.

Прошла неделя, другая, месяц — ответа не было. Тогда я написал в Ереван одной своей знакомой, армянской писательнице Норе Адамян, прося ее зайти на квартиру к Матевосяну и узнать, не переехал ли он куда-нибудь в другое место.

Вскоре я получил ответ от Н. Г. Адамян. Оказалось, что Матевосян живет на прежнем месте, — она была у него и виделась с ним. Его долгое молчание объяснялось тем, что Матевосян последнее время находился в горах со своей экспедицией и поэтому не мог мне своевременно ответить.

Вслед за тем пришло письмо от самого Матевосяна. Он сообщил мне, что ждет моего приезда.

Первого августа 1954 года я приехал в Ереван и увиделся с Матевосяном. Он оказался плотным, приземистым, крепко сколоченным человеком с наголо остриженной головой, с очень живыми карими глазами, быстрый, энергичный, порывистый в движениях.

Мы с ним тут же с увлечением начали говорить о событиях в крепости. Но потом Матевосян спохватился и сказал, что поскольку сегодня воскресенье, то следует отложить все деловые разговоры на завтра, а сейчас он предлагает поехать за несколько десятков километров от Еревана, туда, где в горах лежит знаменитое озеро Севан, и там искупаться.

На Севан мы поехали на машине втроем, вместе с непосредственным начальником Матевосяна — управляющим геологическим трестом, в котором он работал, — старым коммунистом и видным армянским хозяйственником Е. М. Арутюняном. И вот когда там, на пляже, под жгучим горным солнцем, мы все трое разделись, я обратил внимание на тело Матевосяна. Оно было сплошь иссечено рубцами боевых ран.

Боевой, да и весь жизненный путь Матевосяна заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробно.

Он был выходцем из большой и бедной армянской семьи, бежавшей в Советскую Армению из области Карс, захваченной турками в годы гражданской войны. Советская власть дала ему возможность получить высшее образование — Матевосян учился в Институте цветных металлов и золота в Москве и в 1936 году стал инженером.

На всю жизнь со студенческих лет запомнилась ему короткая беседа с Серго Орджоникидзе, который в то время занимал пост народного комиссара тяжелой промышленности СССР. Собрав в своем кабинете группу студентов-дипломников, нарком спросил их, где они собираются работать после окончания института. И когда Матевосян сказал, что он намерен вернуться к себе на родину — в Армению, товарищ Орджоникидзе горячо одобрил его замысел и объяснил, что народному хозяйству страны особенно нужны молодые инженеры в братских республиках, где предстоит быстрое развитие промышленности.

Матевосян выполнил свое намерение. В 1939 году он уже работал начальником группы рудников Кафанского комбината

в Армении. В это время произошли известные события на реке Халхин-Гол, где войска империалистической Японии напали на дружественную нам Монгольскую Народную Республику, и партия обратилась к комсомольцам с призывом вступать в ряды Красной Армии.

В числе первых молодых кафанцев, горячо откликнувшихся на этот призыв, был горный инженер Самвел Матевосян. И той же осенью под звуки оркестра и веселых комсомольских песен из Кафана отправился эшелон — несколько сот молодых рабочих, инженеров и служащих рудника ехали добровольцами в армию. Через весь Кавказ, через степи Дона и Украины, через бескрайние русские поля, через густые леса Белоруссии шел эшелон. Местом его назначения оказалась последняя станция у западной границы Советского Союза — город Брест, совсем недавно ставший советским городом.

Там, в Бресте, Матевосян и его товарищи начали свою военную службу. Молодой инженер сразу показал себя старательным, дисциплинированным бойцом. Хороший спортсмен, он уже имел необходимую физическую закалку и легко переносил все трудности воинской учебы — дальние походы, стремительные многокилометровые броски, ночные учения, всю суровую и напряженную жизнь солдата. Политически развитый, образованный человек, он вскоре завоевал среди товарищей настоящее уважение, подлинный авторитет вожака молодежи. И несколько месяцев спустя комсомольцы 84-го стрелкового полка единодушно избрали секретарем полкового бюро ВЛКСМ Самвела Матевосяна. Матевосяну присвоили звание заместителя политрука, а в 1940 году он был принят в ряды партии.

Война, как я уже говорил, застала его в крепостных казармах. С первых ее минут он стал одним из руководителей обороны на участке 84-го полка — ближайшим помощником полкового комиссара Фомина. Уже в этот первый день, убедившись в смелости и мужестве Матевосяна, Фомин приказал ему надеть свою вторую, запасную гимнастерку со знаками различия полкового комиссара. В крепости было мало старших командиров, и комиссар заявил бойцам, что он от имени командования присваивает временно Матевосяну это высокое звание и назначает его своим первым заместителем. С тех пор и до того момента, как он вышел из строя, Матевосян руководил боями на важном участке обороны центральной крепости, непосредственно участвуя и во всех контратаках.

Уже в первый день он был дважды ранен. Сначала пуля немецкого автоматчика, выстрелившего почти в упор, рассекла ему кожу на голове. Потом гитлеровский офицер, с которым Матевосян схватился врукопашную, изрезал ему кинжалом

спину. Но это были легкие раны, и комсорг, перевязав их, продолжал сражаться бок о бок с бойцами.

На третий день, когда Матевосян с товарищами отбивал атаку врага у трехарочных ворот, осколок немецкого снаряда вырвал ему часть бедра. Матевосяна в тяжелом состоянии перенесли в крепостной подвал, и там спустя много дней без сознания он был захвачен фашистами в плен.

Гитлеровцы отправили его в лагерь для военнопленных, который они организовали в Южном военном городке Бреста. В этом лагере, где ежедневно умирали сотни людей, тем не менее был свой госпиталь, в котором наши же военнопленные врачи лечили раненых бойцов и командиров. Матевосян пробыл там три месяца и, как только рана его немного зажила и он смог ходить, сейчас же начал готовить побег.

Глубокой осенью 1941 года шестеро пленных бойцов и командиров во главе с Матевосяном, переодевшись в гражданскую одежду, ночью подползли под колючую проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса. Вскоре после этого Матевосян оказался в рядах партизанского отряда, который действовал на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Он участвовал в боевых операциях партизан и во время одной стычки с гитлеровцами был снова тяжело ранен.

Уходя от карателей, партизаны оставили его до выздоровления в украинской деревне, в крестьянской семье. Там Матевосян поправился; потом ему пришлось скрываться от полицейев, и в конце концов он пришел в город Луцк, где устроился работать в артель по ремонту обуви, так как когда-то знал немного сапожное ремесло.

Он вскоре же принял участие в деятельности луцких подпольщиков и стал одним из их руководителей. А когда в начале 1944 года Советская Армия подошла к Луцку, подпольщики во главе с Матевосяном подняли восстание в центральных кварталах, дезорганизовали этим оборону противника и помогли нашим войскам быстрее овладеть городом.

После этого Матевосян был направлен на офицерские курсы, вскоре закончил их и снова вернулся на фронт уже в звании лейтенанта и в должности командира гвардейской штурмовой роты.

Больше года Матевосян сражался на фронте, пройдя с этой гвардейской ротой славный боевой путь. Он был еще трижды ранен, получил два ордена — Отечественной войны и Красной Звезды, был представлен к званию Героя Советского Союза, (хотя и не получил его), участвовал в штурме Берлина и закончил войну, расписавшись на стене рейхстага.

После войны он демобилизовался и уехал домой, в Армению, вернувшись к своей работе по специальности.

В Ереване мы с Матевосяном напряженно работали в течение нескольких дней; я подробно записывал его воспоминания. И вот во время этих бесед у нас возникла мысль побывать вдвоем в Брестской крепости. Там, на месте, Матевосян смог бы гораздо лучше вспомнить обстоятельства обороны и наглядно показать мне, где что происходило.

Но Матевосян был инженером, ответственным работником и не мог совершить такое путешествие самостоятельно, без разрешения начальства. К счастью, его начальник Е. М. Арутюнян с готовностью пошел нам навстречу и предоставил Матевосяну отпуск для поездки в Москву и Брест.

ПОЕЗДКА В КРЕПОСТЬ

Мы расстались в Ереване. Я уехал в Москву, а Матевосян перед поездкой должен был еще побывать в горах, где работала его геологическая экспедиция, и отдать распоряжения на время своего отсутствия. Но уже через несколько дней я встречал его в столице, на Внуковском аэродроме.

В Брест мы отправились втроем. Вместе с нами из Москвы туда поехала научный сотрудник Центрального музея Советской Армии Т. К. Никонова, уже занимавшаяся темой обороны Брестской крепости. Впрочем, мне пришлось по дороге на время отделиться от своих спутников и сделать остановку в Минске. Там, как выяснилось, жил еще один бывший защитник крепости — Александр Иванович Махнач, и я решил повидаться с ним и пригласить его присоединиться к нам в Бресте.

Махнач работал в редакции республиканской белорусской газеты «Літаратура і мастацтва». Он оказался совсем еще молодым художавым человеком с бледным и очень нервным лицом, по которому то и дело пробегала как бы легкая судорога боли, когда он начинал рассказывать обо всем, что пришлось ему пережить в крепости и позднее, в гитлеровском плену. Махнач был коренным белорусом; в речи его все время звучал типичный народный говор, и он часто вставлял в свой рассказ белорусские слова и выражения.

В крепость он попал накануне грозных июньских событий 1941 года. Девятнадцатилетний лейтенант, только что окончивший пехотное училище, он за неделю до войны вместе с группой товарищей-выпускников получил направление в Брест. Здесь его назначили командиром взвода в 455-й стрелковый

полк, и он сразу же с увлечением принялся за свою новую командирскую работу.

С доброй и застенчивой улыбкой, с глубоким внутренним волнением и какой-то подкупающей откровенностью рассказывал Махнач о том, что довелось ему испытать в первое утро войны. В ту ночь он спал вместе с бойцами в казармах своей роты и проснулся на рассвете от оглушительного грохота, когда вокруг в полутьме сверкали вспышки взрывов, свистели осколки снарядов, с потолка падала штукатурка, а рядом, на дощатых нарах, уже стонали раненные. Все это было так непередаваемо страшно, что еще не совсем очнувшийся от сна молодой лейтенант в ужасе кинулся... под нары. Только несколько минут спустя он опомнился, и ему стало нестерпимо стыдно за этот слепой страх. Он торопливо вылез из своего убежища и стал собирать бойцов.

На этом участке кольцевого здания казармы были разделены на глухие отсеки, не сообщавшиеся между собой. Выйти во двор крепости было невозможно, — враг бешено обстреливал все вокруг. Махначу и его бойцам пришлось пробивать кирпичную стену, чтобы соединиться с соседними ротами. А потом молодой лейтенант вместе с другими командирами организовал оборону, расставляя пулеметчиков и стрелков. Весь первый день они отбивали атаки гитлеровцев, и Махнач видел вокруг себя только кровь, смерть, гибель товарищей и впервые сам стрелял и убивал врагов.

На второй день бойцы 455-го полка обнаружили в своем расположении уцелевший склад боепитания и добыли оттуда новенькие, еще в заводской смазке автоматы, завезенные в крепость перед самой войной. Махначу до сих пор не приходилось пользоваться этим оружием, и он, выбрав момент затишья, осторожно выполз наружу, чтобы потренироваться в стрельбе из автомата.

Выпустив две-три очереди по дереву, стоявшему у берега Мухавца, он было собрался вернуться назад, как вдруг резкая, острая боль пронизала его ногу, и он услышал выстрел, раздавшийся позади. Мгновенно обернувшись, он заметил человека, который целился в него, лежа за большим камнем, и не раздумывая вскинул автомат. Раздалась очередь, и стрелок за камнем бессильно поник головой. Лишь тогда Махнач увидел, что этот стрелок одет в красноармейскую форму.

«Своего убил!» — мелькнуло у него.

С трудом преодолевая боль в простреленной ноге, Махнач подполз к камню, чтобы оказать помощь неизвестному бойцу. Однако тот, видимо, был убит — пуля пробила ему голову. Махнач расстегнул ворот его красноармейской гимнастерки, чтобы

послушать, бьется ли сердце, и невольно отшатнулся. Под гимнастеркой оказался зеленый мундир фашистского солдата. Это был гитлеровский диверсант, переодетый в нашу форму. Назов Махнач из казармы прибежали его товарищи. Рана лейтенанта была очень тяжелой: пуля, войдя в пятку, пронизала ему ногу до колена. Махнач уже не мог сражаться, и его отнесли в подвал к раненым. Там он провел несколько дней, уже не участвуя в событиях и лишь отрывочно узнавая о ходе обороны от бойцов и командиров, иногда забежавших сюда проведать раненых друзей.

Силы защитников крепости постепенно иссякали, и отчаянья, во время сильной атаки врага на участке 455-го полка, кто-то из командиров, заглянув в подвал, крикнул:

— Все, кто может стрелять, выходи на оборону! Иначе не сдержим.

Раненые один за другим кое-как выбирались из подвала. Выполз в казарму и Махнач. Первое, что он увидел, был станковый пулемет с заправленной лентой около дверей и лежащий рядом ничком убитый минута назад пулеметчик. Лейтенант отодвинул тело бойца в сторону и взялся за рукоятки «максима». В памяти остались набегавшие плотной цепью зеленые фигуры врагов и злой торопливый стук его пулемета. Потом последние силы оставили его, и Махнач потерял сознание.

Он очнулся уже в плену. Гитлеровцы поместили его в лагерь Южного военного городка в Бресте, где был и Матевосян. Там военный врач из крепости, опытный пожилой хирург Иван Маховенко, извлек ему из ноги гитлеровскую пулю. С этой раной, не заживавшей в течение нескольких лет, Махнач прошел через фашистские лагеря вплоть до дня освобождения, наступившего в 1945 году. Ногу ему вылечили только на Родине, но легкая хромота осталась на всю жизнь.

После войны Махнач сначала работал сельским библиотекарем, в одном из сел Минской области, а потом стал писать одноактные пьесы на белорусском языке, был принят студентом-заочником в Литературный институт имени Горького в Москве и переехал жить в Минск, поступив на работу в редакцию.

Когда я предложил ему съездить в Брест, Махнач с радостью согласился. Редакция дала ему командировку, и два дня спустя они, как братья, обнялись с Матевосяном на брестской земле.

Трудно передать впечатление, которое осталось у нас от первого посещения Брестской крепости. Мы с Никоновой пристально наблюдали за Матевосяном и Махначом. С глазами, полными слез, с нескрываемым душевным волнением, они хо-

дили по этим развалинам, поросшим травой и кустами, там, где тринадцать лет назад пролилась их кровь, где они потеряли столько боевых товарищей, где они так много пережили...

Вскоре после нашего приезда в крепости состоялась встреча бойцов и командиров Брестского гарнизона с участниками героической обороны 1941 года.

Несколько сот человек собралось на центральном дворе крепости в этот ясный августовский день 1954 года. Сюда пришел кое-кто из жителей Бреста, приехали на машинах воины Брестского гарнизона — молодые солдаты первых лет службы, которые были еще детьми в годы Великой Отечественной войны, и заслуженные офицеры-фронтовики, у которых на груди блестели боевые ордена и медали за Москву и Сталинград, за Будапешт, Вену и Берлин.

Люди расположились большим полукругом прямо на траве в центре крепостного двора. За их спинами высилось полуразрушенное, иссеченное пулями и осколками здание старой церкви, где когда-то помещался один из полковых клубов Брестской крепости. Суров и мрачен был вид этого массивного строения со стенами, сплошь искромсанными железом, с пустыми проемами окон, со снесенным куполом, где на грудах слежавшихся камней уже зеленела трава и пробивался кустарник. Слева высились кучи бесформенных развалин, справа, у слияния Мухавца с Бугом, виднелись остатки Тереспольских ворот и тянулись темно-красные кирпичные коробки разрушенных кольцевых казарм.

Тут же, на траве, поставили скамьи и длинный стол, за который сели несколько мужчин и женщин. Это были те, кто тринадцать лет назад пережил здесь, в стенах крепости, трагические и героические дни славной обороны.

Вместе с защитниками крепости сюда пришли дочь погибшего здесь командира батальона капитана Владимира Шабловского Таня, студентка местного медицинского техникума, и жены командиров — Аршинова-Никитина и Булыгина, которые в дни обороны находились со своими детьми в крепостных подвалах, ухаживая за ранеными. Сейчас все они живут в Бресте.

С напряженным вниманием, со слезами на глазах слушали собравшиеся рассказ о грозных событиях 1941 года в крепости. Матевосян и Махнач говорили о подвигах своих боевых товарищей, об их стойкости и упорстве в неравной борьбе, о неукротимой ненависти к врагу и горячей любви к Родине, помогавшей защитникам цитадели вынести все нечеловеческие трудности этой борьбы. Образы героев ярко вставали перед

слушателями, и молодые солдаты со строгими, суровыми лицами внимали этому рассказу о славных делах своих отцов и старших братьев.

А потом по просьбе молодых воинов участники обороны повели их по развалинам крепости, показывая места, где сражались они в те памятные дни.

— Вот тут меня тяжело ранило, когда мы отбивали атаку фашистов,— говорил Матевосян, выходя на бетонный мост через Мухавец.

И люди как-то по-новому смотрели на этот мост, бок которого был разворочен снарядами и погнутые прутья арматуры торчали из бетона во все стороны. Они вдруг замечали и то, как выщерблена осколками его бетонная поверхность, и то, что перила его, сделанные из железных труб, на каждом метре пробиты десятками пуль.

— Вот здесь был отсек, в котором мы поместили своих раненых,— показывал Махнач, подходя к уже поросшим травой развалинам северной части казарм.— Сюда ворвался немецкий танк и начал давить всех,— добавил он.

И сразу хмурились лица молодых солдат, и невольно сжимались их кулаки при упоминании о страшном злодействе гитлеровских танкистов.

Матевосян повел большую группу бойцов к руинам большого здания, которое когда-то поручил ему оборонять комиссар Фомин. Здесь осталась лежать только высокая груда камней, но вокруг развалин еще кое-где сохранились остатки старой бетонной ограды с толстыми железными прутьями прежней решетки. Укрываясь за этой оградой, Матевосян со своими бойцами огнем отбивал атаки автоматчиков. Но теперь ограда стала совсем низкой, с годами она ушла в землю, и через нее можно было перешагнуть.

Все подошли к углу ограды.

— Тут стоял наш пулемет,— показал Матевосян.— Мы вели отсюда огонь по окнам клуба, где засели фашисты. Я думаю, здесь в земле можно найти много патронных гильз.

Кто-то из солдат принес лопату и принялся копать. И в самом деле, с каждым новым взмахом лопата выбрасывала позеленевшие от времени гильзы калибра наших пулеметов. Но здесь оказались не только гильзы.

Что-то смутно забелело в разрытой земле, и Матевосян, быстро нагнувшись, поднял какой-то предмет. То была часть человеческого черепа. Почти в самой середине кости чернело пулевое отверстие с зазубренными краями. Молча инженер смотрел на эту находку, и лишь лицо его заметно побледнело да чуть-чуть дрожала ладонь, на которой лежала кость.

— Кто-то из наших, — глухо проговорил он. — Фашисты своих похоронили в городе.

Он поднял голову и обвел столпившихся вокруг него солдат глазами, в которых стояли слезы.

— Их тут, под камнями, много лежит, — дрогнувшим голосом сказал он.

Никто не ответил ему — все чувствовали, что слова сейчас не нужны. Но по лицам молодых солдат, взволнованным и торжественно-строгим, было видно, что все услышанное и увиденное сегодня надолго запало им в душу и дела неизвестных героев 1941 года, павших в бою среди развалин старой крепости, навсегда останутся для них примером доблести и мужества, примером выполнения воинского долга перед Родиной. И каждый из них сейчас чувствовал себя наследником и хранителем боевой славы этих героев.

Когда все тесной толпой направлялись к машинам, ожидавшим солдат, старшина Борис Орлов, сверхсрочник, прослуживший здесь, в Бресте, после войны около десяти лет, рассказал о том, как однажды он встретил тут, в крепости, одного из ее бывших защитников.

Было это в 1951 или 1952 году летом. Группа солдат под командой Орлова работала в западной части Центрального острова, когда, проскочив мост через Мухавец, в крепость въехала легковая машина — такси из города. Машина остановилась у Холмских ворот, и из нее вышел офицер. Сняв фуражку и озираясь по сторонам, он медленно пошел вдоль казарм в сторону Тереспольской башни, неподалеку от которой работали солдаты Орлова.

Офицер остановился у развалин Тереспольской башни. Это был майор лет сорока, с заметной проседью в темных волосах и со строгим, резко очерченным лицом. На груди его тесно в два ряда пестрели ордена и медали.

Майор долго стоял с непокрытой головой, пристально глядя на камни развалин и, видимо, не замечая солдат. Те, в свою очередь, без особенного любопытства поглядывали на незнакомого им командира.

Офицеры, ехавшие служить за границу или возвращавшиеся на Родину из оккупационных войск, нередко в ожидании поезда приезжали с вокзала осмотреть крепость, о которой ходили такие удивительные рассказы. Солдаты уже привыкли к подобным посетителям.

Но то, что произошло затем, было не совсем обычным и невольно привлекло внимание солдат к приезжему. Незнакомый майор вдруг тихонько опустился на колени и потом приник украшенной орденами грудью к пыльным буровато-

серым камням развалин, закрыв лицо руками. Громкие, неудержимо рвущиеся наружу рыдания донеслись до солдат.

Старшина и два бойца тотчас же подошли к офицеру.

«Что с вами, товарищ майор?» — участливо спросил Орлов.

Майор, вздрогнув от неожиданности, оглянулся. При виде бойцов он овладел собой и встал с земли. Лицо его было мокро от слез.

«Мы дрались здесь в сорок первом», — прерывающимся голосом ответил он.

Офицер поднял с земли свою фуражку и, склонив седеющую голову, стоял молча, не отряхивая пыли с мундира и весь уйдя в воспоминания и мысли. А старшине вдруг сделалось неловко, словно он своим непрошеным вмешательством, сам того не желая, оскорбил глубоко сокровенные чувства старого воина.

Солдаты с сочувствием и живым любопытством смотрели на майора, как бы ожидая, что он заговорит о тех памятных ему днях. Но майор больше не сказал ничего. Он постоял еще несколько минут, вытер платком глаза, надел фуражку и, козырнув солдатам и старшине, быстро пошел к машине.

— Хотелось мне спросить его фамилию, да пеловко было, — закончил свой рассказ старшина. — Вижу, расстроился человек сильно. Так он и уехал...

— А ведь, наверное, есть и другие оставшиеся в живых защитники крепости, — задумчиво сказал один из офицеров. — Живут по разным городам, и никто о них не знает...

На другой день после этой встречи мы с Матевосяном и Махначом приехали в Южный военный городок Бреста, где когда-то находился гитлеровский лагерь для военнопленных. Сейчас ничто не напоминает о том страшном времени. Правда, по-прежнему тут высятся те же красные кирпичные казарменные корпуса, вокруг которых густо разрослись большие деревья. Только в одном месте между домами стоит за оградой невысокий каменный обелиск, и на нем высечено: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!»

Мы вышли около обелиска из машины, и здесь два взрослых человека начали рыдать, как дети. Матевосян сквозь рыдания, вспоминая тех людей, вместе с которыми ему пришлось быть в гитлеровском лагере, сказал:

— Они уже не могли ходить... Они только ползали и говорили нам: «Товарищи, вырветесь за проволоку, не забывайте о нас, отомстите за нас!»

А Махнач, также сквозь слезы, сказал, показывая на густые зеленые деревья:

— Вот здесь не было ни одного листа — пленные все съели.

Очень много незабываемых, поистине потрясающих впечатлений оставила эта поездка в Брест. Мы ежедневно бывали в крепости с Матевосяном и Махначом. Кроме того, мне удалось разыскать в Бресте семьи командиров, погибших в крепости, — тех самых женщин и детей, которые вместе с нашими воинами пережили все тяготы обороны в памятные дни июня и июля 1941 года. Со многими из них я подробно побеседовал и записал их воспоминания.

Мы пробыли в Бресте неделю и вернулись назад. Матевосян, Никонова и я уехали в Москву, а Махнач вернулся к себе в Минск.

В Москве Матевосян еще на некоторое время задержался, используя оставшиеся дни отпуска. Ему нужно было добиться пересмотра вопроса о своей партийности в Центральном Комитете партии. Дело в том, что после войны Матевосян еще не был восстановлен в рядах партии, и он хотел воспользоваться пребыванием в столице, чтобы лично похлопотать об этом. Впрочем, вскоре отпуск его кончился, и он вынужден был уехать, не дождавшись решения. Но спустя несколько месяцев я получил от него из Еревана длинную телеграмму, в которой он восторженно сообщал мне, что снова находится в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

А я после этой поездки снова и снова перечитывал записанные мною рассказы участников и очевидцев обороны, вспоминая все виденное и слышанное в крепости. Надо было тщательно сопоставить все воспоминания, отделить действительное от мнимого, кажущегося, соединить отдельные, нередко разрозненные факты в логическую цепь событий, проследить ход обороны на различных участках. Так, шаг за шагом, постепенно передо мной все ярче и последовательнее возникала картина первых дней обороны Брестской крепости.

Что происходило там в эти первые дни?

КРЕПОСТЬ ВЕДЕТ БОЙ

Брестская крепость спала спокойным, мирным сном, когда над Бугом прогремел первый залп фашистской артиллерии. Только бойцы пограничных дозоров, которые залегли в кустах у реки, да ночные часовые во дворе крепости увидели яркую вспышку на еще темном западном краю неба и услышали странный нарастающий свист. В следующий миг грохот сотен рвущихся снарядов и мин потряс землю.

Страшное это было пробуждение. Бойцы и командиры, заснувшие накануне в предвкушении завтрашнего воскресного дня отдыха, с его развлечениями, с традиционным футбольным матчем на стадионе, с танцами в полковых клубах, с отпусками в город, внезапно проснулись среди огня и смерти, и многие погибли в первые же секунды, еще не успев прийти в себя и сообразить, что происходит вокруг.

Густая пелена дыма и пыли, пронизанная сверкающими, огненными вспышками взрывов, заволокла всю крепость. Рушились и горели дома, и люди гибли в огне и под развалинами. У домов комсостава в северной части крепости и около здания пограничной комендатуры на Центральном острове с криками металась по двору обезумевшие, полураздетые женщины с детьми и падали, пораженные осколками. В казармах на окровавленных нарах стонали раненые; бойцы с оружием и без оружия поспешно бежали вниз по лестницам, в подвалы, ища укрытия от непрерывного, нарастающего артиллерийского огня и бомбежки.

Неизбежное замешательство первых минут усиливалось еще из-за того, что в казармах почти не оказалось командиров: они, как обычно, в ночь с субботы на воскресенье ночевали на своих квартирах, а с бойцами оставались только сержанты и старшины. Те из командиров, которые жили в домах комсостава в северной части крепости, с первыми выстрелами бросились к своим солдатам в казармы Центрального острова. Однако мост, ведущий туда, находился под непрерывным пулеметным обстрелом, — видимо, гитлеровцы заранее перебросили сюда своих диверсантов, и они, засев в кустах над Мухавцом, огнем преградили путь к центру крепости. Десятки людей погибли в то утро на этом мосту, и лишь немногим командирам удалось проскочить его под пулями и присоединиться к своим бойцам. А другие, жившие в самом городе, не смогли даже добраться до крепостных ворот — плотное кольцо артиллерийского заградительного огня немцев сразу же отрезало крепость от Бреста.

Враг торопился использовать все преимущества своего внезапного нападения. Орудия в левобережных зарослях еще продолжали вести огонь, а авангардные штурмовые отряды автоматчиков 45-й пехотной дивизии уже форсировали Буг на резиновых лодках и понтонах и ворвались на Западный и Южный острова Брестской крепости.

Только редкая цепочка пограничных дозоров и патрулей защищала эти острова. Пограничники сделали все, что они могли. Из прибрежных кустов, с гребня вала, протянувшегося над рекой, они до последнего патрона обстреливали вражеские

переправы. Группы пограничников засели в дотах, в казематах внутри валов, залегли в развалинах домов, полные решимости не отступать ни на шаг. Но их было слишком мало, чтобы сдержатъ этот натиск. Огневой вал артиллерии противника с неистовой силой прошел по этим островам, расчищая дорогу пехоте, а тем временем понтон за понтоном и лодка за лодкой пересекали Буг. Густые цепи автоматчиков буквально затопили оба острова, сметая немногочисленные посты пограничников или обходя и блокируя узлы сопротивления и быстро продвигаясь к центру крепости.

На Южном острове не было наших подразделений. Здесь находились только склады да располагался большой окружной госпиталь, при котором жила часть медицинского персонала со своими семьями. Первые же снаряды разрушили и подожгли госпитальные корпуса и жилые дома. По двору госпиталя растерянно метались выбежавшие из палат больные. Раненный в голову осколком снаряда заместитель начальника госпиталя по политической части батальонный комиссар Богатеев пытался организовать сопротивление врагу, но, естественно, врачи, сестры и санитары не могли противостоять отборной пехоте противника. Попытка эта была тут же ликвидирована наступавшими автоматчиками, а сам Богатеев убит. Лишь немногие из больных и служащих госпиталя успели перебежать через мост у Холмских ворот в центральные казармы, а остальные, спасаясь от огня, укрылись в убежищах внутри земляных валов, в подвалах зданий, и вражеские автоматчики, прочесывая остров, перестреляли их или взяли в плен.

На Западном острове немецкая пехота, окружив частью своих сил сражавшиеся группы пограничников, вышла к мосту у Тереспольских ворот цитадели. Большой отряд автоматчиков тотчас же перешел этот мост и, войдя в ворота, оказался во дворе крепостных казарм.

Посредине двора, возвышаясь над соседними постройками и господствуя над всем Центральным островом, стояло большое, массивное здание с высокими стрельчатыми окнами. Когда-то это была крепостная церковь, которую потом поляки превратили в костел. С приходом в крепость советских войск в церкви был устроен полковой клуб.

Войдя во двор цитадели, немцы сразу же оценили все выгоды этого здания и поспешили занять его, тем более что клуб был пуст — в минуты первоначального замешательства никто из наших не успел подумать о том, чтобы укрепиться тут. Автоматчики установили здесь радию, а в окна во все стороны выставили пулеметы.

Это был удар в самое сердце нашей обороны. Теперь

противник обладал ключевой, командной позицией Центрального острова и из окон клуба мог обстреливать с тыла казармы, плотным огнем разъединяя, разобщая наши подразделения.

Враг, ободренный этим успехом, немедленно постарался закрепить и развить его. Большая часть отряда автоматчиков двинулась дальше, к восточной оконечности острова, стремясь полностью овладеть центром крепости. Извещенная по радио немецкая артиллерия прекратила обстрел этого участка цитадели.

Прямо против клуба в восточной части острова стояло обнесенное бетонной оградой с железными прутьями полуразрушенное еще в 1939 году здание, где когда-то помещался штаб польского корпуса, располагавшегося в крепости.

Южная часть ограды этого здания тянулась вдоль казарм, образуя как бы широкую улицу. Автоматчики двинулись по этой улице густой нестройной толпой, гортанно перекликаясь и непрерывно строча по окнам казарм.

Ответных выстрелов не было. Казалось, что советский гарнизон, сокрушенный, подавленный артиллерийским огнем и бомбежками, уже не в силах сопротивляться наступающим и центр крепости будет захвачен без боя. Сквозь дым и пыль в свете разгорающегося утра совсем недалеко впереди были видны разрыв кольцевого здания казарм в восточном углу острова и высокая наблюдательная башня на берегу, в том месте, где Мухавец разветвляется на два рукава.

И вдруг совершенно неожиданный, ошеломляющий удар обрушился на противника. Какой-то глухой, протяжный шум послышался внутри казарменного здания; двери, ведущие во двор, рывком распахнулись, и с оглушительным, яростным «ура» в самую середину наступающего немецкого отряда потоком хлынули вооруженные советские бойцы, с ходу ударившие в штйки.

В несколько минут враг был смят и опрокинут. Штыковой удар словно ножом рассек надвое немецкий отряд. Те автоматчики, что еще не успели поравняться с дверьми казармы, в панике бросились назад, к зданию клуба и к западным Тереспольским воротам, через которые они вошли во двор. А большая часть отряда, отрезанная от своих, кинулась бежать по улице к восточному краю острова, и за ней по пятам с торжествующим «ура» катилась толпа атакующих бойцов, на ходу работающих штыками. А за ними, также крича «ура», бежали другие бойцы, вооруженные кто саблями, кто ножом, а кто просто палкой или даже обломком кирпича. Стоило упасть убитому автоматчику, как к нему разом бросалось несколько человек, стараясь завладеть его оружием, а если падал кто-

нибудь из атакующих, его винтовка тотчас же переходила в руки другого бойца.

Прижатые к берегу Мухавца, гитлеровцы были быстро перебиты. Часть автоматчиков бросилась спасаться вплавь, но по воде ударили наши ручные пулеметы, и ни один из фашистов не вышел на противоположный берег.

Это был первый контрудар, нанесенный германским войскам, штурмующим крепость, и нанесли его бойцы 84-го стрелкового полка, занимавшего юго-восточный сектор казарменного здания.

В ту ночь в расположении полка был только один стрелковый батальон и несколько штабных подразделений. Почти все командиры находились в лагерях с двумя другими батальонами либо ночевали на городских квартирах. Лишь два или три лейтенанта — командиры взводов — спали в общежитии при штабе, да здесь же, в своем служебном кабинете, временно жил заместитель командира полка по политической части, полковой комиссар Ефим Фомин.

Накануне вечером Фомин получил отпуск на несколько дней, для того чтобы привезти в крепость семью, оставшуюся на месте его прежней службы в Латвии. Часов в десять он выехал на вокзал, но билетов на поезд уже не было, и комиссар вернулся в штаб, отложив свой отъезд на сутки. Он допоздна засиделся, беседуя с секретарем полкового бюро ВЛКСМ, заместителем политрука Самвелом Матевосяном, и едва они успели задремать, как на крепость обрушились вражеские снаряды и бомбы.

Окна этой части казарм были обращены на Мухавец, в сторону границы. Несколько снарядов сразу же попали внутрь помещений, вызвав пожары и разрушения. Кое-где пирамиды с винтовками были разбиты взрывами или завалены, и немало бойцов остались безоружными. Зажигательный снаряд попал в кабинет Фомина, и комиссар, задыхаясь от едкого дыма, едва успел выбраться из своей комнаты.

Он тотчас же принял командование подразделениями полка, и его ближайшим помощником стал Матевосян. Потребовалось некоторое время, чтобы преодолеть первоначальное замешательство, вооружить бойцов и собрать их в безопасном помещении подвала. Там Фомин обратился к ним с короткой речью, напоминая об их долге перед Родиной и призывая их стойко и мужественно сражаться с врагом. А затем по приказу комиссара Матевосян повел людей в первую штыковую атаку, которая успешно закончилась уничтожением отрезанной группы автоматчиков на восточном краю острова.

Между тем остатки немецкого отряда, бросившиеся назад, к Тереспольским воротам, уже не смогли вернуться к своим. Путь отступления оказался отрезанным.

Около Тереспольских ворот, протянувшись поперек центрального двора цитадели, одно за другим стояли два длинных двухэтажных здания. В одном из них помещались пограничная застава и комендатура, в другом находились казармы 333-го стрелкового полка. В ночь начала войны здесь, как и в расположении других частей, оставалось лишь несколько мелких подразделений. В первые минуты тут, как и повсюду, царила растерянность, и поэтому немецкий отряд, ворвавшийся во двор, без помехи прошел мимо этих зданий.

Но за то время, пока автоматчики заняли клуб и попытались продвинуться к восточному краю острова, где их встретили штыковой атакой бойцы полкового комиссара Фомина, обстановка на этом участке изменилась. Уцелевшие от обстрела пограничники заняли оборону в развалинах своей заставы, почти полностью разрушенной бомбами и снарядами. Появившиеся в казармах 333-го полка командиры быстро навести порядок в подразделениях, бойцы вооружились, а жен и детей командного состава, многие из которых прибежали сюда из своих квартир, надежно укрыли в глубоких подвалах дома. Стрелки и пулеметчики заняли позиции у окон первого и второго этажей, у амбразур подвалов, и когда уцелевшие в штыковой схватке автоматчики, преследуемые по пятам бойцами 84-го полка, кинулись к Тереспольским воротам, их встретил неожиданный и сильный огонь. Часть гитлеровцев полегла под этим огнем, а оставшиеся поспешили укрыться в здании клуба. Та дорога, по которой они пол часа тому назад вошли во двор крепости, была теперь преграждена.

Создалось довольно странное положение. Автоматчики прорвались в центр крепости и завладели там решающей, ключевой позицией — клубом, из окон которого их пулеметы могли нарушать и дезорганизовывать нашу оборону. Но зато они сами внезапно оказались отрезанными и окруженными и лишь по радио держали связь со своим командованием. Впрочем, они были уверены, что их вот-вот должны выручить: штурм крепости продолжался с нарастающей силой и в бой вступали все новые части врага.

Обтекая крепостные валы с запада и с востока, пехота противника вскоре сомкнула кольцо вокруг крепости. Артиллерия продолжала засыпать цитадель снарядами, и в густом дыму, поднимавшемся к небу от множества пожаров, над крепостью кружили «юнкерсы». Автоматчики были не только на Западном и Южном островах, не только в центре двора цита-

дели, но и прорвались через валы в северную часть крепости. Почти половина крепостной территории уже находилась в руках врага, и казалось, самые ближайшие часы должны с неизбежностью решить исход сражения в пользу противника.

Но то, что произошло на Центральном острове, случилось и в других местах. Застигнутый врасплох гарнизон, оправившись от первого замешательства, начал упорную, ожесточенную борьбу. Так было повсеместно — на всех, не связанных друг с другом, отрезанных огнем противника участках крепости. Женщин, детей и раненых укрывали в безопасных местах, солдаты вооружались, и кто-нибудь из офицеров, оказавшихся на месте, возглавлял их, организуя оборону, а если офицера не было, командование принимал один из сержантов или бойцов. Меткий винтовочный и пулеметный огонь выкашивал ряды атакующих автоматчиков; скудные точные выстрелы снайперов разили гитлеровских офицеров, и в решительные моменты яростные птыковые контрудары наших стрелков неизменно отбрасывали назад с тяжелыми потерями наступающую пехоту.

Все усилия штурмовых отрядов врага пробиться в центральную цитадель на выручку к своим автоматчикам, запертым в здании клуба, терпели неудачу. Мост через Буг у Тереспольских ворот находился теперь под ружейным и пулеметным огнем — пограничники и бойцы 333-го полка зорко сторожили здесь каждое движение противника, плотно закупорив эту дорогу. Заняв госпиталь на Южном острове, немцы попытались проникнуть во двор центральной крепости по мосту, ведущему к Холмским воротам. Но как раз напротив этого моста в кольцевом здании находились казармы 84-го полка, и комиссар Фомин заранее учел опасность атаки с Южного острова, расставив часть своих людей у окон, обращенных в сторону госпиталя. Огонь из пулеметов и винтовок буквально сметал с моста автоматчиков всякий раз, как те поднимались в атаку. И хотя противник весь день повторял здесь попытки прорыва и мост был завален трупами гитлеровцев, пройти к воротам врагу не удалось. Тщетными были и попытки немцев форсировать Мухавец на резиновых лодках — десятки таких лодок с автоматчиками пошли ко дну под огнем наших стрелков.

С удивлением и досадой германское командование видело, что сопротивление крепостного гарнизона не только не ослабевает, но час от часу становится более упорным и организованным и что в крепости то и дело возникают все новые очаги обороны. На Западном и Южном островах, захваченных противником, продолжали отчаянно драться группы погранични-

ков, окруженные и блокированные врагом. В центральной цитадели, по существу, полными хозяевами положения были защитники крепости, а группа автоматчиков, запертая в здании клуба, то и дело посылала в эфир отчаянные радиопризывы о помощи.

Прочная оборона возникла и в северной части крепости. Здесь у главных входных ворот в первые часы войны собралось несколько сот бойцов, пять или шесть лейтенантов и политруков. Выйти из крепости в город им не удалось — враг уже сомкнул свое кольцо, и они рассыпались по берегу обводного канала по обе стороны ворот, отстреливаясь от автоматчиков и не подпуская их ко входу в крепостной двор.

Около полудня здесь появился один из старших командиров — майор, который принял командование над этими разрозненными группами солдат из разных частей. Сразу же были сформированы три роты. По приказанию майора стрелки залегли на гребне северного и северо-восточного вала, а одна из рот заняла оборону фронтом на запад — туда, где находились казармы 125-го стрелкового полка и откуда доносился гул ожесточенного боя и крики атакующих автоматчиков.

В центре этой обороны — к западу и востоку от главной дороги, ведущей к воротам, — возвышались два небольших земляных укрепления — две «подковы», как называли их бойцы. Каждое из этих укреплений состояло из двух высоких земляных валов подковообразной формы, расположенных концентрически — один внутри другого. Между ними тянулся узкий и такой же подковообразный дворик, а в центре «подковы» поднималось массивное двухэтажное здание, которое своей тыльной стороной как бы вращалось во внутренний вал. В земляной толще обоих валов находились казематы, выложенные кирпичом.

Само собой разумеется, что оба эти укрепления были использованы как опорные пункты обороны. Майор приказал одной из рот занять западную «подкову», а в бетонном доте, недавно построенном рядом с ней, поставить станковый пулемет.

Что же касается восточной «подковы», то она стала главным узлом обороны этого отряда. Как оказалось, здесь находилась часть бойцов 393-го отдельного зенитного дивизиона, которыми командовал один из лейтенантов. Они занимали здание, находившееся в центре подковообразного укрепления, и уже были готовы к бою. У окна на втором этаже был установлен счетверенный пулемет; два бойца поспешно набивали запасные ленты; другие окна заняли ручные пулеметчики и стрелки. У зенитчиков были исправная радиостанция, теле-

фонные аппараты и кабель, а в казематах хранились запасы боеприпасов и продовольствия. Приняв бойцов дивизиона под свое командование, майор устроил здесь свой штаб, разместил в одном из казематов раненых и установил телефонную связь со всеми тремя ротами. Теперь его небольшой отряд готов был встретить противника, и когда час спустя гитлеровцы атаковали внешние валы и западную «подкову», их остановил сильный огонь, и все атаки на этом участке потерпели неудачу.

Упорный бой шел и у восточных, Кобринских ворот крепости. В районе этих ворот стоял 98-й противотанковый артиллерийский дивизион под командованием майора Никитина. В первые же минуты противник направил сюда особенно сильный огонь. Большинство орудий и тягачей было уничтожено или повреждено, и вдобавок подразделение лишилось своего командира. Тогда руководство обороной приняли на себя заместитель Никитина по политической части старший политрук Николай Нестерчук и начальник штаба лейтенант Акимочкин.

Приказав укрыть в надежных помещениях внутри валов женщин и детей, сбежавшихся сюда из соседних домов комсостава, Нестерчук и Акимочкин велели выкатить оставшиеся пушки на валы, организовали доставку боеприпасов из склада, расставили в обороне пулеметчиков и стрелков. И когда немцы, обходя крепость с юго-востока, показались вблизи Кобринских ворот, по ним в упор ударили пушки и пулеметы дивизиона. Противник был остановлен, и атаки его на этом участке одна за другой выдыхались под нашим огнем.

Так в этих упорных боях, которые повсеместно с каждым часом становились все ожесточеннее, прошла первая половина дня 22 июня. Немецкая артиллерия все так же обстреливала крепость, «юнкерсы» штурмовали с воздуха очаги нашей обороны, и пехота противника продолжала атаковать на всех участках. Но уже вскоре донесения о потерях наступающих на крепость частей стали столь угрожающими, что гитлеровское командование вынуждено было основательно задуматься над этими цифрами.

Я уже рассказывал, как много месяцев спустя на одном из участков фронта было захвачено «Боевое донесение о взятии Брест-Литовска» — документ, в котором содержались некоторые подробности боев за Брестскую крепость. Вот что происходило в крепости в этот первый день войны, по свидетельству штабных офицеров противника.

«Все же вскоре (около 5.30—7.30) стало ясно,— говорится в этом донесении,— что позади нашей пробившейся вперед пехоты русские начали упорно и настойчиво защищаться в пешотном бою, используя стоящие в крепости 35—40 танков и

бронемашин. При быстром огне они применяли мастерство снайперов, «кукушек», стрелков из слуховых окон чердаков, из подвалов и причинили нам вскоре большие потери в офицерском и унтер-офицерском составе.

Перед обедом стало ясно, что артиллерийская поддержка при ближнем бое в крепости невозможна, так как наша пехота соприкасалась очень близко с русской и нашу линию нельзя было установить в путанице построек, кустарников, обломков, частично она была отрезана или блокирована русскими гнездами сопротивления. Попытки отдельных пехотных противотанковых орудий и легких полевых гаубиц действовать прямой наводкой не удавались большей частью из-за недостаточного наблюдения и угрозы собственным людям, в остальном из-за толщины сооружений и стен крепости.

По тем же самым причинам проходящая мимо батарея штурмовых орудий, которую командир 135-го пехотного полка по собственному решению подчинил себе после обеда, не оказывала никакого действия.

Введение в действие новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерва корпуса) на Южном и Западном островах с 13.15 не принесло также изменений в положении: там, где русские были изгнаны или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, домов, труб и других укрытий появлялись новые силы. Стреляли превосходно, так что потери значительно увеличивались.

Личным наблюдением командир дивизии в 13.15 в 135-м пехотном полку (Северный остров) убедился, что ближним боем пехоты крепости не взять, а около 14.30 решил оттянуть собственные силы так, чтобы они окружили крепость со всех сторон, а потом (предположительно после ночного отступления с раннего утра 23.6) вести тщательно наблюдаемый огонь на поражение, который бы уничтожал и изматывал русских. В 18.30 это решение было категорически одобрено командующим 4-й армией; он не хотел ненужных потерь; движение по дороге и железной дороге теперь, очевидно, уже возможно, поэтому есть возможность предотвратить противодействие противника, в результате чего русские будут, кажется, обречены на голод».

Это донесение довольно верно передает обстановку первого дня боев за крепость. Правда, танков и бронемашин у обороняющихся было не 35—40, как утверждают немецкие штабисты, а всего несколько штук, и вовсе не толщина крепостных стен была главным препятствием для атакующих. Упорное, героическое сопротивление маленького гарнизона, его умелые, решительные действия заставили целый корпус германской

армии остановиться перед крепостью в первый же день войны. И не только остановиться. Приказ, полученный в штурмующих частях к вечеру 22 июня, был, по существу, первым приказом об отступлении, отданным германским войскам с момента начала второй мировой войны. Гитлеровская армия не отступала ни разу ни на западе, ни на севере, ни на юге Европы, но она вынуждена была отступить в районе Брестской крепости в первый же день войны на востоке, против СССР.

«Проникшие в крепость части,— говорится дальше в до-несении,— ночью были, согласно приказу, отведены обратно на блокадную линию. При этом было весьма неприятно то, что русские тотчас же продолжали атаку на оставленные районы, а кроме того, группа немецких солдат (пехотинцев и саперов, количество их потом так и не удалось установить) осталась запертой в церкви крепости (Центральный остров). Временами с этими запертыми была радиосвязь».

Следует добавить, что эта радиосвязь вскоре была прервана. Гарнизон крепости не только атаковал и занял районы, из которых отошли немцы, но и успешно ликвидировал многие окруженные группы противника. На Центральном острове бойцы Фомина, пограничники и стрелки 333-го полка с двух сторон атаковали клуб, где засели автоматчики с радиостанцией. Сопротивление врага было сломлено, и отряд фашистов в клубе уничтожен.

В первый день противнику не только не удалось овладеть крепостью за несколько часов, как он рассчитывал, но его штурмовые отряды были наполовину уничтожены и на многих участках отброшены или отведены назад. Только Южный и Западный острова, где, впрочем, продолжали сражаться группы наших пограничников, немцы удержали за собой. Вся же остальная территория крепости, буквально усеянная трупами в зеленых мундирах, по-прежнему была недосыгаемой для врага, и там всю ночь без сна и отдыха трудились советские бойцы и командиры, укрепляя свои оборонительные рубежи и готовясь завтра с рассветом встретить новый штурм.

С самого начала боев, с первых же часов войны одно и то же чувство владело каждым защитником Брестской крепости — от командиров, возглавлявших оборону, до рядовых стрелков. Это была глубокая, непоколебимая уверенность в том, что вероломно напавший враг будет в самом скором времени наголову разбит и снова отброшен за государственный рубеж, что вот-вот на помощь осажденной крепости подойдут

войска, стоявшие в окрестностях Бреста, и граница будет прочно восстановлена.

Граждане великой страны, хорошо знающие мощь своей Родины и ее армии, воспитанные на славных, победных традициях советских войск, они не могли думать иначе и вовсе не представляли себе ни огромных сил врага, ни тяжких последствий его внезапного нападения. Разве мог кто-нибудь из них хоть на одно мгновение допустить мысль о том, что пройдут еще долгие и страшные три года, прежде чем руины этих крепостных стен снова увидят советских воинов?! Если бы в этот первый день обороны в рядах защитников крепости нашелся человек, который посмел бы сказать, что Советской Армии потребуются даже не годы, а месяцы или недели, для того чтобы отбить нападение гитлеровской Германии, товарищи сочли бы его сумасшедшим либо расстреляли на месте как труса и изменника. Нет, они ждали помощи с часу на час, со дня на день. Мысль о скорой встрече со своими придавала им новые силы в их неравной борьбе, укрепляла их волю и решимость.

Уже в эти первые часы крепость была отрезана от внешнего мира, окружена кольцом немецких войск. Что делается там, за пределами крепостных стен, что происходит в городе и в соседних приграничных районах, гарнизон не знал. Штабы дивизий находились в Бресте, оттуда пока что не поступало никаких указаний: видимо, посыльные и офицеры связи не могли добраться сюда. Что же касается телефонных и телеграфных линий, то они либо были перерезаны немецкими диверсантами перед началом военных действий, либо повреждены во время обстрела.

Прежде всего командиры, возглавившие оборону на Центральном острове крепости, попытались связаться с вышестоящим командованием по радио. Но радиостанций в подразделениях было очень мало, и почти все они оказались разбиты или повреждены артиллерийским огнем противника. Только на участке 84-го полка, где в казармах была оставлена часть имущества полковой роты связи, удалось в середине дня наладить одну из радиостанций. Полковой комиссар Фомин составил несколько шифрованных радиogramм в адрес командования дивизии и велел срочно передать их.

Однако дивизионные, корпусные и армейские радиостанции не отвечали на призывы крепости. Все попытки передать шифрованную радиogramму ни к чему не привели. Кажется, гитлеровцы не только окружили крепость, но и заполнили весь эфир: на всех волнах слышались гортанные немецкие команды, и лишь изредка прорывались отрывочные, яростные возгласы наших танкистов, ведущих где-то бой с танками

врага, или выкрики летчиков, дерущихся в воздухе с «юнкерсами» и «мессершмиттами».

Тогда Фомин решил оставить условный код и перейти на открытый текст. Учитывая возможность радиоперехвата противника, он составил преувеличенно бодрую радиogramму, и комсомолец-радист Борис Михайловский сел к микрофону.

«Я — крепость, я — крепость! — понеслись в эфир новые призывы. — Ведем бой. Боеприпасов достаточно, потери незначительны. Ждем указаний, переходим на прием».

Снова и снова повторял Михайловский эти слова, но ответа на них не было. Радиостанция продолжала посылать свои сигналы, пока наконец у нее не иссякло питание, и голос сражающейся крепости замолк в эфире навсегда.

Такая же неудача постигла и радиста восточной «подковы», который по приказанию майора непрерывно посылал в эфир свои сигналы. Ответа на них не было, и майор, убедившись, что все попытки наладить радиосвязь напрасны, распорядился выключить рацию и, экономя батарейки, включать ее только для приема и записи последних известий.

В этот первый день кое-где в подразделениях еще работали батарейные радиоприемники. Один из таких приемников стоял в клубе 98-го противотанкового дивизиона. Клуб артиллеристов был оборудован в подземном бетонированном помещении какого-то бывшего склада, и сюда-то Нестерчук, возглавивший оборону, приказал поместить жен и детей командиров. Здесь, в темном подземном зале, где рядом с радиоприемником, над лежащими вповалку на полу женщинами и детьми высилась строгая, неподвижная фигура красноармейца Соколова, охраняющего боевое дивизионное знамя, люди слышали около полудня сквозь грохот разрывающихся наверху снарядов далекий голос из Москвы. С обращением Советского правительства к народу по радио выступил Председатель Совета Народных Комиссаров СССР. Каждое слово этого обращения западало глубоко в сердца людей, которые уже несколько часов жили среди пламени и смерти, в кипящем котле войны. И как только передача была окончена, содержание ее, пересказываемое из уст в уста, скоро стало известно всем артиллеристам, которые в это время вели упорный бой с автоматчиками на крепостных валах.

Немного позднее обращение правительства было принято в восточной «подкове», а также связистами в подвале здания 333-го стрелкового полка на Центральном острове. В тесном, узком отсеке подвала едва-едва слышался голос московского диктора — батареек для нормального питания не хватило, но

собравшаяся здесь группа бойцов затаив дыхание ловила каждое его слово. Командиры велели также привести сюда нескольких раненых, чтобы они потом пересказали все слышанное тем своим товарищам, которые уже не могли ходить. И здесь призыв партии и правительства вдохнул в защитников крепости новые силы и еще больше укрепил их уверенность в том, что долгожданная помощь вот-вот должна подойти.

Между тем продолжались попытки установить связь с командованием. Несколько раз в течение этого первого дня — в разное время и из разных мест крепости — командиры посылали в город группы разведчиков. В большинстве случаев эти группы поредевшими возвращались обратно — им не удавалось пробраться сквозь плотное кольцо немецкой пехоты. Другие исчезали бесследно, — вероятно, если отдельные разведчики и добирались до города, то вернуться в крепость и доложить, что происходит в Бресте, они уже не могли.

В середине дня полковой комиссар Фомин решил послать в город разведку на броневиках.

Внутри ограды бывшего польского штаба в одном из домов располагался отдельный разведывательный батальон. В ночь начала войны в казармах этого подразделения находилась группа бойцов, а поблизости, в автопарке, стояли семь бронемашин, находившихся в ремонте. Работая под огнем врага, бойцы во главе с комсоргом батальона, принявшим командование, сумели в течение нескольких часов восстановить пять броневиков. Подъехав к уже горевшему складу боеприпасов, выхватывая ящики прямо из пламени, ежеминутно рискуя взлететь в воздух, они погрузили в машины запас снарядов и патронов и явились к Фомину получить боевую задачу.

В это время комиссар, сидя в подвале полуразрушенного здания, допрашивал только что взятого в плен гитлеровца. Пленный оказался подполковником, офицером разведки 45-й пехотной дивизии. В его полевой сумке вместе с подробным планом крепости были найдены важные штабные документы, которые представляли большой интерес для нашего командования. Комиссар как раз обдумывал, каким путем переслать эти документы в штаб дивизии, когда ему доложили о готовности бронемашин. Решено было, что три броневика попытаются прорваться в город и что командование этой группой примет комсорг полка Матевосян. Ему и поручил Фомин пробиться из крепости и доставить в штаб бумаги, взятые у пленного.

Три броневика под огнем пулеметов противника проскочили мост у трехарочных ворот и направились к северным внешним воротам крепости. Но там в это время шел бой, а

в самом туннеле ворот горела немецкая машина, загораживая путь. Броневики свернули к северо-западным воротам, но и там застали ту же картину. Загороженными оказались и восточные, Кобринские ворота. Враг, как видно, постарался закрыть все выходы, чтобы не выпустить из крепости оставшиеся в ней орудия и машины.

По пути броневики выручили группу наших людей, осажденных автоматчиками в домах комсостава в северной части крепости. Здесь было несколько бойцов и командиров, но главным образом женщины и дети, и многие из этих женщин и детей с оружием в руках дрались с врагом плечом к плечу с мужчинами. Не раз бронемашины вступали в бой с мелкими отрядами автоматчиков. Но пробиться в город так и не удалось, и час спустя Матевосян привел все три машины назад, на Центральный остров.

Дальнейшие попытки разведки решили отложить до ночи. А пока что можно было только догадываться о том, что происходит в городе и его окрестностях, по дальнему гулу боев, доносившемуся в крепость в редкие минуты затишья. Весь первый день этот гул слышался, то приближаясь, то отдаляясь, и слух о подходе наших войск то и дело разносился среди солдат, заставляя осажденных сражаться с удвоенным упорством.

Весь день немецкая авиация господствовала в воздухе, и «юнкерсы» непрерывно пикировали над крепостью. Но два или три раза появлялись наши истребители, и, хотя численный перевес в воздушных боях всегда был на стороне противника, крепость встречала криками «ура» эти краснозвездные самолеты. В первой половине дня наша маленькая «чайка», израсходовав в воздушном бою все патроны, вдруг рванулась вперед и протаранила вражескую машину над Брестским аэродромом. Бойцы, находившиеся на Центральном острове и наблюдавшие эту схватку, взволнованные подвигом советского летчика, разом открыли бешеный огонь по вражеским позициям, словно хотели отомстить за героическую гибель неизвестного пилота. Когда же полчаса спустя один из самолетов-штурмовиков, снизившись, стал обстреливать из пулемета этот участок обороны, стрелки встретили его дружным залпом, и задымившая машина, едва не задев за верхушки деревьев Западного острова, упала где-то за Бугом. Так гибель неизвестного пилота, совершившего в первый день Великой Отечественной войны воздушный таран, была вскоре отомщена стрелками 84-го полка, которые первыми в истории Великой Отечественной войны сбили вражеский самолет огнем из винтовок.

В ожиданиях и несбывшихся надеждах на освобождение от осады прошел весь первый день. И как только начала спу-

скаться темнота, командиры снова сделали попытки послать в город разведчиков.

Но противник, оттянувший свои силы за крепостной вал, был настороже. По всей линии осады над крепостью непрерывно взлетали ракеты,—наблюдатели врага зорко следили за каждым движением осажденных. Перебраться через валы разведчикам не удавалось — всякий раз по ним открывали сильный пулеметный огонь.

На участке 84-го полка двое разведчиков, отправленных Фоминым, переплыли с восточной окраины острова через Мухавец. Но затем там, где они должны были выйти на берег, поднялась бешеная стрельба, и вскоре стало ясно, что посланные погибли или попали в руки врагов. Фомин уже готов был с досадой отказаться от дальнейших попыток, как вдруг кто-то из бойцов предложил оригинальный способ разведки под водой.

Несколько человек надели противогазы. Отсоединенная от коробки гофрированная трубка свинчивалась с несколькими другими, и на конце этого шланга укреплялся небольшой деревянный поплавок. Бойцы привязали к ногам кирпичи и осторожно спустились в Мухавец. Дыша через шланги с поплавками, они двинулись вверх по течению реки, тяжело ступая под водой по неровному илистому дну. Они уже выходили за пределы крепости, и им казалось, что разведка их будет вполне успешной, как вдруг неожиданное подводное препятствие преградило путь. Река оказалась перегороженной поперек течения прочной железной решеткой.

Один из разведчиков решил подняться наверх и попробовать перелезть через решетку. Но едва его голова показалась на поверхности, как наблюдатели противника при свете непрерывно взлетающих ракет заметили его и по воде с обоих берегов ударили немецкие пулеметы. Видимо, пулеметчики специально охраняли решетку, и водолазы, убедившись, что обойти препятствие нельзя, вернулись обратно.

Потом пленные немецкие солдаты рассказали защитникам крепости, откуда появилась эта решетка. Командование противника опасалось, чтобы осажденному гарнизону крепости не доставили подкреплений с помощью катеров по Мухавцу, и вечером первого дня немецкие саперы поставили это заграждение, которое с берегов охраняли два пулемета.

С возвращением водолазов пришлось оставить последнюю надежду на связь с городом. Оставалось ждать, пока кольцо осады будет разорвано ударами наших войск извне. Впрочем, никто не сомневался, что это случится в самые ближайшие часы.

А между тем на фронте в районе Бреста второй день происходили тяжелые, трагические события.

Уже к полудню 22 июня Брест оказался в руках противника. С утра на его улицах рвались снаряды и бомбы, рушились и горели дома, городская больница была забита ранеными. Городские учреждения и штабы воинских частей еще утром вынуждены были выехать из Бреста на восток. Кое-где группы вооружившихся брестских коммунистов попытались организовать сопротивление врагу, но были рассеяны и уничтожены многочисленными отрядами автоматчиков. Начались убийства мирных жителей, повальные грабежи — на горящих улицах вместе с гитлеровцами действовали уголовники, выпущенные ими из тюрьмы.

Фронт час за часом отодвигался все дальше от Бреста. Наши войска, в большинстве своем еще никогда не воевавшие, серьезно расстроенные первым внезапным ударом врага, не могли сдерживать натиска мощных, прекрасно вооруженных и закаленных в боях на Западе германских армий. Несмотря на упорное, героическое сопротивление отдельных частей и соединений, фронт то здесь, то там оказывался прорванным, войска попадали в окружение и дивизии Гудериана и Гота стремительно шли в наш тыл, неуклонно приближаясь к Минску и стараясь сомкнуть свои танковые клещи позади советских частей, с тяжелыми боями отступающих из приграничных районов. Час от часу противник проникал все дальше на восток.

Яростная борьба шла не только по всей ширине, но и по всей глубине огромного фронта, от тех рубежей, где в этот час находились авангарды германских танковых дивизий, до приграничных районов, где дрались окруженные части, где уже начинали свою боевую работу первые отряды партизан.

И, как боевое охранение всей огромной Страны Советов, самый передовой, выдвинутый на запад бастион нашей обороны, над берегом Буга, в стенах старой русской крепости, стоящей на первых метрах нашей земли, на самом первом рубеже войны, с железной стойкостью и упорством в кольце осады продолжал драться маленький гарнизон советских войск.

Всю первую ночь при бледном мерцающем свете ракет в крепости шла тихая, но напряженная работа. Артиллерия противника постреливала лишь изредка, ведя ленивый, беспокойный огонь; атаки автоматчиков прекратились, на некоторых участках гитлеровцы оттянули войска за внешний вал. Пользуясь этой ночной передышкой, командиры, предугадывавшие назавтра новый, еще более ожесточенный штурм, об-

ходили свои участки обороны, расставляя бойцов, перераспределяя огневые средства, учитывая запасы патронов. В сухой, прокаленной огнем и солнцем земле рыли могилы, наскоро хороня павших товарищей. Собирали оружие и патроны убитых врагов, разбирали развалины обрушенных складов, пополняя свой боезапас.

Кое-где соседние подразделения, днем отрезанные друг от друга группами просочившихся автоматчиков, теперь смогли установить между собой связь и условиться о взаимодействии в завтрашних боях. Усталые бойцы в эту ночь почти не смыкали глаз или дремали поочередно, урывками: надо было зорко следить, чтобы враги не подобрались под покровом темноты и не атаковали внезапно. Но командование противника, видимо, решило дать в эту ночь отдых своим пехотинцам, до предела измотанным во вчерашних ожесточенных боях. Враг пополнял поредевшие штурмовые отряды, подтягивал свежие подразделения, эвакуировал раненых и тоже хоронил убитых.

Всю ночь в крепости ждали подхода наших войск. Но прошла ночь, наступило ясное, солнечное утро, и тогда все услышали, что гул окрестной канонады, который вчера раздавался так мощно в стороне города, сегодня едва слышался где-то далеко на востоке и к концу дня затих совсем. Люди поняли, что противник потеснил советские войска, что фронт отдалился от крепости, и впервые подумали о том, что, быть может, им придется драться во вражеском кольце еще не один день, прежде чем наши отступающие армии оправятся и нанесут противнику контрудар. И каждый внутренне приготовился ко всем тяжким испытаниям, которые ему предстояло вынести в этой неравной и жестокой борьбе.

Впрочем, долго думать об этом было некогда. С утра все началось снова с удвоенной силой. С первыми проблесками рассвета артиллерия противника, теперь уже расставленная по всему кольцу осады, стала засыпать крепость снарядами, и пикировщики закружились над головами бойцов. Снова все вокруг заволокло дымом, опять здесь и там вспыхнули пожары и вдоль всей линии обороны затрещали пулеметы, автоматы и винтовки. Штурм крепости возобновился.

И опять, как вчера, группы автоматчиков прорывались через валы, проникали в северную часть крепости и настойчиво атаковали центральную цитадель. Отряды противника вышли на северный берег Мухавца и засели в кустах по обе стороны моста, ведущего к трехарочным воротам. Их пулеметы непрерывно обстреливали оттуда окна и бойницы казарм, и несколько раз автоматчики форсировали вброд рукав Мухавца, врываясь на восточный угол Центрального острова. Тогда Ма-

тевосян, которому комиссар Фомин поручил этот участок обороны, выводил своих людей из-за бетонной ограды в штыковую атаку.

Сквозь грохот взрывов и треск стрельбы слышался певучий и тревожный звук горна, играющего сигнал атаки, в перестук пулеметов и автоматов влеталась раскатистая, сухая дробь барабана — горнист и барабанщик полка шли в рядах атакующих бойцов. Уже один вид этих людей, покрытых пылью и пороховой копотью, с измученными, но суровыми и решительными лицами, с воспаленными от дыма и бессонницы глазами, был страшным для врага. Их громовое «ура», их стремительный штыковой удар неизменно обращали противника в бегство. Каждый раз попытки фашистов закрепиться на северо-восточной окраине Центрального острова заканчивались потерей нескольких десятков своих автоматчиков.

Противник по-прежнему атаковал казармы и со стороны Южного острова через Холмский мост. Но здесь бойцы комиссара Фомина уверенно отражали этот натиск огнем из окон первого и второго этажей. Теперь у них были не только пулеметы и винтовки. В одном из складов боепитания, уцелевшем от вражеского обстрела, были найдены автоматы, которыми тут же вооружилась часть стрелков. Полковые минометчики нашли в этом складе небольшой запас мин и теперь стреляли из окон по расположению противника в районе госпиталя. Возникло даже своеобразное состязание в меткости стрельбы — минометчики били по большому флагу со свастики, который был поднят над крышей главного госпитального корпуса. Дважды гитлеровцы устанавливали этот флаг, и дважды минометчики сбивали его.

С еще большим ожесточением, чем накануне, развернулись в этот день бои в северной части крепости. Роты майора, возглавившего борьбу на этом участке, окопавшись на валах, огнем отбивали одну атаку за другой, и все попытки автоматчиков форсировать обводной канал и взобраться на валы были тщетными. Каждый раз десятки трупов оставались на берегу канала, а уцелевшие гитлеровцы опрометью бросались назад, пытаясь укрыться в зарослях кустарника на противоположном берегу, где они уже успели нарыть целую сеть окопов и траншей.

Несколько раз из этих кустов выходили и танки. Их подпускали вплотную к валу и забрасывали гранатами. Одну из машин удалось подбить, и гитлеровцы оттащили ее назад на буксире.

И все же группа танков смогла прорваться через северные ворота. Хотя пехота была отсечена от них огнем стрел-

ков, две или три машины прошли в район домов комсостава и затем, проскочив через мост у трехарочных ворот, появились в центральном дворе крепости. Остановившись неподалеку от ворот, один из танков стал прямой наводкой обстреливать казармы.

И тогда из подвала здания 333-го полка выбежали два смельчака. Они решили принять бой с немецкой машиной. Это был какой-то старший лейтенант и неизвестный старшина-артиллерист.

Прямо на площади перед подвалом находился артиллерийский парк 333-го полка. В канун войны здесь стояло несколько орудий. Большинство из них было исковеркано и разбито взрывами немецких снарядов, но одна из пушек казалась еще исправной. Ее-то и решили обратить против прорвавшегося танка двое смельчаков, тем более что рядом с орудием на земле валялись ящики со снарядами.

Во дворе рвались немецкие мины, но, невзирая на обстрел, старшина и командир лихорадочно работали, поворачивая пушку в сторону танка. Панорама орудия оказалась разбитой, но старшина наводил его, глядя прямо через ствол. Старший лейтенант подал первый снаряд. Пушка выстрелила, и у самых гусениц танка взметнулось черное облако разрыва.

Немцы, видимо, заметили орудие, и башня танка стала медленно поворачиваться в его сторону. Но уже второй снаряд был заложен в казенник, и, прежде чем наводчик в фашистском танке успел прицелиться, этот снаряд ударил прямо в башню, заклинив ее. Потом последовало еще два выстрела, и машина беспомощно задержалась на месте — она была подбита. Но в следующую минуту на площадке артпарка стали рваться мины, и оба артиллериста-добровольца устремились назад, к подвалу. Цель была достигнута — гитлеровцы прицелили этот танк к другой машине и оттянули его за крепостные ворота.

Так в этих непрекращающихся трудных боях прошли вторые сутки обороны. Крепость по-прежнему держалась, а потери врага росли и росли.

Утром на третий день гитлеровцы предприняли сильную атаку из северной части крепости на центральные казармы. У моста и трехарочных ворот завязался упорный бой. Атаку удалось отбить, но при этом был тяжело ранен комсорг Матвоян, которого товарищи отнесли в один из крепостных подвалов. Гитлеровцы, откатившись назад, больше не атаковали, но вскоре над Центральным островом загудели «юнкеры», начавшие долгую и методическую бомбардировку казарм.

У защитников крепости бомбежка считалась как бы време-

нем отдыха. Атаки немецкой пехоты прекращались с появлением самолетов, и тогда почти все бойцы спускались в глубокие подвалы, где они были в безопасности от бомб. Только дежурные пулеметчики неизменно оставались на местах и лежали под бомбежкой, зорко следя, чтобы противник нигде не воспользовался ослаблением нашей обороны.

В этот день, 24 июня, бомбежка была особенно длительной, и такая долгая «передышка» позволила группе наших командиров, возглавлявших участки обороны в центре крепости, собраться на совещание. Обсудив обстановку и приняв необходимые решения, участники совещания составили приказ, который один из лейтенантов, сидя у подвального оконца, тут же набросал на нескольких листах бумаги.

Много лет спустя, уже после войны, при разборе крепостных развалин были найдены под камнями эти маленькие, полуистлевшие листки. Из них впервые стали известны имена людей, взявших на себя в те страшные дни руководство обороной крепости.

В этом «Приказе № 1» от 24 июня 1941 года говорилось о том, что создавшаяся обстановка требует организации единого руководства обороной крепости для дальнейшей борьбы с противником и что собравшиеся командиры решили объединить все свои подразделения в одну сводную группу.

Опытному боевому командиру, старому коммунисту, в прошлом участнику гражданской войны и участнику боев с белофиннами, капитану Ивану Николаевичу Зубачеву было поручено возглавить эту сводную группу. Его заместителем по политической части стал полковой комиссар Фомин, а начальником штаба группы старший лейтенант Семененко. Приказ предписывал также всем средним командирам произвести учет своих бойцов и разбить их на взводы.

Дописать этот приказ не удалось: бомбежка кончилась, автоматчики снова кинулись в атаку, и командиры поспешили наверх к своим подразделениям. А затем бои приняли такой ожесточенный характер, что оказалось просто невозможно составить списки сражающихся бойцов: и состав подразделений и расположение наших сил все время менялись в зависимости от постоянно меняющейся обстановки и все возрастающего натиска противника.

Но хотя «Приказ № 1» во многом оказался невыполненным и неисполнимым, он сыграл свою важную роль в обороне крепости. Организация единого командования в центре цитадели укрепила нашу оборону, сделала ее более прочной и гибкой.

Все рассказанное в предыдущей главе происходило лишь в первые три дня боев за крепость. Именно такой рисовалась мне картина героической обороны из воспоминаний Матевосяна и Махнач, из рассказов очевидцев борьбы — жен и детей командиров, встреченных мной в Бресте.

Но что же было дальше? На этот вопрос не могли ответить ни Махнач, вышедший из строя уже на второй день, ни Матевосян, раненный лишь сутками позже — утром 24 июня. Чтобы узнать о последующих событиях, надо было отыскать других участников обороны, сражавшихся в крепости дольше.

И тогда я вспомнил о защитнике центральной цитадели Александре Филе, из письма которого я впервые узнал о Матевосяне. Судя по тому, что в свое время писал Филь в Музей Советской Армии, ему пришлось участвовать в боях за крепость больше недели и все это время он находился рядом с руководителями обороны центральной цитадели — полковым комиссаром Фоминым и капитаном Зубачевым. Не было сомнения, что Филь сумеет рассказать много интересного и о событиях в крепости и о своих боевых товарищах.

Еще в Ереване, записывая воспоминания Матевосяна, я однажды спросил его о Филе.

— Прекрасный парень! — уверенно сказал о нем инженер. — Настоящий комсомолец! Он был секретарем комсомольской организации штаба полка. И к тому же истинный храбрец.

Словом, Матевосян характеризовал Филья как хорошего и мужественного человека, глубоко преданного Родине и партии, и вспоминал, что Филь героически сражался в крепости в первые дни обороны вплоть до того момента, когда Матевосян был ранен.

После нашего возвращения в Москву из крепости я решил начать розыски Филья.

Я уже говорил, что Филь на протяжении двух с лишним лет не отвечал на запросы из музея и последние его письма были датированы 1952 годом.

Снова перечитав эти письма, я обратил внимание на то, что они проникнуты каким-то тяжелым настроением. Чувствовалось, что Филь — человек травмированный, переживший какую-то большую личную трагедию. В его письмах встречались такие фразы: «Я не имею права писать о героях потому, что я был в плену», «Я жалею, что не погиб там, в Брестской крепости, вместе со своими товарищами, хотя это от меня не зависело».

В одном из писем он вскользь упоминал о том, что лишь недавно отбыл наказание и получил гражданские права. Что это за наказание и в чем заключалась его вина, он не сообщал.

Почему же Филь так внезапно замолчал? Возникали две догадки. Либо он в 1952 году уехал из Якутии и сейчас живет где-то в другом месте, либо просто прекратил эту переписку, считая, как он писал, что человек, побывавший в плену, не имеет права говорить о героях. Как бы то ни было, следовало приложить все усилия, чтобы разыскать его.

В одном из писем Филь сообщал, что он работает бухгалтером на лесоучастке Ленского приискового управления треста «Якутзолото». Это уже была нить для поисков. Если Филь куда-нибудь уехал, то в отделе кадров треста могли знать, куда именно. Наконец, его нынешний адрес, вероятно, был известен кому-либо из его товарищей по прежней работе.

Я начал с того, что послал телеграфный запрос в Алдан управляющему трестом «Якутзолото», в системе которого работал Филь. Уже на другой день я получил ответную телеграмму от управляющего Н. Е. Заикина: он сообщал мне, что Филь живет и работает на прежнем месте.

Теперь положение прояснилось. Можно было с большей уверенностью догадываться, почему Филь не отвечает на письма. Видимо, дело было в душевном состоянии этого человека, в той личной трагедии, которую он пережил.

Тогда я написал Филью большое письмо. В этом письме я доказывал ему, что он не имеет права молчать и обязан поделиться своими воспоминаниями о том, что он видел и пережил в дни героической обороны, хотя бы во имя памяти своих товарищей, павших там, на камнях крепости. Я писал ему, что не знаю, в чем заключается его вина, но если есть в его проступке какие-то смягчающие обстоятельства, то я, в меру своих возможностей, помогу сделать все, чтобы снять это пятно с его биографии. Наконец, я спрашивал Филью, не будет ли он возражать, если я попытаюсь организовать ему командировку из Якутии в Москву для встречи со мной.

Прошло больше месяца — письма из Якутии идут долго, — и я наконец получил ответ от Филью. Он извинялся передо мной за долгое молчание, признавал, что мои доводы его переубедили, рассказывал целый ряд подробностей обороны крепости и в заключение писал, что он был бы счастлив приехать в Москву и помочь мне в работе.

Можно было предвидеть, что организовать такую дальнюю поездку будет нелегко, но я не терял надежды добиться этого. Прежде всего я позвонил управляющему «Главзолотом» Ми-

нистерства цветной металлургии К. В. Воробьеву, в ведении которого находился якутский трест, и попросил его принять меня. Он любезно согласился, и в тот же день мы встретились в его кабинете в главке.

Я начал издаലെка и около часа рассказывал ему об обороне Брестской крепости. Он слушал с большим вниманием, явно заинтересовался, и тогда я рассказал о Филя и попросил помочь мне — вызвать его в Москву. К. В. Воробьев задумался.

— Вызвать можно, — сказал он. — Это сделать нетрудно: у нас с Алданом надежная связь. Вопрос только в том, кто будет оплачивать эту поездку?

— Вы же «Главзолото» — самая богатая организация, — пошутил я. — Неужели у вас не найдется двух-трех тысяч рублей на такое дело?

Воробьев улыбнулся, но сказал, что бухгалтерия в «Главзолоте» столь же строга, как и в других организациях, и раз командировка Филя не вызвана служебной необходимостью, то и расходов на нее финансовый отдел главка не утвердит.

Против этого ничего нельзя было возразить. Но я заручился обещанием Воробьева вызвать Филя, если какая-нибудь другая организация согласится оплатить его командировку. После этого мы распрощались, и я отправился искать других возможных «финансистов».

Вскоре мне удалось договориться обо всем с журналом «Новый мир», редактор которого, писатель К. М. Симонов, тоже интересовался темой обороны Брестской крепости. Решено было, что «Новый мир» примет на себя расходы по поездке Филя, и я, взяв письмо из редакции, снова поехал к Воробьеву. Несколько дней спустя все было улажено, и по радио из Москвы был отправлен вызов в Алдан.

Зима была в полном разгаре, и Филю пришлось добираться до Москвы в течение двух с лишним недель. Он приехал в столицу в феврале 1955 года, и мы встретились с ним в редакции «Нового мира». Сначала он произвел на меня впечатление человека угрюмого, скрытного, недоверчивого и какого-то настороженного, словно он все время боялся, что люди напоят ему о том пятне, которое легло на его биографию. Когда я прямо спросил, в чем заключается его вина, этот на вид здоровый, крепкий человек вдруг разрыдался и долго не мог успокоиться. Он лишь коротко сказал, что его обвинили в измене Родине, но что это обвинение является совершенно ложным. Понимая, как трудно ему говорить об этом, я не стал расспрашивать его подробнее, оставив этот разговор на будущее.

Филь впервые приехал в Москву, и здесь, в столице, у не-

го не было ни родных, ни знакомых. Два дня он прожил у меня, а потом его поместили в одно из общежитий «Главзолота» под Москвой. Ежедневно он приезжал ко мне, и мы по нескольку часов беседовали с ним в присутствии стенографистки, которая записывала его воспоминания. А в свободное время Филь подолгу бродил по улицам, любуясь красотами Москвы, где он давно мечтал побывать.

Незаметно, но пристально присматривался я к этому человеку во время наших бесед. Обращало на себя внимание то, как рассказывал он о защите крепости. Филь вспоминал о жарких боях во дворе цитадели, о штыковых атаках на мосту, о яростных рукопашных схватках в здании казарм и говорил об этом всегда так, словно лично он только наблюдал события со стороны, хотя из его рассказа было ясно, что он находился в самой гуще борьбы. Он описывал подвиги своих товарищей, восхищался их мужеством, бесстрашием, но, когда я спрашивал его о нем самом, он хмурился и, как бы отмахиваясь от этого вопроса, коротко говорил:

— Я — как все. Дрался.

Это была та особая щепетильность, строжайшая скромность в отношении себя, какая бывает свойственна людям исключительной честности и требовательности к себе. И в самом деле, когда я впоследствии нашел других однополчан Александра Филья, все они рассказывали мне о нем как о смелом, мужественном бойце, всегда находившемся в первых рядах защитников крепости.

Я замечал, как постепенно меняется и поведение Филья. Мало-помалу исчезала та угрюмая настороженность, которая бросалась в глаза при первом нашем свидании. Видимо, слишком часто там, на Севере, этот человек встречал предубежденное, недоброе отношение к себе, и он ожидал, что и здесь, в Москве, его примут подозрительно и враждебно. Но этого не случилось, и понемногу стал таять тот ледок недоверия и отчужденности, который Филь так долго носил в душе.

И все же остатки этого отчуждения нет-нет да и давали себя знать. Как-то, когда речь зашла об одном из первых боев в крепости, я стал особенно дотошно расспрашивать Филья о подробностях этого боя, сопоставляя его рассказ с рассказом Матевосяна. И вдруг Филь угрюмо сказал:

— Я знаю, вы все равно мне не верите. Ведь я — бывший пленный, изменник Родины.

На этот раз я рассердился.

— Как вам не стыдно! — с сердцем сказал я. — Если бы вам не верили, зачем бы стали вас вызывать сюда из далекой Якутии, тратить на вас государственные деньги?

Он тут же почувствовал несправедливость своего замечания, попросил извинения и при этом разнервничался так, что мне опять пришлось его успокаивать.

Как я и ожидал, воспоминания Филя были очень интересными и не только дополняли рассказы Матевосяна и Махнача, но и давали мне возможность восстановить картину боев в центральной цитадели в самые последние дни июня 1941 года. Эта была поистине величавая картина стойкости и мужества советских людей, картина, полная одновременно и глубокого трагизма и подлинной героики.

ТАК СРАЖАЛИСЬ ГЕРОИ

Давно смолк дальний гул пушек на востоке — фронт ушел за сотни километров от границы. Теперь в моменты ночного затишья вокруг крепости стояла тишина глубокого тыла, нарушаемая лишь ноющим гудением бомбардировщиков дальнего действия, проплывающих высоко в небе. Но затишье случалось редко — обстрел крепости и атаки пехоты не прекращались ни днем, ни ночью: противник старался не давать осажденным отдыха, надеясь, что измотанный в этих непрерывных боях гарнизон вскоре капитулирует.

С каждым днем становились все более призрачными надежды на помощь извне. Но надежда помогала жить и бороться, и люди заставляли себя надеяться и верить. Время от времени стихийно возникал и мгновенно разносился по крепости слух о том, что началось наше наступление, что в район Бреста подходят наши танки. Эта весть вызывала новый прилив сил у бойцов, они с еще большим упорством отстаивали свои рубежи, и еще яростнее становились их ответные удары по врагу. И хотя слухи о помощи всегда оказывались ложными, они возникали снова, и всякий раз им безраздельно верили.

Когда однажды ночью над крепостью прошел отряд наших дальних бомбардировщиков, их тотчас же узнали по звуку моторов. А когда еще несколько минут спустя где-то далеко на западе, в районе ближайшего железнодорожного узла за Бугом, загромыхали глухие взрывы, все поняли, что советские самолеты бомбят эшелоны противника, и крепость возликовала. Люди закричали «ура», кое-где открыли огонь по расположению врага, гитлеровцы всполошились, и их артиллерия тотчас же возобновила обстрел цитадели.

В другой раз над крепостью днем появился наш истребитель. Одиноким советский самолет, неведомо как залетевший сюда с далекого фронта, неожиданно вынырнул из-за облаков,

спустился над Центральным островом и, сделав круг, приветственно покачал крыльями, на которых ясно были видны родные советские звезды. И такое восторженное, неистовое «ура» разом огласило всю крепость, что казалось, летчик должен услышать этот многоголосый крик, несмотря на оглушительный грохот снарядов и рев мотора своей машины.

А потом со стороны границы примчалось несколько «мессершмиттов», и настороженно притихшая крепость сотнями глаз взволнованно следила, как истребитель, отстреливаясь короткими очередями от наседающих врагов, уходит все дальше на восток, постепенно взбираясь все выше к спасительным облакам, пока наконец самолеты не растаяли в небе. Но весь этот день в крепости дрались с особенным подъемом, и даже многие тяжелораненые выползли на линию обороны с винтовками в руках. Никто не сомневался в том, что этот одинокий самолет был послан командованием, чтобы ободрить осажденный гарнизон и дать ему понять, что помощь не за горами. Как бы то ни было, неизвестный советский летчик сумел вдохнуть в защитников крепости новые силы и на время внушил им твердую уверенность в успешном исходе обороны.

Но время шло, помощь не приходила, и становилось ясно, что обстановка на фронте сложилась пока что неблагоприятно для наших войск. И хотя люди еще заставляли себя верить в то, что их выручат, каждый в глубине души уже начинал понимать, что благополучный исход дня ото дня становится все более сомнительным. Впрочем, стоило кому-нибудь заикнуться об этих сомнениях, как товарищи резко обрывали его. Среди осажденных как бы установилось молчаливое, никем не высказанное условие — не заговаривать о трудностях борьбы, не допускать ни малейшей неуверенности в победе.

«Будем драться до конца, каков бы ни был этот конец!» Это решение, нигде не записанное, никем не произнесенное вслух, безмолвно созрело в сердце каждого из защитников крепости. Маленький гарнизон, наглухо отрезанный от своих войск, не получавший никаких приказов от высшего командования, знал и понимал свою боевую задачу. Чем дольше продержится крепость, тем дольше полки врага, стянутые к ее стенам, не попадут на фронт. Значит, надо драться еще упорнее, выигрывать время, сковывать силы противника здесь, в его глубоком тылу, наносить врагу возможно больший урон и тем самым хоть немного ослабить его наступательную мощь. Значит, надо драться еще ожесточеннее, еще смелее, еще настойчивее.

И они дрались с необычайным ожесточением, с невиданным упорством, проявляя удивительное презрение к смерти.

Раненные по несколько раз, они не выпускали из рук оружия и продолжали оставаться в строю. Истекающие кровью, обвязанные окровавленными бинтами и тряпками, они, собирая последние силы, шли в штыковые атаки. Даже тяжелораненые старались не оставить своего места в цепи обороняющихся. Если же рана была такой серьезной, что уже не оставалось сил для борьбы, люди нередко кончали самоубийством, чтобы избавить товарищей от забот о себе и в дальнейшем не попасть живыми в руки врага. Много раз в эти дни защитники крепости слышали последнее восклицание: «Прощайте, товарищи! Отомстите за меня!» — за которым тотчас же следовал выстрел...

Гитлеровских генералов и офицеров, командовавших штурмом крепости, бесило это неожиданное для них упорство осажденных. Их части надолго застряли здесь, на первых метрах советской земли, тогда как авангарды наступающей немецко-фашистской армии уже овладели Минском и двигались дальше, в направлении Смоленска и Москвы. В то время как там, на фронте, наступавшие войска стяжали победные лавры, получали ордена, захватывали в городах и селах богатые трофеи, здесь, у стен Брестской крепости, в глубоком тылу, немецких офицеров подстерегали не только меткие пули советских стрелков, но и явное недовольствие своего командования. Из ставки Гитлера то и дело запрашивали, почему крепость еще не взята, и тон этих запросов с каждым днем становился все более недовольным и раздраженным. Но крепость продолжала сражаться, хотя осаждающие не останавливались ни перед какими мерами, чтобы скорее сломить сопротивление гарнизона.

Всё новые батареи подтягивались к берегу Буга. Без передышки, день и ночь, продолжался обстрел крепости. Мины дождем сыпались во двор цитадели, методично перепыхивая каждый метр земли, кромсая осколками кирпичные стены казарм, превращая в лохмотья железо крыш. Яростно ревели крупнокалиберные штурмовые пушки врага, постепенно разрушая крепостные строения. С первых же дней гитлеровцы стали применять при обстреле снаряды, разбрызгивающие горючую жидкость, а вскоре в дополнение к ним в крепости появились немецкие огнеметы. Вперемежку с бомбами самолеты, то и дело налетавшие на крепость, сбрасывали бочки и баки с бензином, и порой некоторые участки крепости превращались в сплошное море огня.

Здесь и там стены зданий, служивших убежищем для защитников крепости, под бомбами и снарядами штурмовых пушек становились дымящимися развалинами, где, казалось,

не могло остаться ничего живого. Но проходило немного времени, и из этих руин снова раздавались пулеметные очереди, трещали винтовочные выстрелы,—уцелевшие бойцы, раненные, опаленные огнем, оглушенные взрывами, продолжали борьбу.

По ночам противник посылал к казармам группы своих диверсантов-подрывников. Таща за собой ящики с толом, они старались подползти к зданиям, занятым защитниками крепости, и заложить взрывчатку. Партии саперов пробирались в наше расположение по крышам и чердакам, спуская пачки тола через дымоходы. В темноте чердаков вспыхивали внезапные рукопашные и гранатные бои, здесь и там раздавались неожиданные взрывы, обрушивались потолки и стены, засыпая бойцов. Но и оглушенные, израненные, полузадавленные этими обвалами люди не выпускали из рук оружия. Вот как описана в немецком донесении одна из таких операций саперов: «Чтобы уничтожить фланкирование из дома комсостава на Центральном острове, туда был послан 81-й саперный батальон с поручением подрывной партией очистить этот дом. С крыши дома взрывчатые вещества были опущены к окнам, а фитили зажжены; были слышны крики, стоны раненых при взрыве русских, но они продолжали стрелять».

Враг уже не гнушался никакими самыми подлыми средствами, стремясь скорее подавить упорство осажденных. Захватив госпиталь и перебив находившихся там больных, группа автоматчиков надела больничные халаты и попыталась перебежать в центральную крепость через мост у Холмских ворот. Но бойцы Фомина успели разгадать этот маскарад, и попытка была сорвана. В другой раз, атакуя на этом же участке, солдаты противника погнали перед собой толпу медицинских сестер, взятых в плен в госпитале, а когда наши пулеметчики огнем с верхнего этажа казарм отбили и эту атаку, гитлеровцы сами перестреляли женщин, за спинами которых им не удалось укрыться. Во время штурма Восточного форта фашисты выставили впереди своих атакующих цепей шеренгу пленных советских бойцов, и защитники форта слышали, как эти пленные кричали им: «Стреляйте, товарищи! Стреляйте, не жалейте нас!»

С первых дней враг стал засылать в крепость своих агентов, переодетых в форму советских бойцов и командиров. То это были провокаторы, которые делали вид, что они бежали из немецкого плена, и распускали всевозможные панические слухи, стараясь смутить дух осажденных. То это были прямые диверсанты, исподтишка поражавшие защитников крепости предательскими выстрелами в спину. Но уже вскоре наши

воины научились распознавать лазутчиков врага, и их быстро вылавливали и уничтожали.

Каждый день над крепостью на смену бомбардировщикам появлялись маленькие трескучие самолеты, разбрасывавшие листовки. В этих листовках, заранее отпечатанных в Берлине, говорилось о том, что германские войска заняли Москву, что Красная Армия капитулировала и что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Потом стали сбрасывать листовки с обращениями непосредственно к гарнизону крепости, где немецкое командование, отмечая мужество и стойкость осажденных, пыталось доказать бесполезность борьбы и предлагало защитникам крепости «почетную капитуляцию». Но на все эти призывы крепость отвечала огнем.

Когда наступали минуты затишья, в разных местах крепости начинали работать немецкие громкоговорящие установки. Они также передавали обращения к гарнизону, призывая осажденных сложить оружие и обещая всем сдавшимся «хорошее обращение, питание и заботливый уход за ранеными». Впрочем, день ото дня тон этих обращений становился все более угрожающим, и вкрадчивые уговоры сменялись ультиматумами, когда гарнизону давалось на размышление полчаса или час, после чего противник грозил «стереть крепость с лица земли и смешать с землей ее гарнизон». Но и на эти угрозы бойцы отвечали выстрелами, а однажды в ответ на такую передачу над северными воротами крепости появилось полотнище, на котором кровью было написано: «Все умрем, но крепости не сдадим!»

Обычно после передачи очередного ультиматума немцы прекращали обстрел крепости, и наступала мертвая тишина, нарушаемая лишь громким голосом диктора, время от времени повторявшего: «Осталось десять минут!», «Осталось пять минут!» И как только истекал назначенный срок, на крепость разом обрушивался шквальный огонь немецких пушек и минометов и начиналась жестокая бомбежка с воздуха.

При этом враг применял все более тяжелые фугасные бомбы, взрывов которых не выдерживали самые мощные крепостные строения, а в глубоких подвалах, где укрывались бойцы, трескались бетонные полы, и у людей от сотрясения воздуха шла кровь из носа и ушей.

Особенно сильную бомбежку крепости предпринял противник в воскресенье, 29 июня. На этот раз на цитадель было решено обрушить самые тяжелые бомбы.

С утра жители Бреста обратили внимание на то, что на крышах высоких зданий города сидят офицеры, глядя в бинокли в сторону крепости. Гитлеровцы заранее хвастливо го-

ворили горожанам, что сегодня защитники цитадели должны будут выбросить белый флаг. В ясном летнем небе над крепостью закружились десятки бомбардировщиков, и тотчас же раздались мощные оглушительные взрывы, от которых содрогнулся весь город до самых дальних окраин и в стенах домов появились трещины, как при землетрясении. Крепость окутало дымом и пылью, и издали было видно, как там в страшных вихрях взрывов взлетают высоко вверх вырванные с корнем вековые деревья. Казалось, что и в самом деле после такой бомбежки в крепости не останется ничего живого.

Но когда бомбежка кончилась, а дым и пыль рассеялись, офицеры на крышах напрасно смотрели в бинокли: над развалинами и остатками зданий нигде не было видно белого флага. Можно было подумать, что там не осталось живой души. Однако прошло несколько минут, и снова послышались пулеметные очереди и трескотня винтовок. Люди, невзевшие среди этого урагана взрывов, продолжали борьбу.

Тяжелейшие бомбежки, непрерывный артиллерийский и пулеметный обстрелы, нарастающие атаки пехоты, огромное численное и техническое превосходство врага — все это делало невероятно трудной борьбу героического гарнизона Брестской крепости. Но это были трудности чисто военного характера, которые неизбежно сопровождают нелегкую профессию воина и к которым его загодя готовят. Только здесь они приняли свои крайние формы, возросли до высших степеней.

Однако с первых же дней осады ко всему этому прибавились трудности иного порядка, поставившие гарнизон в небывало тяжелые условия. Не только сама борьба, но и вся жизнь, весь быт осажденного гарнизона с самого начала обороны были отмечены сверхчеловеческим напряжением как физических, так и моральных сил людей. Эти особые условия и придают эпопее защиты Брестской крепости тот исключительный героический и трагический характер, который делает ее неповторимой в истории Великой Отечественной войны.

Даже бывалому фронтовику, прошедшему сквозь огонь самых жарких сражений Великой Отечественной войны, трудно себе представить ту невообразимо тяжелую обстановку, в которой с начала и до конца пришлось бороться гарнизону Брестской крепости.

Здесь каждый метр земли был не один раз перепахан бомбами, снарядами и минами. Здесь воздух был пронизан свистом осколков и пуль и грохот взрывов не затихал ни днем, ни ночью, а недолгая тишина, которая наступала после огла-

шения очередного вражеского ультиматума, казалась еще более страшной и зловещей, чем ставший уже привычным обстрел.

Зажигательные бомбы, снаряды, огнеметы, разбрызгивавшие горячую жидкость, баки с бензином, которые сбрасывали с самолетов, делали свое дело. В крепости горело все, что могло гореть. Эти пожары возникли на рассвете 22 июня и не прекращались ни на час в течение более чем месяца, то слегка затухая, то разгораясь в новых местах, и в безветренную погоду над крепостью всегда стояло, не рассеиваясь, густое облако дыма.

Несколько дней на плацу перед западным участком казарм, где дрались группы стрелков 44-го полка, горели машины стоявшего здесь автобатальона, и едкий запах паленой резины, стлавшийся вокруг, душил бойцов. В северо-западной части кольцевого здания долго пылал большой склад с обмундированием, и все заволокло таким удушливым дымом, что бойцы 455-го полка, занимавшие поблизости отсеки казарм, вынуждены были надевать противогазы.

Огонь проникал даже в подвалы. Кое-где в этих подвалах от многодневных пожаров развивалась такая высокая температура, что впоследствии на каменных сводах остались висеть большие застывшие капли расплавленного кирпича.

А как только начинался обстрел, с пеленой дыма смешивались облака сухой горячей пыли, поднятой взрывами и пропитанной едким запахом пороховой гари. Пыль и дым сушили горло и рот, проникали глубоко в легкие, вызывая мучительный, судорожный кашель и нестерпимую жажду.

Стояли жаркие летние дни, и с каждым днем становился все более нестерпимым запах разложения. По ночам защитники крепости выползали из укрытий, чтобы убрать трупы. Но убитых было столько, что их не успевали даже слегка присыпать землей, а на следующий день солнце продолжало свою разрушительную работу, и лишь изредка, когда поднимался ветер, эта страшная атмосфера немного разрежалась, и люди с жадностью глотали струи свежего воздуха.

Но были и другие, еще более тяжелые лишения.

Не хватало пищи. Почти все продовольственные склады были разрушены или сторели в первые часы войны. Но прошло некоторое время, прежде чем эта потеря дала себя знать. Сначала, в предельном нервном напряжении боев, людям и не хотелось есть. Только на второй день начались поиски пищи. Кое-что удалось добыть из разрушенных складов, небольшой запас продуктов оказался в полковых столовых. Но всего этого было слишком мало, и с каждым днем голод становился мучитель-

нее. Иногда, обыскивая убитых вражеских солдат, бойцы находили в их ранцах запас галет, несколько кусков сахара или плитку шоколада, но эти находки отдавали прежде всего раненым, детям и женщинам, укрывавшимся в подвалах. В маленькой кладовой около кухни 44-го полка оказалась бочка сливочного масла, которого хватило на два дня. Бойцы 84-го полка на третий день нашли в развалинах столовой полмешка сырого гороха, и его по приказанию Фомина разделили на всех, бережно отсчитывая по горошине. Потом начали есть мясо убитых лошадей, но жара вскоре лишила защитников крепости и этой пищи. Люди превращались в ходячие скелеты, руки и ноги — в кости, обтянутые кожей, но руки эти продолжали крепко сжимать оружие, и голод был не в силах задушить волю к борьбе.

Не было медикаментов, не было перевязочных средств. Уже в первый день было так много крови и ран, что весь наличный запас индивидуальных пакетов и бинтов израсходовали. Женщины разорвали на бинты свое белье, то же самое сделали с оставшимися в казармах простынями и наволочками. Но и этого не хватило. Люди наспех перетягивали свои раны чем попало или вообще не перевязывали их и продолжали сражаться.

Менять перевязки было нечем, и тяжелораненые умирали от заражения крови. Другие оставались в строю, несмотря на потерю крови и мучительную боль.

Но самой жестокой мукой для раненых и для здоровых бойцов была постоянная, сводящая с ума жажда. Как это ни странно, но в крепости, стоящей на островах и окруженной кругом рукавами рек и канавами с водой, не было воды.

Водопровод вышел из строя в первые же минуты немецкого обстрела. Колодцев внутри крепости не было, не оказалось и запасов воды. В первый день удавалось набирать воду из Буга и Мухавца, но, как только противник вышел к берегу, он установил в прибрежных кустах пулеметы, обстреливая все подступы к реке. Теперь все такие вылазки за драгоценной водой большей частью кончались гибелью смельчаков, и жажда стала самой страшной и неразрешимой проблемой.

От своих агентов и от пленных противник знал об отсутствии воды в крепости, и его пулеметчики зорко стерегли все подходы к рекам и обводным каналам. Здесь каждый метр земли находился под многослойным огнем, и десятки наших бойцов заплатили жизнью за попытку зачерпнуть хотя бы котелок воды. Даже ночью подползти к реке было очень опасно — по всей линии берега непрерывно взлетали немецкие осветительные ракеты, ярко озарявшие все вокруг, и пулеметы врага, как чуткие сторожевые псы, наперебой заливались трескучими

злыми очередями, отзываясь на малейший шорох, на малейшее движение в прибрежных травах.

И все же ночами бойцы порой доставали воду. Стиснув зубами металлическую дужку котелка, плотно прижимаясь к земле и поминутно замирая на месте при взлете очередной ракеты, пластун осторожно подползал к реке. Оттолкнув в сторону трупы гитлеровцев, густо плавающие у самого берега, он, стараясь не плеснуть, зачерпывал котелком воду и так же медленно и бесшумно совершал свой обратный путь. И когда он, бережно неся в обеих руках этот котелок, проходил по отсекам казарм, люди старались не смотреть на добытую им воду — они не претендовали ни на каплю ее. Они знали, что прежде всего воду надо залить для охлаждения в кожухи станковых пулеметов «максим», которые без этого могут перегреться и выйти из строя. Вся же остальная вода поступала в подвалы — для детей, раненых и женщин, и эту драгоценную влагу, мутную и розоватую от крови, с величайшей тщательностью делили между ними, отмеряя каждому один скупой глоток в крышечку от немецкой фляги.

А тем, кто оставался в строю, воды не полагалось, и лишь тогда, когда они кидались в контратаку, преодолевая вброд Мухавец под огнем немецких пулеметов, кое-кто на бегу успевал сделать один-два глотка. А в остальное время жажда терзала их, а жара, дым и пыль удесятеряли эти мучения. Спазмой стягивало пересохшее горло, рот казался сделанным из сухой пыльной кожи; распухал, становился нестерпимо шершавым и колючим язык, на котором не было ни капли слюны. Жаркий воздух словно огнем жег легкие при каждом вдохе. И если обессиленный, изнуренный жаждой и бессонницей боец на несколько минут забывался в короткой дремоте, кошмары преследовали его — ему снилась вода: реки, озера, целые океаны свежей, прохладной, целительной воды, и люди, проснувшись от выстрелов или от толчка более бдительного соседа, готовы были взвыть от бешенства, поняв, что все виденное было только сном. И случалось, что человеческие силы не выдерживали этой муки и люди от жажды сходили с ума.

В подвалах штыками и ножами пытались рыть ямы. Земля осыпалась, ямки оказывались неглубокими, и воды в них почти не было. На участке 84-го полка в таком колодце за день собиралось меньше котелка воды, которой не хватало даже для тяжелораненых. Более глубокий колодец выкопали бойцы в районе Восточного форта, но оказалось, что в этом месте когда-то располагалась конюшня и проходил сток нечистот — вода в колодце была зловонной, и люди не могли ее пить.

Чтобы облегчить мучения, бойцы брали в рот сырой песок, пили даже кровь из собственных ран, но все это, казалось, только обостряло страдания. Как о небывалом чуде они мечтали о дожде, но день за днем небо оставалось безоблачным и горячее летнее солнце по-прежнему беспощадно жгло землю. Неприятная, доводящая до помешательства жажда становилась все более нестерпимой.

Но при всей непомерной тяжести этих лишений защитникам крепости было еще тяжелее видеть страдания женщин и детей. Командиры, семьи которых находились здесь, в крепостных подвалах, в бессильном отчаянии наблюдали, как смерть от голода и жажды с каждым днем все ближе подкрадывается к их детям, женам и матерям. С нежностью и болью бойцы смотрели на обессиленных, исхудалых ребятишек, готовые пожертвовать всем, лишь бы хоть немного облегчить их участь. Воду, пищу, которую удавалось добыть, прежде всего несли детям, и даже тяжелораненные отказывались от своей скудной доли в пользу малышей.

Несколько раз женщинам предлагали взять детей и идти сдаваться в плен. Но они наотрез отказывались, пока еще можно было хоть чем-нибудь поддерживать силы ребят. Мысль о фашистском плене была им так же ненавистна, как и мужчинам.

Они перевязывали раны бойцам, взяли на себя заботу о тяжелораненых и ухаживали за ними так же нежно, как за своими детьми. Некоторые женщины и девушки-подростки бесстрашно шли под огонь, поднося обороняющимся боеприпасы. А были и такие, которые, взяв в руки оружие, становились в ряды защитников крепости, сражались плечо к плечу со своими мужьями, отцами и братьями.

Женщин с винтовками, с пистолетами, с гранатами в руках можно было встретить на разных участках обороны крепости. И хотя имена этих героинь остались по большей части неизвестными, мы знаем, что многие боевые подруги командиров дрались рядом с мужьями, и становится понятным, почему гитлеровцы, штурмовавшие цитадель, распространяли слухи о том, что в обороне крепости участвует якобы советский «женский батальон».

В непрерывных, ожесточенных боях, в огне непрекращающегося обстрела и яростных бомбежек бесконечно длинной чередой проходили дни, похожие друг на друга. Каждое утро, когда со стороны города над крепостью, окутанной пеленой дыма и пыли, вставало солнце, оживали надежды людей на то,

что этот день будет последним днем их испытаний и что, может быть, именно сегодня они наконец услышат на востоке долгожданный гул советских орудий. И каждый вечер, когда солнце садилось за оголенные пулями и осколками снарядов деревья Западного острова, вместе со светом дня угасали и эти надежды.

Но с первых дней защитники крепости решили не ограничиваться ожиданием помощи и не только отбивать атаки врага, но и попытаться самим прорвать кольцо осаждающих войск. За городом далеко на восток простирались обширные леса и непроходимые болота, тянувшиеся через всю Белоруссию, а в нескольких десятках километров к северо-востоку от крепости начиналась дремучая Беловежская пуща. Если бы удалось прорваться в эти леса, там можно было бы успешно продолжать борьбу, стать партизанами и с боями постепенно продвигаться к фронту.

Начиная с 25 июня почти на всех участках обороны крепости каждую ночь делались попытки прорыва. Но вражеское кольцо было плотным, гитлеровцы держались настороже. Лишь отдельным небольшим группам бойцов удавалось выйти из осажденной крепости, и в большинстве своем ночные атаки захлебывались под огнем пулеметов, и уцелевшие участники этих прорывов после жаркого и безрезультатного боя вынуждены были отступать назад, к казармам, каждый раз недосчитываясь многих своих товарищей.

Наиболее организованные и упорные попытки прорыва предпринимались на участках 84-го и 44-го полков под командованием Зубачева и Фомина. Прорываться решили на северо-восток и на север, и поэтому уже с 24 июня основная масса бойцов, сражавшихся на Центральном острове, сосредоточилась в северном полукольце казарм на берегу Мухавца. В южном и западном секторах, а также в клубе и в огаде бывшего польского штаба были оставлены лишь группы прикрытия.

В самую темную, предрассветную часть ночи два больших отряда, разделенных между собой трехарочными воротами, готовились к броску вдоль всей линии северных казарм. Одной из этих групп прорыва командовал полковой комиссар Фомин. В то же время часть бойцов под командованием Зубачева занимала позиции у окон второго этажа, готовясь огнем поддерживать атаку товарищей.

Отражаясь в спокойном ночном зеркале Мухавца, на противоположном берегу то и дело взлетали цепочки ракет, и в их колеблющемся свете за рекой виднелась черная стена земляного вала, занятого немцами. Время от времени оттуда, из-за вала, протягивались в сторону Центрального острова светя-

щиеся пунктыры трассирующих пуль и доносились короткие очереди пулеметов, иногда в ночном небе слышался свистящий шест прлетающих над казармами снарядов, и во дворе громыхали взрывы. Стоя в простенках между окнами, выходящими на Мухавец, собравшись группами у ворот, бойцы чутко вслушивались и всматривались в очертания противоположного берега, напряженно ожидая приказа. И когда наконец по всей линии атаки со скоростью электрической искры пронеслась команда: «Вперед!» — люди разом бросались на мост, выскакивали из окон на берег и, поднимая над головой оружие, стремительно шли по вязкому, глинистому дну Мухавца — без выстрелов, без криков.

Но им удавалось выиграть всего несколько секунд. При свете ракет противник почти тотчас же обнаруживал атакующих. Огоньки автоматных и пулеметных очередей сверкали по всему гребню вала. Мухавец закипал под пулями, и на мост с двух сторон обрушивался густой огонь пулеметов. Только тогда по всей линии атаки раскатывалось злое, яростное «ура», раздавались первые выстрелы и бойцы Зубачева из окон казарм начинали обстреливать огневые точки на валу.

Удержать огнем этот первый натиск атакующих бойцов было невозможно. Люди тонули в темной воде Мухавца, падали на мосту, но мимо этих убитых и раненых, сквозь стену пулеметного огня неистово рвались вперед другие, строча из автоматов, забрасывая гранатами огневые точки на валу. Бойцы врывались на вал, яростно работая штыками, и здесь и там огонь врага оказывался подавленным.

Но поблизости, за валом, у немцев наготове стояли подкрепления. Свежие роты автоматчиков бросались на помощь своим, и тотчас же сказывался численный и огневой перевес противника. Продвижение атакующих приостанавливалось, и командиры, видя, что дальнейшие попытки привели бы к большим и напрасным потерям, отводили остатки своих отрядов назад, за реку. Удрученные неудачей, подавленные гибелью товарищей люди возвращались в казармы, чтобы на следующую ночь с еще большим упорством повторить попытку прорыва. Так продолжалось несколько ночей подряд, но с каждым разом атакующих становилось все меньше. Противник подтягивал на опасное направление всё новые силы, и кольцо осады уплотнялось. Но какой бы дорогой ценой ни оплачивались эти попытки, они были последней надеждой осажденных, и в их отчаянном натиске выплескивалось наружу все, что переполняло сердца бойцов,— неудержимая, ищущая выхода ненависть к врагу, жгучее желание сойтись с ним грудь с грудью, поразить его своей рукой.

Однако наступила ночь, когда всем стало ясно, что дальнейшие атаки приведут только к полному истреблению гарнизона и ускорят захват крепости противником. Ночью 27 июня очередная попытка прорыва была отбита немцами с особенно большими потерями для атакующих, и в казармы вернулась едва ли половина людей. И тогда Александр Филь, сопровождавший Фомина, при свете очередной немецкой ракеты увидел, что исхудалое, заросшее и закопченное лицо комиссара мокро от слез. Комиссар, все эти дни неизменно сохранявший спокойствие и уверенность, невольно передававшиеся бойцам, сейчас плакал слезами гнева и отчаяния, в которых как бы слились воедино и сознание своего бессилия спасти людей, и острая душевная боль при мысли о погибших, и щемящее предчувствие неизбежной и мрачной судьбы тех, кто пока еще оставался в живых.

Никто другой не заметил этих слез, и комиссар тотчас же справился с минутной слабостью: уже вскоре все услышали его обычный, ровный голос, отдающий распоряжения. В конце концов, даже тогда, когда все надежды вырваться из окружения были потеряны и почти не оставалось веры в то, что на помощь подоспеют свои, борьба все-таки имела смысл. Цель была в том, чтобы продержаться как можно дольше, сковывая силы противника у стен крепости, и уничтожить в боях как можно больше врагов, дорогой ценой продавая свою жизнь.

С этой ночи попытки прорыва на участке 84-го и 44-го полков были прекращены.

Такое решение было продиктовано не только большими потерями осажденных, но и нехваткой боеприпасов. В обороне можно было более расчетливо, экономно тратить патроны и гранаты, добывать которые удавалось теперь с невероятным трудом.

То, что вначале было найдено в уцелевших или полуразрушенных складах боепитания, скоро израсходовали, отражая непрерывные атаки врага. Бойцы ухитрялись пополнять запасы даже из тех складов, которые горели и где поминутно в огне рвались с громким треском запакованные в ящиках патроны. Люди бесстрашно бросались в огонь и, ежесекундно рискуя жизнью, выхватывали ящики из горящих штабелей. Но и этого не могло хватить надолго.

День за днем недостаток боеприпасов давал себя чувствовать все сильнее. Каждая граната, каждый патрон были на счету. Если боец падал убитым, не израсходовав своего боезапаса, его патроны и гранаты тотчас же брал другой. С первых же дней стали снимать оружие и подсумки с патронами с убитых гитлеровцев. Пробираясь ползком под огнем, бойцы обща-

ривали каждый труп в немецком мундире, и, как ни сильно мучили людей голод и жажда, руки первым делом тянулись не к фляжке с водой, не к пище, которую можно было иногда обнаружить в карманах убитых,— сумка с патронами, автомат и гранаты на длинных деревянных ручках были самыми желанными находками.

Постепенно становились ненужными и бесполезными пулеметы и автоматы советских марок, винтовки, наганы и пистолеты «ТТ»,— патронов к ним не было. Большинство бойцов сражались с врагом его же собственным оружием—немецкими автоматами, подобранными на поле боя или захваченными во время контратак. А пополнять боезапас защитникам крепости приходилось необыкновенным способом, который, вероятно, не применялся никогда больше за всю Великую Отечественную войну.

Как только запас патронов подходил к концу, бойцы прекращали огонь из окон казарм, делая вид, что сопротивление их сломлено и они отступили на этом участке. Не отвечая на выстрелы врага, люди укрывались за простенками между окнами, ложились у стен так, чтобы автоматчики не могли заметить их снаружи.

Непрерывно обстреливая окна, осторожно и недоверчиво солдаты противника приближались вплотную к казармам. Вытянув шею, автоматчики с подозрением заглядывали в окна, но рассмотреть, что делается в помещении, мешали толстые, метровые стены. Тогда в окна летели гранаты. Гулкие взрывы грохотали в комнатах, осколки, разлетаясь, порой убивали или ранили притаившихся в засаде бойцов, но готовые к этому люди ничем не выдавали своего присутствия, и противник убеждался, что гарнизон покинул свои позиции. Автоматчики с торжествующими криками толпой врываются внутрь сквозь окна и двери, и на них тотчас же кидались бойцы, рукопашную уничтожали врагов и завладевали их оружием и боеприпасами.

Так добывали патроны много раз. Но все равно их было слишком мало — враг наседал все сильнее, и, зная, какой ценой достаются боеприпасы, бойцы расходовали их скупой и расчетливо, стараясь, чтобы каждая пуля попала в цель. И когда однажды кто-то из бойцов в присутствии Фомина сказал, что он последний патрон оставит для себя, комиссар тотчас же возразил ему, обращаясь ко всем.

— Нет,— сказал он,— и последний патрон надо тоже посылать во врага. Умереть мы можем и в рукопашном бою, а патроны должны быть только для них, для фашистов.

Немцам удалось занять большинство помещений в юго-восточной части казарм, откуда ушли основные силы бойцов 84-го полка. Шли упорные бои за клуб и развалины штаба

польского корпуса, и здания эти по несколько раз переходили из рук в руки. Все чаще немецкие танки проникали через трехарочные ворота во двор Центрального острова. Они подходили вплотную к казармам и прямой наводкой в упор били по амбразурам окон, а иногда и врывались внутрь здания через большие, широкие двери складских помещений первого этажа. Однажды на участке 455-го полка немецкий танк вошел в казарменный отсек, над дверью которого наш санитар вывесил большое, заметное издали полотнище с красным крестом. Здесь, в этом отсеке, на бетонном полу лежали тяжелораненые. Крик ужаса вырвался у всех при виде появившегося в дверях танка, а машина, на мгновение приостановившись, со злобным ревом ринулась внутрь — прямо по лежащим телам. Танк резко притормозил на середине помещения и вдруг, скрежежтнув гусеницей, принялся вертеться по полу, безжалостно давя незащитных людей...

Как ни упорно сопротивлялись защитники крепости, враг постепенно одолевал их. С каждым днем перевес его становился все более подавляющим.

В этих условиях не имело никакого смысла дальнейшее пребывание в крепости женщин и детей. Их неминуемо ждала смерть от тяжелых бомб, которые авиация противника ежедневно сбрасывала на крепость. Как ни жесток был враг, как ни тяжело и унижительно было попасть в его руки, все же оставалась надежда на то, что он пощадит женщин и детей. Вот почему решено было отправить их в плен.

И как ни плакали женщины, как ни умоляли оставить их в крепости, готовые разделить судьбу своих мужей, приказ командования был категорическим, и они, взяв детей, вынуждены были выйти из подвалов и сдать на милость врага.

Ожесточение боев все росло. Торопясь покончить с крепостным гарнизоном, противник, не считаясь с потерями, бросал на штурм всё новые силы.

В последние дни июня особенно напряженная борьба шла на северном участке Центрального острова, около трехарочных ворот, где сражались бойцы Зубачева и Фомина — главное ядро осажденного гарнизона. Немцам удалось занять несколько казарменных отсеков, примыкающих к трехарочным воротам с запада, но затем группа, державшая здесь оборону, остановила продвижение автоматчиков внутри кольцевого здания. А бойцы Фомина и Зубачева срывали все попытки врага закрепиться в восточном крыле казарм. Это крыло было тупиковым, и, стояло противнику прочно занять первые помещения, примыкающие к трехарочным воротам с востока, автоматчики смогли бы теснить наших стрелков внутри здания в сторону тупика. Эту

опасность сознавали все, и борьба за помещения, смежные с воротами, отличалась особым ожесточением. По несколько раз в день автоматчики врывались туда, но тотчас же, передаваемый из отсека в отсек, по всей линии восточного крыла казарм проносился тревожный сигнал: «Немцы в крайних комнатах!» — и бойцы, не ожидая команды, дружно бросались отбивать эти помещения в бешеной рукопашной схватке. Так продолжалось изо дня в день, и вскоре крайние помещения были до половины окон завалены убитыми гитлеровцами и телами советских бойцов, но и на этих горах трупов по-прежнему яростно дрались гранатами, штыками, прикладами, и всякий раз противнику не удавалось закрепиться в этих ключевых комнатах.

Тогда немецкое командование послало к воротам подрывников. Как только начиналась очередная атака автоматчиков, подрывники по крышам и чердакам пробирались в восточное крыло казарм. Мощные толковые заряды спускались по дымовым трубам в первые этажи, внезапные взрывы обрушивали на головы бойцов потолки и стены, и здание постепенно, метр за метром, превращалось в развалины, под которыми гибли последние защитники этого рубежа.

Здесь, отбиваясь от наседавших автоматчиков, был похоронен под грудой камней писарь штаба 84-го полка, рядовой Федор Исаев, хранивший у себя на груди боевое знамя полка. Здесь, израненные и обессиленные, были захвачены в плен дравшиеся вместе с Фоминым и Зубачевым бойцы Иван Дорофеев, Александр Ребзуев, Александр Жигунов и другие.

Именно здесь 29 или 30 июня во время такого взрыва был завален обломками стен тяжело контуженный и раненый боец Александр Филь. Гитлеровцы извлекли его из-под груды развалин вместе с несколькими другими защитниками крепости и отправили в лагерь для военнопленных.

Что произошло с остальными его товарищами, в том числе с Фоминым и Зубачевым, он не знал. Лишь потом, в плену, ему рассказывали, будто Фомин, оглушенный взрывом, полуживой попал в руки фашистов и был расстрелян ими, а капитан Зубачев якобы погиб в бою. Но все это были только слухи, которые еще предстояло проверить.

Об одном только Филь говорил с полной уверенностью. Борьба в крепости продолжалась и после того, как он попал в плен. В лагерь, где он находился, время от времени привозили других пленных, захваченных в крепости позже. Но какие силы сражались там после 1 июля и кто ими руководил, все это оставалось пока неизвестным. Надо было искать других участников обороны, дравшихся в крепости дольше, чем Филь.

Вот что помнил Филь о боях в Брестской крепости. Все это было тщательно застенографировано во время наших бесед. Наступил момент, когда я снова спросил его о том, что произошло с ним в плену и как случилось, что он был обвинен в измене Родине. И тогда Филь подробно рассказал мне историю своего пребывания в гитлеровских лагерях и освобождения из плена.

Захваченный врагами без сознания в развалинах крепости, он был сначала доставлен в лагерь около польского города Бяла Подляска, в нескольких десятках километров от Бреста. В этом лагере, разделенном колючей проволокой на клетки, так называемые «блоки», под открытым небом, почти без пищи содержались многие тысячи советских солдат и командиров, попавших в руки врага на разных участках фронта.

Рана Филья заживала медленно, и последствия контузии еще давали себя знать. Он только начал выздоравливать, когда гитлеровцы решили провести учет пленных в том блоке, где находился Филь. Сначала пришел лагерный переводчик, проводивший предварительный опрос. Это был польский еврей, владевший немецким языком, человек, который, впрочем, понимал, какая судьба ожидает его у фашистов. Он сочувствовал пленным и старался помочь им в меру своих возможностей.

Спросив фамилию и национальность Филья, он отозвал его в сторону.

— Слушай, у тебя очень удобная фамилия, — сказал он. — Она похожа на немецкую. С такой фамилией ты можешь неплохо устроиться. Скажи им, что ты из обрусевших немцев или немец по отцу — «фольксдойче», как они это называют. Тогда тебя освободят из лагеря, пошлют на легкую работу, а может быть, даже примут служить в германскую армию. А если скажешь, что русский, тебе будет очень трудно.

К удивлению переводчика, Филь даже не поблагодарил его за это предложение. Он только мрачно опустил голову и молча отошел. Но внутри у него все кипело.

Филь понимал, что было бы бесполезно объяснять свои чувства переводчику, хотя тот искренне хотел помочь пленному. Для этого человека, воспитанного в панской капиталистической Польше, остались бы пустым звуком все слова о чести и достоинстве советских людей, советских воинов. Разве мог он, представитель совсем другого мира, догадаться о том, какое возмущение вызвали его слова в душе этого измученного, босого, голодного, но непокоренного пленного в изодранной красноармейской гимнастерке! Разве мог он понять, что для

Филя, коренного русского человека, воспитанного Коммунистической партией и Советской властью, выросшего в рядах комсомола, сама мысль о том, чтобы выдать себя за полунемца, служить врагу, а тем более надеть на плечи ненавистную фашистскую шинель, была нестерпимо унижительной, чудовищно невозможной!

На другой день пленных привели в дощатый барак-канцелярию. Человек в немецкой военной форме, сидевший за столом, положил перед собой незаполненную карточку военнопленного и, приготовившись писать, резко и повелительно спросил ломаным русским языком:

— Фамилия, имя, национальность?

— Филиппов,— сказал Филь.— Александр Филиппов. Русский.

Так Александр Филь стал на несколько лет Александром Филипповым, чтобы там, в плену, никто и никогда не подумал, что он может иметь какое-то даже отдаленное отношение к врагам своей страны, своего народа — к немецким фашистам.

Рана его постепенно зажила, и он стал обдумывать план побега, как вдруг однажды большую группу пленных, в числе которых был и он, посадили в вагоны и повезли в Германию. А затем в одном из немецких портов их загнали в трюм парохода, и после многодневного плавания Филь и его товарищи по несчастью очутились на заметенном снегом полуострове, в дальних северных лагерях оккупированной фашистами Норвегии.

Три с лишним года провел Филь на этом клочке земли, окруженном почти со всех сторон холодным, суровым морем. Здесь, в лагере, строго охранявшемся эсэсовцами, он испытывал все ужасы фашистского плена — непосильный труд в каменных карьерах и вечный голод, побои и болезни, издевательства охраны и постоянную угрозу смерти. Но никогда за все эти годы Филь ничем не унижил себя перед врагом, ничем не запятнал совести и достоинства советского гражданина.

Наступил долгожданный день освобождения. 9 мая 1945 года пленные разоружили свою охрану, провели взволнованный митинг и под красным флагом отправились в лежавший неподалеку маленький норвежский городок. А месяц спустя из столицы Норвегии Осло отошел празднично украшенный эшелон с партией возвращавшихся на Родину пленных, среди которых ехал уже не Филиппов, а Александр Филь. И когда, миновав Швецию и Финляндию, поезд пересек советскую границу, он вместе с товарищами не мог удержаться слез в этот незабываемый момент встречи с родной землей.

Государственную проверку пленные, вернувшиеся из Нор-

вегии, проходили в одном из городков Марийской АССР. Не раз следователь вызывал Филь, подробно допрашивал его о пребывании в плену. При этом он особенно настойчиво допытывался, не записался ли в свое время Филь в части, которые формировал из числа изменников Родины перешедший на сторону гитлеровцев враг советского народа генерал Власов. Филь отвечал и устно и письменно, что он бывший комсомолец и всегда считал власовцев предателями. Как и подавляющее большинство наших пленных, он каждый раз решительно отказывался записаться во власовские части, несмотря на то что после такого отказа непокорных избивали, морили голодом и лагерный режим становился для них еще более строгим.

Проверка подходила к концу. В последний раз Филь вызвал следователь. Это был один из тех людей, кто действовал противозаконными методами, которые насаждал тогда авантюрист и враг народа Берия. Но Филь в то время ничего об этом не знал.

Следователь положил перед ним два экземпляра протокола проверки и предложил подписать их. Филь взял один из них, чтобы прочитать.

— Ты что? Советской власти не веришь? — с угрозой в голосе внезапно спросил следователь.

И Филь, чистосердечно думая, что этот человек в военной форме действительно является настоящим представителем его родной Советской власти, просто и доверчиво сказал:

— Конечно, верю!

И подписал, не читая, оба протокола.

Его отпустили, и вскоре он получил предписание отправиться в Якутскую АССР, в город Алдан. Еще не понимая, что произошло, он приехал туда и, явившись, как ему было приказано, в Алданский районный отдел НКВД, увидел, как на его глазах принадлежащие ему документы вдруг достали из папки с надписью «Власовцы».

Он тут же запротестовал, но в ответ ему показали подписанное им самим признание в том, что он вступил в армию генерала Власова. Как изменник Родины, он был приговорен к шести годам заключения и отправлен в Якутию.

Это были тяжелые, гнетущие годы в его жизни. Филь честно, отдавая все силы, работал на золотых приисках, потом стал бухгалтером в приисковом управлении. Но что бы он ни делал, мысль о позорном пятне, которое поставлено на его биографию, не давала ему покоя и тяжким камнем лежала на сердце. Замечая иногда недоверие к себе, а порой заранее опасаясь, что ему не доверяют как предателю, он замкнулся, стал мрачным и нелюдимым. Он даже не пытался разыскивать сво-

их родных и довоенных друзей: ему страшно было подумать, что они, знавшие прежнего, веселого, хорошего комсомольца Сашу Филь, могут поверить в его предательство.

Тем дороже была для него встреча с девушкой — местной жительницей, которая сразу поверила в него и полюбила. Семья ее вскоре стала его родной семьей, а потом у них появился сын, и, когда в 1952 году истек срок несправедливого наказания, Филь остался жить в Якутии, на родине своей жены и ребенка.

Такова была печальная история Филь. По моей просьбе он рассказал мне и свою довоенную биографию, оказавшуюся одновременно и простой и сложной.

Александр Митрофанович Филь — сын бедняка крестьянина из станицы Тимашевской на Кубани. И отцы и деды его были русскими, а фамилия, видимо, досталась им в наследство от очень далеких предков. Впрочем, многие жители Тимашевской носили эту фамилию.

В детстве Саша Филь бежал из дома, беспризорничал, а потом попал в Ростов, в семью старого большевика, героя гражданской войны на Кавказе. Он воспитывался в этой семье, получил специальность бухгалтера, работал, а впоследствии поступил на первый курс юридического факультета Ростовского университета. Со студенческой скамьи он был призван в армию и попал в Брестскую крепость.

Словом, ничто ни в биографии Филь, ни в его поведении в дни боев не давало права предполагать, что он мог стать предателем Родины. Да и весь склад этого человека, весь его характер, каким он раскрылся передо мной во время наших бесед, подтверждал это. Я пришел к твердому убеждению, что Филь является честным и преданным советским человеком, и решил добиться пересмотра его дела.

Помню, мы закончили запись его воспоминаний уже на исходе зимнего февральского дня, часов в пять вечера, когда за окнами зажглись яркие московские огни. Я тут же поднял трубку и позвонил генерал-майору Евгению Ивановичу Варскому, занимавшему тогда пост Главного военного прокурора. Вкратце объяснив ему суть дела, я просил его помощи.

На другой же день, в десять часов утра, генерал Варской принял меня и Филь. Он внимательно выслушал нас обоих, немедленно вызвал работников прокуратуры и приказал им срочно начать проверку дела Филь.

Срок командировки Филь кончился — ему пора было отправляться в обратный путь. За день до отъезда он пришел ко мне и принес на память написанное им стихотворение. Наверху я прочел трогательное посвящение: «С благодарностью души и любовью сердца». Стихи с точки зрения литературной были да-

леко не совершенны, но в них подкупали простота и искренность чувства. Филь писал о том волнении, с каким он приехал в столицу, рассказывал о своих московских впечатлениях. Я был очень тронут этим подарком, и мы тепло распрощались.

Филь уехал, а я, продолжая разыскивать других героев Брестской крепости, время от времени заходил или звонил в Военную прокуратуру, поддерживая постоянный контакт со следователями, которые занимались проверкой его дела.

Нужно сказать, что работники Главной военной прокуратуры — полковник В. П. Маркарянц и подполковник Г. И. Дорофеев — проявили глубоко человеческое, исключительно внимательное отношение к делу Филья. Были затребованы документы из архивов, из дальних городов, кропотливо проверен весь материал обвинения, и постепенно картина все больше прояснялась.

Прошел почти год. Однажды, когда я пришел в прокуратуру, подполковник Г. И. Дорофеев, достав папку с делом Филья, сказал мне:

— Сейчас можно считать установленным, что Филь никогда не надевал на себя власовской формы и не брал в руки оружия. Остается выяснить вопрос: записывался ли он во власовцы? Дело в том, что во всех своих прежних показаниях он отрицал это. Но вот есть два документа, видимо написанных и подписанных им. Здесь он, противореча самому себе, признается, что был записан во власовскую часть. В этом противоречии предстоит разобраться.

Он показал мне два документа, в которых Филь действительно признавал, что власовцы завербовали его. В самом деле, почерк, которым были написаны эти документа, был похож на руку Филья — такой же четкий, типично писарский почерк, как и у него. Но как только я стал присматриваться и сличать эти документы с другими, написанными Фильем, стало заметно явное различие в почерках. Многие буквы в этих двух показаниях выглядели совсем иначе, чем в анкетах или автобиографии, составленной рукой Филья.

Я обратил на это внимание Г. И. Дорофеева. Он согласился, что некоторая разница есть, и сказал, что собирался послать эти документы на графологическую экспертизу.

Когда неделю спустя я позвонил Дорофееву, он с радостью сообщил мне, что экспертиза состоялась и эксперты единодушно признали, что оба показания, вызвавшие сомнения, написаны, несомненно, не Фильем, а кем-то другим. Собственноручной была только его подпись. Таким образом, все объяснилось: это и были те два документа, которые следователь заставил Филья подписать не читая.

С заключением следователей дело Филья было послано Ге-

неральному Прокурору СССР. Словом, в начале января 1956 года я смог наконец дать Филью долгожданную телеграмму. При этом я послал ее не по его личному адресу. Хотелось, чтобы как можно больше людей узнало об этом радостном событии, чтобы все сослуживцы Филья, знавшие его в тяжелые времена, когда над ним тяготело несправедливое обвинение, быть может и не доверявшие ему тогда, сейчас удостоверились бы в его полной невинности. Именно поэтому я решил телеграфировать прямо в адрес управляющего трестом «Якутзолото». Вот текст этой телеграммы:

«Алдан, Якутзолото, Заикину, для начальника лесоучастка Ленского приискового управления Александра Митрофановича Филья. Тридцать первого декабря Генеральный Прокурор подписал постановление о Вашей полной моральной реабилитации. Постановление выслано в Алдан, днями Военная прокуратура высылает в Ваш адрес официальную бумагу. Поздравляю Вас, героя Брестской крепости, с полным восстановлением Вашего доброго имени».

Уже вскоре я получил восторженную телеграмму Филья, а затем его письмо, говорившее о том, что он сейчас почувствовал себя возрожденным к жизни и полон радостных надежд на будущее. Оказалось, что я был прав в своих предположениях — телеграмма, посланная в адрес Заикина, обошла весь трест, а потом и Ленское приисковое управление. Товарищи горячо поздравляли Филью с радостным для него событием.

Летом 1956 года Филья взял на работе отпуск и снова приехал в Москву: он направлялся к себе на родину, в станицу Тимашевскую, где не был уже много лет. Там он нашел множество близких и дальних родственников, оказавших ему горячий, радушный прием. А потом он поехал в Ереван к Матевосяну. Я всегда жалел, что мне не довелось присутствовать при этой волнующей встрече двух однополчан, о которой потом Филья много рассказывал мне.

Прошло еще полгода, и в январе 1957 года я снова послал поздравительную телеграмму в Якутию. Я поздравлял Филью с высокой правительственной наградой — орденом Отечественной войны, которым были отмечены его доблесть и мужество при обороне Брестской крепости.

Чтобы закончить историю Александра Митрофановича Филья, я могу добавить, что в том же году он решил стать коммунистом и я, узнав об этом, тотчас же отослал ему свою партийную рекомендацию. Сейчас Филья уже находится в рядах КПСС. Я глубоко убежден, что он всегда будет достойным членом партии, так же как был достойным защитником Родины в дни памятной обороны Брестской крепости.

КАПИТАН ШАБЛОВСКИЙ И ЕГО ЖЕНА

Еще во время нашей поездки в Брест с Матевосяном и Махначом я услышал о волнующем подвиге одного из защитников крепости. Впоследствии очевидцы этого события помогли мне уточнить его подробности.

В северо-западной части Брестской крепости, почти на самой границе, около Буга, располагался 125-й стрелковый полк. Одним из батальонов в этом полку командовал капитан Владимир Васильевич Шабловский — коренастый, плотный человек могучего телосложения, отличавшийся, как рассказывают, исключительной физической силой. Кадровый военный, он уже много лет служил в армии и пользовался репутацией умелого, волевого и строгого командира.

Жил Шабловский здесь же, неподалеку от полковых казарм, в домах комсостава, выстроенных двумя рядами вдоль мощенной булыжником дороги, которая тянулась через всю северную часть крепости с востока на запад. Это были аккуратные двухэтажные домики, окруженные зелеными садами и цветочными клумбами.

Жена Шабловского Галина Корнеевна, молодая веселая и энергичная женщина, была верной спутницей нелегкой кочевой жизни армейского командира. Ей немало пришлось путешествовать с мужем по разным городам Белоруссии, куда, бывало, забрасывала его переменчивая военная судьба. Она уже привыкла к этим частым переездам и легко осваивалась на новом месте. Очень живой, общительный человек, Шабловская обычно всюду принимала активное участие в деятельности совета жен командиров, но в последние годы ей становилось все труднее заниматься общественной работой: семья росла, и дети отнимали все ее время.

У Шабловских было четыре дочери — «женский батальон», как, смеясь, называл их отец. Старшей, Раисе, недавно исполнилось восемь лет, вторая, Гета, была тремя годами младше сестры, Наташе минуло два, а Светлана родилась всего за восемь месяцев до войны. Эта была большая, шумная и дружная семья.

В ночь, когда началась война, весь 125-й полк находился в лагерях или на работах вне крепости. В казармах оставались только несколько дежурных взводов, хозяйственные команды, сотрудники штаба да часть полковой школы младших командиров. Батальон Шабловского в это время работал на строительстве укрепленного района в нескольких десятках километров от крепости. Но, как и другие командиры, капитан каждую субботу приезжал ночевать домой, чтобы провести с женой и дочерьми воскресенье. Так было и на этот раз.

Разбуженный первыми взрывами, Шабловский понял, что началась война. Быстро одевшись, они с женой взяли дочерей и спустились на первый этаж, где под лестницей уже испуганно сгрудились жившие в этом же доме женщины и дети.

Оставив здесь семью, Шабловский с несколькими другими командирами бросился в расположение полка. Как я уже сказал, этот участок крепости находился совсем близко к границе и огонь врага тут был особенно сильным. Вокруг рвались снаряды и мины, со стороны Буга раздавались пулеметные очереди, и пули непрерывно свистели над головой.

Казармы полка уже горели, и издали было видно, как из окон второго этажа, выбросив вниз матрацы, прыгают с винтовками в руках курсанты полковой школы. Здесь и там босые, полуодетые бойцы бежали к земляным валам, где в казематах помещались склады с оружием и боеприпасами. Но лишь немногим удавалось добраться туда — по дороге их подстерегали засевшие в кустах фашистские диверсанты, которые расстреливали бегущих из автоматов и пулеметов. А вскоре первые отряды переправившихся через Буг автоматчиков ворвались в расположение полка, хлынув через западные валы крепости, и все усилия немногочисленных командиров организовать тут единую оборону были тщетными. Группы наших бойцов, здесь и там залегшие на валах, засевшие в казематах, были отрезаны врагом друг от друга и вели борьбу самостоятельно.

Отстреливаясь от гитлеровцев, маленькая группа Шабловского вскоре вынуждена была отступить назад, к домам комсостава. Здесь их окружили автоматчики, и они укрылись в том самом доме, где по-прежнему, тесно прижавшись друг к другу, прятались под лестницей жены и дети командиров, в числе которых была и жена Шабловского с детьми.

Поставив двух бойцов у входных дверей, Шабловский с остальными людьми поднялся на чердак. Отсюда они могли через слуховые окна вести огонь по осаждавшим их автоматчикам, держа круговую оборону.

Весь день они вели перестрелку с гитлеровцами, отгоняя их своим огнем и ожидая, что вот-вот подойдет помощь. Кое-кто из людей в этих боях был ранен, а у Шабловского оказалась простреленной рука, и находившийся здесь полковой врач доктор Гаврилкин сделал ему перевязку.

К вечеру атаки врага прекратились, но у осажденных почти не оставалось боеприпасов. Положение было безнадежным, и помрачневший Шабловский, видя неминуемую угрозу плена, несколько раз собирался покончить с собой. Товарищам с трудом удавалось удержать его от этого.

За ночь автоматчики еще два или три раза пытались во-

рваться в дом. Их отбили, но зато последние патроны оказались при этом истраченными, и группа Шабловского стала совершенно беззащитной. Когда наступило утро, дом был окружен плотным кольцом гитлеровских солдат, а потом сюда подошел еще немецкий танк. Все находившиеся здесь были взяты в плен. В руки врага попал и Шабловский со своей семьей.

Немцы построили пленных в колонну и под усиленным конвоем автоматчиков погнали их в тыл, за Буг. Посадив на свою здоровую руку восьмимесячную Светлану, Шабловский, бледный и мрачный, опустив голову, шел впереди. Коммунист, человек с обостренным чувством воинской чести, он, видимо, считал несмываемым позором для себя вражеский плен и в душе глубоко сожалел, что не покончил с собой, уступив уговорам товарищей.

Раненые, обессиленные бойцы брели за своим капитаном, помогая идти детям. Кто-то из них взял на руки маленькую Наташу, а Рая и Гета шли сами, держа за платье матери.

На пути колонны был мост. Когда пленные подошли к нему, капитан Шабловский вдруг поцеловал свою дочь и передал ее жене. Прежде чем кто-либо понял, что он собирается делать, капитан обернулся к своим товарищам.

— Кто не хочет оставаться в плену — за мной! — громко крикнул он и прыгнул через перила моста в воду.

И тут же вслед за ним бросились другие его бойцы.

Наперебой затрещали автоматы конвоиров, закричали и заплакали женщины и дети. Но в несколько минут все было кончено — беглецов перестреляли в воде. Впрочем, они и искали смерти, а не спасения: раненые и измученные люди, они все равно не смогли бы никуда уйти.

Этот поступок советского капитана и его бойцов произвел глубокое впечатление даже на врагов. Явно взволнованные, гитлеровцы, посовещавшись между собой, повернули колонну назад. Потом женщин и детей отделили от мужчин и отвели их в брестскую городскую тюрьму.

Здесь, в тюрьме, битком набитой семьями наших командиров и местными жителями, Галина Корнеевна Шабловская и ее дочери провели около двух недель. Потом их выпустили, и жена капитана на время поселилась в Бресте.

Она понимала, что тут, в городе, где многие ее знают, ей и детям всегда грозила опасность: время от времени гестаповцы арестовывали семьи командиров. В поисках пропитания для детей Галина Корнеевна нередко ходила и ездила в окрестные села, и, наконец подыскав себе подходящее место, она окончательно решила переехать в деревню.

Шабловские поселились в одной из небольших деревень близ города Кобрина, в полусотне километров от Бреста. Местные жители гостеприимно приняли их, и, работая у крестьян, Галина Корнеевна кое-как обеспечивала детей всем необходимым.

С первых же дней пребывания в этой деревне Шабловская стала отлучаться в город и соседние села. Эти отлучки становились все более частыми, и порой она уходила на два-три дня, оставляя дочерей на попечение своих хозяев. Каждый раз девочки плакали, уговаривали мать не уходить, но она успокаивала детей, обещая скоро вернуться. Только однажды она намеком объяснила причину своего отсутствия старшей дочери Рае, которая уже кое-что понимала.

— Ты же хочешь, чтобы наши скорее пришли и выгнали отсюда немцев? Хочешь, чтобы вернулась наша Красная Армия? — спросила она. — Вот для этого я и ухожу из дому. Терпи, доченька!

Но только впоследствии Рая узнала, куда так часто уходила ее мать. Галина Корнеевна не случайно перебралась в деревню, которая находилась на подозрении у немцев как гнездо партизан. Жена капитана давно стала связной партизанского отряда «дяди Кости», действовавшего здесь, в районе Кобрина.

Отряд этот, созданный одним из кобринских жителей, Константином Гапасюком, имел уже немало своих людей и в самом городе, и в близлежащих деревнях. Партизаны «дяди Кости» все больше активизировали свои действия, нападая на мелкие группы немцев, ведя разведку на железной дороге, организуя диверсии.

Смелая, решительная женщина, Шабловская стала одной из лучших связных отряда. По поручению партизан она даже ходила, якобы в поисках работы, в кобринскую полицию и установила связь с несколькими полицейскими, которые сочувствовали подпольщикам и готовы были помогать им.

В 1943 году, когда отряд готовил важную операцию в городе, Шабловской поручили достать аккумулятор для питания радиостанции. Выполняя это задание, она была выдана провокатором, и гестаповцы схватили ее в Кобрине. Там, в застенках гестапо, жене капитана Шабловского пришлось вынести самые изощренные пытки. Палачи требовали, чтобы она назвала партизан, допытывались, из какой она деревни и где живет ее семья. Спасая своих товарищей и своих детей, она не сказала ни слова, и взбешенные гестаповцы в конце концов повели ее.

Четыре девочки остались круглыми сиротами. Им самим

грозила опасность: если бы гестаповцы нашли их, дочерей Шабловской ожидала бы смерть. Но о них тотчас же позаботились подруги матери по партизанскому отряду. Сестер отвезли в разные деревни и отдали на воспитание в надежные крестьянские семьи. Так дети капитана Шабловского дожили до освобождения Бреста Советской Армией.

Государство позаботилось о дочерях героев. Четыре девочки были помещены в детский дом в городе Кобрине. Они выросли хорошими советскими людьми и бережно хранили в своей памяти дорогие им образы своих героических родителей, отдавших жизнь в борьбе за свободу и счастье Родины.

ДОЧЕРИ ГЕРОЕВ

Услышав от нескольких брестских жителей рассказ о капитане Шабловском и его жене, я, естественно, заинтересовался судьбой их дочерей. Оказалось, что одна из них, которую звали Таней, живет здесь же, в Бресте. Она недавно окончила семилетку и сейчас учится в фельдшерско-акушерской школе. В общежитии этой школы я и нашел ее в тот же вечер.

Тане Шабловской, второй дочери капитана, в это время уже исполнилось семнадцать лет. Это была миловидная, очень скромная и застенчивая девушка. Мы с Матевосяном и Махначом пригласили ее прийти на следующий день в крепость, и она приняла участие в нашей встрече с воинами Брестского гарнизона.

Таня, конечно, почти ничего не могла рассказать о тяжелых годах войны — она была слишком мала тогда. Но она помнила, что в детстве родители звали ее не Таней, а Гетой. Имя ей изменили уже в 1944 году, когда девочки попали в кобринский детдом после освобождения этих мест Советской Армией. Детдомовским воспитателям имя «Гета» показалось странным и необычным, и они назвали девочку Татьяной, вписав это имя во все ее документы.

От Тани я узнал теперешние адреса ее сестер и впоследствии установил с ними связь. Оказалось, что старшая дочь капитана, Раиса, уже вышла замуж, имеет ребенка и живет с семьей в городе Запорожье на Украине. Там же с сестрой жила и третья дочь Шабловского, Наташа, которая в то время заканчивала школу-десятилетку и готовилась к поступлению в институт. Младшая же сестра, Светлана, находилась тогда в белорусском городе Новогрудке, где она училась в техникуме советской торговли.

Когда позднее я списался с Раисой и Наташей Шаблов-

скими, выяснилось, что дочери капитана нуждаются в безотлагательной помощи. Некоторые существенные вопросы их жизни и быта требовали моего вмешательства.

Как вы уже видели на примере истории Александра Филя, рамки моей работы постепенно расширялись, по мере того как я углублялся в изучение истории обороны Брестской крепости. Приходилось писать десятки писем в разные города, разыскивая новых участников обороны, приходилось и помогать некоторым из этих людей в решении их судеб. И конечно, мне одному не по плечу была бы такая работа. Но я был вовсе не один. Повсюду, куда бы я ни обращался, — в городах и селах, в колхозах, на заводах, в учреждениях, — я везде находил добровольных помощников — советских людей с широкой душой, благородным, добрым сердцем, которые всегда были готовы прийти ко мне на помощь в этих делах.

Многих из этих моих добровольных помощников я знаю только по письмам, и мне сейчас хочется еще раз от души их поблагодарить. И пожалуй, неоценимую помощь этих людей ярче всего можно показать на примере истории дочерей капитана Шабловского.

Девочки были очень малы, когда погибли их родители, и они ничего не знали об отце и матери, кроме их имен и отчеств. У них не осталось никаких документов. Даже возраст девочек определяли в детском доме по медицинскому осмотру, и при этом старшая из дочерей, Раиса, утверждала, что возраст двух младших сестер, Светланы и Наташи, был установлен неправильно. Им написали годы рождения 1937 и 1938, тогда как Раиса помнила, что они родились позже.

Это имело для них практическое значение, потому что к тому времени, как я установил связь с дочерьми Шабловского, Наташе уже прекратили выплачивать пенсию за погибшего отца, как совершеннолетней, а Светлане оставалось получать ее всего несколько месяцев.

Надо было помочь дочерям Шабловского. Для этого предстояло разыскать личное дело капитана Шабловского, которое, как и личные дела всех офицеров Советской Армии, хранится в архивах Министерства обороны СССР. Я позвонил в Главное управление кадров министерства к ныне уже умершему полковнику Ивану Михайловичу Конопихину, который всегда очень много помогал мне в розыске героев Брестской крепости. После долгих поисков Конопихину удалось в одном из военных архивов найти папку с личным делом Шабловского.

Я познакомился с документами, подшитыми в этой папке. Среди них была автобиография, написанная Владимиром Ва-

сильевичем Шабловским в 1939 году. Из автобиографии я узнал, что капитан Шабловский был родом из бедной крестьянской семьи, на Могилевщине, что в детстве он батрачил у помещика, пас его скот, потом прошел большую трудовую школу, работал на шахте в Донбассе, а затем его призвали в ряды Красной Армии. Он окончил командирскую школу, стал командиром взвода, потом роты, после этого был назначен военным комиссаром в один из районов Белоруссии, а оттуда уже получил назначение в Брестскую крепость, где занял должность командира стрелкового батальона.

В автобиографии капитан Шабловский перечислял адреса своих сестер и братьев,— как оказалось, довольно многочисленных. Правда, все эти адреса относились к 1939 году, но тем не менее, пользуясь ими, вероятно, можно было бы разыскать следы сестер и братьев Шабловского и таким образом найти родственников девочек, которые сейчас считались совершенно одинокими.

Я написал по всем этим адресам. В одном случае я обратился к секретарю райкома партии того района, где когда-то жил брат Шабловского, в другом случае — к директору совхоза, где когда-то работал его другой брат, и т. д. И вот вскоре я получил ответ на один из моих запросов.

Я привожу здесь это письмо, присланное мне из Могилевской области.

«Уважаемый товарищ Смирнов! Партийная организация Кузьковичской МТС Быховского района получила Ваше письмо и сообщает, что дочери капитана Шабловского, погибшего за нашу прекрасную Родину, не одиноки. В деревне Грудиновке Быховского района проживает семья брата Владимира Васильевича, Авраама: жена Елена Елисеевна, сыновья Леонид, Аркадий, Владимир, Виктор и Михаил. Леонид, Аркадий и Виктор работают в Кузьковичской МТС, расположенной в деревне Грудиновке, на базе бывшего совхоза. Аркадий и Леонид работают механиками, а Виктор — помощником комбайнера. Владимир и Михаил учатся в школе. Брат героя, Авраам, в 1958 году умер. Ваше письмо читали жена и дети Авраама Васильевича, и они уже написали письма своим дорогим племянницам и сестрам с тем, чтобы установить родственную связь.

Секретарь партийной организации Кузьковичской МТС Быховского района Я. Вишневский».

Уже на следующее лето две дочери Шабловского поехали в гости к родственникам в деревню Грудиновку и провели там каникулы вместе со своими двоюродными братьями.

Но личное дело капитана Шабловского помогло не только

отыскать его родственников, но и установить возраст двух его младших дочерей, Светланы и Наташи. Просматривая его автобиографию, датированную 6 февраля 1939 года, я заметил, что капитан Шабловский пишет только о двух старших дочерях, Раисе и Гете. О младших же, Наташе и Светлане, никакого упоминания не было. Из этого с очевидной ясностью вытекал логический вывод: следовательно, две младшие дочери родились позже даты заполнения автобиографии, и, значит, годы их рождения определяются как 1939 и 1940.

Я обратился в Главное управление кадров к генерал-лейтенанту Дегтяреву с просьбой дать мне, на основании логического вывода из автобиографии Шабловского, справку о действительном возрасте двух младших дочерей погибшего капитана. Он с готовностью согласился, и тогда я послал эту справку вместе с подробным письмом Наташе Шабловской в Запорожье, а также написал Орджоникидзевскому районному военному комиссару города Запорожья, в райвоенкомате которого Наташа получала раньше пенсию за отца.

Райвоенком, подполковник Т. И. Кондратенко, подошел очень чутко и внимательно к делу дочерей Шабловского и во многом помог им. Через месяц или полтора я получил от него письмо, в котором он писал:

«Уважаемый Сергей Сергеевич! Прошу принять мое извинение за долгое молчание и доложить Вам, что мною сделано по Вашей просьбе.

Задержался с ответом потому, что пересылал свидетельство о рождении Наташи в Брест для внесения изменения в актовую запись о ее рождении. Год рождения Наташи исправлен на 1939, о чем выдано ей новое свидетельство о рождении. Пенсию ей также восстановили, и она ее уже получает.

Для исправления года рождения Светланы я направил копию Вашего письма и справки Новогрудковскому райвоенкомату Барановичской области по месту учебы Светланы, рекомендовал ему, как это сделать, и просил об исполнении поставить Вас в известность».

Спустя некоторое время я получил письмо и от Новогрудковского райвоенкома гвардии подполковника Коротаева. Он сообщил мне, что год рождения Светланы исправлен и она могла бы получать пенсию за погибшего отца, но в связи с тем, что в техникуме, где в то время училась Светлана, она поставлена на полное государственное обеспечение и ни в чем не нуждается, девушка отказалась от получения этой пенсии.

Все это было несколько лет тому назад, и с тех пор многое переменялось в судьбах дочерей капитана Шабловского.

Там же, в Запорожье, но уже в новом доме, в квартире, предоставленной ей горсоветом, как дочери героя войны, живет Раиса Шабловская-Вахтомина. Семья ее за это время увеличилась еще на одного человека — у нее родился второй ребенок. Уже замужем и стала матерью Таня, которая окончила фельдшерскую школу и теперь работает в железнодорожной больнице Бреста. После окончания новогрудковского техникума туда же, в Брест, приехала и младшая из сестер, Светлана. Она работала продавщицей в одном из крупнейших магазинов города, а позднее переехала к старшей сестре, в Запорожье.

А неподалеку от того места, где живет со своей семьей Таня Шабловская, на углу зеленой улицы уже давно висит табличка с надписью: «Улица Шабловского». Эта улица названа так по постановлению Брестского горсовета.

И только судьба третьей дочери капитана, Наташи, трагически оборвалась. Пожалуй, именно Наташа из всех четырех дочерей Шабловского больше других походила на отца. У нее было такое же широкое крестьянское лицо, с такой же сильно развитой нижней челюстью, что, как уверяют физиономисты, является признаком твердого характера. И в самом деле, Наташа унаследовала от отца волевой и упорный характер. Эта девушка, которой еще не было двадцати лет, уже успела многого добиться.

Она отлично училась в школе и успешно выдержала в 1955 году нелегкий экзамен, поступив в Днепропетровский институт инженеров транспорта. Уже на первом курсе она выдвинулась в число лучших студентов и сумела совмещать с хорошей учебой активную общественную и комсомольскую работу. Наташа особенно увлекалась спортом, занимаясь различными видами легкой атлетики, а по гонкам на велосипеде была чемпионкой института и получила спортивный разряд. Как одну из лучших комсомолок, институт в 1957 году послал ее с группой товарищей на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву.

Мы с Наташей несколько раз встречались в Бресте, в Запорожье и Днепропетровске во время моих поездок, а в остальное время постоянно вели переписку. И вдруг в 1958 году я получил телеграмму, извещавшую о трагической гибели Наташи. Вместе с группой спортсменов-студентов она в дни каникул отправилась в альпинистскую экспедицию на Кавказ. В горах во время восхождения группа попала в снежную лавину, и Наташа при этом погибла.

Девушку хоронили в ее родном городе — Бресте. Сотни земляков пришли проводить в последний путь дочь героя

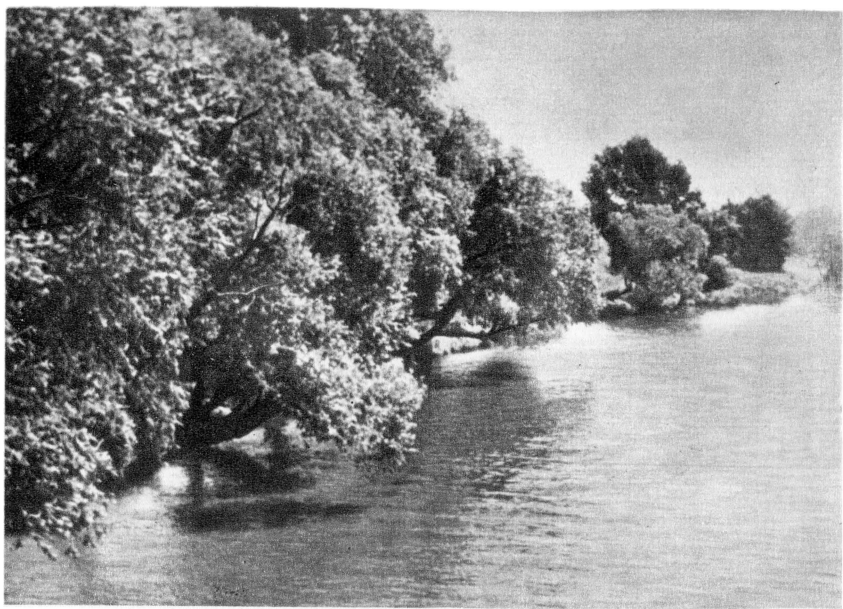
ХОЛМСКИЕ ВОРОТА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ. ДОВОЕННЫЙ СНИМОК.

ТЕРЕСПОЛЬСКИЕ ВОРОТА КРЕПОСТИ
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ.

ДВОР ЦИТАДЕЛИ. В ГЛУБИНЕ ВИДНЫ ТРЕХАРОЧНЫЕ ВОРОТА.
СНИМОК ВЗЯТ ИЗ ЕЖЕГОДНИКА ГОРОДА БРЕСТА ЗА 1930 ГОД.

МУХАВЕЦ.

ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ Н. БУТА
«БРЕСТ».

РУИНЫ ЦЕРКВИ ВО ДВОРЕ ЦИТАДЕЛИ.

КАЗЕМАТЫ В РАЗРУШЕННЫХ КАЗАРМАХ.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ КЛУБА (БЫВШЕЙ ЦЕРКВИ).

ЛЕЙТЕНАНТ А. Ф. НАГАНОВ.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ НАГАНОВА.

П. КРИВОНОГОВ. «ЗАЩИТНИКИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ».

С. М. МАТЕВОСЯН. 1941.

А. И. МАХНАЧ. 1941 ГОД.

МАТЕВОСЯН И МАХНАЧ
В БРЕСТЕ. 1954 ГОД.

А. М. ФИЛЬ С СЕМЬЕЙ. 1959 ГОД.

КАПИТАН В. В. ШАБЛОВСКИЙ.

Г. К. ШАБЛОВСКАЯ. 1941 ГОД.

славной обороны. Там, на брестском гарнизонном кладбище, рядом с крепостью, где героически сражался и погиб ее отец, находится сейчас могила Наташи Шабловской.

ГАВРОШ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

В дни моей первой поездки в Брест я услышал от некоторых участников и очевидцев обороны крепости удивительные рассказы о каком-то мальчике-бойце. Говорили, что этому мальчику было всего лет двенадцать-тринадцать, но он дрался в крепости наравне со взрослыми бойцами и командирами, участвовал даже в штыковых атаках и рукопашных схватках и, по словам всех, кто о нем помнил, отличался исключительной смелостью, отвагой, каким-то совершенно недетским бесстрашием.

Я очень заинтересовался этим мальчиком-героем и спрашивал о нем всех бывших защитников крепости, которых мне удавалось находить. Многие вспоминали о нем, но, к моему огорчению, никто не знал его фамилии и не мог сказать, что случилось с этим мальчиком в дальнейшем.

Зимой 1955 года я снова побывал в крепости. И вот на этот раз один из старожилов Бреста, когда я в разговоре с ним упомянул о мальчике-бойце, сказал мне:

— Я много слышал об этом мальчике, хотя и не видел его никогда. Но тут, в Бресте, есть человек, который может вам о нем рассказать. На Комсомольской улице в городском ресторане «Беларусь» играет по вечерам аккордеонист Сергей Кондратюк. Он, говорят, когда-то дружил со старшим братом этого мальчика и должен помнить их фамилию.

Я отправился в тот вечер ужинать в ресторан «Беларусь». И действительно, в глубине ресторанный зала на маленькой эстраде выступало музыкальное трио — пианист, аккордеонист и скрипач. Когда музыканты сели ужинать, я подошел к аккордеонисту, объяснил, кто я такой, и начал расспрашивать его о мальчике, который меня интересовал.

— Да, — сказал аккордеонист, — я этого мальчика знал до войны. Ему тогда было четырнадцать лет, и звали его Петя Клыпа. Он служил в крепости — был воспитанником музыкантского взвода одного из стрелковых полков, носил красноармейскую форму и играл в полковом оркестре на трубе. А его старший брат в то время имел звание лейтенанта и командовал этим самым музыкантским взводом, был полковым капельмейстером. Потом я слышал, что Петя сражался там, в крепости.

К сожалению, аккордеонист не знал, что впоследствии случилось с Петей, но вспомнил, что год или два назад кто-то из знакомых говорил ему, будто старший брат мальчика, Николай Клыпа, остался жив, после войны продолжает служить в армии и уже носит звание майора. Таким образом, для будущих поисков у меня оказалась путеводная нить — майор Николай Клыпа.

Несколько дней спустя после этого разговора в ресторане я встретился в Бресте с военным музыкантом, старшиной сверхсрочной службы Михаилом Игнатьевичем Игнатьюком. Старшина Игнатьюк, теперь уже пожилой, полный и лысый человек, служил в 1941 году в том же самом музыкантском взводе 333-го стрелкового полка, что и Петя Клыпа. Война застигла Игнатьюка в крепости, и он участвовал в ее обороне на том же участке, где сражался и Петя Клыпа.

Еще немного позже я попал в районный город Брестской области — Пинск — и там нашел дочь погибшего в крепости старшины Зенкина — Валентину Сачковскую. Валя Зенкина была однолеткой Пети Клыпы и перед войной училась вместе с ним в школе. Семья Зенкиных жила в самой крепости, в высокой башне над Тереспольскими воротами, и в первый же день войны гитлеровцы захватили Валу в плен вместе с ее матерью и другими женщинами и детьми. Немецкий офицер тут же, несмотря на протесты матери, вытолкнул девочку из рядов пленных и приказал ей идти в центр крепости, к зданию казарм, где оборонялись бойцы и командиры 333-го полка. Он велел Вале передать им ультиматум. Немецкое командование требовало, чтобы защитники крепости немедленно прекратили сопротивление и сдались в плен, или в противном случае, как сказал офицер, «их смешают с камнями».

Валя побежала через крепостной двор к этому зданию, а вокруг нее свистели пули, гремели взрывы, и жизни девочки ежесекундно угрожала опасность. К счастью, бойцы сразу заметили ее и прекратили огонь из окон казарм. Вале помогли влезть в окно подвала и привели ее к старшему лейтенанту, который возглавлял оборону на этом участке. Девочка передала ему требования врага. Конечно, защитники крепости не собирались сдаваться в плен.

Осталась в крепости и Валя. Она чувствовала себя смелее и увереннее рядом с бойцами, несмотря на то что здесь, в крепости, рвались бомбы и снаряды, неумолчно трещали пулеметы и людей повсюду подстерегала смерть. Валя спустилась в подвалы казарм 333-го полка и там вместе с женщинами ухаживала за ранеными защитниками крепости. При этом она часто встречалась с Петей Клыпой, который сражался тут,

в казармах, и была свидетельницей его героического поведения.

Столько удивительного рассказали мне об этом мальчишке Игнатюк и Сачковская, что передо мной невольно возник увлекательный облик настоящего маленького героя.

Читатели, вероятно, хорошо помнят бессмертный образ веселого и храброго парижского мальчугана Гавроша, которого так ярко описал Виктор Гюго в своем известном романе «Отверженные». Вот таким же Гаврошем, как бы его родным братом, предстал передо мной мальчик-красноармеец Петя Клыпа. Только это был наш, советский Гаврош, которому пришлось действовать в гораздо более страшной обстановке — в окруженной сильным и злобным врагом и кипящей, как огненный котел, Брестской крепости. Это был Гаврош, который с той же мальчишеской удалью, с той же веселой, задорной улыбкой прошел сквозь тысячи смертей в самых жарких, жестоких боях.

Когда началась война, Пете Клыпе шел пятнадцатый год. Но он был маленького роста, худенький и щуплый и потому казался двенадцати-тринадцатилетним подростком. Очень живой, сообразительный, смелый паренек, он, по рассказам, был замечательным товарищем — добрым и отзывчивым, всегда готовым поделиться с друзьями последним.

Петя уже несколько лет служил в армии как воспитанник полка и за это время стал заправским военным. Он был старательным, дисциплинированным бойцом, и комсоставская одежда, которую ему сшили по приказанию командира полка полковника Матвеева, сидела на нем как-то особенно ладно и аккуратно. Он носил свою форму даже с известным щегольством и при встрече лихо приветствовал командиров, четко отбивая при этом строевой шаг. И в крепости все знали и любили этого маленькогомышленного солдатыка. Нечего и говорить о том, что Петя мечтал, когда вырастет, поступить в военное училище и стать командиром Красной Армии.

Петю воспитывал старший брат, Николай, — кадровый военный, опытный авторитетный командир и хороший музыкант. Музыкантский взвод, которым командовал лейтенант Николай Клыпа, считался лучшим в дивизии.

Строгий и требовательный к своим бойцам, лейтенант Клыпа, пожалуй, с еще большей строгостью относился к своему брату. Петя знал, что ему не приходится рассчитывать ни на какую потачку со стороны Николая, и поэтому привык выполнять все требования воинской службы и дисциплины наравне со своими взрослыми товарищами.

Но как раз в субботу, 21 июня 1941 года, получилось так,

что Петя провинился. У него было несколько часов свободного времени, и один знакомый музыкант из города уговорил его ненадолго пойти на брестский стадион, где проходили в тот день спортивные соревнования, и поиграть там на трубе в оркестре. Петя ушел без разрешения, надеясь скоро вернуться и думая, что брат не заметит его отсутствия.

Он жил вместе с братом и его семьей в одном из домов комсостава, находившихся вне крепости, неподалеку от главных входных ворот. Когда мальчик вернулся из города домой, оказалось, что лейтенант Клыпа уже знает о его самовольной отлучке. Пришлось получить заслуженное взыскание. Оно было вполне справедливым, и поэтому Петя вовсе не обиделся на брата.

Взыскание было не особенно суровым, но весьма неприятным. В этот субботний вечер, когда все бойцы собирались смотреть кино в крепости, а некоторые даже получили отпуск в город, Пете предстояло в наказание за свой проступок сидеть в казарме, в комнате музыкантов, и разучивать партию трубы в увертюре к опере «Кармен», которую как раз готовил полковой оркестр.

«Пока не будешь твердо знать свою партию, не имеешь права выйти из казармы», — строго предупредил лейтенант.

И Петя знал: как ни крути, а поработать придется, потому что на другой день брат обязательно проверит, выполнил ли он задание.

Вздохнув, он отправился в казармы и, взяв свою трубу, принялся разучивать злополучную партию. Впрочем, у него были хорошие музыкальные способности, отличная память, и он справился с делом быстрее, чем рассчитывал. Убедившись, что он выучил все твердо и завтра не ударит лицом в грязь, Петя с чистой совестью отложил инструмент и пошел во двор крепости разыскивать своего приятеля Колю Новикова — мальчика старше его на год или полтора, который тоже был воспитанником здесь же, в музвзводе.

В тот вечер во дворе крепости было особеннолюдно и оживленно. По дорожкам группами расхаживали бойцы, командиры с женами, девушки из медсанбата и госпиталя. Где-то за Мухавцом, видно в одном из полковых клубов, играла музыка. Здесь и там прямо под открытым небом во дворе работали кинопередвижки, и киномеханики пользовались вместо экрана простыней или даже просто беленой стеной. Зрители смотрели фильм стоя.

В одной из таких групп, собравшейся перед импровизированным экраном, Петя наконец отыскал Колю Новикова. Мальчики вместе досмотрели картину, побывали еще около двух

или трех передвижек и, так как время подходило к «отбою», неторопливо направились к казармам.

«Слушай, пойдем завтра утром на Буг рыбу ловить! — вдруг предложил Коля. — Я две удочки смастерил, одну тебе дам. И черви уже накопаны...»

«Пошли! — обрадовался Петя. — Знаешь, давай встанем часа в четыре, когда только светает, и прямо на Буг. На рассвете клюет здорово!»

И он тут же решил, что не пойдет спать домой, а переночует вместе с Колей в казарме.

Друзья улеглись рядышком на нарах и перед сном поспорили о том, кто первый проснется: каждый уверял другого, что он встанет раньше. Полчаса спустя оба уже крепко спали.

Бедные ребята! Они не знали, какое пробуждение готовят им люди в зеленых мундирах, лихорадочно копошившиеся всю эту ночь там, за границей, на левом берегу Буга.

Обо всех этих событиях субботнего вечера Петя Клыпа рассказал старшине Игнатию уже позже, когда они встретились в казармах во время боев в крепости, а Игнатиюк теперь, спустя много лет, передал мне его рассказ.

Петя не говорил при этом, что пережил он в первые минуты войны, проснувшись среди грохочущих взрывов, видя вокруг себя кровь и смерть, глядя на убитых и раненых товарищей. Но старшина помнил, что мальчик, вскочив с постели и еще не успев одеться, был отброшен близким взрывом в сторону и сильно ударился головой о стену. Несколько минут он пролежал без сознания, а потом кое-как поднялся на ноги и мало-помалу пришел в себя. И тогда он первым делом кинулся к пирамидам и схватил винтовку.

Среди взрослых бойцов были такие, что растерялись, поддались в первый момент панике. Командир — молодой лейтенант, вскоре появившийся здесь, — ставил им в пример этого мальчика, который сохранил полное самообладание и, едва опомнившись от контузии, ошеломленный и наполовину глухой, сейчас же взялся за оружие и приготовился встретить врага. И его пример помогал малодушным взять себя в руки и справиться со страхом.

Огонь врага усиливался, здание казарм горело и рушилось, и уцелевшие бойцы, неся с собой раненых, спустились в массивные, сводчатые подвалы, протянувшиеся под всем домом.

Там, у подвальных окон, были расставлены пулеметчики и стрелки.

Но нужно было, чтобы кто-то поднялся наверх, на второй

этаж здания, — наблюдать оттуда и вовремя доложить о появлении врага. Наблюдателю грозила опасность — верхний этаж дома особенно сильно кромсали вражеские снаряды. Командир вызвал добровольцев, и первым на его зов отозвался тот же Петя Клыпа.

А потом мальчик стал ходить в разведку по крепости, выполняя поручения командиров. Для него не было запретных мест — он отважно и ловко пробирался на самые опасные участки, пролезал буквально всюду и приносил ценные сведения о противнике.

На второй день у бойцов 333-го полка подошли к концу боеприпасы. Казалось, сопротивление на этом участке будет неминуемо сломлено. В это самое время Петя Клыпа и Коля Новиков, отправившись в очередную разведку, обнаружили в одном из помещений казарм еще не поврежденный бомбами и снарядами противника небольшой склад боеприпасов. Мальчики сообщили об этом командирам и вместе с другими бойцами тут же, под огнем врага, принялись таскать патроны и гранаты к зданию, где оборонялись их товарищи. Благодаря им защитники крепости, сражавшиеся на этом участке, смогли продолжать сопротивление еще много дней, нанося врагу большой урон.

Петя Клыпа показал себя таким храбрым, смелым и находчивым бойцом, что старший лейтенант, принявший в первые часы войны командование над бойцами 333-го полка, вскоре сделал его своим связным, и Петя пулей носился по подвалам и полуразрушенным лестницам здания, выполняя его поручения. Впрочем, это назначение имело и другой, неизвестный ему смысл. Командиры, сделав мальчика связным при штабе, надеялись отвлечь его от прямого участия в боях и сберечь его жизнь.

Но Петя успевал и выполнять поручения командиров и воевать вместе с бойцами. Он метко стрелял, и не один гитлеровец нашел свой конец там, в крепости, от его пули. Он даже ходил в штыковые атаки с винтовкой, которая была больше его, или с маленьким пистолетом, добытым в обнаруженном им складе. Бойцы тоже берегли своего юного товарища и, заметив, что он идет вместе с ними в атаку, прогоняли его назад, в казармы, но Петя, чуть приотстав, тотчас же присоединялся к другой группе атакующих. А когда его упрекали в излишнем удалстве, он говорил, что должен отомстить за брата: кто-то по ошибке сказал ему, что лейтенанта Николая Клыпу фашисты убили у входных ворот крепости. И мальчик дрался бок о бок со взрослыми, не уступая им ни в смелости, ни в упорстве, ни в ненависти к врагу.

Валентина Сачковская рассказала мне о том, что происходило в подвалах здания 333-го полка.

Не оказалось медикаментов, бинтов, и раненых нечем было перевязывать и лечить. Люди стали умирать от ран. Их выручил тот же Петя Клыпа. Он отправился на поиски, нашел в одном месте полуразрушенный склад какой-то санитарной части и под огнем врага принялся копать в этих развалинах. Отыскав под камнями и перевязочный материал и кое-какие лекарства, он принес все это в подвалы казарм. Тем самым многие раненые были спасены от смерти.

Не было воды. Жажда мучила раненых, плакали дети, просили пить. Немногие храбрецы отважились под перекрестным огнем немецких пулеметов подползти с котелком или фляжкой к берегу Буга. Оттуда редко удавалось вернуться. Но рассказывают, что стоило только раненому застонать и попросить воды, как Петя обращался к командиру:

«Разрешите сходить на Буг?»

Много раз отправлялся он на эти вылазки за водой. Он умел найти наименее рискованный путь к берегу, ужом проползти между камнями к реке и всегда возвращался благополучно — с наполненной флягой.

Особенно трогательно заботился он о детях. Бывало, последний кусок сухаря, последний глоток воды, оставленный для себя, Петя отдавал измученным малышам. Однажды, когда детям совсем нечего было есть, он разыскал в развалинах продуктового склада всякую снедь и оделял голодных ребятишек кусочками раздобытого там шоколада, пока не роздал все до крошки.

Многие женщины, застигнутые войной в постели, прибежали в подвал полутолыми, не успев одеться. Им нечего было надеть, нечем прикрыть наготу детей. И снова Петя Клыпа пришел им на помощь. Он помнил, где находился ларек Военторга, уже разрушенный бомбами и снарядами врага, и, хотя этот участок был под очень сильным обстрелом, мальчик пробрался туда. Час спустя он вернулся в подвалы, волоча за собой целую штуку материи, и тут же поделил ее между раздетыми женщинами и детьми, помогая им скроить импровизированные платья.

Ежечасно рискуя жизнью, Петя выполнял трудные и опасные задания, участвовал в боях и в то же время был всегда весел, бодр, постоянно напевал какую-то песенку, и один вид этого удалого, неунывающего мальчика поднимал дух бойцов, прибавлял им силы.

Потом положение на участке 333-го полка стало безнадежным, и защитники казарм поняли, что им остается только по-

гибнуть или попасть в руки врага. И тогда командование решило отправить в плен женщин и детей, находившихся в подвалах. Пете, как подростку, тоже предложили идти в плен вместе с ними. Но мальчик был до глубины души оскорблен этим предложением.

«Разве я не красноармеец?» — с негодованием спросил он командира.

Он заявил, что должен остаться и будет драться до конца вместе с товарищами, каков бы ни был этот конец. И старший лейтенант, тронутый и восхищенный мужеством мальчика, разрешил ему остаться. Петя принимал участие во всех дальнейших боях.

Игнатюк рассказывал, что после этого драться им пришлось уже недолго. В первых числах июля боеприпасы были почти истрачены. Тогда командиры задумали сделать последнюю отчаянную попытку прорыва. Решили прорываться не на север, где противник ожидал атак и держал наготове крупные силы, а на юг, в сторону Западного острова, с тем чтобы потом повернуть к востоку, переплыть рукав Буга и мимо госпиталя на Южном острове пробраться в окрестности Бреста.

Этот прорыв окончился неудачей — большинство его участников погибло или было захвачено в плен. В числе пленных оказался и Михаил Игнатюк. Его пригнали в лагерь Бяла Подляска, и там он два дня спустя снова встретился с Петей Клыпой, который ходил весь избитый, в синяках, но по-прежнему был бодр и неутомим.

Мальчик рассказал старшине, что он переплыл рукав Буга и с несколькими товарищами сумел прорваться сквозь кольцо немцев. Целый день и всю ночь они бродили по лесу, пробираясь к Южному военному городку Бреста, а наутро их окружили и взяли в плен гитлеровцы.

Их пристроили к большой колонне военнопленных, которую под сильным конвоем вели за Буг. По дороге навстречу колонне попала машина, на которой ехали с аппаратурой немецкие кинооператоры. Видно, они снимали фронтовую кинохронику и, увидев наших пленных, принялись крутить свой аппарат. Машина медленно подъезжала все ближе.

И вдруг весь черный от пыли и пороховой копоти, полураздетый и окровавленный мальчик, шедший в первом ряду колонны, поднял кулак и погрозил прямо в объектив кинокамеры. Этот мальчик был Петя Клыпа.

Операторы возмущенно закричали. Фашистские конвоиры дружно набросились на мальчика, осыпая его ударами. Он упал на дорогу и лишился сознания. Его, конечно, пристрелили бы, если бы не какой-то врач — капитан медицинской службы,

шагавший в соседней шеренге пленных. Сам до предела измученный, он поднял на руки бесчувственного мальчика и донес его до лагеря. Уже на другой день Петя снова деловито шнырял среди пленных бойцов, разыскивая товарищей по крепости.

Со слезами на глазах рассказывал мне Игнатюк, как там, в лагере, Петя спасал его от голодной смерти. В Бяла Подляске пленных кормили раз в день какой-то грязной баландой, к которой полагалась маленькая порция эрцаз-хлеба. Но даже и эту баланду нелегко было получить — лагерная охрана нарочно устраивала около кухни толчею и беспорядки, чтобы потом выстрелами разогнать голодных пленных. Люди теряли последние силы, и многие умирали.

Игнатюку, грузному, тучному человеку, было особенно трудно обходиться положенной жалкой порцией пищи. К тому же ему редко удавалось добраться до кухни — гитлеровцы, охранявшие ее, не могли поверить, что этот полный, лысый человек всего только старшина, и считали его переодетым комиссаром. Охранники никогда не пропускали случая ударить его автоматом в живот или толкнуть со злобным возгласом: «У-у, комиссар, большевик!»

Если бы не Петя, Игнатюк вряд ли сумел бы выжить. Мальчик каждый день старался достать ему что-нибудь съестное и, хотя сам голодал, неуклонно приносил все добытое старшине.

«Дядя Миша, вот я вам принес!.. — радостно сообщал он, прибегая с котелком, где плескалась порция баланды, или доставая из-за пазухи кусок жесткого, с опилками хлеба. — Вы кушайте, я уже обедал».

— Я знаю, что он иногда и свое недоедал, а приносил мне, — рассказывал Игнатюк. — У этого парня была золотая душа.

Там, в лагере, Петя встретил своего друга Колю Новикова и еще троих таких же, как он, мальчиков — воспитанников из других полков. Почти все эти ребята были старше его, но Петя показал себя самым смелым, ловким и решительным, и как-то само собой получилось, что он стал вожаком этой пятерки. Под его руководством мальчишки стали готовить побег и уже вскоре исчезли из лагеря. С тех пор Игнатюк ничего не знал о Пете Клыпе.

Но зато его рассказ могла дополнить Валентина Сачковская. После падения крепости она жила в Бресте вместе с матерью и другими женами и детьми командиров и хорошо помнила, как однажды поздним летом в их дворе появилась знакомая маленькая и быстрая фигурка. Петя Клыпа со своими четырьмя друзьями, успешно бежав из Бяла Подляски, снова пришел в Брест.

Мальчики прожили в городе больше месяца, и Петя такой же деятельный и энергичный, постоянно уходил что-то разведывать и высматривать у немцев. Как-то он не выдержал и по секрету сказал Вале, что они готовятся взорвать немецкий склад боеприпасов. Но в эти дни брестское гестапо начало облавы, выискивая бывших советских военнослужащих, и Пете пришлось уходить из города, где многие его хорошо знали. Он ушел вместе с теми же мальчиками, и Валя помнила, что потом кто-то ей рассказывал, будто ребят этих видели в деревне Саки около местечка Жабинка, где они жили и работали у крестьян. Больше она не слышала о Пете никогда.

Я приехал в деревню Саки, находившуюся в 30 километрах от Бреста, и там нашел колхозницу Матрену Загуличную, у которой в 1941 году жил и работал Петя Клыпа. Загуличная хорошо помнила мальчика и его друзей. Она рассказывала, что Петя все время уговаривал своих товарищей идти на восток, к линии фронта. Он мечтал перейти фронт и снова вступить в ряды Красной Армии.

Наконец один из мальчиков, Володя Казьмин, согласился идти вместе с Петей. Они ушли уже осенью в далекий путь, протянувшийся на сотни километров через леса и болота Белоруссии. На прощание, поблагодарив Матрену Загуличную, Петя оставил ей целую пачку бог весть как сохранившихся у него фотографий, обещая вернуться за ними после войны. К сожалению, эти фото не уцелели. Загуличная, так и не дождавшись возвращения мальчика, за два или три года до моего приезда уничтожила фотографии.

Следы Пети Клыпы на этом пока обрывались. Было неизвестно, удалось ли этому Гаврошу Брестской крепости дойти до фронта, или он погиб во время своего трудного путешествия.

ОТ БРЕСТА ДО МАГАДАНА

Для поисков Пети Клыпы у меня оставалась одна-единственная нить — его брат Николай Клыпа, который, по слухам, теперь был майором. И я, вернувшись в Москву из этой поездки, решил искать майора Николая Клыпу. Я позвонил тому же «всемогущему» полковнику И. М. Конопихину в Главное управление кадров Министерства обороны. К сожалению, я мог ему дать на этот раз только очень скудные сведения об интересовавшем меня человеке, что, конечно, затрудняло его поиски. Но я рассчитывал на то, что фамилия Клыпа — мало распространенная, и, возможно, благодаря этому и удастся найти в списках офицеров майора Николая Клыпу.

Действительно, уже на другой день, когда я позвонил Ивану Михайловичу, он мне сказал:

— Берите карандаш и записывайте! Майор Николай Сергеевич Клыпа, тысяча девятьсот пятнадцатого года рождения; в настоящее время является военным комиссаром Маслянского района Тюменской области в Сибири.

Обрадованный этой удачей, я тотчас же написал майору Николаю Клыпе (впрочем, оказалось, что не так давно он уже стал подполковником) и вскоре получил от него ответ. Н. С. Клыпа писал мне, что его младший брат действительно был участником обороны Брестской крепости, после войны вернулся домой живым и здоровым, но, к сожалению, в последние годы связь между братьями оборвалась, и он сейчас не знает адреса Петра. Однако он тут же сообщал, что в Москве живет их сестра, у которой я и могу узнать теперешнее местонахождение Петра Клыпы.

Я поехал на Дмитровское шоссе по указанному мне адресу, застал дома мужа сестры, и от него я неожиданно узнал, что Петр Клыпа отбывает заключение в Магаданской области, осужденный за соучастие в уголовном преступлении.

Это была весьма неприятная неожиданность, но я все же взял у родных Петра Клыпы его адрес и вскоре написал ему письмо, в котором просил поделиться со мной своими воспоминаниями, рассказать обо всем, что он пережил и видел в крепости.

Магаданская область — край далекий, и поэтому прошел целый месяц, прежде чем я получил ответ. П. С. Клыпа горячо откликнулся на мою просьбу: он обещал подробно записать свои воспоминания и постепенно высылать их мне письмами. Вслед за тем началась наша регулярная переписка. Петр Клыпа сообщал мне интереснейшие подробности боев за крепость, называл фамилии участников и руководителей обороны. Вдобавок он снабжал каждое письмо составленной по памяти схемой обороны, и нужно сказать, что это были очень точные чертежи. Чувствовалось, что глаза четырнадцатилетнего мальчика жадно впитывали все, что происходило вокруг него, и в памяти его осталось гораздо больше событий и имен, чем в памяти взрослых участников обороны.

Именно Клыпа помог мне наконец установить фамилию старшего лейтенанта, который возглавил оборону на участке 333-го полка. Об этом смелом и решительном командире рассказывали мне и Игнатюк и Сачковская, но фамилию его они забыли. Петя же часто находился при нем в качестве связного и хорошо помнил, что фамилия старшего лейтенанта была Потапов.

Он не знал ни имени-отчества, ни должности, какую зани-

мал этот командир. Но, по его словам, Потапов имел одну характерную примету: на лице его, около виска, был старый шрам. Однажды Петя спросил его, где он получил эту рану, и Потапов, усмехнувшись, ответил: «Кулацкая метка».

Он рассказал мальчику, что в годы коллективизации работал в деревне и был одним из организаторов первых колхозов. Как-то раз кулаки подстерегли его, задумав расправиться с ним. Этот шрам — след раны, нанесенной ему бандитом-кулаком.

К сожалению, долгое время, кроме этого эпизода, мы ничего не знали о старшем лейтенанте Потапове. Его фамилия так распространена, что без каких-либо дополнительных данных найти где-нибудь в архивах его личное дело было почти невозможно. Неизвестно было его имя-отчество, и даже о том, какую должность он занимал в полку, говорили по-разному.

Только в 1959 году сотрудник Музея крепости Д. Лозоватский, работая в архиве Министерства обороны, случайно наткнулся на небольшой список командиров, которые незадолго до войны были направлены штабом 6-й дивизии на службу в 333-й полк. Последним в списке значился лейтенант А. Е. Потапов. По этим инициалам и удалось позже найти его личную карточку и фотографию.

Оказалось, что только в последних числах мая 1941 года Александр Ефремович Потапов был назначен на должность старшего адъютанта одного из батальонов 333-го полка. В список он был занесен как лейтенант, но участники обороны всегда называли его старшим лейтенантом. Могло случиться, что приказ о присвоении ему очередного звания пришел из округа перед самой войной и так и остался не отраженным в его личной карточке.

Мы не знаем почти ничего о его судьбе. Известно лишь, что Потапов не погиб в крепости, а попал в плен, — Петя Клыпа встретил его однажды в Бяла Подляске. Позже ему рассказывали, что Потапов якобы был организатором массового побега из этого лагеря. Участь старшего лейтенанта Потапова остается пока тайной.

Из писем Петра Клыпы я узнал много новых подробностей тех событий, о которых уже слышал от Игнатюка и Сачковской. Он, например, детально описал мне, как был обнаружен склад с боеприпасами и оружием.

Это произошло, как я говорил, на второй день обороны, когда у бойцов Потапова уже ощущался недостаток патронов. Уточняя, где находится противник, старший лейтенант поручил Пете и Коле Новикову пробраться к Тереспольским воротам цитадели и выяснить, занята ли немцами полуразрушенная башня над воротами.

На первый взгляд задача казалась очень простой: Тереспольские ворота были совсем недалеко от помещения 333-го полка.

Мальчики прошли по подвалам вдоль всего здания и остановились у небольшого окошка в южной торцовой стене дома. Впереди, всего в нескольких десятках метров, виднелись красные стены кольцевых казарм, а чуть левее темнел туннель Тереспольских ворот.

Пространство между этим подвальным окном и кольцевыми казармами было усеяно глыбами вывороченной земли, камнями, пробитыми, искореженными листами железа, сорванного с крыш. Здесь и там чернели широкие воронки. Около кольцевого здания валялись туши убитых лошадей. Здесь находились конюшни пограничников, и во дворе перед ними стояли длинные бревна коновязей. Мальчики невольно вспомнили, что делалось здесь вчера.

Как обычно летом, лошади на ночь были оставлены во дворе у коновязи, где их и застал обстрел. Одних тут же убило, другие были ранены и с истошным ржанием и визгом катались по земле. Уцелевшие кони тоже панически ржали, храпели и бешено рвали ременные поводья, которыми были привязаны к бревнам коновязи. Некоторым удавалось сорваться, и они носились по крепостному двору, шарахаясь в стороны от взрывов, пока не падали, сраженные осколками. Но те, что не смогли оборвать поводья, вскоре обессилели и затихли, тогда бойцы, дежурившие с оружием у окон первого и второго этажей, обратили внимание на странное поведение этих лошадей. Казалось, кони поняли, что гибель неминуема. Они перестали рваться и стояли безучастно среди взлетающих черных вихрей взрывов, низко опустив головы. Было видно, как из больших влажных лошадиных глаз одна за другой скатываются на землю крупные слезы. Лошади плакали, словно прощаясь с жизнью, и людям, уже привыкшим к смерти и страданию людей, было как-то до жути страшно смотреть на эти немые слезы беспомощных животных. И еще до полудня все кони были мертвы.

Прежде чем выйти во двор, Петя и Коля осмотрелись и прислушались. Слева, в восточной части цитадели, трещали выстрелы и слышались крики «ура» — видно, там отбивали очередную атаку немцев из-за Мухавца. Но здесь было затишье, и все казалось спокойным.

Петя осторожно вылез из окна, полежал с минуту на земле, оглядываясь, и, поднявшись на ноги, быстро пошел к Тереспольским воротам. Следом, помедлив, вышел Коля.

И вдруг короткая резкая пулеметная очередь протрещала из окна Тереспольской башни. Пули зацокали о камни вокруг

мальчиков. Коля кувырком скатился через окно назад, в подвал, а Петя, который уже прошел половину дороги, опрометью кинулся вперед и вбежал в раскрытую дверь конюшни, немного правее Тереспольских ворот.

Отдышавшись, он выглянул из двери. Немец больше не стрелял. Во всяком случае, теперь Петя мог с уверенностью доложить старшему лейтенанту о том, что в Тереспольской башне находится вражеский пулеметчик.

Пробираться обратно сейчас было нельзя: немец, конечно, насторожился и подстерегал мальчиков. Петя решил немного выждать и пока принялся осматривать конюшню.

Она оказалась пустой. Справа под потолком зияла большая дыра, пробитая тяжелым снарядом. А неподалеку от нее мальчик заметил окно, через которое можно было пролезть в смежное помещение.

Попав туда, он увидел, что это такая же пустая конюшня. Но и там в правой стене было окно, ведущее дальше. Так, перелезая из одной конюшни в другую, Петя добрался до поворота здания. Это был крайний юго-западный угол кольцевых казарм, возвышавшийся прямо над Бугом.

В последнем помещении тоже было окно, но уже меньших размеров. Петя кое-как пролез в него и внезапно оказался в совсем не тронutom складе боепитания. На оструганных дощатых стеллажах были аккуратно уложены густо смазанные винтовки, новенькие автоматы, наганы и пистолеты «ТТ». Штабелями стояли деревянные ящики с патронами, гранатами, минами. Тут же он увидел и несколько минометов.

При виде всего этого богатства, так необходимого сейчас его товарищам, сражавшимся в казармах 333-го полка, у мальчика захватило дух. Глаза его разбегались, и он жадно трогал то одно, то другое оружие. Наконец, заметив на полке блестящий маленький пистолет какой-то иностранной марки и около него коробки с патронами, он решил, что это оружие ему подходит больше всего, и сунул его в карман. Потом он вооружился еще автоматом.

Было непонятно, каким чудом уцелел этот склад, находившийся в самой близкой к противнику части цитадели. Даже в стенах его не было ни одной пробоины, и только куски штукатурки с потолка кое-где валялись на полу и на стеллажах. Мальчик с радостью думал о том, как восторженно встретят командиры и бойцы известие об этом складе.

Но прежде чем идти обратно, он решил посмотреть, что делается в расположении противника. Под потолком склада было небольшое окно, выходившее в сторону Буга. Забравшись наверх, Петя выглянул оттуда.

Внизу под солнцем ярко блестел Буг. Прямо против окна на том берегу зеленой стеной поднимались густые кусты Западного острова. В этой чаще кустарника ничего нельзя было разглядеть. Но зато ниже по течению реки Петя увидел совсем близко понтонный мост, наведенный немцами сразу за крепостью. По мосту с одинаковыми интервалами одна за другой шли машины с солдатами, а на песчаном берегу в ожидании своей очереди стояли конные упряжки с орудиями и шевелились ряды выстроенной пехоты.

Соскочив вниз, Петя тем же путем, перелезая из конюшни в конюшню, добрался до Тереспольских ворот. Он успел незамеченным перебежать к окну подвала, где ждал его Коля Новиков, и, лишь когда спрыгнул с подоконника вниз, услышал протрещавшую во дворе очередь. Немецкий пулеметчик опоздал.

Волнуясь, Петя доложил обо всем Потапову. Весть о складе, обнаруженном мальчиком, тотчас же разнеслась по подвалам. Наши пулеметы тут же взяли под обстрел окна Тереспольской башни, откуда стрелял гитлеровец, и заставили его замолчать. А потом вместе с Петей бойцы поспешили в склад. Оружие и боеприпасы перетаскивали в подвалы полковых казарм.

Сразу нашлась работа минометчикам. Минометы, взятые со склада, установили в дверях подвала, а в складское помещение был послан наблюдатель, которому предстояло через окно корректировать огонь. И вскоре первые мины разорвались на понтонах и на берегу, в самой гуще скопившейся пехоты врага. Одна из немецких машин была подбита и застряла на мосту, загородив дорогу, и грузовики, идущие следом за ней, беспомощно остановились. Спрыгивая с машин, бежали по мосту солдаты, спеша укрыться в прибрежных кустах. А мины настигали их, и вскоре берег опустел, а движение по мосту надолго прекратилось.

В ответ орудия врага открыли по крепости беглый огонь, но минометы, надежно укрытые в сводчатых дверях подвалов, продолжали обстрел. Все это сильно подняло дух бойцов, а Петя стал настоящим героем дня.

В одном из своих писем Клыпа рассказал мне, что видел и пережил он в момент последней попытки прорыва, когда уцелевшие бойцы Потапова попробовали вырваться из кольца врагов через Западный остров.

Вместе со всеми мальчик с пистолетом в руке по сигналу старшего лейтенанта бросился бежать через гребень каменной дамба, перегородившей Буг около моста. Стремительно быстрый, он, ловко прыгая с камня на камень, вырвался вперед, обогнав товарищей. И вдруг на середине пути он остановился. Прислѳ-

нившись к большому камню и свесив вниз ноги, на краю дамбы сидел командир с двумя «шпалами» на петлицах. Петя решил, что он ранен.

«Товарищ майор, идемте с нами», — позвал он, наклоняясь над командиром.

Тот не отвечал, и Петя потормошил его за плечо. И тогда от легкого толчка руки мальчика майор в том же согнутом положении повалился на бок. Он был давно мертв. А сзади уже подбегали бойцы, и кто-то, дернув за руку окаменевшего от неожиданности мальчика, потащил его за собой. Медлить было нельзя — вот-вот противник обнаружит бегущих.

И действительно, едва только первые группы бойцов, среди которых был и Петя, спрыгнули на берег Западного острова и вбежали в спасительные кусты, как по дамбе и по кустам ударили немецкие пулеметы. Пули свистели над головами, осыпая людей сорванными листьями, ветви хлестали по лицу, но Петя и его товарищи яростно продирались сквозь чащу кустарника. Несколько минут спустя они вышли на берег протоки, разделяющей Южный и Западный острова крепости. Этот рукав Буга был почти так же широк, как и основное русло. Но нависшие над водой густые кусты противоположного берега казались такими безопасными, так манили к себе, что никто не остановился ни на миг.

Петя бросился в воду как был — в сапогах, брюках и майке, зажав в зубах свой пистолет. Он хорошо плавал, и широкая река не пугала его. Рядом, тяжело дыша и отфыркиваясь, плыли товарищи, и за спиной то и дело раздавались громкие всплески — другие бойцы, достигнув реки, кидались вплавь.

Они доплыли уже до середины, как вдруг из тех самых кустов, которые минуту назад казались такими надежными и безопасными, разом затрещали пулеметы. Вода Буга словно закипела. И тут же страшно закричали, застонали раненые, тонущие люди.

Это было так неожиданно, что все как-то сразу смешалось в мыслях мальчика. Теперь он действовал уже скорее по инстинкту самосохранения, не успевая думать ни о чем.

Он глубоко нырнул и почувствовал, что намокшая одежда и сапоги мешают ему. Выплыв наверх, он быстро сбросил сапоги и, барахтаясь, сумел освободиться от брюк. Сейчас, когда он остался только в трусах и майке, плыть стало легче.

Петя нырял, сжав зубами пистолет, и каждый раз, как опять выныривал наверх, оглядываясь, видел, что на поверхности, кипящей от пуль, остается все меньше голов. В рот ему то и дело набивалась плывущая по реке трава, и мальчик, выхватив на миг из зубов пистолет, выплевывал эту траву и снова

уходил под воду, все ближе подвигаясь к берегу Южного острова.

Наконец он достиг кустов и, ухватившись за свисающие ветки, перевел дух и оглянулся. Его снесло течением, и он не видел из-за кустов, что происходит в месте их переправы. Но, видимо, большинство его товарищей погибло — пулеметы в последний раз захлебнулись злым стрекотом и умолкли. На реке уже не слышно было всплесков. Зато где-то дальше по берегу, в кустах, послышались гортанные крики немцев и звонкий лай овчарок.

Петя торопливо выбрался на берег и кинулся сквозь кусты в глубь острова. Справа раздался топот ног, треск ветвей — и он увидел еще пятерых бегущих мокрых бойцов. Он побежал вместе с ними, а сзади все ближе слышались собачий лай и возгласы немцев.

Они мчались через кусты, перебирались через какие-то рвы с тинистой водой, пролезали под проволочные заграждения. Кое-как им удалось уйти от преследования, и часа два спустя они присели отдохнуть на маленькой лесной поляне. Здесь, в этом густом лесу, в нескольких километрах от крепости, они бродили день и часть ночи, а перед рассветом уснули крепким сном смертельно уставших людей и, проснувшись, увидели наведенные на них автоматы гитлеровцев.

О дальнейших событиях я уже кое-что слышал от Игнатюка и Сачковской. Но меня интересовало, сумел ли Петя добраться до линии фронта после того, как они вдвоем с Володей Казьминым осенью 1941 года ушли из деревни Саки. Этот вопрос я и задал Петру в одном из писем.

Оказалось, что ребят постигла неудача. Они прошли на восток уже несколько сот километров, но в одной из деревень, где они остановились на ночлег, их схватили полицей. Несколько дней спустя оба мальчика врозь были отправлены на работы в Германию вместе с партиями молодежи из соседних деревень. Петя потерял из виду своего товарища и вскоре очутился далеко от Родины — в Эльзасе, где ему пришлось батрачить у одного из крестьян.

Освобожденный в 1945 году, он вернулся на свою родину в Брянск и там работал и жил вместе с матерью, пока в 1949 году не был осужден. Так, начав в 1941 году войну на западном краю нашей страны, в Бресте, и исколесив потом поневоле пол-Европы, он восемь лет спустя так же поневоле оказался на другом, восточном краю Советского Союза — неподалеку от Магадана.

Много месяцев продолжалась наша переписка с Петром Клыпой. Почти каждую неделю я получал письма из Магаданской области с его воспоминаниями, которые он писал по вечерам, в свободные часы после работы. В ответ я посылал ему новые вопросы, просил уточнить подробности тех или иных эпизодов обороны.

Я обратил внимание на то, что в своих воспоминаниях Клыпа очень скромен в отношении себя. Он почти ничего не писал о себе, но рассказывал главным образом о своих боевых товарищах. И вообще, по мере того как раздвигалась наша переписка, из его писем вставал передо мной образ отнюдь не преступника, а человека неиспорченного, честного, с добрым сердцем, с хорошей душой.

В это время я поближе познакомился и с его семьей: с сестрой — переводчицей одного из научно-исследовательских институтов, с ее мужем — инженером-нефтяником, с матерью Петра, которая тогда жила здесь, в Москве, у дочери. Затем как-то приехал погостить в столицу его брат, подполковник Николай Клыпа.

Они много рассказывали мне о Пете, познакомили меня с его биографией, своеобразной и нелегкой, но в которой не было никаких оснований для того, чтобы он стал преступником.

Петр Клыпа был сыном старого большевика, железнодорожника из Брянска. В раннем детстве он потерял отца и еще двенадцатилетним мальчиком пошел в качестве воспитанника в ряды Красной Армии, мечтая стать военным. Два его брата были офицерами Красной Армии. Один из них погиб при выполнении служебного задания на Дальнем Востоке, а другой, Николай, как я уже сказал, был сейчас подполковником.

Красная Армия стала для мальчика второй матерью и родным домом. Он полюбил строгую четкость, размеренную организованность армейской жизни, и требования воинской дисциплины никогда не тяготили его, несмотря на всю живость характера. В мальчишеских мечтах он уже видел себя командиром, и его любимым героем был смелый пограничник Карачупа, о котором в те годы много писали в газетах и журналах.

А сколько повидал он за эти два года своей армейской службы! Осенью 1939 года он с войсками участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. А еще год спустя, когда Красная Армия вступила в Латвию, он шел с барабаном впереди своего полка, около знамени, аккуратный, подтянутый, гордый собою солдатик. В городах и селах латыши, тепло встречавшие наши войска, восторженно забрасывали его цве-

тами, а порой даже подхватывали маленького барабанщика на руки и несли, как героя.

Где бы ни находился полк, командование и брат Николай внимательно следили за тем, чтобы Петя не прекращал учиться в школе. И хотя мальчик в глубине души предпочитал строевую подготовку или музыкальные занятия некоторым скучноватым урокам, он и в классе старался не отставать от других, боясь заслужить замечание командира. Он был одновременно и полковым музыкантом и школьником, бойцом и по-детски живым мальчуганом. И как-то так получалось, что его любили все — и родные, и командиры, и учителя, и товарищи-бойцы, и сверстники по школе.

Все, что мне рассказывали о Пете Клыпе его знакомые, друзья и родные, говорило о нем только с положительной стороны. Его все характеризовали как настоящего советского человека, как парня с хорошими задатками, с доброй душой, бескорыстного, искреннего и честного, прекрасного товарища, всегда готового прийти на помощь другим.

Было просто непонятно, как мог этот человек стать преступником. Я решил в конце концов узнать, в чем заключается вина Петра Клыпы. В одном из писем я попросил его рассказать мне без утайки о своем преступлении, и он в ответ подробно описал сущность дела. Оказалось, что сам он не совершил никакого преступления. Это преступление, немалое и тяжкое, совершил в его присутствии его бывший школьный товарищ, и Петр Клыпа, поддавшись ложному чувству дружбы, вовремя не сообщил о происшедшем, дав возможность преступнику продолжать свою опасную деятельность, и тем самым по закону оказался соучастником преступления.

Видимо, следовательно отнесся недобросовестно и даже предвзято к его делу. Петр Клыпа был объявлен прямым соучастником преступника и потому получил исключительно тяжелое наказание — 25 лет заключения — и отправлен на север страны.

Как ни закален он был всей своей нелегкой предыдущей жизнью, этот удар почти сразил его. Он видел смерть и кровь, он ежечасно рисковал жизнью в страшные дни обороны Брестской крепости. Но то была война, и он, как воин, боролся с врагами Родины, с врагами своего народа. Позже он испытал все муки плена, все унижения рабского труда на немецкой каторге. Но он знал, что это творит с ним ненавистный враг.

Теперь все было иначе. Теперь он получил наказание от своей Родины, горячо любимой и бесконечно дорогой для него. И это наказание морально было страшнее всего, что он уже пережил.

Он понимал, что виноват, и готов был понести заслуженную

кару. Но кара оказалась слишком тяжелой для него. Да и не в нем было дело. Главное заключалось в том, что он как бы опорочил своих близких, как бы бросил тень на своих родных — мать, брата, сестру — честных советских людей, надеявшихся на него, веривших ему. Одна мысль об этом заставляла его ненавидеть и проклинать себя. И Петр Клыпа, неизменно бодрый, жизнерадостный, никогда и ни при каких обстоятельствах не унывавший, вдруг впервые почувствовал, что он не хочет больше жить. Приговор собственной совести оказался строже чересчур строгого решения суда — он сам приговорил себя к смерти.

Он привык выполнять свои решения. Там, на севере, где заключенные работали на стройке железной дороги, он в один метельный и морозный день не ушел после работы вместе с другими, а незаметно отойдя в сторону, лег в снег. Он лежал неподвижно, и вскоре холодный озноб сменился приятным, усыпляющим теплом, и Петр Клыпа заснул легким смертным сном замерзающего человека.

Его нашли уже полужанесенного вьюгой, но еще живого. Три месяца он пролежал в лазарете. Несколько отмороженных и ампутированных пальцев на ногах да частая ноющая боль в боку остались навсегда напоминанием об этой неудавшейся смерти. Но больше он уже не пытался покончить с собой. Жизнь опять победила в нем.

Он решил честно, старательно работать и скорее заслужить прощение Родины. После постройки дороги его направили в Магаданскую область, где он стал автослесарем в гараже, а потом был послан работать на шахты. Всюду в его личном деле отмечались поощрения, и никогда туда не было записано ни одного взыскания. Так он отбыл шесть лет своего срока.

Собрав все, какие только удалось добыть сведения о деле Петра Клыпы, я пришел к твердому убеждению, что вина его сильно преувеличена и наказание, которое его постигло, явно было излишне жестоким. Я попросил товарищей из Главной военной прокуратуры, которые помогли мне в свое время реабилитировать А. М. Филя, теперь ознакомиться с делом Петра Клыпы и высказать свое мнение. Дело было затребовано в Москву, его проверили, и мои предположения подтвердились. Вина Петра Клыпы была не столь уж велика, и, учитывая его героическое поведение в Брестской крепости, смело можно было ходатайствовать об отмене или смягчении наказания.

Я начал с того, что написал старшине Игнатиюку в Брест и Валентине Сачковской в Пинск. Я просил их обоих пись-

менно изложить все то, что они мне когда-то рассказывали о героических поступках Пети Клыпы во время боев в Брестской крепости, а потом заверить свои подписи печатью и прислать эти свидетельства мне. Сам же я написал подробное заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Климента Ефремовича Ворошилова. Приложив к своему заявлению свидетельства Игнатюка и Сачковской, я отправил все эти документы в Президиум Верховного Совета СССР.

Там, в Президиуме, внимательно, на протяжении нескольких месяцев, занимались этим делом. Были проверены все обстоятельства, запрошены характеристики на Петра Клыпу с места его прежней работы и из заключения. Все эти характеристики оказались самыми лучшими. А существо дела было таким, что давало полную возможность ставить вопрос о помиловании.

Короче говоря, в начале января 1956 года я получил от Пети Клыпы письмо, которое было датировано кануном нового года — 31 декабря 1955 года.

«Здравствуйте, Сергей Сергеевич! — писал мне Петя Клыпа. — Я Вам не могу описать своей радости! Такое счастье бывает только один раз в жизни! 26 декабря я оставил жилье, в котором пробыл почти семь лет.

В поселке мне объявили, что все перевалы, вплоть до Магадана, закрыты, машины не ходят, придется ждать открытия перевалов до Ягодного, где я должен получать документы.

Машин и открытия перевалов я не стал ждать — пошел пешком. Прошел благополучно перевал и пришел в поселок. Там мне сказали, что дальше идти нельзя. Ягодинский перевал закрыт, имеются жертвы пурги и мороза. Но я пошел. Уже на самом Ягодинском перевале обморозил лицо немного и стал похож на горевшего танкиста. Но это через две недели будет незаметно. И вот так около 80 километров я шел, веря в свою судьбу. Вернее, и шел и полз.

Придя в Ягодное, я узнал, что с Магаданом вторую неделю сообщения нет. Дали мне пока что временное удостоверение до получения соответствующего письменного документа из Москвы, который должен скоро прийти, и тогда я получу паспорт и смогу двигаться дальше. До получения паспорта я устроился на работу в автобазу слесарем 6-го разряда. Буду работать, пока не получу паспорт, и тогда буду спешить встретиться с Вами и моими родными, с моей мамочкой, которая потеряла все свое здоровье из-за меня».

Так началась новая, третья по счету жизнь Петра Клыпы.

Первой было его детство, внезапно оборванное в 1941 году войной и пленом. Потом был короткий, четырехлетний период послевоенной жизни в Брянске, который закончился так трагически в арестантском вагоне, увозившем его на север. И вот уже взрослым, почти тридцатилетним человеком он, прощенный Родиной, снова вступал в свободную трудовую жизнь. И ему самому и всем нам, знавшим его, очень хотелось, чтобы эта третья жизнь Петра Клыпы была счастливой и плодотворной.

Спустя полтора месяца Петя Клыпа приехал в Москву. В потертой солдатской шинели, в больших сапогах пришел он в первый раз ко мне. Мы крепко обнялись, и он от волнения долго не мог выговорить ни слова. А потом мы несколько часов беседовали с ним. Я был рад увидеть, что все пережитое им не наложило на него никакого тяжелого отпечатка: передо мной был молодой, жизнерадостный, полный энергии и бодрости человек.

А когда мы поближе познакомились с ним, я понял, что не ошибся, поверив в Петра: в нем чувствовался действительно человек хорошей души, доброго сердца, и то, что произошло с ним, несомненно, было какой-то нелепой случайностью в его до этого безупречной, героической биографии.

Петя Клыпа пробыл в Москве некоторое время, а затем уехал жить к себе на родину — в город Брянск. Я написал письмо первому секретарю Брянского горкома партии с просьбой оказать помощь Пете Клыпе. Мне хотелось, чтоб он, начиная новую жизнь, мог устроиться в хорошем заводском коллективе, чтобы у него была возможность одновременно работать и учиться.

Вскоре я получил ответ от секретаря Брянского горкома партии Николая Васильевича Голубева. Он сообщил мне, что горком уже помог Клыпе: его устроили работать на новый передовой завод в Брянске — завод «Строммашина» — пока учеником токаря, и что ему будет предоставлена возможность с осени начать занятия в школе рабочей молодежи.

С тех пор прошло уже несколько лет. Петр Клыпа работает на том же заводе «Строммашина». Теперь он — токарь шестого разряда, один из лучших рабочих, отличник производства, и его фотография не сходит с заводской Доски почета. Он уже окончил семь классов вечерней школы для взрослых и в дальнейшем собирается продолжить свое образование. Совсем недавно в жизни его произошло очень важное событие — передовой рабочий завода Петр Клыпа был единодушно принят в ряды КПСС. Как и положено коммунисту, он ведет сейчас большую общественную работу: по заданиям горкома партии

и горкома комсомола выступает на предприятиях города, в колхозах области, в воинских частях со своими воспоминаниями.

Но особенно часто приглашают его к себе пионеры и школьники. И для них этот взрослый рабочий человек, Петр Сергеевич Клыпа, остается и, наверное, останется до конца своих дней маленьким храбрым солдатом, Гаврошем Брестской крепости — Петей Клыпой.

В скромном уютном домике, который после войны построил своими руками Петя в поселке Володарского на окраине Брянска, снова живет большая семья Клыпы. Петя женился, и жена и мать, а теперь и двое детей — сын Сережа и дочь Наташа — составляют его большую и дружную семью. Сюда же, в Брянск, переехал из Сибири его брат, подполковник Николай Клыпа, со своей женой и детьми. Веселый кружок родных и друзей нередко собирается в домике Петра. И ежедневным посетителем этого дома бывает местный почтальон, который пачками носит Петру Клыпе адресованные ему письма. Пишут старые товарищи-однополчане, сражавшиеся вместе с ним в крепости, пишут его юные друзья-пионеры, пишут совсем незнакомые люди из разных уголков Советского Союза и даже из-за рубежа. Они шлют слова приветия и благодарности герою Брестской крепости, желают ему счастья и удачи в жизни.

Я часто получаю письма от Пети Клыпы, а иногда, на праздники, он навещает меня в Москве и рассказывает обо всех своих делах. Я вижу, что перед ним раскрылось светлое, широкое будущее и он всячески старается оправдать большое доверие, оказанное ему Родиной. Нет сомнения, что он сумеет дополнить свою героическую военную биографию славными и такими же героическими делами на фронте мирного труда.

А я мечтаю когда-нибудь написать для детей и юношества большую и правдивую книгу о жизни Петра Клыпы, увлекательной и трудной, полной настоящего героизма и тяжких испытаний, в которой были и славные победы и немалые ошибки, — жизни сложной, как всякая человеческая жизнь.

ПО СЛЕДАМ НОВОГО ГЕРОЯ

Я рассказывал уже о том, как весной 1942 года на одном из участков фронта в районе Орла было захвачено донесение, составленное штабом 45-й пехотной дивизии немцев, в котором подробно сообщалось об обороне Брестской крепости. Когда копия этого донесения попала ко мне в руки, я увидел,

что в нем особенно много внимания уделяется боям за какое-то крепостное укрепление, которое авторы документа называли Восточным фортом. Судя по описанию, шла исключительно упорная борьба за этот форт и гарнизон его оказывал врагу истинные героическое сопротивление.

Вот что писали немецкие штабисты о боях за этот форт.

«26 июня. Гнездом сопротивления остался Восточный форт. Сюда нельзя было подступиться со средствами пехоты, так как превосходный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и из подковообразного двора скашивал каждого приближающегося.

27 июня. От одного пленного узнали, что в Восточном форту обороняется около 20 командиров и 370 бойцов с достаточным количеством боеприпасов и продовольствия. Воды недостаточно, но ее достают из вырытых ям. В форту находятся также женщины и дети. Душою сопротивления являются будто бы один майор и один комиссар.

28 июня. Продолжался обстрел Восточного форта из танков и штурмовых орудий, но успеха не было видно. Обстрел из 88-миллиметрового зенитного орудия также остался без результата. Поэтому командир дивизии дал распоряжение об установлении связи с летчиками, чтобы выяснить возможности бомбежки.

29 июня. С 8.00 авиация сбрасывала много 500-килограммовых бомб. Результатов нельзя было видеть. Такое же малоуспешное действие имел новый оживленный обстрел Восточного форта из танков и штурмовых орудий, несмотря на то что были заметны в некоторых местах разрушения стен.

30 июня. Подготавливалось наступление с бензином, маслом и жиром. Все это скатывали в бочках и бутылках в фортовые окопы, и там это нужно было поджигать ручными гранатами и зажигательными пулями».

Только после того как противник подверг Восточный форт необычайно ожесточенной бомбежке, когда с одного из самолетов была сброшена бомба весом в 1800 килограммов, которая, как пишут сами гитлеровцы, «потрясла своей детонацией весь город Брест», — только после этого врагу удалось ворваться в форт и овладеть им. При этом были взяты в плен немногие оставшиеся в живых командиры и бойцы, большинство которых имело ранения или контузии, а также захвачены женщины и дети, находившиеся в фортовых казематах. Но, как ни обыскивали фашисты подземные помещения, им нигде не удалось обнаружить руководителей обороны форта. И по этому поводу в немецком донесении записано: «Майора и комиссара не нашли. Говорят, они застрелились».

Прежде всего мне предстояло выяснить, где же находится этот самый Восточный форт, о котором писали немцы. Я знал, что по военной терминологии фортом называется самостоятельное бетонированное укрепление, снабженное своей артиллерией, надежными укрытиями для гарнизона, складами боеприпасов, продовольствия и т. д. Но мне было известно, что подобных бетонированных укреплений в самой крепости нет. Действительно, Брестская крепость была окружена фортами, построенными в конце прошлого и в начале нынешнего века. Но все эти форты находились вне крепости, за несколько километров от ее внешних земляных валов. А из немецкого донесения можно было заключить, что Восточный форт, о котором шла речь, располагался внутри крепостной территории. Эту загадку надо было разрешить.

Отправляясь в первую поездку в Брест летом 1954 года, я взял с собой копию немецкого документа. Там, бродя по крепости, я внимательно вчитывался в каждую фразу этого донесения, где говорилось о Восточном форте. И постепенно, сличая с местностью некоторые данные документа, я понял, что подразумевал противник под словами «Восточный форт».

Описывая первые бои в крепости, я говорил выше о том, что в северной ее части, по обе стороны дороги, протянувшейся от главных входных ворот к мосту через Мухавец, возвышались два своеобразных земляных укрепления, напоминавшие подковы.

Каждое из них состояло из двух высоких земляных валов подковообразной формы. Валы располагались параллельно — один внутри другого, причем внутренний вал для удобства обороны был несколько выше внешнего. Между ними оставалось пространство шириной в четыре-пять метров, образующее узкий и такой же подковообразный дворик, стены которого были выложены кирпичом. Из этого дворика можно было войти в темные кирпичные казематы, расположенные в земляной толще валов. А в самом центре укрепления, в круглом дворе, примыкая к «подкове» внутреннего вала, поднималось двухэтажное здание казарм.

Никаких бетонных сооружений тут не было и в помине, и, строго говоря, это земляное укрепление только весьма условно можно было окрестить фортом. Но тем не менее теперь мне стало ясно, что Восточным фортом противник назвал одну из этих земляных «подков», именно ту, что находилась к востоку от главной дороги. И упоминание о «подковообразном дворе» и целый ряд других деталей, содержащихся в немецком документе, не оставляли никаких сомнений в том, что восточная «подкова» и Восточный форт — это одно и то же.

В эту первую мою поездку в Брест мне не удалось найти там ни одного из тех бойцов, кто сражался в Восточном форту. Но несколько месяцев спустя, в феврале 1955 года, я снова побывал в Бресте. Взяв в воинской части машину, я объехал тогда ряд глубинных районов Брестской области в поисках участников и очевидцев обороны крепости.

И вот в начале этой поездки, попав в районный центр Жабинку, в 25 километрах от Бреста, я встретился там с руководителем местной районной организации ДОСААФ, лейтенантом запаса Яковом Ивановичем Коломийцем. Я. И. Коломиец служил перед войной в Брестской крепости, был в то время командиром взвода, и ему довелось участвовать в обороне.

С первых же минут нашего разговора я почувствовал, что передо мной один из защитников Восточного форта, хотя Коломиец называл его не Восточным фортом, а «подковообразным земляным укреплением». Чтобы окончательно удостовериться, я посадил Коломийца в машину, поехал с ним в крепость и там попросил его повести меня к тому месту, где он сражался в 1941 году. Он сразу же привел меня к валам Восточного форта.

Я подробно записал его воспоминания. Он рассказал очень много интересного об обороне Восточного форта. Здесь, в казематах, были собраны бойцы из разных частей и подразделений. Из них сформировали роты и взводы, закрепив за ними строго определенные участки обороны. В форту четко работал штаб, здесь продолжительное время действовала телефонная связь, чего не было на других участках крепости. И все это, по мнению Коломийца, было результатом энергичной организаторской деятельности майора, который командовал обороной Восточного форта.

Коломиец с увлечением рассказывал об этом майоре. По его словам, это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, испытанный боевой командир, который показывал бойцам пример бесстрашия и мужества и был подлинной душой всей этой обороны, стойко отражавшей натиск фашистов в течение многих дней.

Я спросил фамилию этого майора, но, к сожалению, Коломиец забыл ее. Он стал вспоминать и сказал, что ему кажется, будто фамилия майора была Григорьев или как-то в этом роде.

Но к этому времени в моем распоряжении уже находился небольшой и пока еще далеко не полный список командиров, сражавшихся в крепости. Он был составлен мной со слов участников обороны, с которыми мне приходилось до того

встречаться. Каждого из них я прежде всего заставлял перечислять все сохранившиеся в его памяти фамилии защитников крепости. В этом списке, содержавшем тогда сто или двести имен, было и несколько майоров. Одного за другим я стал называть их Я. И. Коломийцу. Когда я дошел до фамилии бывшего командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова, Коломиец встрепнулся и уверенно сказал, что оборону Восточного форта возглавлял майор Гаврилов.

Я принялся с пристрастием допрашивать Коломийца, точно ли вспомнилась ему эта фамилия, не ошибается ли он. Но он твердо стоял на своем — там, в «подкове», его командиром был майор Гаврилов, и никто иной.

Дело в том, что в моих списках Гаврилов значился как погибший в первый день войны. Еще до поездки в Брест как-то раз в Москве я встретился с полковником Николаем Романовичем Артамоновым, который учился тогда на курсах при Военной академии имени Фрунзе. В 1941 году Н. Р. Артамонов был батальонным комиссаром и служил в Брестской крепости, занимая должность заместителя командира 44-го стрелкового полка по политической части. От него-то я впервые услышал о бывшем командире 44-го полка майоре Гаврилове.

Артамонов рассказал мне, что он и Гаврилов жили в домах комсостава в северной части Брестской крепости. Когда началась война, Артамонов с первыми взрывами выбежал из дома и поднял по тревоге одно из подразделений полка, располагавшееся у главных крепостных ворот. Он знал, что по расписанию 44-й полк должен был выйти из крепости и занять оборону на заранее назначенном рубеже — севернее Бреста. Во главе этого подразделения Артамонов поспешил туда на рубеж. Он ждал, что вот-вот к ним присоединится и командир полка с другими ротами, но Гаврилов так и не вышел из крепости. А несколько позже Артамонову доложили, что в первые минуты войны в дом, где жил Гаврилов, попала бомба и майор погиб там со своей семьей.

Сообщение Коломийца теперь опровергало эту версию. Гаврилов не погиб, и он-то и был тем самым майором из Восточного форта, о котором говорилось в немецком донесении.

Я спросил Коломийца, что случилось с Гавриловым в дальнейшем. И он ответил мне, что в последний день боев потерял из виду своего командира, но потом, уже в плену, слышал от своих товарищей по обороне Восточного форта, что, когда враги ворвались туда, майор Гаврилов якобы застрелился, чтобы не попасть в руки фашистов.

Таким образом, версия о гибели майора, которая содержа-

лась в немецком документе, была теперь подтверждена и одним из защитников Восточного фронта.

Во время той же моей поездки по Брестской области, несколько позднее, я попал в небольшой городок Каменец, расположенный неподалеку от Беловежской пуши, и там в районной поликлинике встретился с врачом Николаем Ивановичем Вороновичем. Доктор Воронович не участвовал в обороне крепости, но, будучи военным врачом, в первые дни войны неподалеку от границы попал в плен. Гитлеровцы отправили его в лагерь в Южном военном городке Бреста, туда, где находились Матевсян, Махнач и другие защитники Брестской крепости.

Вместе со всеми нашими военнопленными врачами Н. И. Воронович лечил раненых бойцов и командиров в лагерьном госпитале. И вот, когда я спросил доктора Вороновича, кого из участников Брестской обороны ему пришлось лечить и что они рассказывали о сроках этой обороны, он сообщил мне следующее.

Это было 23 июля 1941 года, то есть на тридцать второй день войны, причем Воронович настаивал на дате, говоря, что он и другие врачи запомнили ее совершенно точно. В этот день гитлеровцы привезли в лагерьный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Он был ранен, находился в бессознательном состоянии и выглядел истощенным до крайности. Это был, в полном смысле слова, скелет, обтянутый кожей. До какой степени дошло истощение, можно было судить по тому, что пленный не мог даже сделать глотательного движения: у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь.

Но немецкие солдаты, которые взяли его в плен, привезли в лагерь, рассказали врачам, что этот человек, в чьем теле уже едва-едва теплилась жизнь, всего час тому назад, когда они застали его в одном из казематов крепости, в одиночку принял с ними бой, бросал гранаты, стрелял из пистолета и убил и ранил нескольких гитлеровцев. Они говорили об этом с невольным почтением, откровенно поражаясь силе духа советского командира, и было ясно, что только из уважения к его храбрости пленного оставили в живых. После этого, по словам Вороновича, в течение нескольких дней из Бреста приезжали германские офицеры, которые хотели посмотреть на героя, проявившего такую удивительную стойкость, такую волю в борьбе с врагом.

Я спросил у доктора Вороновича фамилию этого майора,

но, к сожалению, он ее забыл. Тогда, как и в беседе с Коломийцем, я стал называть ему фамилии майоров из моего списка. И вдруг Воронович сказал, что, как он теперь ясно вспомнил, фамилия пленного была Гаврилов.

Таким образом, я снова напал на след бывшего командира 44-го стрелкового полка, который в дни обороны крепости командовал защитниками Восточного форта. Видимо, вопреки всем слухам, он не застрелился и не погиб, а попал в гитлеровский плен, но уже значительно позже.

О дальнейшей судьбе майора Гаврилова Н. И. Воронович ничего не знал, потому что спустя несколько дней после этих событий доктора перевели в другой лагерь.

Вернувшись из Бреста, я вскоре нашел в Москве в Нагатинской больнице доктора И. К. Маховенко, а в Ленинграде — доктора Ю. В. Петрова. Оба они в июне 1941 года попали в тот же гитлеровский лагерь в Южном городке и работали там врачами в так называемом госпитале. И Маховенко и Петров, каждый в отдельности, полностью повторили мне рассказ доктора Вороновича и подтвердили тот факт, что фамилия пленного майора была Гаврилов. Доктор Петров и доктор Маховенко находились в лагере дольше Вороновича. Они помнили, что майор Гаврилов через некоторое время немного поправился, стал ходить, и тогда врачи устроили его работать на лагерную кухню, для того чтобы он мог хоть слегка подкормиться и восстановить свои силы. Что произошло с ним дальше, ни тот, ни другой не знали, так как лагерь был расформирован весной 1942 года и они потеряли из виду майора Гаврилова.

Теперь у меня появилась надежда, что Гаврилов мог остаться в живых и вернуться после войны из плена на Родину. Но для того чтобы начать розыски, мне нужно было знать, во всяком случае, его имя и отчество. Фамилия Гаврилов — чересчур распространенная: в списках Главного управления кадров Министерства обороны нашлись бы сотни однофамильцев героя Брестской крепости, и для успеха поисков следовало добыть какие-нибудь дополнительные сведения об интересующем меня человеке.

К сожалению, ни врачи, ни Коломиец не знали имени-отчества Гаврилова. Я тотчас же снова принялся разыскивать полковника Артамонова, надеясь, что он-то должен помнить, как звали его бывшего начальника. Оказалось, что за это время Артамонов уже успел окончить курсы при академии, был назначен республиканским военным комиссаром Карельской АССР и уехал в Петрозаводск. Туда я и написал ему.

Ответ не заставил себя ждать. Н. Р. Артамонов сообщал мне кое-какие внешние приметы Гаврилова, описывал некото-

рые черты его характера, но смущенно признавался, что за эти пятнадцать лет забыл его имя-отчество. Да и звали они друг друга больше по фамилии — «Гаврилыч» и «Артамоныч».

Итак, все мои надежды не оправдались. Надо было идти в дальнейших поисках другими путями.

Я знал, что 44-й полк, которым командовал майор Гаврилов, входил в состав 42-й стрелковой дивизии. И я начал с того, что обратился в Генеральный штаб с просьбой проверить, не сохранились ли в военных архивах какие-либо старые списки командного состава этой дивизии. Спустя некоторое время удалось отыскать один из таких списков, и там я, как и ожидал, нашел краткие сведения о майоре Гаврилове.

Оказалось, что его зовут Петром Михайловичем и что он родился в 1900 году. С этими данными уже можно было начинать поиски. Позвонив в Главное управление кадров, к тому же полковнику И. М. Конопихину, я просил его найти личную карточку майора П. М. Гаврилова.

Прошла неделя, и И. М. Конопихин сообщил мне, что карточка находится у него. Я сейчас же приехал к нему. С волнением я взял в руки эту потертую старую карточку, заполненную уже выцветшими фиолетовыми чернилами. В ней я прочел следующие данные: Петр Михайлович Гаврилов служил в Красной Армии с 1918 года. Он участвовал в боях против Колчака, Деникина, против белых банд на Кавказе. В 1922 году вступил в ряды Коммунистической партии. После гражданской войны он остался военным и долго жил в Краснодаре, командуя там различными воинскими подразделениями. Потом его послали на учебу в Академию имени Фрунзе в Москву. По окончании ее в 1939 году он был назначен командиром 44-го стрелкового полка, с которым прошел через тяжелые бои на финской войне, а два года спустя приехал в Брестскую крепость.

Ниже всего этого, в самом конце карточки, уже другими, более свежими зелеными чернилами были приписаны три краткие строчки. Но это были самые важные и дорогие для меня строчки. В первой было написано: «Пленен в районе города Бреста 23 июля 1941 года», то есть действительно на тридцать второй день войны, как говорил мне доктор Воронович. Во второй строке значилось: «Освобожден из плена в мае 1945 года», а в самом низу стояло короткое примечание: Красногвардейский райвоенкомат г. Краснодара».

Итак, майор Гаврилов, к счастью, оказался жив, находился теперь в Краснодаре и состоял там на учете в Красногвардейском райвоенкомате. Дальнейшие поиски уже не представляли трудностей.

Там, в Краснодаре, жил один из уже известных мне участ-

ников обороны крепости, кстати бывший подчиненный майора Гаврилова, боец того же 44-го стрелкового полка Анатолий Бессонов, токарь-шлифовщик завода «Краснодарнефть». Он хорошо помнил своего прежнего командира, хотя во время боев за крепость сражался не в Восточном форту, а на другом участке обороны — в центральной цитадели. Я немедленно сообщил Бессонову о полученных мною сведениях, просил его зайти в Красногвардейский райвоенкомат Краснодара, узнать там адрес Гаврилова и установить с ним связь.

Ответное письмо Бессонова пришло через неделю. Вот что он писал мне:

«Я сразу же поехал в Красногвардейский райвоенкомат, где должен быть приписан майор Гаврилов. После того как я объяснил работникам военкомата суть дела, мне сказали, что майор Гаврилов действительно находится на учете у них, и достали его личное дело. Увидев в этом личном деле фотокарточку Гаврилова, я сразу узнал его. Записав его адрес, я немного успокоился. Но было уже поздно, и я в тот день не мог встретиться с ним. Ночь у меня прошла в беспокойстве — утром предстояла встреча с Гавриловым. Встав рано утром, я, не позавтракав, помчался к Гаврилову. На мой стук в дверь вышел сам Гаврилов. Признаюсь, я растерялся. Отрапортовал так: «Бывший боец 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, — перед вами!»

Гаврилов тоже растерялся, на глазах у него выступили слезы, он засуетился, и я заметил нервную дрожь на его лице и руках. Сергей Сергеевич, если б Вы видели нашу встречу! Ее нельзя описать. Я был очень удивлен и растроган. Верите ли, передо мной был не строгий, волевой командир, каким я его привык помнить, а скромный, добродушный гражданский человек. Беседа затянулась у нас до вечера. Но во время его рассказа он как будто опять превращался в командира полка, и прежний его образ снова вставал перед моими глазами».

Анатолий Бессонов сообщил мне адрес Гаврилова, и я тотчас же написал ему большое письмо. Я рассказывал, как мне пришлось искать его, писал, что, по моему мнению, там, в Брестской крепости, он совершил подвиг выдающегося героизма, и я верю — недалеко то время, когда народ узнает об этом подвиге и Родина по достоинству оценит мужество, самоотверженность героя. Я сообщал, что в ближайшие дни выеду в Краснодар, чтобы встретиться с Гавриловым и записать его воспоминания.

Две недели спустя я приехал в Краснодар. На вокзале вместе с Бессоновым меня встречал Гаврилов. С любопытством вглядывался я в этого человека, о котором столько думал и

которого так долго искал. Это был худощавый пожилой человек, с несколько изможденным широкоскулым лицом, казавшийся на вид старше своих 55 лет. На нем были старенькая офицерская шинель и ушанка военного образца. Он сразу же повез меня к себе — в маленький саманный домик на дальней окраине Краснодара. Там нас встретила его вторая жена Мария Григорьевна, радушно принявшая меня.

В домике было чисто, аккуратно, но по всему чувствовалось, что хозяева живут далеко не в полном достатке. Этот домик был построен руками самого Гаврилова и его жены, и я догадывался, что им пришлось во многом отказывать себе, чтобы обзавестись своим жильем и кое-каким хозяйством.

Зато гордостью их был большой и заботливо ухоженный виноградник, раскинувшийся около дома. И когда мы сели завтракать, на столе появилось молодое вино собственного изготовления, и, конечно, первый тост был провозглашен за героев Брестской крепости.

А потом мы в течение нескольких дней беседовали с Гавриловым, и я записывал его воспоминания. Он рассказал мне всю историю своей интересной, но нелегкой и сложной жизни.

КОМАНДИР ВОСТОЧНОГО ФОРТА

Гаврилов происходил из казанских татар, причем из тех, предки которых еще при Иване Грозном были обращены в православие. Они приняли вместе с верой русские имена и фамилии, но сохранили и свой язык и многие обычаи.

Крестьянином-бедняком из бедной деревушки неподалеку от Казани был его отец. В нищете и темноте прошли детские годы Петра Гаврилова. Тяжелая, трудная жизнь сызмала воспитывала в нем характер терпеливый, волевой, привыкший к борьбе с несчастьями и тяготами сурового крестьянского быта. Этот твердый, сильный характер пригодился ему, когда в 1918 году он пришел в Красную Армию. Он попал туда темным, неграмотным парнем, но зато принес с собой железное упорство, умение настойчиво преодолевать трудности — качества, так необходимые военному.

Красная Армия не только дала ему военные знания и навыки — она сделала его политически сознательным человеком, научила читать и писать. Он мужал и рос в боях с колачковцами и деникинцами, в схватках с белобандитами в горах Северного Кавказа. Все больше выявлялись волевые свойства его характера, смелость и мужество, его недюжинные организаторские способности. И неудивительно, что вскоре после

окончания гражданской войны Гаврилов стал коммунистом и красным командиром.

Послевоенная служба его проходила на Северном Кавказе. Там он женился. Детей у них с женой не было, и они взяли из детского дома мальчика-сироту. Гаврилов усыновил его, и маленький Коля рос в семье как родной сын — жена Гаврилова Екатерина Григорьевна нежно заботилась о нем.

Гаврилов принадлежал к числу тех красных командиров, которые были выдвинуты гражданской войной из самой гущи народа. Глубоко преданные Советской власти и партии большевиков, смелые и самоотверженные в борьбе с врагами Родины, талантливые военачальники, они не имели нужной теоретической подготовки, достаточных знаний и общей культуры. И страна, которая едва перевела дух после разорительных войн, принялась учить командные кадры своей защитницы — армии.

За это время Гаврилов побывал на различных командирских курсах, а потом ему предоставили возможность поступить в Военную академию имени Фрунзе — лучшую кузницу командиров Красной Армии.

Учиться в академии было очень трудно — мешало отсутствие образования. Но опять помогло то же непреклонное гавриловское упорство. Он вышел из академии майором и получил полк. Несколько месяцев спустя, трескуче-морозной зимой 1939 года, в дни финской кампании этот 44-й стрелковый полк под его командованием показал себя как вполне надежная боевая часть в трудных боях на Карельском перешейке.

После финской войны вся 42-я дивизия была переброшена в Западную Белоруссию, в район Березы-Картузской, а за два месяца до войны полк Гаврилова перевели в Брестскую крепость.

Семья его получила квартиру в самой крепости, в одном из домов комсостава. Екатерина Григорьевна, уже давно страдавшая острым суставным ревматизмом, теперь по неделям была прикована к постели, а подросток Коля — любимец бойцов — целые дни проводил в подразделениях.

Гаврилова редко видели дома — нелегкая должность командира полка не оставляла ему свободного времени. Дотошный, как говорили, «въедливый» начальник, настойчиво и придиристо вникающий во все мелочи жизни и быта своих подчиненных, он не давал спуска ни себе, ни другим. В нем жило вечное, неугасающее недовольство собой, своим полком, тем, что уже достигнуто в ходе напряженной учебы; казалось, сделано слишком мало, а время и обстановка не ждут, торопят.

Особым чутьем военного, к тому же находившегося на са-

мой границе, Гаврилов угадывал приближение грозных событий. И это предчувствие словно подстегивало его. Он помнил, каким нелегким испытанием для наших войск оказалась финская кампания, и теперь дорожил каждым мирным днем, чтобы лучше подготовить свой полк к той главной проверке, которая — он был убежден в этом — вскоре предстояла ему.

Со свойственным ему прямотоном Гаврилов в беседах с бойцами и командирами не раз говорил, что война не за горами, что опасный сосед за Бугом способен на все и Гитлеру ничего не стоит разорвать мирный договор с Советским Союзом, как рвал он до этого другие международные соглашения.

Но, как известно, в те предвоенные годы подобная откровенность могла дорого обойтись. Нашелся человек, написавший на Гаврилова заявление в дивизионную партийную комиссию. Его обвиняли в том, что он говорит о неизбежности войны с Германией и этим сеет тревожные настроения среди своих подчиненных. Обвинение было очень серьезным, и Гаврилову грозило нешуточное партийное взыскание. Комиссия назначила слушание его персонального дела на 27 июня 1941 года, и все эти последние дни он с трудом старался скрыть от товарищей по службе и от семьи одолевающее его беспокойство в предвидении будущих неприятностей.

Сейчас это кажется чудовищной нелепостью, но от партийного взыскания за то, что он предсказывал войну, Гаврилова спасла... война, разразившаяся за пять дней до предполагавшегося заседания парткомиссии.

Услышав первые взрывы на рассвете 22 июня 1941 года, Гаврилов сразу понял, что началась война. Быстро одевшись, он попрощался с женой и сыном, приказав им идти в ближайший подвал, и с пистолетом в руке побежал в центральную цитадель, где находился штаб полка и стояло боевое знамя: его надо было спастись в первую очередь. Гаврилову удалось перебежать мост через Мухавец, который уже обстреливали немецкие диверсанты. Он не помнил, как бежал среди взрывов по двору цитадели, мимо здания 333-го полка, к крайнему западному сектору кольцевых казарм: там на втором этаже помещался штаб.

Но когда он добрался сюда, второй этаж был уже полуразрушен и охвачен огнем. Кто-то из солдат, узнав командира полка, доложил ему, что полковое знамя вынес один из штабных работников.

Тогда Гаврилов принялся собирать своих бойцов, чтобы вести их из крепости на рубеж обороны, назначенный полку. Сделать это было нелегко: в предрассветной полумгле по двору металась, бежали в разные стороны полураздетые люди, спеша

в укрытия. Отличить своих от чужих в этом хаосе было почти невозможно.

Кое-как он собрал десятка два или три людей и повел их перебежками к трехарочным воротам и снова через мост к главному выходу из крепости. Но выход уже был закрыт — у туннели северных ворот шел бой. Немцы сомкнули кольцо вокруг крепости.

Здесь, у выхода, Гаврилов встретился со знакомым ему командиром, капитаном Константином Касаткиным. Касаткин командовал отдельным батальоном связи в той же 42-й дивизии. Батальон его стоял в нескольких километрах отсюда, и Касаткин, живший в крепости, приехал к семье на воскресенье. Теперь он был отрезан от своих бойцов.

На валах и перед воротами разрозненные группы наших стрелков вели перестрелку с наседающими автоматчиками. Гаврилов с помощью Касаткина принялся организовывать тут правильную оборону. Прямо под огнем, в обстановке боя, была сформирована рота, командовать которой майор поручил одному из находившихся здесь лейтенантов. Гаврилов тут же поставил роте боевую задачу и организовал доставку патронов из ближайшего склада.

Потом прибежавший сюда боец доложил майору, что по соседству, в казематах восточной «подковы», собралось несколько сот человек из разных полков, и Гаврилов с Касаткиным поспешили туда. Так они попали в Восточный форт.

В здании, которое стояло в центре «подковы», помещался 393-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. В ночь начала войны в казармах дивизиона оставалась только одна батарея, два зенитных орудия которой стояли неподалеку от форта. сразу же за внешним его валом. Командовал батареей какой-то старший лейтенант — он-то и поднял своих бойцов по тревоге. Но уже час спустя этот командир был убит, и зенитчиков возглавил начальник связи дивизиона лейтенант Андрей Домиенко и прибежавший сюда из 125-го полка лейтенант Яков Коломиец. Были вскрыты склады, людей вооружили винтовками, автоматами, гранатами, а на втором этаже казармы установили четырехствольный зенитный пулемет, который теперь мог держать под обстрелом вход в центральный двор «подковы».

Между тем все новые группы бойцов, прорвавшиеся из цитадели, приходили в форт. Когда Гаврилов и Касаткин около полудня появились здесь, в казарме и казематах собралось уже больше трехсот человек.

Гаврилов, как старший по званию, принял над ними командование и начал формировать свой отряд. В дополнение к той

роте, что сражалась на северном валу, у ворот, были созданы еще две. Одной Гаврилов поручил занять оборону по ту сторону дороги, в западной «подкове», вторая залегла на северо-восточных валах крепости. Теперь отряд Гаврилова оборонялся как бы внутри треугольника, вершинами которого были северные входные ворота крепости и два подковообразных укрепления.

В Восточном форту Гаврилов поместил свой командный пункт и при нем резерв отряда. Здесь же находился и штаб, начальником которого стал капитан Касаткин. Отсюда шли боевые приказы ротам, отсюда то и дело посылали разведчиков и связных. Были проложены даже телефонные линии, соединявшие штаб с ротами, но обстрел и бомбежки все время нарушали эту связь, и вскоре телефон окончательно вышел из строя.

Заместителем Гаврилова по политической части стал политрук из 333-го полка — Скрипник. Он тут же занялся учетом коммунистов и комсомольцев, организовал запись сводок Советского Информбюро, которые принимал радист в казарме дивизиона. Ему же поручил Гаврилов заботу о раненых и женщинах с детьми, прибежавших сюда из соседних домов комсостава.

Женщин и детей поместили в наиболее безопасном убежище — в солидных казематах внешнего вала. Тут же был и «госпиталь» — охапки соломы, сложенные в углу, на которых клали раненых. Военфельдшер Раиса Абакумова стала «главным врачом» этого «госпиталя», а жены командиров — ее добровольными помощницами.

Весь первый день отряд Гаврилова удерживал свои позиции, отбивая атаки врага. В боях действовала даже артиллерия отряда — два зенитных орудия, стоявших около «подковы». В первой половине дня зенитчикам то и дело приходилось вступать в бой с немецкими танками, прорывавшимися в крепость через главные ворота, и каждый раз они отгоняли машины врага.

Молодой лейтенант, командовавший артиллеристами, был тяжело ранен во время перестрелки. Но уйти от орудий он отказался. Когда одному из танков удалось проскочить через ворота, началась огневая дуэль между ним и зенитчиками. Танк, маневрируя на дороге, бегло обстреливал зенитки, и одна пушка скоро была повреждена. Тогда, собрав последние силы, бледный, обескровленный лейтенант встал к орудию и сам повел огонь прямой наводкой. Ему понадобилось всего два или три выстрела — танк был подбит, а пытавшихся ударить танкистов перестреляли из винтовок бойцы. Но и силы лейтенанта

были исчерпаны. Он упал тут же, у орудия, и артиллеристы, подняв его, увидели, что он мертв.

Гаврилов сейчас же приказал Касаткину написать на этого лейтенанта посмертное представление к званию Героя Советского Союза. К сожалению, как и все документы штаба, это представление уничтожили впоследствии, когда немцы ворвались в форт, и забытая участниками обороны фамилия героя-лейтенанта до сих пор остается неизвестной.

Немцы утащили на буксире подбитый танк, а потом прилетели их самолеты, и началась очередная бомбежка Восточного форта. Именно тогда одна из бомб попала в окоп, где хранился запас снарядов для зенитных орудий, и этот небольшой склад взлетел на воздух. Оставшееся орудие больше не могло стрелять.

На второй день положение усложнилось. Противник отрезал от отряда Гаврилова роту, дравшуюся в Западном форту, и подошел к дороге. В последующие дни под нажимом врага вынуждены были отойти с крепостных валов и остатки двух других рот, поредевших в этих боях. Теперь весь отряд Гаврилова был сосредоточен в Восточном форту, а сам форт окружен вражеским кольцом. Немцы начали осаду.

Все попытки автоматчиков ворваться в центральный двор «подковы» были бесплодными. Бойцы неусыпно дежурили у четырехствольного пулемета в казарме. Автоматчиков нарочно подпускали поближе — до середины покатога двора. И когда они уже беспорядочной толпой с криками поднимались в свой последний бросок к казарме, пулеметчики открывали огонь в упор из всех четырех стволов. Двор сразу словно выметало свинцовой метлой. Под страшным огнем этого пулемета немногим гитлеровцам удавалось удрать обратно, и двор форта был сплошь усеян трупами в зеленых мундирах.

Несколько раз сюда подходили танки. Тогда Гаврилов вызывал добровольцев, и те со связками гранат в руках ползли вдоль подножия вала навстречу машинам. После того как один танк был подбит во дворе, немецкие танкисты уже не отваживались заезжать сюда и лишь вели обстрел издали. Но обстрел из танков и орудий не приносил врагу успеха. И немцы стали все чаще посылать свои самолеты против этой маленькой земляной «подковы», где так прочно засела горсточка советских воинов.

День ото дня усиливался артиллерийский обстрел, все более жестокими становились бомбежки. А в форту кончились запасы пищи, не было воды, люди выходили из строя. По приказу Гаврилова были отправлены в плен женщины и дети.

Противник наседал. Время от времени автоматчики врыва-

лись на гребень внешнего вала и кидали оттуда гранаты в подковообразный дворик. С трудом немцев выбивали обратно. Потом начались дымовые атаки, и враг пустил в ход даже бомбы со слезоточивым газом. Едкие клубы заволакивали весь двор, наполняли казематы. К счастью, в складах форта были противогазы, и люди, порой часами не снимая масок, продолжали отстреливаться и отбиваться гранатами.

А потом наступило воскресенье, 29 июня, и гитлеровцы предъявили защитникам Восточного форта ультиматум — в течение часа выдать Гаврилова и его заместителя по политической части и сложить оружие. В противном случае немецкое командование угрожало снести укрепление с лица земли вместе с его упорным гарнизоном.

Наступило часовое затишье. И тогда Гаврилов созвал бойцов и командиров на открытое партийное собрание. В тесном полутемном каземате собрались не только коммунисты — сюда пришли все, и только дежурные пулеметчики и наблюдатели остались на постах на случай внезапной атаки врага.

Гаврилов объяснил людям обстановку, сказал, что рассчитывать на помощь извне уже не приходится, и задал коммунистам вопрос:

— Что будем делать?

Все разом зашумели, заговорили, и майору уже по их лицам стал ясен ответ товарищей:

— Будем драться до конца!

Это не было обычное собрание, это был их последний митинг, взволнованный и единодушный. А когда Скрипник объявил прием в партию, люди бросились искать бумагу. Короткие горячие заявления писали на каких-то обрывках, валявшихся кое-где в казематах, на кусках старых газет, даже на обороте немецких листовок, призывавших сдаваться в плен. В этот час, когда наступало последнее, самое трудное испытание, когда впереди была смерть или вражеская неволя, люди хотели идти в свой смертный бой коммунистами. И тут же десятки беспартийных были приняты в ряды партии.

Они не успели даже спеть «Интернационал» — время кончилось, и в форту загремели взрывы снарядов. Враг шел в решительную атаку. Все заняли свои места у амбразур.

Но сначала появились самолеты. Они летели низко, один за другим, и первый сбросил над фортом ракету, указывая цель остальным. И дождем посыпались бомбы, причем на этот раз самые крупные.

Гулкие, тяжелые взрывы громовыми раскатами непрерывно грохотали вокруг, прочные кирпичные своды казематов ходили ходуном над головами людей и иногда рушились. Там

и здесь происходили обвалы, и бойцы гибли, засыпанные земляной массой осевшего вала. Это продолжалось долго, но никто не мог бы сказать, сколько времени прошло, — слишком были напряжены нервы людей. А потом сразу за последними разрывами бомб раздались крики автоматчиков, ворвавшихся на внешний вал, загремели гранаты во дворике, а в центральный двор «подковы» толпой вливались солдаты врага. И уже не слышалось очередей четырехствольного пулемета — он был уничтожен во время бомбежки.

В этот день и на следующее утро в рукопашных боях сопротивление защитников Восточного форта было окончательно сломлено, и те, кто уцелел, оказались в плену. Автоматчики обшаривали один каземат за другим — искали Гаврилова. Офицеры настойчиво допрашивали пленных об их командире, но точно о нем никто не знал. Некоторые видели, как майор уже в конце боя вбежал в каземат, откуда тотчас же раздался выстрел. «Майор застрелился», — говорили они. Другие уверяли, что он взорвал себя связкой гранат. Как бы то ни было, найти Гаврилова не удалось, и немцы пришли к заключению, что он покончил с собой. Неизвестной осталась и судьба политрука Скрипника.

ПОДВИГ МАЙОРА ГАВРИЛОВА

Гаврилов не взорвал себя и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в темном каземате внутри вала, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоем с бойцом-пограничником, который во все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Они оказались отрезанными от остального гарнизона и, перебегая из одного помещения в другое, бросали в наседающих гитлеровцев свои последние гранаты и отстреливались последними патронами. Но вскоре стало очевидно, что сопротивление гарнизона сломлено и немцы уже овладели почти всем фортом. Боеприпасов у Гаврилова и пограничника осталось совсем мало, и командир с бойцом решили попробовать спрятаться, чтобы потом, когда немцы уйдут из форта, выбраться из крепости и идти на северо-восток, в Беловежскую пушу, где, как они надеялись, уже, наверное, действуют наши партизаны.

К счастью, им удалось найти надежное убежище. Как-то, еще в самом начале боев за форт, его защитники по приказанию майора пытались прорыть проход сквозь толщу вала. В кирпичной стене каземата была пробита дыра, и несколько бойцов поочередно стали прокапывать в валу небольшой туннель.

Работы пришлось вскоре прекратить — вал оказался песчаным и песок все время осыпался, заваливая проход. Но осталась дыра в стене и глубокая нора, идущая в глубь вала. В эту нору и забрались Гаврилов и пограничник в то время, как уже совсем рядом слышались голоса гитлеровцев, обшаривавших соседние помещения.

Оказавшись в узком проходе, прорытом когда-то бойцами, майор и пограничник начали прокапывать руками себе путь вправо и влево от этого прохода. Сыпучий песок легко поддавался, и они постепенно стали продвигаться вперед по ту сторону кирпичной стены каземата, отходя все дальше от пробитой в ней дыры, причем Гаврилов копал влево, а пограничник — вправо. Они работали с лихорадочной быстротой и, подобно кротам, отбрасывали за спину вырытый песок, засыпая за собой путь. Прошло около получаса, прежде чем в каземат вошли солдаты противника, а за это время командир и боец успели уйти каждый на два-три метра в сторону от дыры, пробитой в кирпичах.

Сквозь стену Гаврилов ясно слышал, как немцы переговариваются, обыскивая каземат. Он притаился, стараясь ни одним движением не выдать себя. Видимо, автоматчики заметили отверстие в стене — они несколько минут стояли около него, о чем-то совещаясь. Потом кто-то из них дал туда очередь. Гитлеровцы помолчали, прислушиваясь, и, убедившись, что там никого нет, пошли осматривать другие казематы.

Гаврилов провел в своей песчаной норе несколько суток. Ни один лучик света не проникал сюда, и он не знал даже, день или ночь сейчас на воле. Голод и жажда становились все более мучительными. Как ни пытался он растянуть два сухаря, оказавшиеся у него в кармане, они вскоре кончились. Жажду он научился немного успокаивать, прикладывая язык к кирпичам стены каземата. Кирпичи были холодными, и ему казалось, что на них осела подземная влага. Сон помогал забыть о голоде и жажде, но он спал урывками, опасаясь выдать себя во сне неосторожным движением или стоном. Враги еще были в форту — их голоса слышались то дальше, то ближе, и раза два солдаты заходили в этот каземат.

Он не знал, жив ли его товарищ — пограничник, отделенный от него слоем песка в несколько метров толщиной. Он боялся окликнуть его даже шепотом — фашисты могли оказаться поблизости. Малейшей неосторожностью он мог испортить все. Теперь важно было только одно — выждать, пока солдаты уйдут. Лишь в этом было спасение и возможность снова продолжать борьбу. Мучимый голодом и жаждой в этой подземной

норе, он ни на минуту не забывал о борьбе и не раз заботливо ощупывал в кармане несколько оставшихся гранат и пистолет с последней обоймой.

Голоса немцев слышались все реже, и наконец все вокруг, казалось, затихло. Гаврилов уже решил, что наступило время выходить, как вдруг над его головой, на гребне вала, затрещал пулемет. И по звуку выстрелов он безошибочно определил, что это ручной пулемет Дегтярева.

Кто стрелял из него — наши или немцы? Несколько часов он пролежал, мучительно думая об этом. А пулемет время от времени посылал короткую, скупую очередь. Чувствовалось, что пулеметчик экономит боеприпасы, и это вселило в Гаврилова какие-то смутные надежды. Зачем было бы немцам беречь патроны?

Наконец он решился и шепотом окликнул пограничника. Тот отозвался. Они вылезли в темный каземат и прежде всего напились из вырытого тут колодца грязной, затхлой воды. Потом с гранатами наготове осторожно выглянули в узкий дворик. Стояла ночь. Чьи-то негромкие голоса доносились сверху. Это была русская речь.

На валу оказались двенадцать бойцов с тремя ручными пулеметами. Как и Гаврилову, им удалось укрыться в одном из казематов, когда форт был захвачен, а после ухода автоматчиков они вышли и снова заняли оборону. Днем они прятались в каземате, а ночью вели огонь по одиночным солдатам противника, появлявшимся поблизости. Гитлеровцы полагали, что в форту никого не осталось, и пока не успели обнаружить, что именно оттуда раздаются пулеметные очереди, тем более что вокруг повсюду еще шла перестрелка. Еще бил пулемет из дота Западного форта, стреляли в районе домов комсостава, и то затихающая, то возобновляющаяся пальба вперемежку со взрывами мин и снарядов доносилась с Центрального острова.

Гаврилов решил попытаться вывести эту группу в Бело-вежскую пущу. Но для этого надо было пока что не обнаруживать себя. Вокруг крепости еще стояло много войск врага, и сейчас выбраться за валы было невозможно даже ночью. Оставалось ждать, но при этом быть готовыми в любой момент принять бой, если фашисты снова придут в форт.

Днем на валу оставляли только наблюдателя, а ночью наверх поднимались все и, если представлялся удобный случай, вели огонь. Так прошло несколько дней. Бои не затихали, поблизости по-прежнему то и дело появлялись группы немецких солдат, и выйти из крепости все еще было нельзя. И самое страшное заключалось в том, что защитникам форта уже нечего было есть. Небольшой запас сухарей, оказавшийся у бойцов,

кончился, и голод давал себя чувствовать все острее. Люди теряли последние силы. Гаврилов уже подумывал о том, чтобы сделать отчаянную попытку прорыва, но внезапные события нарушили все его планы.

Наблюдатель не заметил, как группа автоматчиков днем зачем-то пришла в форт. Здесь они и обнаружили советских бойцов. Гаврилов дремал в углу каземата, когда рядом во двореке слышались крики: «Рус, сдавайся!» — и гроыхнули взрывы гранат. Автоматчиков было немного, и почти всех тут же перебили, но нескольким солдатам удалось удрать, и час спустя «подкова» снова была окружена.

Первые атаки были отбиты. Но гитлеровцы подтащили сюда орудия и минометы, и вскоре среди немногочисленных защитников форта появились раненые и убитые. А затем последовала атака одновременно со всех сторон, и враг одолел числом — автоматчики взобрались на вал и забросали двор гранатами.

И снова пришлось укрываться в той же норе. Только теперь они забрались в нее втроем — Гаврилов, пограничник и еще один боец.

К счастью, в это время уже наступила ночь, и фашисты не решились в темноте обыскивать казематы. Но Гаврилов понимал, что с наступлением утра они обшарят форт сверху донизу и на этот раз, возможно, обнаружат их убежище. Надо было предпринимать что-то теперь же, ночью, не откладывая.

Они посоветовались и осторожно выползли в каземат. Здесь никого не было. Не было гитлеровцев и во внутреннем двореке. Но когда они ползком пробрались к выходу из форта, то увидели, что совсем близко горят костры, вокруг которых сидят солдаты. Противник в ожидании рассвета кольцом окружил форт, чтобы на этот раз не выпустить ни одного из его защитников.

Надо было прорываться с боем. Решили, что по команде Гаврилова каждый бросит по одной гранате в сидящих у костров немцев и все трое тотчас же кинутся бежать в разные стороны: пограничник — на юг, к домам комсостава, боец — на восток, к внешнему валу, а Гаврилов — на запад, в сторону дороги, ведущей от северных ворот на Центральный остров. Его направление было самым опасным, так как по этой дороге часто ходили и ездили гитлеровцы.

Они обнялись и договорились, что тот, кому посчастливится остаться в живых, будет пробираться в заветную Беловежскую пущу. Потом Гаврилов шепотом скомандовал: «Огонь!» — и они метнули гранаты.

Гаврилов не помнил, как он пробежал линию постов. В памяти остались только грохот гранатных разрывов, испуганные вопли солдат, вспыхнувшая вокруг стрельба, свист пуль над головой и глубокая темнота ночи, сразу сгустившаяся перед глазами после яркого света костров. Он бежал изо всех сил, сжимая в руках вторую гранату и пистолет, бежал не чуя под собой ног и слышал за спиной крики, выстрелы и топот сапог. Он опомнился, когда пересек дорогу, на счастье оказавшуюся в этот момент пустынной. Лишь тогда он на секунду приостановился и перевел дух. И тотчас же над его головой просвистела пулеметная очередь.

Это стрелял неизвестный советский пулеметчик из дота Западного форта. Привлеченный криками и стрельбой, он начал бить длинными очередями, целясь, видимо, по огню костров. Гаврилову пришлось упасть ничком у стены какого-то полуразрушенного дома, чтобы не угодить под его пули. Но пулеметчик невольно спас его: фашисты, бежавшие за майором, попали под огонь, — Гаврилов слышал, как они, что-то крича, побежали обратно.

Прошло с четверть часа, и все стихло. Тогда Гаврилов, прижимаясь к земле, пополз в сторону внешнего вала крепости, постепенно удаляясь от дороги.

Ночь была непроглядно темной, и он почти наткнулся на стену. Это была кирпичная стена одного из казематов внешнего вала крепости. Он нащупал дверь и вошел внутрь.

Целый час он ходил по пустому помещению, ощупывая осклизлые стены, пока наконец догадался, где находится. Здесь перед войной были конюшни его полковых артиллеристов. Теперь он понял, что попал на северо-западный участок крепости, и это обрадовало его — отсюда было ближе добираться до Беловежской пущи.

Он выбрался наружу и осторожно переполз через вал на берег обводного канала. На востоке уже светлело небо, занималась заря. Прежде всего он лёг на живот и долго пил стоячую воду из канала. Потом вошел в канал и двинулся на тот берег.

И вдруг оттуда, из темноты, донеслась немецкая речь. Гаврилов застыл на месте, всматриваясь вперед.

Постепенно он стал различать темные очертания палаток на том берегу. Потом там вспыхнула спичка, и малиновым огоньком затлела папироса. Прямо против него вдоль канала раскинулся лагерь какой-то немецкой части.

Он бесшумно вылез назад, на свой берег, и отполз к валу. Здесь была маленькая дверь, и, войдя в нее, он попал в узкий угловой каземат с двумя бойницами, глядящими в разные стороны. Коридор тянулся из каземата дальше в глубь вала. Он

пошел по этому коридору и снова оказался в помещении той же конюшни.

Заметно светало. Надо было найти надежное убежище на день, и Гаврилов, подумав, решил, что лучше всего укрыться в маленьком угловом каземате. Стены его были толстыми, а две бойницы, выходящие в разные стороны, могли пригодиться, если бы гитлеровцы обнаружили его, — из них он мог отстреливаться, держа в поле своего зрения большой участок канала.

Он снова обследовал этот каземат, и только одно обстоятельство смутило его — там негде было спрятаться, и стоило немцам заглянуть в дверь, его немедленно обнаружили бы.

И тогда он вспомнил, что у самой двери каземата, на берегу канала, свалены кучи навоза — его выносили сюда, когда чистили конюшни. Он торопливо принялся таскать этот навоз охапками и сваливать его в углу каземата. Прежде чем рассветло, его убежище было готово. Он зарылся в эту грудку навоза и завалил себя снаружи, проделав небольшую щель для наблюдения и положив под рукой оставшиеся пять гранат и два пистолета, каждый с полной обоймой.

Весь следующий день он пролежал тут. Солдаты противника ходили совсем рядом, они что-то делали на берегу канала, переговаривались, а один раз несколько человек прошли через его каземат и конюшню. Гаврилов держал наготове пистолет, но они не обратили внимания на сваленный в углу навоз.

Ночью он снова вышел на берег канала и напился. На том берегу по-прежнему темнели немецкие палатки и слышались голоса солдат. Но он решил ждать, пока они не уйдут, тем более что стрельба в крепости, как ему казалось, мало-помалу затихала; судя по всему, противник подавлял один за другим последние очаги сопротивления.

Три дня Гаврилов провел без пищи. Потом голод стал таким острым, что терпеть дольше было невозможно. И он подумал, что где-нибудь рядом с конюшной должен быть цейхгауз, где хранится фураж, — там могли остаться ячмень или овес.

Он долго шарил по конюшне, пока руки его не нащупали сваленные в одном из углов каземата какие-то твердые комки. Он откусил от комка и почувствовал вкус чего-то съедобного.

Это был комбикорм для коней — смесь каких-то зерен, мякины, соломы... Во всяком случае, это утоляло голод и даже казалось вкусным. Теперь он был обеспечен пищей и готов ждать сколько понадобится, пока не сможет бежать в Беловежскую пущу.

Дней пять все шло хорошо — он ел комбикорм, а ночью пил воду из канала. Но на шестой день началась острая резь

в желудке, которая с каждым часом усиливалась, причиняя невыносимые страдания. Весь этот день и всю ночь он, кусая губы, удерживался от стонов, чтобы не выдать себя, а потом наступило странное полубытие, и он потерял счет времени. Когда он приходил в себя, то чувствовал страшную слабость — он с трудом шевелил руками, но прежде всего машинально нащупывал рядом с собой пистолеты и гранаты.

Видимо, его выдали стоны. Он внезапно очнулся оттого, что совсем рядом с ним раздались голоса. Через свою смотровую щель он увидел двух автоматчиков, стоявших здесь, внутри каземата, около груды навоза, под которой лежал он.

И странное дело, как только Гаврилов увидел врагов, силы снова вернулись к нему и он забыл о своей болезни. Он нащупал немецкий пистолет и перевел предохранитель.

Немцы, казалось, услышали его движение и принялись ногами разбрасывать навоз. Тогда он приподнял пистолет и с трудом нажал на спуск. Пистолет был автоматическим — раздалась громкая очередь, — он невольно выпустил всю обойму. Послышался пронзительный крик, и, стуча сапогами, немцы побежали к выходу.

Собрав все силы, он встал и раскидал в стороны прикрывавший его навоз. Гаврилов понял, что сейчас он примет свой последний бой с врагами, и приготовился встретить смерть, как положено солдату и коммунисту, — встретить ее в борьбе. Он положил рядом свои пять гранат и взял в руку пистолет — свой командирский «ТТ».

Немцы не заставили себя долго ждать. Прошло не более пяти минут, и по амбразурам каземата ударили немецкие пулеметы. Но обстрел снаружи не мог поразить его — бойницы были направлены так, что приходилось опасаться только рикошетной пули.

Потом донеслись крики: «Рус, сдавайся!» Он догадался, что солдаты в это время приближаются к каземату, осторожно пробираясь вдоль подножия вала. Гаврилов выждал, когда крики раздались совсем рядом, и одну за другой бросил две гранаты — в правую и левую амбразуры. Враги кинулись назад, и он слышал чьи-то протяжные стоны — гранаты явно не пропали даром.

Через полчаса атака повторилась, и снова он, расчетливо выждав, бросил еще две гранаты. И опять гитлеровцы отступили, но зато у него осталась только одна, последняя граната и пистолет.

Противник изменил тактику. Гаврилов ждал нападения со стороны амбразур, но автоматная очередь прогремела за его спиной — один из автоматчиков показался в дверях. Тогда он

метнул туда последнюю гранату. Солдат вскрикнул и упал. Другой солдат просунул автомат в амбразуру, и майор, подняв пистолет, дважды выстрелил в него. Дуло автомата исчезло. В этот момент что-то влетело в другую бойницу и ударилось об пол — блеснуло пламя взрыва, и Гаврилов потерял сознание.

ПРИЗНАНИЕ РОДИНЫ

Несколько лет тому назад вместе с бывшими защитниками крепости, живущими сейчас в Москве, мне пришлось выступать перед работниками одного из крупных московских научно-исследовательских институтов. Речь шла о событиях Брестской обороны, и, знакомя наших слушателей с героями крепости, я рассказал им подробно историю подвига и пленения майора Гаврилова.

После того как участники обороны поделились своими воспоминаниями, председатель собрания предоставил слово научному сотруднику института инженеру Шануренко. Мы уже привыкли к тому, что в заключение таких встреч обязательно выступает кто-нибудь из слушателей, обращаясь к защитникам крепости со словами приветия и благодарности.

Однако выступление Шануренко было необычным, и с первых же его слов мы все насторожились.

— Я с особым волнением слушал рассказ о майоре Гаврилове, — сказал инженер. — Дело в том, что двадцать третьего июля тысяча девятьсот сорок первого года, когда Гаврилова взяли в плен и доставили в Южный военный городок Бреста, я находился там, в лагере, среди наших пленных. Я помню, как немецкие солдаты пронесли мимо нас носилки, на которых лежал какой-то словно высохший, весь черный, до предела истощенный человек в изодранной одежде командира. Он казался неживым, но нам объяснили, что этот командир только ранен и потерял сознание, а всего час назад он с необыкновенным упорством сражался в крепости один против десятков гитлеровцев.

Шануренко рассказал, что после того, как носилки унесли в госпитальный корпус лагеря, к пленным подошел приехавший сюда немецкий генерал. Обратившись к ним, он сказал:

— Сейчас в лагерь доставлен герой Красной Армии майор Гаврилов. Сражаясь в крепости, он показал высокую доблесть и мужество. Немецкое командование уважает героизм даже в противнике. Поэтому мы приказали поместить майора Гаврилова в отдельную комнату и доставлять ему пищу из нашей офицерской кухни.

Это свидетельство Шануренко было весьма интересным. Однако вся последующая история майора Гаврилова показывает, что красивые фразы гитлеровского генерала остались чистейшим лицемерием и позерством.

Первое, что увидел Гаврилов, придя в себя, был штык немецкого часового, дежурившего у дверей комнаты. Он понял, что находится в плену, и от горького сознания этого снова лишился чувств.

Когда он окончательно очнулся, ему действительно принесли какой-то обед. Но он не мог глотать, и эта пища была ни к чему. Спасая его жизнь, врачи стали применять искусственное питание.

Как только мысли Гаврилова проявились, он первым делом подумал о своих документах. Успел ли он уничтожить их? Или они попали в руки фашистов и тогда враги знают, кто он такой? Гаврилову припомнилось, что там, в каземате, уже в полубреду, в моменты, когда сознание возвращалось к нему, он все время думал о том, чтобы уничтожить свои документы. Но сделал ли он это, вспомнить не удавалось.

Едва лишь силы вернулись к нему настолько, что он смог шевелить рукой, Гаврилов тотчас же ощупал нагрудный карман своей гимнастерки. Документов при нем не было. И он решил, что на всякий случай назовет вымышленное имя.

Через несколько дней пришли два немецких солдата. Его подняли с койки и потащили на допрос. В канцелярии лагеря его ждал какой-то эсэсовский оберштурмфюрер. Гаврилова усадили около стола, и он едва удерживался на стуле. От слабости в глазах плыли радужные круги.

— Фамилия? — спросил переводчика эсэсовец.

— Галкин, — слабым голосом ответил пленный.

Офицер с силой стукнул кулаком по столу.

— Nein! Gavriloff! — закричал он угрожающе.

Стало ясно, что документы были захвачены гитлеровцами. Но Гаврилов решил отпираться до конца.

— Звание? — последовал новый вопрос.

— Лейтенант, — сказал Гаврилов. — Лейтенант Галкин.

— Nein! Major! Verfluchte Schwein! — уже яростно заревел эсэсовец и, вскочив с кресла, ударил Гаврилова кулаком в лицо.

Так на деле выглядело то уважение к героизму противника, о котором столь красиво распространялся немецкий генерал.

Гаврилов очнулся, когда солдаты поднимали его с пола. Видимо, эсэсовец решил не продолжать допроса. Пленного потащили назад.

Ноги Гаврилова волочились по земле, а голова бессильно повисла. Солдаты выволокли его во двор и вдруг поставили у стены дома, прислонив спиной к кирпичам.

«Конец!» — мелькнуло у него.

Он ждал выстрела, но вместо него услышал какое-то странное тихое щелканье. С трудом он приподнял голову и взглянул. Против него с фотоаппаратом в руках стоял немецкий офицер. Его фотографировали.

Солдаты принесли Гаврилова в госпиталь и уложили на ту же койку. Больше его не допрашивали. Но Гаврилов понимал, что за него примутся, как только он немного поправится. Надо было постараться как-то, хоть ненадолго, исчезнуть из поля зрения лагерной администрации, чтобы немцы на время забыли о нем.

Сделать это помогли наши врачи Ю. В. Петров и И. К. Маховенко, лечившие Гаврилова. Они заявили, что пленный майор заболел тифом, и перевели его в тифозный барак, куда немцы боялись показываться. Там он провел несколько недель, и за это время врачи успели подлечить его. А когда он начал ходить, те же Петров и Маховенко устроили его работать в одной из лагерных кухонь. Это означало для него жизнь: даже в условиях нищенского лагерного питания около кухни можно было подкормиться и восстановить свои силы.

Многие пленные в лагере знали о подвиге майора Гаврилова. К нему относились с уважением и нередко обращались с вопросами: «Что вы думаете о положении на фронтах?», «Выдержит ли Красная Армия натиск гитлеровцев?» и т. д. И каждый раз он пользовался этим, чтобы побеседовать с людьми, доказать им, что успехи врага носят лишь временный характер и что победа Советского Союза в этой войне не подлежит сомнению. Эти беседы поднимали дух пленных, укрепляли их веру в будущее торжество нашего дела, помогали им более стойко переносить тяготы и лишения лагерной жизни.

Так продолжалось до весны 1942 года. Потом Южный городок расформировали, и Гаврилов после скитаний по разным лагерям Польши и Германии вскоре оказался близ немецкого города Хаммельсбурга. Здесь гитлеровцы устроили большой офицерский лагерь, где содержались тысячи наших пленных командиров.

В Хаммельсбурге судьба свела Гаврилова с другим замечательным героем Великой Отечественной войны, нашим крупнейшим военным инженером, генерал-лейтенантом Дмитрием Карбышевым. Тяжело раненный Карбышев попал в фашистский плен еще в 1941 году и держался в лагерях с

поражительным достоинством и гордостью, презрительно отвергая все попытки врагов склонить его на свою сторону. Этот горячий патриот Родины подавал своим товарищам по плену пример поведения советского воина, неустанно внушал им мужество и стойкость в борьбе со всеми страшными испытаниями вражеской неволи.

Однажды, беседуя с Карбышевым, Гаврилов спросил его мнение о том, когда кончится война. Генерал грустно усмехнулся.

— Вот съедем раз тысячу нашей баланды, и война кончится, — сказал он и тут же добавил: — Кончится, безусловно, нашей победой.

Баланду в лагере давали один раз в день. Значит, по мнению генерала, война кончится только через три года. Гаврилову этот срок показался тогда чересчур долгим. И лишь потом он убедился, какими пророческими были слова Карбышева: война кончилась примерно через три года после этого разговора, но самому генералу не пришлось дожить до победы: он был зверски уничтожен гитлеровцами в лагере смерти Маутхаузене — эсэсовцы обливали его водой на морозе, пока он не превратился в ледяную глыбу.

Много раз там, в Хаммельсбурге, Гаврилов думал о побеге из плена. Но лагерь находился в глубине Германии и тщательно охранялся. К тому же Гаврилов все время болел: его постоянно сваливала с ног тяжелая малярия и остро сказывались последствия ранения и контузии — майор был полуглухим и почти не мог владеть правой рукой. Побег осуществить так и не удалось, и только накануне победы он был освобожден.

Все эти годы вражеской неволи Гаврилов вел себя, как подобает коммунисту и советскому гражданину, и ничем не унижился перед врагом. Он легко прошел государственную проверку, был восстановлен в звании майора и осенью 1945 года получил новое назначение.

Оно выглядело несколько неожиданным. Этот человек, который только что перенес страшный, истребительный режим гитлеровских лагерей и испытал на себе все бесчеловечные издевательства врага над людьми, оказавшимися в его власти, сейчас был назначен начальником советского лагеря для японских военнопленных в Сибири.

Казалось бы, человек мог ожесточиться там, в плену, и теперь в какой-то мере вымещать все, что он пережил, на прямых союзниках врага. Но Гаврилов и здесь остался настоящим коммунистом и советским человеком. Он сумел с исключительной гуманностью, образцово поставить дело содержания пленных в лагере. Он предотвратил эпидемию тифа среди

японцев, ликвидировал злоупотребления со стороны японских офицеров, через которых снабжались пленные солдаты. Я видел у него документы с выражением благодарности по службе за хорошую постановку дела в лагере.

Однако служить в армии ему пришлось недолго — Вооруженные Силы после войны быстро сокращались прежде всего за счет бывших военнопленных, и он был уволен в отставку, на пенсию. Пенсию ему определили небольшую — в то время бывшим пленным не засчитывали годы войны в срок армейской службы, и жить на эти средства было нелегко. Вместе со своей второй женой Гаврилов переехал в Краснодар, где долго служил в довоенные годы, и там, отказывая себе во многом, построил на окраине города маленький скромный домик.

Впрочем, материальные лишения не пугали его. Было другое обстоятельство, гораздо больше тяготившее Гаврилова все это время. Дело в том, что он не был восстановлен в рядах партии после возвращения из плена. Он поднимал об этом вопрос, но ему ответили, что он потерял свой партийный билет и, следовательно, должен вступать в партию снова, на общих основаниях. Для него, человека, который с молодых лет связал свою судьбу с партией коммунистов и всегда вел себя, как подобает большевику, такое решение было бесконечно горьким. Он поделился со мной этим своим горем, и я обещал ему помочь по приезду в Москву.

Как только я вернулся из Краснодара, я пошел в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и рассказал там все, что знал о майоре Гаврилове. Работники Комитета посоветовали мне написать Гаврилову, чтобы он немедленно прислал заявление о восстановлении в рядах партии. Надо ли говорить, что он не замедлил это сделать? Со своей стороны я тоже представил в Комитет заявление, где осветил роль майора Гаврилова в обороне Брестской крепости и описал его подвиг. Кроме того, я обратился ко всем людям, которые рассказывали мне о нем, с просьбой прислать свои заверенные печатью свидетельства.

Все эти документы были переданы в Комитет партийного контроля, и вскоре Партийная комиссия при Главном политическом управлении Министерства обороны начала проверку дела Гаврилова. Гаврилов был вызван в Москву, и 22 апреля 1956 года вопрос о его партийности был наконец рассмотрен. Меня тоже пригласили на это заседание, и я познакомил членов комиссии с материалами, которые удалось собрать.

Постановление комиссии оставалось неизвестным до утверждения его высшими органами. Гаврилов, с волнением ожидавший решения своей судьбы, жил это время у меня. И вот

однажды наступил день, когда ко мне на квартиру позвонил работник Партийной комиссии и сообщил, что решение утверждено и Гаврилов восстановлен в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

Во время этого разговора дверь в комнату, где жил Гаврилов, приоткрылась, и он выглянул, внимательно всматриваясь в мое лицо. Глуховатый после контузии, он не слышал, о чем идет речь, но тут же догадался обо всем по движению моих губ. И тогда я увидел, как этот пожилой, пятидесятишестилетний человек вдруг, словно мальчишка, принялся отплясывать какой-то диковатый, ликующий танец...

Гаврилов уехал домой, и месяц спустя я получил от него радостное письмо. Он сообщал, что ему вручен партийный билет.

Вскоре после этого в Министерстве обороны был пересмотрен вопрос о его пенсии, и выяснилось, что по закону она должна быть значительно увеличена. Это сразу устранило его материальные затруднения.

А еще несколько месяцев спустя, в январе 1957 года, появился Указ Президиума Верховного Совета СССР. За доблесть и мужество, за выдающийся подвиг при обороне Брестской крепости Петру Михайловичу Гаврилову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эту высокую награду правительства П. М. Гаврилов получил в феврале 1957 года, накануне 39-летия Советской Армии, в Ростове, в штабе Северо-Кавказского военного округа. В торжественной обстановке, в присутствии многих офицеров известный полководец Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Исса Плиев повесил на грудь героя Брестской крепости Золотую Звезду. И уже совсем неожиданной была для Гаврилова другая радость. Вместе с Золотой Звездой ему вручили не один, а сразу два ордена Ленина. Вторым орденом Ленина правительство наградило его за долготную безупречную службу в рядах Советской Армии.

Подвиг защитников Брестской крепости и имя одного из главных руководителей и героев этой славной обороны — майора Петра Гаврилова — сейчас широко известны во всех уголках страны. В маленький домик на окраине Краснодара сотнями идут письма. Среди них множество приглашений. Из разных республик и городов, из различных военных округов страны приглашают Гаврилова приехать и выступить со своими воспоминаниями. Большую часть своего времени он находится в разъездах, и его друзья шутят, что он теперь, как знаменитый тенор, то и дело выезжает на гастроли. Он уже побывал на Дальнем Востоке и в Сибири, у моряков Балтики

и у черноморцев, на Урале и в Ленинграде, на своей родине — в Татарии — и на Украине.

Во время одной из таких поездок летом 1958 года, когда Гаврилов находился в Киеве, его догнало там новое радостное известие. Трудящиеся Майкопского сельского избирательного округа выдвинули его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. И этот человек, так мужественно сражавшийся за свободу Отчизны, так много переживший и теперь получивший заслуженное признание Родины, заседал в Кремлевском дворце вместе с лучшими людьми страны, избранными народом.

**часть
вторая**

**Герои
известные
и
неизвестные**

СТРАНИЦЫ СЛАВЫ

Всенародно известным стал сейчас подвиг героев Бреста. Можно без преувеличения сказать, что оборона Брестской крепости принадлежит ныне к тем страницам истории Великой Отечественной войны, которые особенно дороги сердцу нашего народа. Недаром теперь нередко приходится слышать или читать, что героическую защиту Брестской крепости сравнивают или ставят в один ряд с такими важнейшими событиями минувшей войны, как оборона Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда.

«Как же так?» — может возникнуть недоуменный вопрос у человека, хорошо знакомого с историей нашей борьбы против гитлеровской Германии. Разве справедливо сравнивать защиту Брестской крепости с обороной городов-героев? Одесса и Севастополь, Ленинград и Сталинград приковали к себе и перемололи огромные силы врага. Борьба за эти города представляла собой решающие сражения, которые сыграли большую стратегическую роль, оказали важное влияние на ход и исход единоборства фашистской Германии и Советского Союза. А знаменитая битва на Волге стала осью, поворотным пунктом всей второй мировой войны. Разве можно отнести оборону малень-

кой Брестской крепости к числу таких крупных исторических событий?

Конечно, по своим масштабам и военному значению бои, происходившие в июне — июле 1941 года в старой приграничной крепости на берегу Западного Буга, не могут идти в сравнение с этими важнейшими вехами Великой Отечественной войны. Гарнизон Брестской крепости при всем своем героическом упорстве не мог существенно задержать или заметно ослабить наступление мощных сил врага — для этого он был слишком мал, и его сопротивление осталось лишь мелким эпизодом в грандиозной борьбе 1941 года.

Но почему же тогда героическая оборона Брестской крепости заняла особое, почетное место в истории Великой Отечественной войны? Почему наш народ, лишь пятнадцать лет спустя узнавший о том, как сражался легендарный гарнизон, так высоко оценил подвиг защитников Бреста?

Быть может, один исторический пример лучше всего ответит на этот вопрос.

27 января 1904 года, в первый день русско-японской войны, близ корейского порта Чемульпо русский крейсер «Варяг» встретился в море с большой японской эскадрой. Героические моряки «Варяга» приняли бой против врага, который в десятки раз превосходил их силой. Под страшным огнем всей эскадры противника, презирая смерть, сражались они, гордо не спуская военного флага, и, когда корабль был непоправимо поврежден, затопили его, чтобы он не достался врагу.

Этот славный бой одинокого русского корабля против целой эскадры, конечно, не оказал и не мог оказать какого-нибудь влияния на ход и исход русско-японской войны и остался только маленьким эпизодом. Стратегическое значение его было равно нулю. Но подвиг героического экипажа навсегда вошел в сокровищницу нашей воинской доблести, и для каждого русского, для каждого советского человека само слово «Варяг» остается бесконечно дорогим. Это слово стало символом безграничной храбрости и отваги русского воина. И мы до сих пор с гордостью поем чудесную «Песню о «Варяге», подвиг которого и сейчас, спустя шестьдесят лет, так же волнует наши сердца.

Брестская крепость была таким же нашим советским «Варягом» — «Варягом» Великой Отечественной войны. Подобно одинокому русскому кораблю, она приняла на свою каменную грудь мощный огневой удар врага, и защитники ее гордо сражались и гибли, не спуская боевого флага, как и моряки легендарного крейсера.

Бывает так, что в ходе великих исторических событий появляется какой-то маленький и сам по себе незначительный

эпизод, в котором вдруг с особой, исключительной яркостью воплотятся главные, самые существенные черты всего происходящего, как порой в капле воды видишь ясное отражение большой картины окружающего тебя мира. Брестская крепость явилась одной такой яркой каплей бушующего, ураганного океана грозных событий 1941 года.

То был самый трагический и самый героический период войны, этот незабываемый 1941 год, который до сих пор горит, как жестокий рубец боевой раны на теле народа. Сколько тысяч вдов и матерей еще хранят пожелтевшие, со следами слез листки с коротким «пропал без вести», или с более длинным, но менее понятным и до боли обидным: «В списках убитых, раненых и пропавших без вести не значится»! И мы бессильны облегчить хоть чем-нибудь это горе — таковы были трагические условия нашей борьбы в 1941 году. Сколько за этими скупыми словами официального сообщения скрыто, и, быть может, навсегда, удивительных подвигов, сколько скрыто безвестных, порою не похороненных героев, сражавшихся до последнего вздоха во вражеском тылу и сложивших голову в лесах и болотах Белоруссии, в степях Украины, на прибалтийской земле!

Именно там, в до предела напряженных, трагических событиях 1941 года, надо искать ключ ко всей войне, к ее дальнейшему перелому, к нашим славным победам 1943—1945 годов, к тому, что за границей тогда нередко называли «русским чудом».

Чудо это, в то время еще незаметное, родилось именно в страшных испытаниях 1941 года. В час смертельной опасности, оставляя свою землю врагу, обращаясь мыслями к судьбе наших людей, нашего великого дела, за которое мы уже столько отдали, с леденящим ужасом думали о том, что может быть. И мы, как никогда до этого, ощутили всю глубину нашей любви к своей Советской Родине, всю нашу неразрывную, кровную связь с идеей, живым воплощением которой стала наша страна. И мы поняли, что это «может быть» — невозможно. Там, на горьких путях отступления, в окружениях, в арьергардных боях, в дыму пожаров и в пыли дорог, ведущих на восток, созрела наша решимость бороться не на живот, а на смерть, исчезли последние остатки благодушия и беспечности, мы разглядели и поняли нашего жестокого и сильного врага, и в наших сердцах родилась та ненависть, которую могла утолить только победа.

В том памятном году уже проявилась во всей своей широте героическая самоотверженность нашего воина. Лишь немногие факты сейчас известны нам. Мы не знаем имен тысяч героев пограничного сражения, бесчисленных боев на промежуточных

рубежах, яростных схваток в окружениях, не знаем потому, что имена эти были смыты валом фашистского нашествия и люди погибли в безвестности вражеского тыла или попали в гитлеровские концлагеря.

Этот удивительный массовый беззаветный героизм народа, когда не одиночки, не десятки и сотни людей совершали подвиги один величественнее другого, и составляет самую главную, характерную черту всей войны вообще и 1941 года в частности. И пожалуй, именно подвиг гарнизона Брестской крепости с особой силой воплотил в себе эти лучшие качества советского человека и советского воина, так ярко раскрывшиеся в годы Великой Отечественной войны. Вот почему эти два слова — Брестская крепость — навсегда останутся дорогим сердцу народа символом героической стойкости, гордого презрения к смерти, неиссякаемой воли к борьбе защитника социалистической Отчизны. Вот почему этот подвиг по праву стоит в одном ряду с высочайшими вершинами народного героизма, и сравнение обороны Брестской крепости с прославленными делами защитников городов-героев вполне закономерно.

Отрезанная, окруженная врагом, засыпаемая снарядами и бомбами, Брестская крепость и в самом деле была как бы маленькой Одессой и маленьким Севастополем. Защитники крепости, ведя свою неравную борьбу, переносили такие же трудности, такие же тяжкие лишения, какие испытывали в дни блокады наши героические ленинградцы. На развалинах цитадели они дрались так же упорно, так же ожесточенно, как два года спустя на камнях города-героя сражались участники великой волжской битвы.

Но Одесса и Севастополь, Сталинград и Ленинград каждый день, каждый час ощущали живую, ни на миг не прерывающуюся связь со всей страной. Они всегда чувствовали, что рядом с ними в этой борьбе стоит весь наш народ. Великая партия коммунистов вдохновляла их в этой борьбе. Все действия войск, оборонявших эти города, постоянно направляла уверенная, твердая воля нашего Верховного Командования. Страна заботилась, чтобы защитники городов-героев испытывали как можно меньше трудностей в своей борьбе. По воздуху, по воде им перебрасывали оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. О них писали в газетах, говорили по радио, их славные дела становились тотчас же известны всему миру, и имена героев были на устах нашего народа.

Всего этого были лишены защитники Брестской крепости. В самый суровый, тяжелый для Родины час, когда сердце каждого советского человека было полно тревоги за судьбу всего народа, за судьбу своих родных и близких, — в это самое время

крепость оказалась наглухо отрезана, как стеной отгорожена от внешнего мира, и единственными известиями, доходившими до крепостного гарнизона извне, были лживые, хвастливые сообщения гитлеровских радиоагитаторов, которые твердили им о том, что Красная Армия капитулировала, Москва пала и т. д. и т. п.

Им не сбрасывали с самолетов боеприпасов и продовольствия. О них не писали в газетах, не говорили по радио. Родина даже не знала о том, что они ведут свою героическую борьбу.

Нелегко, глядя в лицо смерти, погибнуть героем. Но еще труднее погибать героем безвестным, когда ты уверен, что твой подвиг не останется в памяти людей, что твоего имени никто никогда не узнает и героический поступок твой не озарит даже твоих родных и близких.

Именно так, безвестными героями, «не ради славы, ради жизни на земле», погибли защитники Брестской крепости. Именно так, не сохранив для нас ни своих подвигов, ни даже своих имен, безымянными рядовыми бойцами Родины почти все они полегли на крепостных камнях. И, только правильно оценив особые и неимоверно тяжкие условия, в которых протекала их борьба, можно понять, почему так долго нашему народу не было известно об этом героическом подвиге.

Могут возразить, что ведь погибли не все участники этих боев и о событиях, происходивших в крепости, можно было узнать у тех, кто остался в живых. Но, во-первых, их осталось очень мало, и сейчас по всему Советскому Союзу мы знаем немногим более трехсот уцелевших участников обороны. Эти люди, освобожденные из гитлеровских лагерей или демобилизованные из армии, после войны разъехались по всей нашей бескрайней стране, ничем не напоминая о себе.

Нужно учесть и то, что большинство защитников крепости прошли через гитлеровский плен. В самом начале схватки они оказались во власти врага и лишились возможности участвовать в дальнейшей борьбе своего народа на фронтах Великой Отечественной войны. Уже один этот факт угнетал их. Кроме того, в гитлеровском плену они пережили столько тяжких, невыносимых испытаний, что многие вернулись домой с глубокими и незаживающими душевными ранами.

Следует сказать, что и у нас на местах не всегда правильно подходили к этим людям. Не секрет, что в годы культа личности враг народа Берия и его приспешники насаждали неправильное, огульное отношение к бывшим военнопленным, сплошь и рядом совершенно не считаясь с тем, как вели они себя в гитлеровском плену все эти годы.

Конечно, все то, что перенесли эти люди в дни обороны Брестской крепости, было для них неизгладимым, священным и страшным воспоминанием. Каждый из них порой рассказывал о пережитом своим родным, близким, друзьям, но воспоминания эти долго не становились достоянием общности.

Все эти причины сказались в том, что до недавнего времени мы так мало знали об обороне Брестской крепости, все это и привело к тому, что обстоятельства героической борьбы легендарного гарнизона были до последних лет окутаны тайной.

Совсем недавно герой Брестской крепости Анатолий Виноградов рассказал мне, как в 1945 году, демобилизовавшись из армии, он приехал в Брест, чтобы разузнать о судьбе своей семьи. Он пришел навестить старую крепость, и там, на развалинах ее, ему встретила группа советских офицеров, которые пришли осмотреть эти руины. И когда Виноградов стал рассказывать им о том, что пережил он здесь в 1941 году, офицеры начали смеяться. Один из них сказал ему:

— Не рассказывайте нам сказок! Если бы здесь действительно происходили такие события, то весь наш народ знал бы о них. А нам ничего не известно об этих боях.

И как ни доказывал Виноградов свою правоту, ему так и не поверили, сочтя его фантазером и лгуном.

Первые известия об обороне Брестской крепости, появившиеся в печати после войны, еще мало приоткрывали тайну. Они были основаны, можно сказать, на полуполюгендарном материале и нередко направляли читателя по ложному пути.

Так, в первых статьях на эту тему, напечатанных в белорусских газетах и журналах в 1948 году, говорилось, например, что обороной Восточного форта крепости командовал какой-то военный врач, который якобы потом погиб при бомбежке, и фамилия его так и осталась неизвестной. А в качестве главного руководителя обороны центральной цитадели называли имя некоего полкового комиссара Рублевского.

Сейчас мы уже знаем, что гарнизон Восточного форта возглавлял вовсе не военный врач, а командир 44-го стрелкового полка майор Гаврилов, который ныне благополучно здравствует и о судьбе которого я рассказал выше. Что же касается полкового комиссара Рублевского, то он оказался никогда не существовавшей мифической личностью, и в дальнейшем вместо него появилась исторически достоверная фамилия полкового комиссара Ефима Фомина.

Как известно, мы узнали впервые фамилию полкового комиссара Е. М. Фомина из найденных под камнями крепости обрывков «Приказа № 1». В этом приказе, как вы помните, значились еще три фамилии командиров, руководивших обороной

центральной цитадели, — капитана Зубачева, старшего лейтенанта Семененко и лейтенанта Виноградова.

Пока были только фамилии. Предстояло еще разузнать об этих людях, предстояло выяснить их судьбу. И постепенно это удалось сделать.

Кто же были они, командиры, которые в тяжкий час испытаний в огневом кольце врага возглавили и организовали эту беспримерно трудную оборону? Что случилось с ними потом?

КОМИССАР

Невысокий, уже начинающий полнеть тридцатидвухлетний черноволосый человек с умными и немного грустными глазами — таким остался полковой комиссар Фомин в памяти тех, кто его знал.

Как музыкант немыслим без острого слуха, как невозможен художник без особого тонкого восприятия красок, так нельзя быть партийным, политическим работником без пристального, дружеского и душевного интереса к людям, к их мыслям и чувствам, к их мечтам и желаниям. Этим качеством в полной мере обладал Фомин. И люди сразу чувствовали это. Уже в том, как он умел слушать людей — терпеливо, не перебивая, внимательно вглядываясь в лицо собеседника близоручо прищуренными глазами, — во всем этом ощущалось глубокое понимание нужды человека, живое и деятельное сочувствие, искреннее желание помочь. И хотя Фомин всего за три месяца до войны попал сюда, в крепость, бойцы 84-го полка уже знали, что в его маленький кабинет в штабе можно принести любую свою беду, печаль или сомнение и комиссар всегда поможет, посоветует, объяснит.

Недаром говорят, что своя трудная жизнь помогает понять трудности других и человек, сам много перенесший, становится отзывчивей к людскому горю. Нелегкий жизненный путь Ефима Моисеевича Фомина, без сомнения, научил его многому, и прежде всего знанию и пониманию людей.

Сын кузнеца и работницы-швеи из маленького городка на Витебщине, в Белоруссии, он уже шести лет остался круглым сиротой и воспитывался у дяди. Это была тяжелая жизнь бедного родственника в бедной семье. И в 1922 году тринадцатилетний Ефим уходит от родных в Витебский детский дом.

В беде и нужде зрелость наступает рано. Пятнадцати лет, окончив школу первой ступени и став комсомольцем, Фомин уже чувствует себя вполне самостоятельным человеком. Он работает на сапожной фабрике в Витебске, а потом переезжает

в Псков. Там его посылают в совпартшколу, и вскоре, вступив в ряды партии, он становится профессиональным парработником — пропагандистом Псковского горкома ВКП(б).

От тех лет дошла до нас фотография комсомольца Ефима Фомина — слушателя совпартшколы. Защитная фуражка со звездочкой, юнштурмовка с португеей, прямой и упрямый взгляд — типичная фотография комсомольца конца двадцатых годов.

Это один из тех младших братьев Павки Корчагина, которым уже не пришлось участвовать в гражданской войне, но которые по ночной тревоге поднимались с винтовками на борьбу с бандами в отрядах ЧОНа, слышали над своей головой свист пуль, выпущенных из кулацких обреза, в распутицу и осеннюю слякоть выходили на субботники с привязанной веревкой подошвой раскисших ботинок, в ветреную уральскую стужу работали на обледенелых лесах Магнитостроя и в глухой тайге создавали город юности Комсомольск.

То была эпоха, бедная материальными благами и богатая энтузиазмом, эпоха жестокой борьбы и крылатых мечтаний, эпоха беспощадной ломки старого, эпоха сказочного новаторства. И она выработала замечательный тип коммуниста и комсомольца — героического рядового солдата своей партии, готового по первому ее зову ринуться в бой на любом участке — строить колхозы в деревне или покорять льды Арктики, возводить плотину Днепрогэса или овладевать профессией летчика-истребителя.

Ефим Фомин вырос именно таким беззаветным рядовым солдатом своей партии. Когда в 1932 году партия решила послать его на политическую работу в войска, он по-солдатски сказал «есть!» и сменил свою штатскую гимнастерку парработника на гимнастерку командира Красной Армии.

Началась кочевая жизнь военного. Псков — Крым — Харьков — Москва — Латвия. Новая работа потребовала напряжения всех сил, непрерывной учебы. Редко приходилось бывать с семьей — женой и маленьким сыном. День проходил в поездках по подразделениям, в беседах с людьми. Вечерами, закрывшись в кабинете, он читал Ленина, штудировал военную литературу, учил немецкий язык или готовился к очередному докладу, и тогда до глубокой ночи слышались его размеренные шаги. Заложив руки за спину и по временам ероша густую черную шевелюру, он расхаживал из угла в угол, обдумывая предстоящее выступление и машинально напевая свое любимое: «Капитан, капитан, улыбнитесь!»

В Брестской крепости он жил один, и его не оставляла тоска по жене и сыну, пока еще паходившимся в латвийском

городке, на месте прежней службы. Он давно собирался съездить за ними, но не пускали дела, а обстановка на границе становилась все более угрожающей, и глухая тревога за близких поднималась в душе. Все-таки стало бы легче, если бы семья была вместе с ним.

За три дня до войны, вечером 19 июня, Фомин позвонил по телефону жене из Бреста. Она сказала, что некоторые военные отправляют свои семьи в глубь страны, и спросила, что ей делать.

Фомин ответил не сразу. Он понимал опасность положения, но, как коммунист, считал себя не вправе заранее сеять тревогу.

— Делай то, что будут делать все, — коротко сказал он и добавил, что скоро придет и возьмет семью в Брест.

Как известно, сделать это ему не удалось. Вечером 21 июня он не достал билета, а на рассвете началась война. И с первыми ее взрывами армейский политработник Фомин стал боевым комиссаром Фоминым.

Комиссар!

Это слово похоже на овейнное славой, пробитое пулями боевое красное знамя! Как ненавидели это слово наши враги, как призывно звучало оно для наших бойцов — защитников Советской власти!

Глубокое, большое содержание вложила в это слово наша история. Ум, честь и доблесть коммуниста, боевой дух своей партии борцов олицетворял в войсках комиссар. И если, думая сейчас о гражданской войне и красноармейцах того времени, мы представляем себе ряды воинов в похожих на богатырские шлемы буденовках, то на первом плане воображаемой картины, впереди рядов этих красnozвездных богатырей, нам рисуется скромная фигура в черной кожанке и с пистолетом в руке — комиссар, ведущий бойцов в атаку.

Этот человек — комиссар — прошел через всю нашу боевую историю. Чрезвычайные комиссары Советского правительства Орджоникидзе, Киров и Куйбышев, комиссар Чапаева Дмитрий Фурманов, двадцать шесть гордых мучеников — бакинских комиссаров, смелый комиссар волжских матросов Николай Маркин на корабле «Ваня-коммунист», комиссар Пожарский, ведущий в бой красноармейцев на сопках у озера Хасан, партизанский комиссар Отечественной войны ковпаковец Семен Руднев — это всего лишь несколько имен тех, кто волей и умом коммуниста, своей кровью и жизнью сделали звание комиссара легендарным и славным для нас, ненавистным и страшным для наших врагов.

До войны Ефим Фомин был комиссаром по званию. На рассвете 22 июня 1941 года он стал комиссаром на деле.

Героями не рождаются, и нет на свете людей, лишенных чувства страха. Героизм — это воля, побеждающая в себе страх, это чувство долга, оказавшееся сильнее боязни опасности и смерти.

Фомин вовсе не был ни испытанным, ни бесстрашным воином. Наоборот, было во всем его облике что-то неистребимо штатское, глубоко свойственное человеку мирному, далекому от войны, хотя он уже много лет носил военную гимнастерку. Ему не пришлось принять участие в финской кампании, как многим другим бойцам и командирам из Брестской крепости, и для него страшное утро 22 июня было утром первого боевого крепления.

Ему было всего тридцать два года, и он еще многого ждал от жизни. У него была дорогая его сердцу семья, сын, которого он очень любил, и тревога за судьбу близких всегда неотступно жила в его памяти рядом со всеми заботами, горестями и опасностями, что тяжко легли на его плечи с первого дня обороны крепости.

Вскоре после того как начался обстрел, Фомин вместе с Матевосяном сбежал по лестнице в подвал под штабом полка, где к этому времени уже собралось сотни полторы бойцов из штабных и хозяйственных подразделений. Он едва успел выскочить из кабинета, куда попал зажигательный снаряд, и пришел вниз полураздетым, как застала его в постели война, неся под мышкой свое обмундирование. Здесь, в подвале, было много таких же полураздетых людей, и приход Фомина остался незамеченным. Он был так же бледен, как другие, и так же опасно прислушивался к грохоту близких взрывов, сотрясавших подвал. Он был явно растерян, как и все, и вполголоса расспрашивал Матевосяна, не думает ли он, что это рвутся склады боеприпасов, подожженные диверсантами. Он как бы боялся произнести последнее роковое слово — «война».

Потом он оделся. И как только на нем оказалась комиссарская гимнастерка с четырьмя шпалами на петлицах и он привычным движением затянул поясной ремень, все узнали его. Какое-то движение прошло по подвалу, и десятки пар глаз разом обратились к нему. Он прочел в этих глазах немой вопрос, горячее желание повиноваться и неудержимое стремление к действию. Люди видели в нем представителя партии, комиссара, командира, они верили, что только он сейчас знает, что надо делать. Пусть он был таким же неопытным, необстрелянным воином, как они, таким же смертным человеком, внезапно оказавшимся среди бушующей грозной стихии войны! Эти вопрошающие, требовательные глаза сразу напомнили ему, что он был не просто человеком и не только воином, но и комиссаром.

И с этим сознанием последние следы растерянности и нерешительности исчезли с его лица, и обычным спокойным, ровным голосом комиссар отдал свои первые приказания.

С этой минуты и до конца Фомин уже никогда не забывал, что он — комиссар. Если слезы бессильного гнева, отчаяния и жалости к гибнущим товарищам выступали у него на глазах, то это было только в темноте ночи, когда никто не мог видеть его лица. Люди неизменно видели его суровым, но спокойным и глубоко уверенным в успешном исходе этой трудной борьбы. Лишь однажды в разговоре с Матевосяном в минуту краткого затишья вырвалось у Фомина то, что он скрывал ото всех в самой глубине души.

— Все-таки одинокому умирать легче, — вздохнув, тихо сказал он комсору. — Легче, когда знаешь, что твоя смерть не будет бедой для других.

Больше он не сказал ничего, и Матевосян в ответ промолчал, понимая, о чем думает комиссар.

Он был комиссаром в самом высоком смысле этого слова, показывая во всем пример смелости, самоотверженности и скромности. Уже вскоре ему пришлось надеть гимнастерку простого бойца: гитлеровские снайперы и диверсанты охотились прежде всего за нашими командирами, и всему командному составу было приказано переодеться. Но и в этой гимнастерке Фомина знали все, — он появлялся в самых опасных местах и порой сам вел людей в атаки. Он почти не спал, изнывал от голода и жажды, как и его бойцы, но воду и пищу, когда их удавалось достать, получал последним, строго следя, чтобы ему не вздумали оказать какое-нибудь предпочтение перед другими.

Несколько раз разведчики, обыскивавшие убитых гитлеровцев, приносили Фомину найденные в немецких ранцах галеты или булочки. Он отправлял все это в подвалы — детям и женщинам, не оставляя себе ни крошки. Однажды мучимые жаждой бойцы выкопали в подвале, где находились раненые, небольшую ямку-колодец, дававшую около стакана воды в час. Первую порцию этой воды — мутной и грязной — фельдшер Милькевич принес наверх комиссару, предлагая ему напиться.

Был жаркий день, и вторые сутки во рту Фомина не было ни капли влаги. Высохшие губы его растрескались, он тяжело дышал. Но когда Милькевич протянул ему стакан, комиссар строго поднял на него красные, воспаленные бессонницей глаза.

— Унесите раненым! — хрипло сказал он, и это было сказано так, что возражать Милькевич не посмел.

Уже в конце обороны Фомин был ранен в руку при разрыве немецкой гранаты, брошенной в окно. Он спустился

в подвал на перевязку. Но когда санитар, около которого столпилось несколько раненых бойцов, увидев комиссара, кинулся к нему, Фомин остановил его.

— Сначала их! — коротко приказал он. И, присев на ящик в углу, ждал, пока до него дойдет очередь.

Долгое время участь Фомина оставалась неизвестной. О нем ходили самые разноречивые слухи. Одни говорили, что комиссар убит во время боев в крепости, другие слышали, что он попал в плен. Так или иначе, никто не видел своими глазами ни его гибели, ни его пленения, и все эти версии приходилось брать под вопрос.

Судьба Фомина выяснилась только после того, как мне удалось найти в Бельском районе Калининской области бывшего сержанта 84-го стрелкового полка, а ныне директора сельской школы Александра Сергеевича Ребзуева. Сержант Ребзуев 29 или 30 июня оказался вместе с полковым комиссаром в одном из помещений казармы, когда гитлеровские диверсанты подорвали взрывчаткой эту часть здания. Бойцы и командиры, находившиеся здесь, в большинстве своем были уничтожены этим взрывом, засыпаны и задавлены обломками стен, а тех, кто еще остался жив, автоматчики вытащили полуживыми из-под развалин и взяли в плен. Среди них были комиссар Фомин и сержант Ребзуев.

Пленных привели в чувство и под сильным конвоем погнали к Холмским воротам. Там их встретил гитлеровский офицер, хорошо говоривший по-русски, который приказал автоматчикам тщательно обыскать каждого из них.

Все документы советских офицеров были давно уничтожены по приказу Фомина. Сам комиссар был одет в простую солдатскую стеганку и гимнастерку без знаков различия. Искудальный, обросший бородой, в изодранной одежде, он ничем не отличался от других пленных, и бойцы надеялись, что им удастся скрыть от врагов, кем был этот человек, и спасти жизнь своему комиссару.

Но среди пленников оказался предатель, который не перебежал раньше к врагу, видимо, только потому, что боялся получить пулю в спину от советских бойцов. Теперь наступил его час, и он решил выслужиться перед гитлеровцами. Лгливо улыбаясь, он выступил из шеренги пленных и обратился к офицеру.

— Господин офицер, вот этот человек — не солдат, — вкрадчиво сказал он, указывая на Фомина. — Это комиссар, большой комиссар. Он велел нам драться до конца и не сдаваться в плен.

Офицер отдал короткое приказание, и автоматчики вытолк-

пули Фомина из шеренги. Улыбка сползла с лица предателя — воспаленные, запавшие глаза пленных смотрели на него с немой угрозой. Один из немецких солдат подтолкнул его прикладом, и, сразу ступевавшись и блудливо бегая глазами по сторонам, предатель снова стал в шеренгу.

Несколько автоматчиков по приказу офицера окружили комиссара кольцом и повели его через Холмские ворота на берег Мухавца. Минуту спустя оттуда донеслись очереди автоматов.

В это время недалеко от ворот на берегу Мухавца находилась еще одна группа пленных советских бойцов. Среди них были и бойцы 84-го полка, сразу узнавшие своего комиссара. Они видели, как автоматчики поставили Фомина у крепостной стены, как комиссар вскинул руку, что-то крикнул, но голос его тотчас же был заглушен выстрелами.

Остальных пленных спустя полчаса под конвоем вывели из крепости. Уже в сумерки их пригнали к небольшому каменному сараю на берегу Буга и здесь заперли на ночь. А когда на следующее утро конвоиры открыли дверь и раздалась команда выходить, немецкая охрана недосчиталась одного из пленных. В темном углу сарая на соломе валялся труп человека, который накануне предал комиссара Фомина. Он лежал, закинув назад голову, страшно выпучив остекленевшие глаза, и на горле его были ясно видны синие отпечатки пальцев. Это была расплата за предательство.

Такова история гибели Ефима Фомина, славного комиссара Брестской крепости, воина и героя, верного сына партии коммунистов, одного из главных организаторов и руководителей легендарной обороны.

Подвиг его высоко оценен народом и правительством — Указом Президиума Верховного Совета СССР Ефим Моисеевич Фомин посмертно награжден орденом Ленина, и выписка из этого Указа, как драгоценная реликвия, хранится сейчас в новой квартире в Киеве, где живут жена и сын погибшего комиссара.

А в Брестской крепости, неподалеку от Холмских ворот, к изрытой пулями стене казармы прибита мраморная мемориальная доска, на которой написано, что здесь полковой комиссар Фомин смело встретил смерть от рук гитлеровских палачей. И многочисленные экскурсанты, посещающие крепость, приходят сюда, чтобы возложить у подножия стены венок или просто оставить около этой доски букетик цветов — скромную дань народной благодарности и уважения к памяти героя.

В довоенной квартире Зубачевых, в одном из домов состава, стоявших у входа в крепость, висела на стене уже слегка пожелтевшая фотография, изображающая четверых чубатых красноармейцев в лихо заломленных набок, измятых фуражках с красными звездами и во френчах явно трофейного происхождения. В одном из этих бойцов — весело и просто-душно улыбающемся кряжистом парне с большими сильными руками, которые далеко высовывались из коротких рукавов френча, — можно было лишь с трудом узнать хозяина дома, капитана Ивана Николаевича Зубачева.

Больше двадцати лет было тогда этой фотографии — памяти о том времени, когда крестьянский сын Иван Зубачев из маленького подмосковного села близ Луховиц ушел добровольцем на фронт гражданской войны и сражался на Севере против американских и английских интервентов. Эти двадцать лет недаром наложили на простодушное, открытое лицо полуграмотного крестьянского парня отпечаток ума и воли, твердого характера и богатого жизненного опыта, — слишком многое вместились в них. От рядового бойца, коммуниста, вступившего в ряды партии там, на фронте, до секретаря волостного, а потом Коломенского уездного партийного комитета и до кадрового командира Красной Армии, руководившего стрелковым батальоном в боях на финском фронте, — таков был путь, пройденный за эти годы Иваном Зубачевым.

Третий батальон 44-го стрелкового полка во главе с капитаном Зубачевым на Карельском перешейке показал себя как вполне надежное боевое подразделение, а сам комбат-3 пользовался среди товарищей славой волевого и решительного командира. Строгий и требовательный во всем, что касалось службы, Зубачев в то же время был по-дружески прост и душевен в обращении с бойцами, а перед начальством не робел и всегда держал себя достойно и независимо.

Всем в дивизии был памятен случай, который произошел с ним на осенних учениях 1940 года. Учения эти происходили в приграничных районах, и на них съехалось все армейское начальство во главе с командующим армией генералом В. И. Чуйковым, впоследствии прославленным героем битвы на Волге и одним из крупных полководцев Великой Отечественной войны. 44-й полк под командованием Гаврилова получил тогда высокую оценку и вышел на первое место в 42-й дивизии.

Это было в последний день, когда учения уже подходили к концу. Шло показательное наступление на высоту, занятую условным противником. Стоя на пригорке вместе со своим

заместителем и адъютантом старшим батальона, Зубачев пристально следил за ходом наступления. Он только что отдал приказание развернуть батальон в боевой порядок и сейчас сердито выговаривал адъютанту старшему за то, что роты, по его мнению, продвигаются недостаточно энергично. Поглощенный тем, что происходит в цепях стрелков, Зубачев не заметил, как сзади, с гребня высокого холма, откуда группа командиров верхом на конях наблюдала всю картину условного боя, в его сторону поскакали два всадника. Он обернулся, лишь когда услышал топот копыт за спиной.

Передний всадник, в кожаной куртке без знаков различия и в простой командирской фуражке, круто осадил коня около капитана.

— Почему рано развернули батальон?! — раздраженно закричал он.

Зубачев решил, что этот верховой — кто-то из командиров штаба дивизии, по собственной инициативе вздумавший провозить свою власть и вмешаться в действия комбата. И без того раздосадованный медлительностью атакующих рот, капитан был выведен из себя замечанием незнакомого командира.

— Не мешайте командовать батальоном! — твердо, со злостью в голосе сказал он. — Я здесь хозяин и за все отвечаю перед командованием. Ступайте отсюда прочь!

В тот же момент статная горячая лошадь незнакомца затанцевала на месте, и всадник нагнулся, чтобы успокоить коня. При этом движении в ворота его кожанки показалась петлица с генеральским ромбом. Зубачев и его товарищи тотчас же догадались, что перед ними командующий армией генерал Чуйков.

— Виноват, товарищ генерал, — поспешно проговорил Зубачев. — Я не видел ваших знаков различия.

Он стоял вытянувшись, но без страха и смущения глядел в лицо командарма, готовый к разносу, который сейчас должен последовать. Но Чуйков неожиданно улыбнулся широко и добродушно.

— Правильно, капитан! — с ударением сказал он. — Ты здесь хозяин и никогда не позволяй незнакомым людям вмешиваться в твое дело. А батальон все-таки развернул рановато. Надо было чуть-чуть выждать.

И, повернув коня, он поскакал обратно, сопровождаемый адъютантом. Уже на командном пункте, спрыгнув с лошади, Чуйков сказал командиру дивизии генералу Лазаренко:

— С характером этот ваш комбат. Отбрil меня начисто. Ничего, я люблю волевых людей. Человек волевой — командир боевой!

Эти слова командарма стали известны всей дивизии, и за

Зубачевым еще больше упрочилась репутация человека твердого и прямодушного.

Вскоре после осенних учений в войсках с огорчением узнали, что В. И. Чуйков отозван в штаб округа, где получил новое назначение, а на его место прибыл другой генерал. А еще несколько месяцев спустя 42-я дивизия из района Березы-Картузской, где она стояла, была переведена в окрестности Бреста и в Брестскую крепость. Там, в крепости, капитан Зубачев тоже получил новое назначение — майор Гаврилов выдвинул его на должность своего заместителя по хозяйственной части.

Всегда дисциплинированный и исполнительный, Зубачев с головой погрузился в хлопотливые дела снабжения полка боеприпасами, продовольствием, фуражом, обмундированием. Новая должность считалась более высокой и давала известные материальные преимущества. Да и нелегко было капитану в его сорок четыре года командовать батальоном. И все же душа у него решительно не лежала к хозяйственной деятельности. Уже вскоре он пришел к комиссару полка Артамонову:

— Не выходит из меня интенданта, товарищ комиссар, — признался он. — Я же строевой командир по натуре. Поговорите с майором, чтобы отпустил назад, в батальон.

А Гаврилов только отшучивался, но назад не отпускал. И не знал Иван Николаевич Зубачев, при каких обстоятельствах суждено ему снова вернуться к своей привычной командирской работе — уже в страшных условиях окруженной врагом и сражающейся насмерть Брестской крепости.

Впервые фамилия Зубачева стала известна нам из обрывков «Приказа № 1», найденных в развалинах крепости. Вскоре после этого оказалось, что в местечке Жабинке Брестской области живет вдова капитана — Александра Андреевна Зубачева. От нее были получены фотографии героя и биографические сведения о нем. Но рассказать что-либо о действиях Зубачева в дни обороны крепости она, конечно, не могла: капитан с первыми взрывами поспешил к бойцам, даже не успев попрощаться с семьей — женой и двумя подростками-сыновьями. Они не знали о нем больше ничего.

Только в 1956 году в одном из колхозов близ города Вышне-го Волочка Калининской области был обнаружен участник обороны, в прошлом лейтенант, а ныне пенсионер Николай Анисимович Егоров, который в первые часы войны находился в крепости вместе с Зубачевым. От него мы узнали, куда попал капитан после того, как ушел из дому.

Н. А. Егоров был в свое время адъютантом старшим того самого батальона, которым командовал Зубачев, но весной 1941 года он получил назначение на должность помощника на-

чальника штаба полка. Война застала его на своей квартире в деревне Речица, рядом с Брестской крепостью. Услышав взрывы, Егоров наскоро оделся, схватил пистолет и побежал в штаб полка.

Ему удалось благополучно проскочить северные входные ворота крепости и мост через Мухавец, находившийся под сильным артиллерийским и пулеметным обстрелом. Но, едва вбежав в правый туннель трехарочных ворот, он почти столкнулся с тремя немецкими солдатами в касках. Они неожиданно появились со стороны крепостного двора. На бегу вскинув автомат, первый солдат крикнул лейтенанту: «Хальт!»

В правой стене туннеля была дверь. Егоров трижды выстрелил из пистолета в набегавших врагов и метнулся туда. Вслед ему под сводами туннеля прогремела очередь.

Помещение, куда вбежал Егоров, было кухней 455-го полка. Большую часть его занимала широкая кухонная плита. Одним прыжком лейтенант кинулся в дальний угол комнаты и присел за плитой, низко пригнувшись. Это было сделано вовремя — следом за ним в кухню влетела немецкая граната и разорвалась посреди помещения. Плита защитила Егорова от взрыва — он остался невредимым. Немцы не решились войти в помещение, и он слышал, как они, стуча сапогами, пробежали дальше.

Немного переждав, он поднялся. В стене кухни была дверь в соседнюю комнату. Он вошел туда и увидел открытый люк, ведущий в подвал. Из подвала доносился приглушенный говор. Он начал спускаться по крутой лестничке, и тотчас же знакомый голос окликнул: «Кто идет?» Егоров узнал своего бывшего командира — капитана Зубачева.

Вместе с Зубачевым в подвале оказались какой-то старшина и несколько бойцов. Егоров принялся расспрашивать капитана об обстановке. Но тот откровенно признался, что сам еще ничего не знает и всего несколько минут назад прибежал сюда из дому.

— Вот кончится артподготовка, пойдем отбивать фашистов, и все станет ясно, — сказал он и уверенно добавил: — Ничего, отобьем!

В помещение над подвалом, видимо, попал зажигательный снаряд. Оно горело, и дым начал проникать вниз. Стало трудно дышать.

Единственное окно подвала, выходившее на берег Мухавца около самого моста, было забито досками. Бойцы принялись отирать их. И как только окно открылось и в подвал хлынул свежий воздух, все услышали совсем близко торопливый горланый говор немцев. Враги были где-то рядом.

Зубачев подошел к окну, внимательно прислушался.

— Это, верно, под мостом,— сказал он.— Похоже, что они разговаривают по телефону.

Он осторожно выглянул из этого маленького окошка, находившегося на уровне земли. В самом деле, в нескольких метрах правее, на откосе берега, круто спускающемся к реке, под настилом моста, у полевого телефона лежали два гитлеровских солдата. Красная нитка провода уходила под воду и на том берегу тянулась куда-то в сторону расположения 125-го полка. Видимо, это были немецкие диверсанты, еще ночью установившие здесь аппарат и теперь корректировавшие огонь врага по крепости.

— Надо сейчас же снять их,— сказал Зубачев.— Егоров, бери двух бойцов и заходи с той стороны моста. Ты, старшина, с двумя людьми атакуешь отсюда. Подползайте ближе и, как только Егоров свистнет, врываетесь под мост.

Немцы, казалось, чувствовали себя в полной безопасности. Увлеченные телефонным разговором, они не заметили, как Егоров и старшина в сопровождении красноармейцев подползли к ним с обеих сторон. Потом Егоров вложил два пальца в рот, пронзительно свистнул, и все кинулись вперед. Немцы даже не успели схватить своих автоматов, лежавших возле них на траве. Телефонисты были мгновенно уничтожены, провода оборваны, и аппарат брошен в реку. Но артиллерия врага тут же среагировала на это внезапное прекращение связи, и огонь по мосту сразу усилился. Неся с собой трофейные автоматы, Егоров с бойцами кинулись к окну и спустились в подвал.

Немного позже, когда огонь врага стал ослабевать, Зубачев вывел людей наверх. Отправив одного из бойцов на разведку в сторону 84-го полка, он обернулся к Егорову.

— Пробирайся назад через мост к нашим домам комсостава,— приказал он.— Возможно, майор Гаврилов и комиссар еще там. Если не найдешь их, установи связь с подразделениями, которые там дерутся, и возвращайся сюда. Встретимся около штаба или в полковой школе — я иду туда.

Час спустя Егоров с трудом добрался до района домов комсостава. Не найдя там никого, он в конце концов пришел на участок у восточных ворот, где сражались под командованием Нестерчука артиллеристы 98-го противотанкового дивизиона. Вернуться оттуда он уже не смог — немцы вышли к мосту через Мухавец и отрезали путь в цитадель. А на другой день он был тяжело ранен и уже не встретился с Зубачевым.

Судя по всему, в первый и второй день обороны капитан Зубачев сражался на участке 44-го и 455-го полков. А на третий день, 24 июня, он оказался уже по другую сторону трехарочных ворот, в казармах 33-го инженерного полка, куда в это

время уже перешли основные силы группы Фомина. Именно тогда в одном из подвалов этих казарм во время бомбежки собрались на совещание командиры и был написан «Приказ № 1».

Здесь, на совещании, среди командиров возник спор, что должен делать гарнизон: пробиваться сквозь кольцо врага к своим или оборонять крепость. Говорят, Зубачев с необычайной горячностью выступил против того, чтобы уходить. «Мы не получали приказа об отходе и должны защищать крепость,— доказывал он.— Не может быть, чтобы наши ушли далеко — они вернутся вот-вот, и, если мы оставим крепость, ее снова придется брать штурмом. Что мы тогда скажем нашим товарищам и командованию?»

Он говорил с такой решительностью, с такой верой в скорое возвращение наших войск, что убедил остальных командиров, и по его настоянию из «Приказа № 1» вычеркнули слова: «Для немедленного выхода из крепости». Решено было продолжать оборону центральной цитадели, и Зубачев стал ее главным организатором и руководителем.

Правда, уже вскоре и он, и Фомин, и другие командиры поняли, что фронт ушел далеко и нельзя рассчитывать на освобождение из осады. Планы пришлось изменить — гарнизон теперь предпринимал попытки вырваться из кольца, и Зубачев стал таким же энергичным организатором боев на прорыв, хотя они и не приносили успеха,— враг имел слишком большой перевес в силах.

Капитан особенно подружился в эти дни с Фоминым. Такие разные по характеру, они как бы дополняли друг друга, эти два человека,— решительный, горячий боевой командир и вдумчивый, неторопливый, осторожный комиссар,— смелый порыв и трезвый расчет, воля и ум обороны. Их почти всегда видели вместе, и каждое новое решение командования было их совместным обдуманным и обсужденным решением. Даже ранены они были одновременно: Фомин — в руку, а Зубачев — в голову, когда немецкая граната, влетевшая в окно, разорвалась в помещении штаба. А два дня спустя оба — и командир и комиссар — вместе попали в плен, придавленные обвалом с группой своих бойцов. Но если Фомин, выданный предателем, был тут же расстрелян, то Зубачев остался неузнанным и его с бойцами отправили в лагерь.

О дальнейшей судьбе Зубачева мне удалось узнать, лишь когда был найден майор Гаврилов. Оказалось, что он встретился со своим бывшим заместителем в 1943 году в офицерском лагере Хаммельсбург в Германии. От одного из пленных Гаврилов узнал, что Зубачев содержится в соседнем блоке лагеря, и попросил позвать его к проволоке.

Зубачев пришел, и эти два человека, старые коммунисты, участники гражданской войны, боевые советские командиры, сейчас измученные, изможденные, оборванные и униженные выпавшей им судьбой, стояли по обе стороны колючей проволоки и, глядя друг на друга, горько плакали. И сквозь слезы Гаврилов сказал:

— Да, Зубачев, не оправдали мы с тобой своих должностей. И командир и его заместитель — оба оказались в плену.

В это время появился часовой, и им пришлось разойтись. Гаврилов заметил, что Зубачев идет с трудом — он, видимо, был истощен до крайности и болен.

А еще позднее от одного бывшего узника Хаммельсбурга стало известно, что Зубачев заболел в плену туберкулезом, умер в 1944 году и был похоронен там, в лагере, своими товарищами-пленными. Только год не дожил он до той победы, в которую так верил с первых часов войны и до последних дней своей жизни.

ДРУЗЬЯ-КРАСНОДАРЦЫ

Жили на окраинной улочке города Краснодара три друга — Владимир Пузаков, Анатолий Бессонов и Николай Гайворонский. В детстве это были обычные городские мальчишки, озорные, драчливые, всегда готовые на какие-нибудь отчаянные предприятия, большие любители поиграть в футбол на дворе, посвистеть на стадионе во время матча, поплавать и понырять в Кубани, слазить тайком в чужой сад за яблоками.

Выросли они на одной улице, учились все трое в одной школе, свободное время проводили всегда вместе, а когда подросли, то так же вместе поступили работать на один и тот же завод. Потом пришел для них срок идти в армию, и трое друзей оказались в Брестской крепости в мастерской по ремонту оружия 44-го стрелкового полка.

Дружбе их вовсе не мешало то обстоятельство, что все трое выросли людьми очень разных характеров, совсем непохожими друг на друга. Нервный, вспыльчивый, склонный к меланхолии, труднее всех переносивший разлуку с семьей Анатолий Бессонов казался прямой противоположностью спокойному, невозмутимому Владимиру Пузакову, отличному спортсмену, капитану полковой футбольной команды, которому ничем были и многокилометровые походы, и военные кроссы с полной выкладкой. А Николай Гайворонский, еще с детских лет сохранивший смешное прозвище «Маня», весельчак, люби-

тель кино и тоже хороший спортсмен, был как бы золотой серединой между своими такими разными друзьями.

Они и в армии все делали вместе, как бывало дома, в Краснодаре. И трудно сказать, кому из троих первому пришла в голову идея сконструировать учебную пушку для тренировки оружейных расчетов так, чтобы не тратить на это обучение снарядов.

Идею эту, довольно остроумную, они разработали вдвоем с помощью старшего оружейного мастера старшины Котолупенко и, представив командиру полка майору Гаврилову маленький чертеж своего изобретения, заинтересовали его. Троим оружейникам было приказано осуществить их замысел в мастерской, а потом испытать учебное орудие в присутствии командиров.

Две недели они мастерили, вытачивали, подгоняли детали своей пушки. И вот наконец новое орудие было готово. В субботу, 21 июня друзья опробовали свое детище в мастерской, а на следующий день предстояли уже официальные испытания на полигоне. Все шло хорошо, и можно было надеяться после испытаний получить поощрение от командования — денежную премию, а то и краткосрочный отпуск домой, о котором мечтали все трое.

Казалось, такие приятные перспективы должны бы породить у них самое радужное настроение. Но если Пузаков и Гайворонский были веселы и полны радостных надежд, то Анатолий Бессонов к вечеру неожиданно захандрил и в ответ на расспросы товарищей признавался, что и сам не понимает, отчего у него стало так тяжело и тоскливо на душе.

Человеческие предчувствия еще не объяснены наукой, но, как бы то ни было, они существуют, и в первую очередь им подвержены люди нервные, неуравновешенные, легковосприимчивые. И не один Анатолий Бессонов, а и многие другие защитники Брестской крепости рассказывали мне о странном ощущении, которое испытали они в тот последний предвоенный вечер 21 июня 1941 года.

Он был удивительно мирным и тихим, этот предательский вечер. Сонно мигали с глубокого черного неба по-летнему крупные звезды. В теплом безветренном воздухе стоял тонкий запах жасмина, цветущие кусты которого смутно белели над Мухавцом. Безмятежным ленивым покоем было полно все вокруг. И это вовсе не походило на предгрозовое затишье — природа не ждала грозы.

Почему же тогда многие люди в тот вечер пережили необъяснимое чувство подавленности, глухой и безысходной тоски, с какими нередко приходит к человеку сознание близкой беды? Не потому ли, что подобно тому, как животные зара-

нее реагируют на приближение бури или землетрясения, люди инстинктивно ощущали близость той черной грозовой тучи войны, которая этим лицемерно мирным вечером собиралась совсем рядом, за Бугом, на зеленых лугах и в приречном кустарнике, где, завершая последние приготовления, деловито хлопотали у пушек немецкие артиллеристы? Словно чувствовали эти люди, что воздух в крепости пропитан не только сладким запахом жасмина, но и особым электричеством будущей военной четырехлетней грозы, чьи первые смертельные молнии должны были блеснуть на рассвете.

Именно такое ощущение испытал в тот вечер Анатолий Бессонов. Беспричинная тоска сжимала сердце, вспоминались дом, родные, и все вокруг казалось мрачным и безнадежным.

Он даже не пошел вместе с Гайворонским в кино, хотя показывали «Чкалова» — фильм, который ему давно хотелось посмотреть. Правда, Пузаков тоже отказался идти — он уже видел эту картину. Они вдвоем побродили по крепости, посидели на берегу Мухавца, слушая доносившуюся сюда музыку — в клубе инженерного полка были танцы, — и рано отправились спать. Уже перед рассветом Бессонов проснулся и вышел во двор казармы покурить. Вокруг было почему-то непривычно темно: даже в окне караульного помещения не горел свет и потухла красная звезда на верхушке Тереспольской башни, которая обычно светила всю ночь.

Прошел сержант, дежуривший при штабе, остановился, заметив малиновый огонек папироски, и, взглядевшись в лицо Бессонова, узнал его.

— Вот черт, свет не горит во всей крепости, — пожаловался он. — Наверно, на станции авария.

Но это была не авария. Переодетые немецкие диверсанты уже действовали в крепости и перерезали осветительный кабель — до войны оставался какой-нибудь час.

Бессонов вернулся в казарму и опять заснул. А потом наступило страшное пробуждение среди грохота взрывов, криков и стонов раненых, среди дыма пожаров и белой известковой пыли рушившихся стен и потолков. Полуодетые, они вместе с другими бестолково металась по казарме, ища спасения от огня и смерти, пока сюда не прибежал старшина Котолупенко, который взял на себя командование и кое-как навел порядок.

И тогда они заметили, что их только двое. С ними не было Николая Гайворонского. Они бросились назад — туда, где спали, и нашли его на своей койке. Он сидел согнувшись, держась обеими руками за живот, и глаза у него были умоляющие и испуганные.

Они положили его и осмотрели рану. Осколок распорол

живот, но, видимо, не вошел внутрь — рана была не очень большой и казалась неглубокой. Бинтов не нашлось, они сняли с одного из убитых бойцов рубашку и туго перетянули рану. Оказалось, что с этой перевязкой Гайворонский может не только стоять, но даже ходить. Он сразу повеселел, взял винтовку и присоединился к остальным бойцам.

И начались страшные дни и ночи крепостной обороны, где время иногда тянулось бесконечно долго в ожидании своих, а иногда неслось вскачь в бешенстве боев, перестрелок, рукопашных схваток. Они то вели огонь из окон подвалов, отбивая немецкие атаки, то с хриплым «ура!» стремительно бежали вслед за отступающими автоматчиками, яростно работая на бегу штыками, то с замирающим сердцем, затаив дыхание, вжимались в землю среди ада грохота бомбежек, то в минуты затишья ползали по двору, усеянному обломками и трупами, отыскивая патроны и еду в немецких ранцах. И они все время были втроем, как и раньше, и Николай Гайворонский не отставал от товарищей — рана его хоть и побаливала, но не мешала ему двигаться. Он так и ходил с перетянутым рубашкой животом и даже участвовал в штыковых контратаках.

На третий день они, лежа в развалинах на берегу Мухавца, попали под огонь немецкого снайпера. Немец нашел какую-то очень выгодную позицию — он, судя по всему, просматривал большой участок казарм 44-го и 455-го полков. Стоило кому-нибудь неосторожно высунуться из развалин — и его настигала пуля. Человек десять были убиты или ранены за какие-нибудь полтора часа, а определить, откуда стреляет снайпер, не удавалось.

Трое друзей лежали рядом за грудой камней и напряженно вглядывались в зеленую чащу кустарника на противоположном берегу. Потом старшина Котолупенко, устроившийся тут же, неподалеку, надев каску на штык, медленно стал поднимать ее вверх. И тотчас же пуля звонко цокнула о металл, и каска была пробита.

В этот самый момент, случайно подняв глаза, Пузаков заметил осторожное, едва уловимое движение в густой листве высокого тополя на том берегу. Он стал присматриваться, и ему показалось, что в глубине пышной зеленой кроны дерева темнеет какое-то пятно. Он тщательно прицелился и нажал спусковой крючок.

Раздался приглушенный крик, и вдруг, с шумом и треском ломая ветки, сверху рухнула к подножию ствола и осталась лежать неподвижно фигура в пятнистом маскировочном халате. В развалинах закричали «ура!», друзья кинулись обнимать Пузакова, а пять минут спустя сюда приполз старший лейте-

нант, командовавший этим участком обороны. Узнав, кто снял снайпера, он записал в тетрадь фамилию Пузакова, обещая представить его к награде, как только придут свои.

А на другой день случилась беда с Бессоновым. Он полз около полуразрушенной стены казармы, когда тяжелая мина разорвалась рядом. Его подбросило этим взрывом, сильно ударило о землю и засыпало кирпичами окончательно обрушившейся стены.

Так и погиб бы он там, бездыханный, заваленный камнями, если бы Пузаков вскоре не обнаружил его исчезновения. И хотя там, где лежал Бессонов, то и дело рвались немецкие мины, Пузаков все же отыскал товарища, освободил его из-под обломков и ползком притащил на себе в подвал.

С трудом Бессонова привели в чувство. Он был тяжело контужен — ничего не слышал и не мог говорить. Три дня он отлеживался в подвале, и друзья часто приходили навестить его, принося то найденный сухарь, то глоток желтой воды из Мухавца. Потом слух и речь немного восстановились, он смог подняться и опять присоединился к товарищам.

В плен они попали тоже втроем, уже в первых числах июля, без единого патрона в винтовках и, как все, оборванные, грязные, изголодавшиеся и изнемогающие от жажды. Особенно трудно было Гайворонскому: рана его загноилась, и он начал заметно слабеть. Казалось просто чудом, что с такой раной он около двух недель оставался в строю. Даже в колонне пленных он шел самостоятельно и лишь иногда обессилевал, и тогда Пузаков и Бессонов поддерживали его с обеих сторон, помогая идти. Когда их привели к Бугу и разрешили напиться, они все вошли в реку и пили, как лошади, опустив лицо в воду, пили до тех пор, пока животы не раздувались, словно барабаны, а вода начинала идти назад, — казалось, их многодневную жажду нельзя утолить ничем.

Потом пленных вели через польские деревни; женщины выносили им хлеб, овощи, но охрана отгоняла их и безжалостно пристреливала тех, кто ослабел от голода и шел с трудом. Особенно запомнилась им одна деревня неподалеку от Буга; она была населена только русскими. Все ее население высыпало на улицы, женщины громко рыдали, глядя на полуживых, едва передвигающих ноги солдат, и через головы конвоиров в колонну летели куски хлеба, огурцы, помидоры. Как ни бесились немцы, почти каждому из пленных что-то перепало в этой деревне.

В Бяла Подляске, страшном лагере за Бугом, им, к счастью, удалось пробыть недолго — они попали в команду, мобилизованную на работу в лес. И хотя их усиленно охраняли, а уча-

сток, где работали пленные, огородили колючей проволокой, они решили бежать,— прошел слух, что на днях всех отправят в Германию, и медлить было нельзя. Они еще находились вблизи от Буга и могли пробраться на Родину, а бежать из Германии оказалось бы гораздо труднее.

Но бежать могли только двое — Пузаков и Бессонов. Гайворонский ходил уже с трудом — силы все больше оставляли его. Когда товарищи рассказали ему о своем намерении, он грустно вздохнул.

— Ну что ж, ребята, счастливого пути,— сказал он.— Мне уже с вами идти не придется. Останусь жив — после войны увидимся. Только навряд ли...

Они обнялись, и слезы навернулись у них на глаза. Все трое понимали, что Гайворонскому уже не придется вернуться домой. Друзья расставались впервые и знали, что расстаются навсегда.

На другой день, когда работа подходила к концу и в лесу стало смеркаться, Бессонов и Пузаков, делая вид, что подбирают щепки, пробрались к дальнему углу проволочного заграждения. Сквозь кусты часовой не видел их, и они торопливо перелезли через проволоку и кинулись бежать по лесу. Только отбежав достаточно далеко и выбившись из сил, они остановились.

Через два дня им посчастливилось достать крестьянскую одежду в одной польской деревне. Поляки дали им и немного еды. Но беглецы понимали, что далеко они не уйдут,— изможденные, исхудавшие до предела, они слишком сильно отличались от жителей окрестных сел, и всякий легко узнал бы в них бежавших из лагеря военнопленных. Надо было на время укрыться в надежном месте, немного подкормиться, восстановить силы и уже потом пробираться за Буг.

Тогда они вспомнили о русской деревне, через которую их гнали по пути в лагерь. Так трогательно, так сердечно отнеслись тамошние жители к пленным, что друзья вполне могли рассчитывать на гостеприимный прием в этом селе.

Они пришли туда и не ошиблись. От самого солтыса (старосты) до последнего деревенского мальчишки — все приняли их как родных. В избу, где их приютили на первую ночь, то и дело набивались люди — каждому хотелось поговорить с советскими. Приходили женщины, принося с собой что-нибудь поесть, и, видя, с какой жадностью беглецы набрасываются на еду, плакали и причитали: «Ой, сыночки! Ой что ж это с вами сделали проклятые!» Приходили старики и, поинтересовавшись, как и откуда бежали друзья, вдруг спрашивали:

— Вы нам скажите, ребята, как это так получилось, что

немец вас бьет? Мы тут по-другому прикидывали. Думаем, только нападет на вас Гитлер — капут ему сразу будет. На второй день войны ждали Красную Армию сюда, за Буг. Почему же так оно вышло?

Что могли ответить этим старикам они, два рядовых солдата, которые и сами не могли понять, как это все случилось. Но, торопливо хлебая какой-нибудь борщ или дожжевывая вареники, они все же говорили:

— Подожди, дедушка, дай срок. Придут сюда наши.

Старики долго совещались с солтысом, куда поместить беглецов. Жить в деревне им было нельзя: хотя она и лежала на отшибе, в стороне от главного шоссе, немцы то и дело наезжали сюда и крестьянам уже объявили о строжайшей ответственности за укрывательство бежавших из плена.

Поэтому на другой день обоих друзей отвели за село, где в укромном маленьком лесочке были нарыты свежие окопы и землянки.

— Вот видите, неделю всей деревней работали, — сказал солтыс, который привел их сюда. — Строили свою оборону, а она и не пригодилась. Мы ведь думали: до границы тут недалеко, и, как только Гитлер на вас нападет, ваши пушки в ответ стрелять начнут. А тогда и нашей деревне досталось бы. Решили окопы себе вырыть — отсидеться, пока Красная Армия придет. Так и не дождались — ни одного снаряда от вас не прилетело.

Друзей поместили в землянке, и каждый день деревенские женщины носили им сюда еду.

Изголодавшиеся в крепости, а потом в плену, они сначала никак не могли насытиться и ели почти непрерывно. Если одна хозяйка приносила им ведро супа, они тотчас же съедали его вдвоем и затем с той же легкостью опорожняли большой чугунок каши с маслом, который приносила другая женщина. И им самим иногда становилось страшно, не погубит ли их такое количество еды, но истощенный организм все требовал пищи, и они ели и ели...

Только на четвертый или пятый день они стали наедаться досыта. Но, как долго голодавшие люди, они еще были больны той странной болезнью, которую так хорошо описал когда-то Джек Лондон в рассказе «Любовь к жизни». Им, как и герою этого рассказа, всегда казалось, что пища скоро кончится, что ее опять не будет хватать и надо обязательно сделать запасы. Это был инстинктивный животный страх, поселенный в их душе пережитым голодом. И хотя теперь они не могли справиться со всей едой, которую им по-прежнему таскали сердобольные деревенские хозяйки, оба друга никогда не отказы-

вались от этих приношений, боясь, что иначе люди перестанут кормить и к ним снова вернется голод.

Женщина приходила с кастрюлей супа, и они с жадной благодарностью забирали его в свою землянку. Являлась вторая с такой же кастрюлей — брали и это. Приносили пироги, вареники, блины — все шло туда же, в землянку, «в запас».

Но на другой день предстояло возвращать хозяйкам их чугуны и кастрюли, а съесть все было бы не под силу даже слону. Приходилось отдавать суп собакам, а потом делать вид, что все съедено. А женщины только жалостливо ахали и удивлялись, но исправно носили такие же полные снеди миски и кастрюли — деревня была не бедной. Зато теперь около землянки беглецов жили все деревенские собаки — большая часть пищи доставалась им, а оба друга по-прежнему панически боялись отказаться от обильного угощения.

Эта болезнь постепенно прошла, а они поправились и отдохнули. И тогда солтыс дал им провожатого; они распрощались с гостеприимными хозяевами и на следующий день были уже за Бугом.

Всю зиму они скитались, то работая у крестьян, то пробираясь дальше на восток. В конце 1942 года Бессонова схватили полицаи около города Барановичи, и он был отправлен в лагерь — сначала в Польшу, потом в Германию. Вскоре ему удалось бежать. После многих мытарств зимой 1945 года он встретил наши войска под Краковом и до 1946 года служил в армии.

Владимир Пузаков, разлученный с другом, год спустя попал в районе Пинска в один из отрядов знаменитого партизана А. Ф. Федорова. В 1944 году они соединились с армией, а в марте 1945-го, при штурме Бреслау, рядовой Пузаков был тяжело ранен — потерял руку.

Друзья встретились уже после войны, когда в Краснодар вернулся демобилизованный Бессонов. Но их теперь осталось двое — Николай Гайворонский погиб в плену, как и предчувствовал.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ С КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

От Пузакова и Бессонова, когда мы впервые встретились с ними в 1955 году в Краснодаре, я услышал любопытный рассказ о старшем лейтенанте с Красной Звездой.

Это было на второй день обороны. Крепость уже находилась в плотном кольце, и немцы, заняв расположение 125-го полка, залегли на валах над берегом Мухавца. Несколько раз

они пытались перейти через реку и ворваться на Центральный остров, но огонь из окон казарм неизменно отбрасывал их назад.

День клонился к вечеру, с обеих сторон время от времени постреливали пулеметы, но бой, кипевший с таким ожесточением, к ночи постепенно затихал.

И вдруг все — и наблюдатели и стрелки, лежавшие в обороне, — насторожились. На том берегу из кустарника, который рос у подножия занятых немцами валов, появилась фигура человека. Отсюда было видно, что он одет в нашу командирскую гимнастерку и что в руках у него наган.

Вынырнув из кустов, человек в два прыжка спустился по береговому откосу, сунул наган в кобуру и кинулся в воду. Несколько сильных взмахов руки — и он уже был у нашего берега. Опасаясь провокации, стрелки и пулеметчики взяли незнакомца на мушку. Но тот словно почувствовал это.

— Не стреляйте! Свои! — крикнул он и, стремительно выбежав из воды, вскочил в ближайшее окно казармы.

Вслед ему торопливо стрекотнул немецкий пулемет, но было уже поздно. И тогда по всей линии казарм бойцы, неотрывно и взволнованно следившие за пловцом, закричали «ура!». Со всех сторон люди побежали к тому отсеку, куда скрылся незнакомый командир.

Бессонов и Пузаков тоже поспешили туда. Окруженный толпой бойцов, командир стоял, тяжело дыша, и вода ручьями стекала с него. Друзья тотчас же узнали этого старшего лейтенанта: он служил в их полку и они часто встречали его раньше. Он был без фуражки, но в полной командирской форме, с затянутым ремнем и с портупеей через плечо. На груди у него был орден Красной Звезды — боевая награда за финскую войну.

Отдышавшись, старший лейтенант достал из кобуры наган, тщательно обтер его носовым платком и, улыбаясь, обвел глазами собравшихся вокруг него людей.

— Ну, как у вас тут? Плохо? — спросил он и, махнув рукой в сторону города, добавил: — Там тоже неважно. Отступают пока наши.

— Вы оттуда, товарищ старший лейтенант? — полюбопытствовал кто-то.

— Да. Едва пробрался к вам — немцы кругом. Теперь будем вместе драться.

Он принялся выжимать свою одежду. А весть о том, что в крепость пришел «старшой», в одиночку пробившийся сквозь кольцо немцев, уже летела по обороне, и в отсек приходили все новые и новые люди.

— Командиры есть? — вдруг строго спросил старший лейтенант, обращаясь ко всем.

Через толпу пробрались двое: один — в грязной нижней рубашке, другой — в солдатской гимнастерке без пояса.

— Мы лейтенанты,— пояснил один.

Старший лейтенант оглядел их с ног до головы и презрительно усмехнулся.

— Лейтенанты? — переспросил он иронически. — Не вижу. — И, сразу изменив тон, жестко и властно добавил: — Даю двадцать минут. Привести себя в порядок и доложить как положено. Иначе расстреляю, как паникеров. Бегом марш!

Лейтенанты опрометью кинулись из отсека исполнять приказание. Бойцы молча и одобрительно переглядывались: «Эге, с этим шутить не приходится. Хозяин пришел».

И в самом деле, старший лейтенант тут же принялся хозяйничать на этом участке обороны, где до того времени отдельные командиры то появлялись, то снова исчезали и борьбой постоянно руководили главным образом сержанты. Он по-новому расставил стрелков и пулеметчиков, назначил облачившихся в форму молодых лейтенантов командирами взводов, установил связь с участками Зубачева и Фомина. Энергичный, требовательный, смело появлявшийся в самых опасных местах, он одним своим видом, бодрым, решительным, воодушевлял бойцов, и его любовно прозвали «Чапаем».

Настроение людей поднялось с приходом старшего лейтенанта. А он то и дело мелькал здесь и там, беседовал с бойцами, сыпал шутками, записывал отличившихся в бою в толстую тетрадь и во всеуслышание объявлял об их будущем представлении к награде.

Лишь в последние дни обороны Бессонов и Пузаков видели его иным — помрачневшим и молчаливым. Видимо, он уже убедился, что надежды на спасение нет и попытки вырваться из крепости обречены на неудачу. Как-то он появился уже без ордена и без полевой сумки, где держал свою тетрадь. Когда Бессонов спросил его, где орден, старший лейтенант махнул рукой.

— Спрятал,— коротко сказал он. — Может, после войны найдут и орден и тетрадь.

Больше они не видели его, а когда через два дня попали в плен, кто-то сказал им, что старший лейтенант застрелился последним оставшимся у него патроном.

Кто же был этот герой Брестской крепости?

Затруднение заключалось в том, что Бессонов и Пузаков не помнили его фамилии. Но им обоим казалось, что это был помощник начальника штаба 44-го полка старший лейтенант Семененко, тот самый, что упоминался в «Приказе № 1».

Долгое время я ничего не знал о судьбе Семененко и считал, что он застрелился, хотя Бессонов и Пузаков не видели

этого своими глазами. Потом еще один найденный мною защитник крепости из 44-го полка вспомнил, что однажды встречал Семененко в лагере в Германии. Значит, версия о самоубийстве не подтверждалась и старший лейтенант мог остаться в живых.

Но реальная возможность искать его следы появилась лишь после того, как в архиве был обнаружен список комсостава 6-й и 42-й дивизий. Как я уже рассказывал, благодаря этому списку удалось найти майора Гаврилова. Но здесь же я встретил и сведения о старшем лейтенанте Семененко.

Он действительно занимал должность помощника начальника штаба полка. Звали его Александром Ивановичем, и он был родом из города Николаева на Украине, где и жил до призыва в армию.

Не вернулся ли А. И. Семененко после войны в свой родной город? Может быть, он и сейчас живет в Николаеве? Было вполне уместно предположить это — ведь миллионы людей после демобилизации или освобождения из плена возвращались в родные места. И я написал в Николаевский горсовет письмо с просьбой сообщить, не проживает ли у них Александр Иванович Семененко. Предположение мое оправдалось: Семененко в самом деле жил в Николаеве, — товарищи из горсовета прислали мне его адрес. Я сразу списался с ним и в 1955 году приехал в Николаев.

Семененко встречал меня на перроне вокзала. Он оказался большим, широкоплечим человеком с рыжеватым бобриком и крупными чертами лица. Я невольно ойкнул, когда он радостно, от всего сердца пожал мне руку, — Семененко, судя по этому пожатию, обладал поистине медвежьей силой. Несмотря на протесты, он отобрал у меня увесистый чемодан, набитый тетрадями и книгами, и, небрежно помахивая им, повел к своей машине — он работал шофером в одной из городских автобаз.

Когда мы приехали в гостиницу, я спросил его:

— А где ваша Красная Звезда? Так и не восстановили вам орден?

Семененко со смешком пожал плечами:

— У меня нет никакого ордена. Не заслужил.

— А за финскую кампанию?

— Не было у меня никогда ордена. — Семененко развел руками.

— Позвольте, а это вы на второй день войны пробрались в крепость и переплыли Мухавец?

Нет, это был не он. Семененко находился в крепости неотлучно с первых минут войны и до того, как попал в плен в первых числах июля. Он был все время на участках 333-го и 44-го полков, там командовал группами бойцов, отражал

танковую атаку немцев на Центральном острове и вместе с каким-то старшиной подбил из орудия одну из немецких машин.

Я спросил, знает ли Семененко о «Приказе № 1», где упомянута его фамилия. Он не знал о нем, но в крепости ему говорили, что по рекомендации Зубачева его назначили начальником штаба сводной группы. Однако немцы в это время вновь заняли церковь и отрезали отряд Зубачева и Фомина от 333-го и 44-го полков. Семененко не мог пробраться на восточный участок казарм, где находился штаб сводной группы, и обязанности начальника штаба за него стал выполнять какой-то другой командир. А он до самого конца оставался в районе 333-го полка.

Итак, к моему разочарованию, Семененко не был тем командиром, который переплывал Мухавец. Но зато он помог мне наконец уточнить личность старшего лейтенанта с Красной Звездой. Этот человек был другом и многолетним сослуживцем Семененко — начальником школы младших командиров 44-го полка, старшим лейтенантом Василием Ивановичем Бытко. Именно он пришел в крепость на второй день обороны, и именно у него был орден Красной Звезды за финскую кампанию. И как только я услышал, что Бытко звали Василием Ивановичем, я сразу вспомнил о его прозвище «Чапай». Видимо, оно объяснялось не только его смелым и отважным характером, но и тем, что Бытко был тезкой прославленного героя гражданской войны. Семененко подтвердил это и сказал, что курсанты полковой школы всегда с любовью и гордостью называли своего начальника «наш Чапай».

Уже впоследствии отыскиались другие бойцы и командиры, которые в дни обороны крепости сражались бок о бок с Бытко и вместе с ним попали в плен. Они дополнили рассказанное Бессоновым, Пузаковым и Семененко, и история старшего лейтенанта с Красной Звездой теперь вполне прояснилась.

Василий Иванович Бытко был кубанцем, родом из большой станицы Абинской, где до сих пор живет его семья. Человек волевой, отважный и бесстрашный, он показал себя в армии прирожденным командиром, быстро продвигался по службе и умело действовал в боевой обстановке во время финской войны, за что в числе первых в полку был награжден орденом Красной Звезды. Курсанты полковой школы гордились своим командиром и по первому слову «Чапая» готовы были идти в огонь и в воду. Война застала Бытко, как и других командиров, на его квартире в крепостных домах комсостава, где он жил с женой и маленьким сыном. Он вскочил с первыми взрывами, поспешно оделся и, наскоро попрощавшись с семьей, кинулся в расположение полка.

Под обстрелом он пробежал мост через Мухавец и добрался до штаба полка. Там, среди взрывов, дыма и пыли, заволакивающих двор, по которому метались охваченные паникой люди, он собрал часть своих курсантов и повел их из крепости на окраину Бреста, на рубеж, где приказано было сосредоточиться полку по боевой тревоге.

Он сумел вывести эту группу почти без потерь еще до того, как враг сомкнул свое кольцо. Присоединив своих курсантов к другим подразделениям, оказавшимся там, Бытко сам не остался с ними. Он помнил, что в крепости дерутся его «ребята», и считал, что не имеет права бросать их. И он один ушел назад. Только на второй день он все же сумел прорваться на Центральный остров и появился там так, как рассказывали об этом Бессонов и Пузаков. Он принял командование над оставшимися курсантами и бойцами, которые были тут, и стал главным руководителем обороны в районе 44-го полка.

Как известно, все попытки вырваться из крепости были безрезультатными, и наконец наступил день, когда боеприпасы у стрелков и пулеметчиков подошли к концу, а в нагане Бытко остался последний патрон. И тогда люди заметили, что старший лейтенант всячески старается уединиться. Он решил покончить с собой: для него, удалого, горячего кубанца, стойкого коммуниста, полного ненависти к врагу, сама мысль о том, что он может живым попасть в руки гитлеровцев, была страшнее смерти.

Товарищи отгадали его намерение. Когда однажды в минуты затишья Бытко под каким-то предлогом хотел покинуть подвал, они поняли, зачем он уходит. Его окружили и стали уговаривать отказаться от мысли о самоубийстве. Ему доказывали, что его смерть произведет тяжелое впечатление на бойцов, что он обязан разделить со своими людьми судьбу, которая их ожидает.

Бытко слушал все это молча, опустив голову, но было видно, что доводы товарищей произвели на него впечатление.

Маленькое окно подвала, в котором происходил этот разговор, было обращено в сторону крепостного двора. Ничего не отвечая на уговоры друзей, Бытко рассеянно поглядывал наружу, углубленный в свои раздумья. И вдруг он увидел невдалеке двух немецких автоматчиков. Воспользовавшись затишьем, гитлеровцы приближались к казармам. Первый автоматчик был уже в нескольких шагах от подвала.

Рука старшего лейтенанта медленно потянулась к кобуре, и он вытащил наган.

— Ну, фашист, — вздохнув, произнес он, — хотел я себя, а придется тебя...

И, вскинув наган, он последним выстрелом уложил автоматчика.

В тот же день оставшиеся в живых бойцы этой группы во главе с Бытко и командиром роты младшим лейтенантом Сгибневым пошли в свой последний бой. В сумерках неожиданным рывком они форсировали Мухавец и попытались пробиться в сторону города. В неравном бою маленький отряд был рассеян, и большинство людей, в том числе Бытко и Сгибнев, оказались в плену.

А следующим вечером, когда уже за Бугом пленных гнали к Бяла Подляске, оба командира, пользуясь темнотой, сумели бежать из колонны.

Все думали, что им удалось спастись. Но еще через два дня в Бяла Подляску привезли избитого, окровавленного Сгибнева, и он рассказал товарищам, что произошло. Беглецы благополучно добрались до границы, но в тот момент, когда они переплывали Буг, на обоих берегах появились немцы. Автоматная очередь настигла Бытко на середине реки, а Сгибнева схватили, едва он вышел на восточный берег.

Курсанты полковой школы недаром звали своего начальника «Чапаем». Бытко не только походил характером на своего прославленного тезку, не только носил те же имя и отчество, он и погиб от вражьей пули в реке — точь-в-точь так, как Василий Иванович Чапаев.

СЕСТРА

О ней писали уже в первых статьях о Брестской обороне, появившихся вскоре после войны. Рассказывалось о том, как медицинская сестра Раиса Абакумова под взрывами снарядов, под пулеметным огнем выносила с поля боя раненых и как в конце концов она упала, убитая наповал.

Эту молодую, высокую и красивую женщину, хорошую спортсменку, непременно участницу клубной самостоятельности, любительницу песен и танцев, вспоминали потом многие найденные мной герои крепости. Но они помнили ее еще по довоенному времени и лишь знали, что она была в звании военфельдшера — носила три «кубика» на петлицах гимнастерки — и служила в санитарной части 125-го полка. Долгое время оставалось неизвестным, на каком участке обороны она находилась во время боев. Только после того как отыскиались первые защитники Восточного форта, выяснилось, что Раиса Абакумова была именно там, в отряде майора Гаврилова. Люди рассказывали о ней много хорошего. Иные из них прямо были обязаны

ей жизнью: рискуя собой, Раиса выползала под огонь на линию обороны и оттуда вытаскивала раненых, относя их в укрытие. Она была организатором и «главным врачом» импровизированного госпиталя, устроенного в одном из казематов форта, бывшей конюшни. Под ее руководством женщины самоотверженно ухаживали за ранеными и в самых тяжелых условиях делали все, чтобы облегчить их страдания и спасти им жизнь. Все, кто рассказывал мне о Раисе Абакумовой, с восхищением говорили о ней как об истинной героине и глубоко сожалели о ее гибели.

Так было до 1955 года, когда я нашел под Москвой, в Шатурском районе, доктора Михаила Никифоровича Гаврилкина, который перед войной был врачом 125-го полка, то есть непосредственным начальником Раисы Абакумовой. Он очень тепло вспоминал о ней, но тоже мог рассказать лишь о довоенном периоде ее службы—Гаврилкин во время обороны крепости не был в Восточном форту, а оказался в одном из домов комсостава, в группе капитана Шабловского, и потом вместе с ним попал в плен.

Но когда я в разговоре упомянул о том, что Раиса Абакумова была убита, Гаврилкин пожал плечами.

— Вы ошибаетесь,— сказал он.— Раиса не погибла. Моя жена в годы оккупации жила в Бресте, и она часто встречала там Абакумову.

Это известие взволновало меня. А может быть, героиня крепости жива? Но почему же до сих пор она не дала о себе знать: статьи о Брестской обороне не раз появлялись в печати и в каждой из них говорилось о ней и о ее гибели. Неужели эти газеты или журналы никогда не попадались ей на глаза?

Во всяком случае, надо было искать следы Раисы Абакумовой. Но прежде чем они обнаружились, пришлось долго идти, как по цепочке, от одного человека к другому.

Сначала медицинская сестра Людмила Михальчук, которую я разыскал в Бресте, дала мне адрес ленинградского врача Ю. В. Петрова, работавшего до войны в крепостном госпитале. Петров, как оказалось, переписывался со своим бывшим сослуживцем — фельдшером И. Г. Бондарем, находившимся сейчас в Днепропетровской области. Бондарь в одном из писем ко мне сообщил нынешний адрес другого врача из крепости — В. С. Занина, живущего теперь в Москве. А Занин, в свою очередь, знал, где живет близкая подруга Раисы Абакумовой, медицинская сестра Валентина Раевская.

Именно от В. С. Раевской из Мценска, Орловской области, я и получил наконец долгожданное известие. Раиса Абакумова была жива и здорова и работала в районной больнице в городке Кромь той же Орловской области.

Уже позднее, когда мы встретились с Раисой Ивановой в Москве, я спросил, знает ли она, что во многих статьях и очерках о ней писали как о погибшей. Оказалось, что однажды ей попался номер «Огонька» с очерком Златогорова, где говорилось о ее героической смерти. Она прочла, усмехнулась и сказала сама себе: «Ну и вечная тебе память, Рая!»

По скромности она даже не подумала о том, чтобы написать в редакцию и опровергнуть рассказ о своей гибели.

Перед войной Раиса Абакумова жила в одном из домов комсостава в крепости вместе со своей шестидесятилетней матерью. В ту последнюю предвоенную ночь ей почти не пришлось спать: вечером она с подругой была на гулянье в городском парке и вернулась уже после полуночи, а в половине четвертого пришлось вставать — рано утром в районе Бреста должны были начаться учения, в которых ей предстояло участвовать.

Она уже оделась и умылась, а мать хлопотала, приготовляя завтрак, как вдруг раздался близкий взрыв, и горшки с цветами, стоявшие на окне, были сброшены на пол. Потом дальше прогрехотал второй, третий, и сразу же где-то, видимо на Центральном острове, взрывы замолотили с бешеной быстротой, и за их гулом внезапно прорвался истошный вой пикирующего самолета.

Мать торопливо подбирала цветы.

— Что ж это за ученья? — ворчала она. — Разве ж можно так сильно стрелять? Все горшки побили...

Раиса, испуганно прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, словно очнувшись от оцепенения.

— Да что ты, мама! Какие там ученья! — закричала она. — Это же война! Иди скорее, прячься где-нибудь, а я бегу в санчасть.

Она выскочила из дому и бросилась к главной дороге, ведущей к мосту через Мухавец. Взрывы гремели все чаще, и иногда над головой, свистя, проносились осколки. Кругом клубился дым, пахло каким-то странным, удушливым перегаром, — наверно, от взрывов.

Мост был весь в дыму, и оттуда несло торопливое татаканье пулеметов. Какой-то боец вынырнул из этой пелены дыма и, увидев Абакумову, крикнул:

— Доктор, туда не ходите — убьют!

И тут же упал.

Она кинулась к нему. Боец был мертв — осколок раздробил ему затылок.

И тогда Раиса подумала о том, что у нее нет своего привычного оружия — санитарной сумки.

Совсем недалеко у самой дороги белел одноэтажный домик санитарной части 125-го полка. Она побежала туда.

Внутри был только санитар, торопливо набивавший свою сумку индивидуальными пакетами. Раиса схватила сумку с красным крестом, висевшую на гвозде. Они с санитаром выбежали вместе. Он повернул к северным воротам, на выход из крепости, а она, подумав о матери и о других женщинах, оставшихся в домах комсостава, поспешила туда — надо было вывести всех из домов куда-нибудь в надежное укрытие в крепостных валах.

Но ей приходилось то и дело останавливаться по дороге — здесь и там стонали раненные люди, и ее санитарная сумка опустилась, прежде чем она добежала до дома.

Ее матери уже не было в квартире. Но внизу, под лестницей дома, испуганно сбились в кучу несколько женщин с детьми.

— Идемте со мной! — позвала их Раиса. — Здесь вас может завалить!

Валы Восточного форта находились совсем близко. Но пробежать эти две-три сотни метров было нелегко. Громко плакали испуганные дети, женщины вскрикивали и цепенели при каждом близком взрыве. Они не успевали за ней — приходилось все время останавливаться и поджидать отстающих. Наконец они все же добрались до ближнего вала и вбежали в первый попавшийся каземат.

Тут находились конюшни, и десятка два привязанных лошадей нервно топтались в своих стойлах и встревоженно ржали, слыша взрывы.

В этих конюшнях было уже много людей. Сюда укрылись женщины и дети из ближних домов комсостава, и обрадованная Раиса увидела среди них свою мать. Тут сидело несколько безоружных и раненых бойцов; она сразу осмотрела их раны и перевязала, разорвав на бинты их нижние рубашки.

Было около полудня, когда в конюшнях появились командиры во главе с майором. Это был майор Гаврилов, принявший командование над гарнизоном форта и теперь обходивший все казематы.

Он подбодрил приунывших женщин, сказал, что врага скоро отобьют, а потом, заметив Раису, подозвал ее. Она представилась как положено — по-военному.

— Вам, товарищ военфельдшер, я поручаю организовать здесь санитарную часть. Пусть вам помогают женщины — раненых будем сносить сюда, — сказал майор.

— Но у меня же ничего нет, товарищ майор, — взмолилась Раиса. — Бинты кончились, медикаментов не осталось никаких.

— Попробуем вам что-нибудь достать,— обещал майор.— А пока делайте все, что можете.

И она делала, что могла. Вместе с женщинами она постелила у стены каземата чистую солому, подготовив свой будущий госпиталь. Когда начали приносить раненых, они пустили на бинты свое белье, а вместо шин она прибинтовывала к перебитым рукам и ногам какую-нибудь доску или ложку разбитой винтовки. Пища, скудная и нерегулярная, отдавалась прежде всего детям и раненым. Так же было и с водой, когда ее удавалось достать.

На второй день пришлось выпустить лошадей: их нечем было поить, и они могли сбеситься от жажды. Их выгнали во дворик форта, и с тревожным ржанием кони табуном побежали к Мухавцу, на место своего обычного водопоя. Наблюдатели с вала видели, как немцы перестреляли их из пулеметов.

По просьбе Раисы бойцы выкопали неглубокий колодец в самой конюшне. Но пропитанная лошадиными нечистотами земля давала какую-то желтую, отвратительно пахнущую воду,— даже при сильной жажде ее не могли пить. Сначала бойцы ползали за водой к Мухавцу, чтобы хоть немного облегчить страдания детей и раненых. Потом путь туда оказался отрезанным, но зато в соседнем валу обнаружили ледник с запасом льда.

Теперь Раиса сама ползала за льдом. Ползти надо было всего сорок — пятьдесят метров, но часть этого пространства простреливалась откуда-то немецким пулеметом, и каждый раз близкий посвист и чмокание пуль о землю заставляли замирать ее сердце. Но людям надо было пить, и она снова и снова отправлялась в это путешествие.

Как-то лейтенант Степан Терехов, которому Гаврилов поручил все хозяйственные дела, раздобыл со своими бойцами немного бинтов и медикаментов. Она была счастлива: это спасло жизнь некоторым раненым — им уже угрожала гангрена. А главное — среди медикаментов были таблетки хлорной извести. Теперь она кипятила желтую воду из колодца, клала туда таблетки «хлорки», и эту жидкость, похожую на лекарство, можно было пить. Запасы льда кончались, и хлорированная вода помогала все же поддерживать силы людей.

Все пережила она здесь, в форту,— и дымовые атаки немцев, когда всем им, включая детей и раненых, приходилось часами дышать через противогазы или сквозь влажные тряпки, и обстрел из танков, и взрыв тяжелой бомбы весом в 1800 килограммов, когда казалось, что кирпичные своды каземата сейчас не выдержат и многотонная масса земляного вала над головами станет их общим могильным холмом.

А потом майор Гаврилов, страшный, исхудавший, помрачневший, пришел к ним и велел женщинам взять детей и идти в плен. Он не хотел слушать никаких возражений, и женщины, рыдая, стали собираться. Заметив, что Раиса отошла в сторону, майор прикрикнул на нее:

— Вам что, нужно отдельное приказание?

— Я никуда не пойду, товарищ майор, — сказала она. — Я военфельдшер, и мое место около раненых.

Он понял, что спорить бесполезно, и молча кивнул головой. Он даже не стал возражать, когда мать Раисы сказала, что она тоже не уйдет от своей дочери. Так и остались они с бойцами, эти две женщины, молодая и старая, решившие до конца разделить трагическую судьбу маленького гарнизона.

Их взяли в плен два дня спустя вместе с ранеными. Увидев на гимнастерке Раисы зеленоватые петлицы медицинской службы, немецкий офицер решил, что эта женщина — пограничник, и хотел тут же застрелить ее, но один из раненых, знавший немецкий язык, объяснил ему, что она — врач.

Ее с матерью отделили от всех и отправили в Брест. Там они просидели несколько суток в каком-то подвале. Потом им удалось бежать. Раиса достала себе обычное платье, и они поселились в городе.

Страшные годы оккупации принесли им много тяжелых испытаний. Пришлось надрываться на трудной поденной работе на полях и огородах, пришлось и голодать и побираться, пришлось перенести и фашистскую тюрьму и туберкулез. А когда к Бресту подходили наши войска, немцы схватили их и с сотнями других женщин и детей увезли на запад. Только после окончательной победы над Германией довелось им вернуться на Родину и побывать на родной Орловщине.

«НИЧЕГО ОСОБЕННОГО!»

В 1956 году после долгих поисков наконец удалось отыскать следы четвертого командира, упомянутого в «Приказе № 1», — лейтенанта Виноградова. Анатолий Александрович Виноградов, как и Семененко, оказался живым и здоровым и работал кузнецом на заводе в Вологде.

Летом того же года мы встретились с ним в Москве. Передо мной был еще сравнительно молодой, полный сил человек с большими, могучими руками, с красивым открытым лицом типичного русака, с певучим окаяющим говорком коренного вологжанина. Когда я открыл свою тетрадь и попросил его попо-

дробнее рассказать о том, что он видел и делал в крепости, Виноградов усмехнулся добродушно и смущенно.

— Просто не соображу, что говорить надо, — развел он руками. — Ну, воевал в крепости рядом с товарищами. Бродя ничего особенного не было.

И только потом, буквально выжимая из него воспоминания, я узнал, что за этим «ничего особенного» скрывается история одного из важных эпизодов обороны — история единственного прорыва, который за все время удался гарнизону центральной крепости.

Это было 25 или 26 июня, когда уже стало ясно, что наши войска отступили далеко на восток и рассчитывать на освобождение крепости из осады не приходится. Штаб сводной группы решил организовать прорыв вражеского кольца изнутри.

Был создан головной отряд прорыва, командовать которым поручили Виноградову. Еще при свете дня ему с его бойцами предстояло неожиданным броском форсировать Мухавец, подавить пулеметы немцев на валу против казарм и двигаться дальше, выходя из крепости к шоссе южнее Бреста. Вслед за ними в пробитую брешь должен был устремиться весь остальной гарнизон Центрального острова во главе с Зубачевым и Фоминым.

Отряд Виноградова выполнил свою боевую задачу, как ни трудна она была. Мухавец кипел от пуль, но они все же прорывались сквозь огневой заслон врага, вскарабкались на валы и гранатами уничтожили пулеметные гнезда противника. Поредевший, но еще вполне боеспособный отряд вскоре пробился и за внешние крепостные валы, ожидая с минуты на минуту, что к нему присоединятся главные силы гарнизона.

Но гарнизон так и не смог прорваться за ними: немцы быстро подтянули к месту прорыва свежие подкрепления и заткнули пробитую в их обороне дыру.

Между тем, продолжая двигаться по заранее намеченному маршруту, группа Виноградова к концу дня оказалась южнее Бреста. Уже близились спасительные сумерки, но, прежде чем они успели укрыть их от глаз врага, гитлеровцы обнаружили отряд. С шоссе, проходившего не遠далеке, с ревом съехали немецкие танки, с другой стороны развернулась в боевой порядок мотопехота противника, и для застигнутых на открытом поле Виноградова и его людей не оставалось ничего другого, как принять свой последний бой. Силы были слишком неравными, и час спустя маленький отряд перестал существовать, а его тяжело раненный командир вместе с оставшимися в живых товарищами попал в плен.

И отчаянный прорыв через Мухавец, и гранатный бой на валах, и последняя смертная схватка на поле южнее Бреста, и

мучительная рана, и тяжкие годы плена — все это он, Виноградов, теперь, спустя пятнадцать лет, с простодушной легкостью называл «ничего особенного».

Впрочем, он не был исключением среди брестских героев, да и вообще среди героев Великой Отечественной войны.

Есть чудесное свойство, удивительное и неотъемлемое качество характера простых советских людей. Наш человек способен вершить поистине великие героические дела, как обычное, будничное дело, и при этом вовсе не считать себя героем. Не считали себя героями и бывшие защитники Брестской крепости. Они рассуждали так: да, я перенес много трудного, тяжелого там, в Брестской крепости, но ведь я просто выполнял свой солдатский долг, делал то, что мне было положено, так же как все эти четыре года Великой Отечественной войны на других участках фронта честно исполняли этот долг тысячи и миллионы советских воинов.

Сколько раз приходилось мне во время поисков защитников Брестской крепости наблюдать эту простоту и скромность героизма наших людей. Бывало, с трудом, как бы распутывая клубок, идя от человека к человеку, обнаружишь одного из участников обороны, приедешь в город или в село, где он живет, запишешь его воспоминания о памятных днях Брестской эпопеи, а потом спросишь:

— Почему же вы до сих пор не давали о себе знать? Почему не сообщили о себе в военкомат или в редакцию газеты?

Пожмет человек плечами, усмехнется:

— А что я такого сделал? Что я, герой, что ли?

— Ну, все-таки защитник Брестской крепости. Их не так много осталось.

— Да что я сделал, чтоб о себе писать или говорить? Не хуже и не лучше других. Ну, трудно было. А другим легко, что ли? Я из Брестской крепости, а вон сосед ногу под Сталинградом оставил, а другой в Севастополе дрался, а рядом старуха живет — у нее три сына на фронте погибли. Что ж я перед ними выставляться буду? Воевал, как другие воевали. Ничего особенного!

Послушаешь, и правда — разве удивишь наш народ героическими делами? Ведь чуть ли не каждый в те военные годы был настоящим героем, то ли на фронте, то ли в тылу, то ли в страшном гитлеровском плену. И то, что в другие времена казалось бы поразительным примером человеческой доблести, выдержки, воли, терпения, самоотверженности, после всего пережитого нами вменяется порой в эти два спокойных, почти равнодушных слова — «ничего особенного».

Мне пришлось слышать, как эти два слова говорили о себе

и русские люди Анатолий Виноградов, и Раиса Абакумова, и армянин Самвел Матевосян, и украинец Александр Семененко, и белорус Александр Махнач, и татарин Петр Гаврилов. Так, наверно, сказал бы о себе, будь только он жив, и немец Вячеслав Мейер.

Да, немец! В числе защитников Брестской крепости были советские люди всех национальностей, и среди них несколько немцев из Поволжья, героически сражавшихся здесь против немецких фашистов Гитлера.

Высокого ясноглазого блондина, старшину Вячеслава Мейера, знал весь 84-й полк. Он был одним из комсомольских «заводил», добрым товарищем, никогда не унывающим весельчаком, одаренным художником, чьи остроумные карикатуры в боевых листках или стенгазете неизменно собирали толпу хохочущих бойцов, как только вывешивался очередной номер.

В боях он показал себя храбрецом. Он дрался в первом штыковом бою около казарм своего полка, когда был перебит прорвавшийся в центральную крепость головной отряд немцев. Он участвовал в уничтожении группы автоматчиков, засевших в церкви, ходил в контратаки в районе моста через Мухавец, сражался в группе Фомина в казармах 33-го инженерного полка.

А когда наступали моменты затишья, он по-прежнему шутил, смеялся и был неистощим на разные выдумки, чтобы развеселить своих товарищей.

На второй или третий день войны немецкий самолет сбросил над Центральным островом кучу листовок, призывающих гарнизон сдаваться в плен. Мейер с несколькими своими друзьями-комсомольцами, ползая в развалинах, собрал целую пачку этих бумажек. На каждой из них Мейер нарисовал свиную морду и внизу по-немецки написал крупными буквами: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде!»

Потом они попросили разрешения у Фомина сходить за «языком». Комиссар отпустил их, и через два часа комсомольцы вернулись, ведя с собой связанного и испуганно озирающегося немецкого ефрейтора.

Его допросили, и затем под хохот собравшихся вокруг бойцов Мейер с помощью клея, добытого в штабной канцелярии, принялся оклеивать фашиста с ног до головы листовками со свиным рылом. В таком виде, похожий на густо заклеенную афишную тумбу, гитлеровец с поднятыми руками был отправлен назад, к своим. Крепость провожала его громким хохотом, и он уходил, недоуменно и опасливо озираясь, явно не понимая, почему его оставили в живых, и еще не веря своему счастью. Потом он скрылся за валом в расположении противника, и

спустя несколько минут оттуда беспорядочно застрочили по нашей обороне пулеметы и немецкие мины стали рваться в развалинах казарм. Было ясно, что послание Вячеслава Мейера дошло по адресу и гитлеровцы «обиделись».

Он погиб, этот веселый старшина, в самом конце июня, когда группа Фомина доживала свои последние дни. И погиб он славной, благородной смертью, без колебаний отдав свою жизнь во имя спасения товарищей.

Третий день не удавалось достать воды. Совсем рядом, за окнами казарм, в пяти-шести метрах, блестел Мухавец. Но на том берегу немецкие пулеметчики настороженно следили за нашей обороной. Стоило только кому-нибудь на мгновение взглянуть в амбразуру — сразу несколько пулеметов начинали, захлебываясь, бить по этому месту. Ночью на валах за рекой загорались прожекторы, наведенные на казармы, и каждые три-четыре минуты в воздух взлетала осветительная ракета — было светло как днем.

Уже десятка полтора смельчаков заплатили жизнью за попытку спуститься по крутому травянистому откосу к Мухавцу и набрать воды. Даже их тела не удавалось втащить назад под этим огнем.

Жажда становилась невыносимой. Но если те, кто оставался в строю, еще кое-как терпели, то раненые испытывали страшные мучения. Непередаваемо тяжко было слушать их хриплые стоны, их умоляющие голоса: «Братцы, воды! Водички! Хоть капельку!..»

Вячеслав Мейер был терпеливым человеком и стойко сносил все лишения, выпавшие на долю защитников крепости. Но спокойно видеть страдания раненых, умирающих друзей он не мог. Человек с добрым, отзывчивым сердцем, он был готов на все, чтобы хоть немного облегчить их муки.

Это произошло среди бела дня, в минуты непродолжительного затишья. Мейер с товарищами отдыхал после очередного боя, сидя на полу у стены в одном из помещений в первом этаже казарм. Здесь был открытый люк в подвал, где на соломе лежали раненые. Сейчас, когда стало тихо, их стоны ясно доносились оттуда. Раненый лейтенант из 84-го полка метался, кричал в полубреду и поминутно просил пить. И Мейер, слыша его стоны, не выдержал.

Схватив котелок, валявшийся на полу, он бросился к окну. Прежде чем его успели остановить, старшина выпрыгнул наружу, стремглав сбежал по откосу к воде, зачерпнул котелком и, бережно неся его в обеих руках, уже медленнее, чтобы не расплескать драгоценную воду, взобрался снова наверх.

Видимо, немецкие пулеметчики на этот раз зазевались или

их ошеломила дерзость внезапной вылазки, но Мейер успел добежать до окна и протянул котелок товарищам.

Опершись руками на подоконник, он хотел впрыгнуть внутрь, и в этот самый момент с того берега раздалась очередь. Руки Мейера словно подломились, и он упал на грудь. Его втащили в помещение, и товарищи склонились над ним. Пуля попала ему в затылок, но он был еще в сознании.

— Воду... раненым... — успел сказать он, и голубые веселые глаза молодого старшины стали мутно-стеклянными. Мейер был мертв.

Нам известна его фамилия, у нас есть его фотография, мы можем отдать дань уважения памяти героя. Этого нельзя сделать в отношении многих других защитников крепости — мы просто не знаем их имен.

Кто был тот молоденький боец, почти мальчик, о котором вспоминают люди из 44-го полка? Весь день он дрался с какой-то особой веселой удалью, будто чувство страха вообще было незнакомо ему. Он первым кидался в бой, поднимая за собой других навстречу атакующим автоматчикам, обгоняя всех, врвался в толпу бегущих назад фашистов, разя их штыком, и последним возвращался в укрытие, еще полный боевого возбуждения и желания скорее снова сойтись с врагом грудь с грудью.

И вдруг, уже в конце дня, он был ранен. Мина разорвалась позади него, и осколок ее попал ему в ляжку. Рана оказалась легкой — бойцу тут же перевязали ее, и он, хоть и прихрамывая, по-прежнему ходил в атаки. Но настроение его было непоправимо испорчено — он не мог примириться с такой раной.

— Что же я скажу теперь нашим, когда они придут? — чуть ли не со слезами говорил он товарищам. — Ведь они подумают, что я удираю от немцев — рана-то у меня сзади. Ребята, вы же видели — я вперед шел, когда ранило...

Его успокаивали, но он был неутешен и вовсе не думал ни о смерти, подстерегающей его здесь на каждом шагу, ни о тяжелых лишениях осады, а только о своем ранении, которое считал таким позорным, и о том, как стыдно ему будет, когда придут свои.

Невдомек было этому юному солдатику-герою, что через три дня другая, смертельная рана в грудь навсегда уложит его и, когда спустя три года придут сюда свои, только кости его будут белеть где-то в крепостных развалинах.

В этой книге рассказывается о десятках защитников Брестской крепости. Но сотни и тысячи имен таких же достойных славы героев обороны, как погибших, так и живых,

здесь не упомянуты. Даже всех уцелевших невозможно перечислить в одной книге, а другие — и таких огромное большинство — остаются доныне безымянными.

Кто, например, назовет нам фамилию неизвестного музыканта из оркестра 44-го стрелкового полка? Вместе с группой своих товарищей в первые минуты войны при разрыве тяжелой авиабомбы он был завален в помещении музыкантского взвода. Они оказались заживо похороненными под грудой камней, и спасти их было невозможно, потому что этот участок казарм находился под непрерывным обстрелом и бомбежкой и к развалинам никто не мог подступить. И тогда люди, находившиеся неподалеку, сквозь грохот взрывов вдруг услышали, как из-под этих развалин раздались звуки музыки. Неизвестный музыкант играл на трубе «Интернационал». Он как бы прощался этим со своими товарищами и говорил, что умирает как верный сын Советской Родины.

Петя Клыпа рассказал мне о подвиге одного политрука, фамилии которого мы также до сих пор не знаем. В первые минуты войны этот политрук собрал под своим командованием бойцов из разных частей и подразделений и вместе с ними дерзко двинулся прямо навстречу гитлеровцам, наступавшим в северной части крепости. Маленький отряд занял каменное здание на берегу Мухавца против Центрального острова и своим огнем преградил дорогу врагу. Тем самым политрук и его бойцы предотвратили возможный прорыв противника в центр крепости с тыла, со стороны главных трехарочных ворот.

Они держались в этом доме почти до самого вечера, пока наконец гитлеровцы не подтащили сюда орудия и не начали прямой наводкой обстреливать здание, разрушая его. К концу дня у политрука осталась только небольшая группа бойцов, и, воспользовавшись минутой затишья, он вместе с ними бросился вплавь через Мухавец в центральную цитадель, где в казармах находились наши. Но когда они вышли на берег, на них из засады неожиданно бросился отряд автоматчиков. Тогда политрук приказал своим людям бежать к тем отсекам казарм, которые были заняты нашими бойцами, а сам с пистолетом в одной руке и с гранатой в другой бросился навстречу врагам. Он хотел задержать гитлеровцев и дать возможность своим бойцам спастись.

Его тотчас же окружили и схватили, выкручивая руки, стараясь вырвать пистолет и гранату. Но он в этой борьбе сумел дотянуться ртом до гранаты и зубами выхватил кольцо. Произошел взрыв. Петя Клыпа рассказывал, что он видел потом труп этого политрука на берегу Мухавца. Грудь его была разорвана, в неестественно выкрученной руке по-прежнему за-

жат пистолет, а в зубах стиснуто кольцо гранаты, и вокруг него разбросаны тела врагов, уничтоженных этим взрывом.

Великое множество было таких безвестных храбрецов, ибо там, в крепости, почти каждый становился подлинным героем. И неудивительно, что в наше время слова «защитник Брестской крепости» стали равнозначными слову «герой».

Есть братские могилы павших, над которыми на постаменте вознесена бронзовая фигура воина с винтовкой или гранатой, устремленная вперед в напряженном боевом порыве. Десятки имен в несколько длинных рядов бывают высечены на постаменте такого памятника. Но только одна фигура — воплощение мужества и доблести — возвышается над землей, и невольно кажется, что лежащие там, в темной глубине, погибшие герои выслали его — одного из них — сюда, наверх, под солнце, как своего постоянного полномочного представителя.

Разве каменные руины Брестской крепости не такая же братская могила героически павших воинов? Пусть же и книга, которую вы сейчас читаете, будет скромным памятником на этой грандиозной братской могиле. И пусть помнит читатель, что за каждым описанным здесь героем славной обороны стоят десятки и сотни других — пеназванных, безвестных.

ПОГРАНИЧНИКИ

Известно, что в рядах защитников Брестской крепости были и наши пограничники. Перед войной в районе Бреста охранял государственный рубеж 17-й Краснознаменный пограничный отряд под командованием майора А. П. Кузнецова, а в самой крепости располагались 3-я комендатура и 9-я погранзастава этого отряда.

Нужно сказать, что на первых порах об участии пограничников в обороне Брестской крепости не было никаких сведений. Когда я начал собирать материал для будущей книги, мне стало известно, что в одном из музеев Москвы хранится папка с воспоминаниями участников боев на нашей западной границе в первые дни Великой Отечественной войны. Я пришел туда и познакомился с содержимым этой папки. Здесь собраны воспоминания бывших пограничников, служивших на заставах 17-го Краснознаменного отряда. Все эти записи были тщательно подшиты в порядке нумерации застав: пятая, шестая, седьмая, восьмая, десятая... В том месте, где по порядку должны находиться воспоминания о боях 9-й заставы, оказался только маленький листок, на котором было написано:

«Никаких сведений о девятой заставе нет. Застава помеща-

лась в крепости и, видимо, целиком погибла в боях. По свидетельству жителей близлежащей деревни, в первые же минуты войны пограничники приняли удар врага на Западном острове Брестской крепости и вели борьбу в течение долгого времени».

В первую мою поездку в Брест, когда я побывал там вместе с Матевосяном и Махначом, мы с ними однажды в сопровождении офицеров из того отряда, который сейчас охраняет границу в районе Бреста, приехали на Западный остров крепости, где сражались в 1941 году пограничники. Остров густо зарос кустарником, и там среди зарослей кое-где лежат старые развалины или стоят пустые каменные коробки домов. Полуразрушенные кирпичные стены со всех сторон изрыты пулями и осколками. Видно, что в каждом из этих строений группы пограничников, окруженные врагом, вели необычайно упорную, героическую борьбу. Как от древних времен дошли до нас надписи, выбитые на камнях и рассказывающие о жизни и борьбе исчезнувших народов, так здесь, на этих полуразрушенных стенах, записана летопись борьбы и гибели безымянных героев первых дней Великой Отечественной войны. Только записана она не резцом, а пулями и снарядами врага.

В одном месте офицеры-пограничники показали нам на груды камней — тоже развалины какого-то дома. Сквозь камни проступали наружу ржавые железные спинки коек. Было ясно, что здесь находилась казарма, разрушенная бомбой или снарядами, вероятно, в первые же минуты войны. С помощью солдат-пограничников мы тут же начали раскапывать эти развалины. Действительно, под камнями удалось кое-что найти. Там были обрывки каких-то бумаг, уже полуистлевшие. Когда мы начали рассматривать их, оказалось, что это страницы учебника по автоделу. Однако настоящих раскопок мы, конечно, не производили — для этого не было ни времени, ни возможностей, — сюда следовало снарядить специальную экспедицию под руководством научных сотрудников.

Офицеры-пограничники говорили нам, что именно здесь, на месте этих развалин, по их сведениям, помещалась 9-я погранзаства в 1941 году. Но спустя несколько дней нам удалось найти в Бресте жену одного бывшего пограничника, которая перед войной жила в крепости. Вместе с ней мы приехали в крепость, и тогда оказалось, что 9-я погранзаства и 3-я комендатура отряда в 1941 году располагались не на Западном острове, а в центральном дворе цитадели, в доме, стоявшем рядом со зданием казарм 333-го стрелкового полка, около Тереспольских ворот, тех самых ворот, которые изобразил художник П. А. Кривоногов на своей картине «Защитники Брестской крепости». Что же касается Западного острова, то

там, как выяснилось, помещались автомобильная рота отряда и окружная школа шоферов пограничных войск. Этим и объясняется тот факт, что под развалинами казармы мы нашли странички учебника по автоделу.

Таким образом, местонахождение 9-й заставы наконец было твердо определено.

Участники боев в Брестской крепости, с которыми мне приходилось встречаться в эти годы, с восторгом говорили о том, как сражались пограничники. Они признавались, что пограничники были поистине лучшими защитниками крепости, наиболее смелыми, самыми отважными и стойкими бойцами героического гарнизона. Рассказывают, что гитлеровское командование, взбешенное упорным сопротивлением пограничников, в первые дни войны отдало приказ своим солдатам: если у советского бойца будут зеленые петлицы на гимнастерке или зеленая фуражка, его не брать в плен, хотя бы он был даже тяжело ранен, а расстреливать на месте.

Но пограничники и не собирались сдаваться в плен. Они дрались действительно до последней капли крови, до последнего дыхания. Один из участников обороны крепости рассказал мне о том, как в первые дни войны погиб на Западном острове молодой пограничник — белорус сержант Петринчик. Он был окружен автоматчиками и, укрывшись в развалинах какого-то дома, долго отстреливался, уложив меткими выстрелами несколько десятков гитлеровцев. Когда у него подошли к концу боеприпасы, он оставил только один патрон для себя, чтобы живым не попасть в руки врага.

От другого защитника крепости я услышал рассказ о гибели неизвестного молодого пограничника с 9-й заставы.

Дело в том, что в субботу, 21 июня, как раз накануне войны, пограничники задержали в крепости двух переодетых гитлеровских шпионов. У них нашли бумаги со схемами расположения наших военных объектов, и агенты врага были полностью изобличены на допросе. Вечером их заперли в камеру для задержанных на границе с тем, чтобы утром отправить в штаб отряда. Ночью на часах у дверей камеры стоял один из бойцов-пограничников. Когда началась война, он не ушел со своего поста, хотя поблизости то и дело рвались снаряды противника. Как только первый отряд гитлеровцев ворвался через Тереспольские ворота в центр цитадели, от него тотчас же отделилась группа автоматчиков, которая бросилась в сторону камеры, где содержались задержанные шпионы. Видимо, тайная агентура врага в крепости уже дала знать гитлеровскому командованию о том, что лазутчики попались, и указала, где они находятся.

Часовой вступил в бой с автоматчиками. Он отстреливался, лежа у двери камеры, и своим огнем удерживал врагов на почтительном расстоянии. А в это время в дверь изнутри яростно ломились два шпиона, громкими криками по-немецки призывая на помощь своих. Постепенно патроны у бойца подошли к концу, а гитлеровцы, забрасывая его гранатами, подступали все ближе, и часовой увидел, что ему не сдержать врагов. И тогда он принял решение. Когда несколько минут спустя автоматчики ворвались в дверь камеры, они нашли только три трупа. Пограничник расстрелял обоих шпионов и застрелился сам.

Группы пограничников были на всех участках обороны крепости. Но основные силы 3-й комендатуры и 9-й погранзаставы во главе с ее начальником лейтенантом Андреем Кижеватовым дрались в центре цитадели вместе с бойцами 333-го стрелкового полка.

Лейтенант Андрей Митрофанович Кижеватов, сын крестьянина-мордвина из Пензенской области, был одним из замечательных героев Брестской крепости, и о нем стоит рассказать подробнее.

Командир необычайно твердого и решительного характера и отчаянно смелый человек, Кижеватов к тому же отличался исключительной добросовестностью и исполнительностью по службе. Начальник отряда майор Кузнецов не раз говорил, что он особенно спокоен за тот участок границы, который охраняет кижеватовская 9-я застава.

Со своей довольно многочисленной семьей — матерью, женой и тремя маленькими детьми — Кижеватов жил тут же, при комендатуре, как и некоторые другие командиры-пограничники.

Когда начался обстрел, здание комендатуры стало рушиться и загорелось, причем немало женщин и детей осталось под развалинами. Однако Кижеватовы сумели благополучно спуститься в первый этаж, где было безопаснее.

Крикнув жене и матери, чтобы они шли с детьми в подвал, лейтенант тотчас же побежал на заставу, к бойцам. Они ушли к разрушенному снарядами дому заставы и заняли там оборону, готовясь встретить атаки врага.

Весь первый день пограничники держались в развалинах своей заставы и штыковыми ударами отбрасывали автоматчиков, рвущихся в центр крепости через Тереспольские ворота.

Ночью с остатками своего отряда, с женщинами и детьми Кижеватов перешел в соседнее здание 333-го полка. С тех пор он стал ближайшим помощником старшего лейтенанта Потапова, руководившего обороной на этом участке.

Его всегда видели в самых опасных, решающих местах, в первых рядах атакующих бойцов, во главе своих пограничников. Несколько раз раненный, в грязных повязках с проступавшей кровью, он все же не выходил из строя и неутомимо подбадривал людей.

В первых числах июля старший лейтенант Потапов поручил Кижеватову с группой пограничников опасное и ответственное задание — подорвать понтонный мост через Буг, наведенный противником близ крепости.

Они ушли, и до сих пор остается неизвестным, удалась ли им эта смелая диверсия. Остаются пока неизвестными и подробности гибели героя-пограничника. Мы знаем лишь, что семья его, отправленная в плен вместе с другими женщинами и детьми, была расстреляна гитлеровцами в 1942 году.

Группа пограничников сражалась и в районе Восточного форта, в отряде майора Гаврилова. Это были бойцы, которые служили на соседней с крепостью заставе. Весь первый день они дрались на берегу Буга, а 23 июня, когда держаться уже не стало мочи, прорвались сквозь кольцо врага в окруженную Брестскую крепость и явились в распоряжение майора Гаврилова. Гаврилов тотчас же назначил лейтенанта-пограничника, который командовал этой группой, начальником разведки своего отряда, а двух бойцов оставил при себе для выполнения специальных поручений. По его словам, это были стойкие и отважные защитники форта.

Там, в Восточном форту, в здании, стоявшем в центре подковообразного двора, на втором этаже был установлен четырехствольный зенитный пулемет, из которого стреляли два зенитчика 393-го дивизиона. Огонь этого пулемета наносил врагу особенно большие потери и каждый раз отбрасывал атакующих гитлеровцев. Когда зенитчики были убиты, к пулемету стали два пограничника. Они вели огонь до тех пор, пока тяжелая авиабомба не разрушила это здание, и оба храбреца погибли под его развалинами.

Валентина Сачковская, дочь погибшего старшины Зенкина, та самая четырнадцатилетняя девочка, которая была послана немецким офицером, чтобы предъявить ультиматум защитникам крепости, и потом осталась вместе с ними, рассказала мне об одном пограничнике, находившемся в подвале здания 333-го полка. Этого пограничника звали, по ее словам, Андрей Бобренок. Он был тяжело контужен и время от времени терял сознание. Но и тогда, без чувств, он продолжал крепко сжимать свою винтовку и не выпускал ее из рук. Как только сознание возвращалось к нему, Бобренок подползал к амбразуре подвального окна и начинал стрелять вместе со своими товари-

щами в атакующих автоматчиков до тех пор, пока очередной припадок не сваливал его в беспамятстве на пол. Валентина Сачковская говорила, что впоследствии этот пограничник, видимо, погиб.

Когда я потом писал свою драму «Крепость над Бугом», этот рассказ Валентины Сачковской, глубоко запавший мне в память, послужил основой для создания образа пограничника Ивана Боброва, который по пьесе отважно сражается и героически гибнет в Брестской крепости. Пьеса была напечатана в журнале «Знамя». Прошло еще несколько месяцев, и вдруг я получил письмо из Львова от моего товарища, писателя Владимира Беляева, автора известной книги «Старая крепость». В. П. Беляев сообщал мне о том, что во Львовском украинском драматическом театре имени М. К. Заньковецкой есть актер, один из участников обороны Брестской крепости, и фамилия его Бобренок.

Я сразу насторожился, узнав об этом. Бобренок — мало распространенная фамилия, и я предположил, что это, быть может, тот самый пограничник, о котором рассказывала мне Валентина Сачковская. Я тотчас же написал ему и вскоре получил ответ. Оказалось, что я не ошибся: младший сержант Бобренок служил в крепости в 3-й погранкомендатуре, сражался там, а потом, будучи контуженным, находился в подвалах здания 333-го стрелкового полка. Только одну ошибку допустила Валентина Сачковская. Бобренка, как оказалось, зовут не Андреем, а Сергеем. Сейчас мы постоянно переписываемся с Сергеем Тихоновичем Бобренком. Он сообщил мне много интересного об участии пограничников в боях на участке 333-го стрелкового полка и сам написал свои подробные воспоминания о том, что видел и пережил в Брестской крепости. Уже три книжки воспоминаний выпустил в свет за последние годы С. Т. Бобренок.

Петя Клыпа рассказывал еще об одном пограничнике, который так и остался безымянным героем крепости. Как я уже говорил, когда у бойцов 333-го стрелкового полка подошли к концу боеприпасы, их командир, старший лейтенант Потапов, решил сделать отчаянную попытку прорвать вражеское кольцо, причем было решено наносить удар не в сторону города, так как противник ожидал атак именно здесь, а прорываться в немецкий тыл через Западный остров, на котором сражались еще пограничники.

Воспользовавшись тем, что гитлеровцы предъявили защитникам крепости свой очередной ультиматум, после чего наступило некоторое затишье, бойцы сосредоточились в казармах около Тереспольских ворот и затем через мост и через дамбу,

перегораживавшую в этом месте Буг, стрелы бросились на Западный остров.

Петр Клыпа рассказывает, что, когда группа бойцов бежала на берег острова, около самой воды в кустарнике лежал на земле пограничник с ручным пулеметом в руках. Около него с одной стороны была навалена гора пустых, отстрелянных гильз, а с другой — гряда патронов и запасные диски для пулемета. Вокруг в кустах валялось множество убитых гитлеровцев. Вид пограничника был страшный — лицо стало землисто-серым, под глазами — черные круги. Худой, обросший бородой, с красными, воспаленными глазами, он, видимо, уже много дней лежал здесь без пищи и без сна, отбивая атаки противника.

Бойцы стали тормозить его, предлагая идти на прорыв вместе с ними, но пограничник поднял голову, посмотрел на них и глухим, ничего не выражающим голосом сказал:

— Я отсюда никуда не уйду.

Так он и остался лежать там, на берегу Буга, и, видимо, на этом же месте и погиб, а имя его, быть может, навсегда останется неизвестным.

Попытка прорыва через остров, как известно, окончилась неудачно. Всего несколько бойцов уцелели под страшным огнем немецких пулеметов и вышли на противоположный берег Буга. Там они вскоре же были захвачены в плен. В числе этих пленных был и Петя Клыпа, уже дважды контуженный, окровавленный и почти без сил.

На следующий день их под конвоем повели в лагерь вдоль берега Буга. Они проходили мимо Западного острова и слышали, что там, в чаще кустарника, продолжается неумолкающая стрельба. И они видели, как за деревьями, в центре острова, над каким-то домом развевается красный флаг пограничников. Говорят, что борьба на Западном острове продолжалась свыше двух недель, причем якобы наиболее упорно сопротивлялись группы пограничников, которые засели в недостроенных дотах, находившихся на берегу Буга. По слухам, последние защитники Западного острова погибли именно там.

Много еще тайн, связанных с участием пограничников в боях за Брестскую крепость, предстоит выяснить. Мы еще очень мало знаем о длительной и упорной борьбе на Западном острове. Неизвестной остается судьба той группы пограничников, которая сражалась в Восточном форту. Надо надеяться, что все это постепенно выяснится. Во всяком случае, в последние годы нашлось несколько бывших пограничников — участников обороны Брестской крепости.

Обнаружился бывший курсант окружной школы шоферов

пограничных войск Михаил Мясников. Судьба этого человека по сравнению с судьбами большинства его товарищей была поистине счастливой.

Мы говорим, что гарнизон Брестской крепости встретил войну в ее первые мгновения, на первых метрах советской земли. Но среди защитников крепости был авангард — пограничники, располагавшиеся на Западном острове, где раздалась первая взрывы войны. В свою очередь, в этом авангарде оказались бойцы, которые, можно сказать, первыми из первых советских людей взглянули в лицо войне. То были бойцы дозоров и секретов, что в 4 часа утра 22 июня 1941 года находились на охране границы, на склонах западных валов Брестской крепости, в густом кустарнике, спускавшемся к самой воде Буга. Рядовой пограничник Михаил Мясников лежал в этих кустах вдвоем с товарищем, когда над их головами просвистели первые снаряды врага и с того берега вместе с громом орудий донесся треск первой пулеметной очереди немцев, начавших обстрел прибрежных кустов.

Два дозорных стреляли в ответ, топили своими пулями резиновые лодки с солдатами врага, появившиеся на реке, вели огонь по немецким саперам, готовившим переправу. Потом патроны кончились, они отошли в глубь острова и примкнули к группе пограничников под командованием лейтенанта Идана, занявших оборону около недостроенных дотов. Там они дрались до последних чисел июня. Позже остатки этой группы переплыли Буг и пришли в центральную крепость.

А в ночь с 5 на 6 июля десятка два оставшихся в живых пограничников с боем вырвались за внешние крепостные валы. В темноте они растеряли друг друга, и Михаил Мясников, оставшись с тремя товарищами, много дней пробирался через Пинские болота на восток, и уже около города Мозыря им удалось перейти линию фронта.

До конца войны М. И. Мясников сражался на фронте. Он стал офицером и в 1944 году при освобождении Севастополя был за доблесть и мужество удостоен звания Героя Советского Союза. Сейчас полковник Мясников командует одним из полков Советской Армии.

Оказался жив и другой участник боев на Западном острове — бывший командир транспортной роты 17-го погранотряда Аким Черный, ныне житель города Сумы. Он сражался в другой группе, командование которой принял на себя офицер-пограничник старший лейтенант Мельник. В центральной крепости, один с Кижеватовым, другой в группе Фомина, участвовали в боях пограничники 9-й заставы — Григорий Еремеев и Николай Морозов. Как и Аким Черный, они, потом

рапелные, попали в плен, и их не расстреляли только потому, что на них не было гимнастерок с зелеными петлицами. Григорию Еремееву впоследствии посчастливилось бежать из плена, и он воевал в партизанских отрядах на землях Югославии и Италии. Сейчас он заведует вечерней школой рабочей молодежи в далеком городе Кызыл-Кия, в Киргизии, а его товарищ Николай Морозов жил и работал в Донбассе, а теперь переехал в Николаевскую область. Отыскался пограничник Брестской крепости Павел Балденков, живущий теперь в Оренбурге, и некоторые другие.

Прислал мне письмо бывший врач 17-го Краснознаменного погранотряда Горяинов, который сообщает ряд важных подробностей обороны. Еще после первых моих радиопередач отозвался бывший начальник 17-го Краснознаменного погранотряда, ныне полковник в отставке Александр Петрович Кузнецов, который живет сейчас в Москве. Мы встретились с ним, и он рассказал мне много интересного о пограничниках, которые служили в его отряде.

Особенно любопытное, глубоко волнующее сообщение о пограничниках Брестской крепости получено мною несколько лет назад от технорука московского кинотеатра «Ударник» Константина Коршакова. К. И. Коршаков в 1941 году служил в пограничных частях и был радистом, обслуживавшим полевою радиостанцию. В то время радиостанции пограничников были самыми мощными и надежными, и в условиях первых боев, когда связь на фронте часто нарушалась, их нередко придавали нашим стрелковым соединениям, для того чтобы обеспечить четкое управление войсками в тех или иных ответственных операциях.

В июле 1941 года К. И. Коршаков со своей радиостанцией был послан в 262-ю стрелковую дивизию, которая в то время находилась близ Старой Руссы и вместе с другими нашими соединениями готовилась нанести контрудар по 16-й немецкой армии, действовавшей в этом районе. В самых последних числах месяца (Коршаков ясно помнит, что это было после 25 июля) он однажды нес свое обычное дежурство в эфире. Рядом с радистом, как всегда, лежал список позывных сигналов различных радиостанций погранвойск. В этом списке значилась и радиостанция пограничников Брестской крепости. Правда, ее позывные уже больше месяца не слышались в эфире, и все считали, что погранзастава, стоявшая в крепости, давно погибла.

И вдруг раздались позывные этой радиостанции. Вслед за тем Коршаков принял радиограмму следующего содержания (я привожу ее дословно, так, как мне передавал ее Коршаков):

«Положение тяжелое, крепость падает, уничтожаем гадов, сами взрываемся».

Затем следовала шифрованная подпись, но радист ее не разобрал. Он начал посылать в эфир сигналы, прося повторить радиограмму. Прошло около получаса, и он услышал: «Я вас понял, я вас понял, повторяю радиограмму». А потом последовал тот же текст: «Положение тяжелое, крепость падает, уничтожаем гадов, сами взрываемся». И снова Коршаков не разобрал подписи, по на этот раз, сколько ни посылал он запросов, радиостанция пограничников Брестской крепости уже не ответила ему.

Эту радиограмму тогда же передали в Москву, а там, под Старой Руссой, ее в тот же вечер огласили на партийном собрании 262-й дивизии. Говорят, что и в других частях, стоявших на этом участке фронта, перед наступлением зачитывалась волнующая радиограмма брестских пограничников, поднимавшая дух бойцов, звавшая их на новые подвиги.

Может быть, эта радиограмма когда-нибудь отыщется в наших военных архивах. Еще предстоит выяснить, кто были эти люди, которые взорвали себя вместе с врагами там, в Брестской крепости, спустя более чем месяц после начала боев. Были ли то группы пограничников, засевшие в дотах на Западном острове, отряд старшего лейтенанта Мельника или, быть может, остатки заставы Кижеватова, дравшиеся в центре крепости? Все это пока остается тайной, и, наверное, предстоит преодолеть немало трудностей, прежде чем мы узнаем, кто были эти герои, пославшие в эфир весть о своем подвиге.

ОКОЛО КРЕПОСТИ

Грохом с ясного летнего неба обрушилась война на приграничную советскую землю. Полная внезапность этого удара сыграла свою роковую роль и дала врагу, как он и предполагал, немалые преимущества, во многом подготовив успех немцев в первые месяцы войны.

Но, захватив врасплох наши войска, гитлеровцы тоже неожиданно для себя встретили в приграничных районах такое сопротивление, на которое они вовсе не рассчитывали. Несмотря на внезапность нападения, первые квадратные километры советской территории достались противнику ценой тяжелых потерь, и не одна Брестская крепость стала на пути врага. Как бы десятки маленьких крепостей разом возникли вдоль всей границы с первыми взрывами вражеских снарядов. Это не были крепости, построенные из камня и бетона, и я называю

их так лишь в переносном смысле слова. Крепость и сила духа советских людей — вот что делало их страшными для врага. Такими маленькими крепостями стали в то первое утро войны многие пограничные заставы 17-го Краснознаменного погранотряда, вытянутые длинной цепочкой по берегу Западного Буга севернее и южнее Брестской крепости.

Если армию можно застать врасплох внезапным нападением, этого нельзя сделать с пограничниками. Вся жизнь, весь ежедневный быт «людей в зеленых фуражках» проникнуты неослабевающей настороженностью, постоянным ожиданием покушений на границу со стороны возможного врага. Они всегда готовы встретить и малую и большую войну, и от их глаз не укроются признаки приближения грозных событий.

Брестские пограничники, как мы знаем, наблюдали за приготовлениями немцев в приграничной полосе. Они видели и понимали, что у дверей Родины происходит что-то неладное, и доносили обо всех действиях своего зловещного соседа. Не их вина, что все эти предупреждения были бесплодными. Только одно оставалось им теперь — встретить натиск нападающих, сделать все возможное, чтобы хоть немного задержать противника на государственном рубеже и, если нужно, умереть на этих первых метрах родной земли. Они выполнили этот свой долг, и заставы их стали крепостями на дорогах врага.

Крепостью были окопы 5-й заставы на лугу около деревни Челеево, в 10 километрах от Бреста. Несколько раз поднимались цепи автоматчиков в атаку на этот рубеж: триста — четырехста человек против шестидесяти. Пулеметы пограничников неизменно укладывали их на луг, и многих укладывали навсегда.

Потом вперед вынесся немецкий танк, но бойцы заставы подорвали его гранатами. Тогда немцы привели на луг мирных жителей Челеева, гоня перед собой плачущих женщин, детей, стариков: они наступали под прикрытием этой живой цепи — четыре танка и больше 200 автоматчиков. Пограничники знали в лицо каждого жителя села, каждого ребенка, и они прекратили огонь. Так после пятичасового боя под гусеницами танков, под пулями автоматчиков погибла почти целиком застава.

Такой же крепостью стал простой деревянный сарай на окраине села Непли, где дрались пограничники 7-й заставы во главе с лейтенантом Сазоновым. И здесь бой был долгим и упорным. Раненный разрывной пулей в правую руку, повар заставы Григорьев одной левой стрелял из ручного пулемета. Смертельно раненный пограничник Саблин из последних сил приподнимался на локте и кидал гранаты в набегающих врагов, на время теряя сознание после каждого такого броска.

Немцы подожгли сарай зажигательными пулями. В облаках дыма, опаленные огнем, пограничники подрывали стену сарая и под прикрытием этой дымовой завесы ушли, унося с собой раненых. Только повар Григорьев добровольно остался на месте, прикрывая огнем отход товарищей, пока вражья пуля не прикончила его.

Четыре дня продержалась в каменном сарае на высоте у деревни Пельчице 10-я застава лейтенанта Ишкова. Окруженные гитлеровцами пограничники трижды отвергали предложения врага о сдаче в плен. Лишь 25 июня, когда немцы подтянули сюда пушки и разрушили сарай, они смогли овладеть высотой. Сорок пять трупов в гимнастерках с зелеными петлицами остались на месте боя, и ни один из пограничников не попал в плен.

В эти первые дни войны много братских могил, насыпанных крестьянами, появилось около сожженных и разрушенных домиков бывших застав. В укромных местах, куда не заходили гитлеровцы, возникали свежие холмики, украшенные цветами, и в изголовье их вместо памятника лежала зеленая пограничная фуражка.

Жители деревни Дубровка, лежащей в трех километрах от Бреста, рассказали мне об одной такой могиле. Они похоронили в ней своего погибшего друга, инструктора служебных собак 8-й погранзаставы Степана Матвеева, погибшего в бою. В течение недели после этого каждую ночь к могиле приходила собака Матвеева — овчарка Мальва, днем скрывавшаяся где-то в лесу. Обнюхав лежавшую на могиле фуражку своего хозяина, собака садилась рядом с холмиком и начинала выть, надрывно и тяжело. Она выла всю ночь напролет, до самого рассвета, и людям, притаившимся в своих хатах, этот вой, тоскливый и страшный, как бы снова и снова напоминал об ушедшем мирном времени, об их беспросветной нынешней судьбе, об ожидающих их гнетущих днях жизни под мрачной властью фашизма. Потом собака куда-то исчезла, — должно быть, ее застрелили немцы...

Пограничники сделали все, что должны были сделать. С армией дело обстояло сложнее. Она была застигнута врасплох, она уже в первые часы потеряла массу техники, и, самое главное, связь и управление войсками оказались непоправимо нарушенными и дезорганизованными внезапным и мощным ударом врага.

В час самого сладкого утреннего сна немецкие бомбы неожиданно обрушились на пограничные аэродромы, на танковые и артиллерийские парки, на склады горючего. Около Брестской крепости погибли почти все орудия стоявшего здесь

131-го арtpолка, лишь немногие из своих пушек сумели вывести из Северного военного городка артиллеристы другой части.

В Южном военном городке Бреста, тоже совсем рядом с границей, находился большой танковый парк со многими десятками боевых машин.

Первое, что увидели ночные часовые, дежурившие в этом парке, — странное сигарообразное тело, медленно поднимавшееся в небо над границей. Было около половины четвертого, на востоке уже слегка занималась заря, и ее еще сумеречный свет лишь едва-едва просачивался к темному западному краю неба, гася пока только самые слабые звезды. Словно огромная черная рыба вон сразу всплыла наверх над темной полосой деревьев, стоящих вдоль Буга. Она поднималась все выше и выше, и было что-то непередаваемо тревожное и злое в ее медленном беззвучном движении вверх. Потом она застыла неподвижно в двух- или трехстах метрах над землей. Позднее, когда рассвело, все увидели, что такие же — при свете дня уже серебристые — рыбы висят в воздухе вдоль всей линии границы и севернее и южнее Брестской крепости. Это были аэростаты с подвешенными к ним корзинами. Немецкие наблюдатели заняли свои места, чтобы корректировать огонь артиллерийских батарей по советской пограничной полосе.

Часовые в парке Южного городка, заметив появление аэростатов, тотчас же доложили об этом дежурному по части. Немного позже танкисты были подняты по тревоге. Но прежде чем они успели вскочить в танки и завести их, западный горизонт озарился огненными вспышками, грянули первые залпы и немецкие снаряды обрушились на территорию парка. Одна за другой загорались машины, металась под огнем и падали люди. Лишь малой части этих танков довелось выйти за пределы городка.

Но и в этом случае участь танкистов была трагической. Танковая часть генерала Пуганова, стоявшая в окрестностях Бреста, сумела выйти из своего городка с небольшими потерями. Но как только колонны танков появились на дорогах, они стали легкой добычей для немецких самолетов — противник, нанеший первые удары по нашим аэродромам, теперь фактически господствовал в воздухе над приграничным районом. Танкисты Пуганова понесли тяжкий урон от бомбежек, а потом подошло к концу горючее, и пополнить его запас было нелегко. И тогда остатки этой танковой части на последнем горючем ринулись в отчаянную атаку против наступавших танков Гудериана и погибли в этом бою во главе со своим командиром.

Лишенная прикрытия с воздуха, достаточной поддержки танков и артиллерии, наша пехота оказалась в необычайно тя-

желом положении. Многие стрелковые части находились в лагерьях или были выведены на учения и, отрезанные от своих складов боепитания, очутились лицом к лицу с врагом почти без патронов.

Неподалеку от Южного городка стояли в лесном лагере части 6-й стрелковой дивизии, еще в мае переселившиеся сюда из крепости. В субботу у них происходили учения, которые должны были возобновиться с рассветом в воскресенье. Несколько рот имитировали наступающего противника, и при этом предполагалась артиллерийская стрельба учебными снарядами. Другие подразделения выполняли задачу на оборону и еще ночью заняли заранее подготовленные окопы.

Артиллерийская подготовка началась почему-то раньше, чем предполагалась, и после первых взрывов, раздавшихся неподалеку, роты приготовились отражать атаку условного противника. И вдруг прямо на линии окопов встали черные столбы снарядных разрывов, и тут же упали убитые, закричали и застонали раненые. Только тогда люди поняли, что это вовсе не та учебная стрельба, какую они ожидали, и что противник будет не условный, а вполне безусловный.

А час или два спустя эти люди уже получали первое боевое крещение, отражая натиск авангардных отрядов автоматчиков, скупо отстреливались, экономя патроны, каждый из которых был на счету, а в критические моменты поднимались в штыковые атаки. Так, постепенно уступая превосходящим силам врага, они начали отходить на восток.

Другие части наших войск были застигнуты войной на самой границе, где они строили укрепленный район. Их положение было еще более тяжелым, но и они делали все, что могли, — дрались на каждом возможном рубеже, отчаянно сопротивлялись и гибли, окруженные врагом.

Так пали вблизи крепости, у форта «Граф Берг», 26 неизвестных бойцов и командиров. Шестнадцать лет спустя их откопали в одном из рвов. Скелеты еще сжимали винтовки на боевом взводе, штыки и немецкие саперные лопатки, которыми, видимо, они дрались, когда кончились боеприпасы.

Так погиб гарнизон дота около деревни Речица, рядом с крепостью. Их было 23 человека, и ими командовали два младших лейтенанта, П. Селезнев и Н. Зимин, и старшина И. Рехин. Двое суток маленькая железобетонная крепость стояла на пути врага, огнем срывая его переправу через Буг. Потом немцы привезли сюда огнеметы, и струи огня, направленные на амбразуры дота, решили исход борьбы. Гарнизон был сожжен.

В Беловежской пуще на развилке двух дорог, прорезающих

этот величественный лес, за оградой из низенького штакетника зеленеет маленький могильный холмик. В изголовье его — скромный, сложенный из кирпича обелиск, а на самой могиле стоит старый, пробитый пулями станковый пулемет «максим». На жестяной табличке написано:

«Обнажите головы!

Здесь покоятся вечным сном герои Великой Отечественной войны — пулеметный расчет советских воинов, героически сражавшийся против роты немецко-фашистских захватчиков 23 июня 1941 года.

Вечная слава героям, погибшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Их было двое, как рассказывают жители соседних деревень, — молодой русский солдат и большой, богатырского телосложения узбек или казах. Их оставили здесь, на перекрестке дорог, прикрывать отход товарищей, и они не получили приказа отступить. Позднее к ним присоединился какой-то мальчик — подросток лет четырнадцати — пятнадцати, пришедший со стороны границы. Он остался с пулеметчиками в их маленьком окопе, вырытом в кустах у развилки дорог.

На второй день войны по одной из этих дорог шла рота немцев. Они торопились вперед, они спешили за наградами и трофеями, эти завоеватели с засученными до локтей рукавами, с автоматами за плечами, — они, судя по всему, уже не ждали сопротивления, проломив во вчерашнем бою нашу пограничную оборону.

И вдруг из кустов по ним в упор стеганула длинная пулеметная очередь. Они попадали на землю и расплозлись по кустам, беспорядочно отстреливаясь и стараясь определить, откуда бьет пулемет.

Шесть часов продолжался этот бой, и жители ближних деревень с волнением прислушивались к нему. Длинные, раскатистые очереди «максима» оглашали вековой лес, и в ответ на перебой, словно стая охотничьих псов, заливались немецкие автоматы. Потом очереди нашего пулемета стали более редкими и короткими, — наверно, бойцам приходилось экономить патроны. Порой казалось, что «максим» умолк, только надсадно трещали автоматы и иногда слышались винтовочные выстрелы. Но проходило несколько минут, и опять раскатывалась четкая сухая строчка советского пулемета.

Немцы решили, что они имеют дело с целым подразделением советских войск, — видимо, пулеметчики время от времени переходили на запасные позиции. Они отстреливались и из винтовок, а как только немцы подползали близко, закидывали их гранатами.

Противник вынужден был вызвать подкрепление — рота почти вся погибла в бесплодных попытках атаковать пулеметчиков. Во второй половине дня к развилке дорог подоспел свежий батальон автоматчиков. Кольцо врага медленно сжималось вокруг нашей огневой точки, и к вечеру все было кончено.

Говорят, когда немцы увидели перед собой погибших, они не могли поверить, что этот долгий бой вели лишь три человека, из которых один был почти ребенком. Они принялись искать других убитых. А убедившись, что никого больше тут не было, командир немецкого батальона, пораженный мужеством павших советских героев, приказал похоронить их с почестями, как и своих солдат.

И когда на следующий день сюда пришли крестьяне из ближней деревни, по одну сторону дороги чернел одинокий холмик с крестом, увенчанным пробитой пулей красноармейской каской, а по другую сторону длинным рядом вытянулось несколько десятков могил с такими же свежесрубленными крестами, и наверху каждого креста висела каска немецкого солдата. Так и остались безымянными трое героев. А пулемет их, оказавшийся тут же, на поле боя, крестьяне закопали в землю и после войны поставили на могилу.

Этот бой в Беловежской пуще — только один из бесчисленного множества подобных. Буквально в каждой деревне Брестской области вам расскажут удивительные, легендарные эпизоды борьбы в те первые дни войны: о том, как дрались на случайных рубежах маленькие отряды прикрытия, ценой своей жизни добывавшие для товарищей возможность отойти на восток и закрепиться на новых позициях; о том, как сражались в окружениях мелкие группы отступавших от границы воинов; о том, как гибли безвестные герои в неравных, трагических боях сорок первого года.

Да, военный механизм приграничной обороны наших войск был нарушен и сломан внезапным ударом врага. Но несломленным оказался боевой дух советских людей, их воля к борьбе — те великие дрожжи войны, на которых спустя несколько лет взмошел славный хлеб нашей победы.

НА УЛИЦАХ БРЕСТА

В ночь с субботы на воскресенье первый секретарь Брестского обкома партии Михаил Тупицын, плотный, грузноватый человек лет тридцати пяти, только перед рассветом вернулся из поездки по районам. Было около четырех часов утра, когда он пришел в свою квартиру, тут же в крыле большого обко-

мовского здания. Он только успел лечь, как снаружи прогремел сильный взрыв — и стекла в окне вылетели.

Тупицын вскочил. Вдали за окном, в стороне крепости и границы, огненные всполохи озаряли темное небо, и низкий, глухой гул тяжело перекачивался там. Где-то неподалеку слышался воющий свист, и тотчас же на соседней улице подряд звонко ахнули два взрыва. Тупицын торопливо оделся и бросился бегом по темным обкомовским коридорам к своему кабинету. Он понял, что началась война. Теперь надо было скорее связаться с Минском.

В его кабинете стоял аппарат «ВЧ», напрямую связывавший обком с Минском. Линия еще работала, и минуту спустя он услышал голос дежурного по Центральному Комитету партии. Но он успел только сказать, что говорит Тупицын, как рядом раздался оглушительный взрыв и что-то больно ударило его по голове. Тотчас же очнувшись, он увидел, что лежит на полу в противоположном углу комнаты, и сквозь оседающие дым и пыль видно, что около того места, где он сейчас стоял, в стене зияет большая рваная дыра. Немецкий снаряд попал как раз в угол его кабинета.

Тупицын вскочил, чувствуя боль во всем теле и звон в ушах. Он опять схватил телефонную трубку, но аппарат был уже испорчен. В это время во дворе обкома, где-то около гаража, разорвался еще один снаряд. Швырнув на стол бесполезную уже трубку, Тупицын быстро достал из сейфа круглую печать и, сунув ее в карман, побежал вниз по лестнице.

В первом этаже его встретили два других секретаря обкома — Новикова и Красовский. С ними было еще несколько коммунистов и два милиционера, дежурившие у входа в здание. Тупицын тут же послал одного из коммунистов в штаб дивизии — узнать обстановку, а пока что велел всем спуститься в полуподвал дома.

Из гаража прибежал шофер и доложил, что туда попал снаряд и взрывом помяло машину Тупицына. Грузовики, по его словам, были вполне исправны и заправлены бензином. Вслед за ним появился посланный к военным и сообщил, что в штабе никого нет — все офицеры уехали за город на командный пункт.

К этому времени в полуподвальном помещении собралось уже больше семидесяти коммунистов. Здесь были почти все члены бюро обкома и горкома, и Тупицын решил провести короткое заседание бюро с партийным активом.

Обстановка была неясной. Обстрел города заметно усилился. Кто-то сказал, что уже слышал пулеметную стрельбу на южной окраине города, за Мухавцом. Все понимали, что

дорога каждая минута и нельзя терять время. Бюро заседало едва ли четверть часа и приняло короткие деловые решения. Красовскому с группой людей поручили принять меры для эвакуации городских учреждений и населения, другому члену бюро — подготовить к уничтожению секретные документы, третьему — обеспечить вооружение коммунистов. Решено было, что все участники заседания немедленно разойдутся по городу разведать обстановку и через час бюро соберется снова. Здание обкома быстро опустело.

Город был окутан дымом, и на улицах часто гремели взрывы. Многие дома уже были разрушены, жарко горел винный завод, расстилая над городом черное облако. В воздухе не стихал рокот моторов — германские бомбардировщики кружили над Брестом.

По улицам в разных направлениях бежали люди, то полуодетые, как их застала война, то снарядившиеся совсем по-дорожному — с узлами и чемоданами в руках. Одни только искали спасения от обстрела и бомбежки; другие торопились уйти на восток до того, как на улицах появятся немцы; третьи, охваченные паникой и страхом, кидались, сами не зная куда и зачем. Большинство бежало к южной окраине города, стараясь выбраться на Московскую улицу, где начиналось шоссе, ведущее на восток, на Кобрин. В ту же сторону, отчаянно, надрывно сигнали, проносились редкие грузовики, в кузовах которых сгрудились бледные, испуганно оглядывающиеся женщины и дети.

Порой над головами бегущих слышался короткий низкий вой падающего снаряда, черное облако мгновенно вырастало посреди улицы, и оглушительно резкий удар взрыва сливался со звоном стекол, выбитых из соседних домов. Толпа с воплями бросалась врассыпную, а на мостовой оставались лежать неподвижные тела, корчились и кричали изувеченные люди, которых некому было подбирать...

Около девяти часов коммунисты снова собрались в обкоме. Красовскому и его группе удалось сделать немного — в городе, внезапно застигнутом войной, царили хаос и паника, — и организованная эвакуация под огнем врага была уже невозможной. Лишь в некоторых городских учреждениях успели сжечь документы и отправить машинами на восток женщин и детей. Не приходилось и думать о том, чтобы вывезти имущество каких-либо предприятий.

Вернувшиеся из города один за другим докладывали, что они видели и узнали. По всем признакам положение было угрожающим, и немецкие автоматчики могли в ближайшее время появиться на центральных улицах Бреста. Коротко обсудив

обстановку, бюро приняло предложение Тупицына покинуть город и двигаться через восточные окраины в район Жабинки, где установить связь с военными.

Тут же сожгли документы обкома, коммунистам роздали оружие, и вся группа во главе с Тупицыным тронулась в путь по улицам, ведущим на восток, в сторону станции Брест-5.

Справа и слева слышалась близкая трескотня пулеметов и автоматов, а здесь, на улицах, по которым они шли, часто рвались снаряды. Немцы уже заняли северную и южную окраины Бреста и теперь старались огнем закупорить единственный оставшийся свободным выход из города — на восток. Время от времени кто-то стрелял из окон верхних этажей и чердаков — «пятая колонна» врага действовала в Бресте. Появились первые раненые, приходилось все время перебегать с одной стороны улицы на другую, и огневые налеты все учащались и усиливались. Люди уже не шли, а бежали, торопясь выйти из зоны обстрела.

По пути к отряду Тупицына присоединились новые группы беженцев, примыкали отдельные бойцы и командиры, отбившиеся от своих частей. Когда они вышли за город и остановились в безопасности на опушке небольшого леса, вокруг секретаря обкома собралось уже около двухсот человек.

Над городом висела черная туча, сквозь которую здесь и там пробивались к небу яркие языки пламени. Взрывы снарядов гремели реже, перестрелка, казалось, затихала, и только оттуда, где находился вокзал, доносился торопливый и злобный перестук пулеметов.

Тяжело и больно было видеть в дыму и огне этот город, за два года ставший родным и близким. Тупицын представил себе немцев на улицах Бреста, вообразил, как чужие солдаты шныряют по комнатам обкомовского здания, и глухая тоска сдавила сердце. Он поглядел на лица людей, окружавших его, и увидел ту же тоску и боль. И ему захотелось хоть чем-нибудь подбодрить своих спутников.

— Ничего, друзья! — твердо сказал он. — Им в Бресте не хозяйничать. Мы еще сюда вернемся. А пока что не будем терять времени.

И они пошли дальше на восток, то и дело прощально оглядываясь назад, на горящий, задымленный Брест. В тот же день обком возобновил свою работу, но уже в восточных районах области.

А в Бресте еще кое-где на улицах шли бои. Наших регулярных войск здесь не было, но противник в нескольких местах встретил сопротивление вооруженных горожан. Дрались около

тюрьмы за Мухавцом, дрались в здании областного управления НКВД.

Начались убийства, расстрелы, грабеж. На одной из центральных улиц немцы схватили не успевшего уйти из города председателя горисполкома Соловья и тут же повесили его на дереве. Солдаты врываются в квартиры горожан в поисках золота и ценностей. На Советской улице выпущенные немцами из тюрьмы уголовники громили витрины магазинов, мешками тащили продукты, одежду, обувь. Жители запирались в домах, прятались в подвалах, и только вокруг больницы все росла и прибывала толпа раненых.

К полудню Брест оказался, по сути, полностью во власти врага. Но и после этого со всех четырех сторон слышалась неумолкающая стрельба. С востока, постепенно затихая, доносился гул фронта — там, отходя к Кобрину, пытались сдержать наступающего противника наши части. На западе гремело сражение в Брестской крепости. На севере, совсем близко, слышалась трескотня пулеметов и винтовок в районе железнодорожной станции — немцам не удавалось захватить вокзал: там в окружении дралась какая-то группа советских бойцов.

А в стороне южной окраины города, неподалеку от центра, не прекращалась перестрелка, и время от времени грохотали разрывы гранат около двухэтажного здания областного и городского военкоматов.

Об этой обороне военкомата, продолжавшейся почти весь день 22 июня, мне пришлось слышать еще в свой первый приезд в город. Но подробностей ее никто не знал: люди, которые рассказывали о ней, наблюдали бой извне и издали, и что происходило внутри здания и кто находился там, оставалось неизвестным. Только в 1956 году, после радиопередачи о Брестской крепости, я получил письмо от бывшего брестского районного военкома С. Л. Ушерева, живущего теперь в Киеве. Он оказался одним из тех немногих защитников военкомата, которым посчастливилось остаться в живых, и он вкратце сообщил мне некоторые подробности этого боя.

Как только начались обстрел и бомбежка города, к зданию военкомата стали стекаться люди. Прибежали военкоматские служащие — и военные и штатские, пришли многие военнообязанные. Часть из них привела с собой семьи — жен и детей, и просторный ленинский уголок комиссариата сразу превратился в шумное общежитие.

Старшим по званию и должности среди всех собравшихся был брестский областной военный комиссар майор Стафеев. Старый служака, командир, требовавший и от себя и от под-

чиненных самого неукоснительного исполнения долга, он заявил, что не получал никаких приказов об эвакуации и, следовательно, все должны оставаться в здании военкомата в ожидании распоряжений. По его мнению, это была не война, а только крупная пограничная провокация гитлеровцев. Он не сомневался, что провокаторы сразу же встретят отпор и порядок в городе быстро восстановится. Майор резко пресек возражения других командиров, приказал двоим из них сходить в штабы стрелкового корпуса и соседней дивизии, чтобы выяснить обстановку, послал людей в обком партии, а сам со своими служащими начал готовиться к проведению мобилизации. Его уверенность и спокойствие невольно передались другим, и люди занялись своими делами, несмотря на взрывы, все чаще грохотавшие на ближних улицах.

Но посланные не застали уже никого ни в штабах, ни в обкоме партии и принесли неутешительные вести: было ясно, что разыгрываются нешуточные события и что вряд ли все это может быть лишь пограничным инцидентом.

Все же Стафеев отказывался свернуть работу военкоматов до получения приказа. Он лишь поручил нескольким командирам организовать отправку в тыл женщин с детьми. Однако достать в городе машины было необычайно трудно. После долгих поисков удалось пригнать только один грузовик, куда посадили небольшую часть женщин и детей, заполнивших уже весь ленинский уголок военкомата.

Машина эта едва успела выскочить из города — на Московской улице ее обстреляли немецкие автоматчики, и двое детей оказались убитыми. Первые отряды фашистов уже проникли в город, и очереди автоматов раздавались все ближе к военкомату.

Становилось ясно, что выбраться из города, особенно вместе с семьями, не удастся. Пришло время подумать об обороне, а оружия у защитников военкомата почти не было, если не считать пистолетов у майора Стафеева и трех-четырех других командиров. К счастью, по улице в это время проезжали грузовики какой-то воинской части, отступавшей из города. Они были нагружены боеприпасами и оружием — вывозили один из складов. Командир, сопровождавший колонну, охотно согласился поделиться своими запасами, и солдаты сгрузили у военкомата несколько ящиков с патронами и гранатами.

Люди вооружились вовремя. Меньше чем через час во дворе раздалась первая очередь — фашистские автоматчики подошли сюда. Вскоре здание было окружено, и началась осада.

Стафеев расставил людей у окон, организовав круговую оборону. Гитлеровцы попытались подойти к зданию, но, по-

теряв десяток солдат, были отбиты. Тогда, прячась за забором, в соседних домах, они принялись обстреливать военкомат. Время от времени они подползали ближе и из кустов, росших неподалеку от дома, бросали в окна гранаты. У осажденных появились убитые и раненые. Ленинский уголок теперь превратился в санитарную часть, где военкоматский врач с помощью женщин делал перевязки.

Положение осложнялось с каждым часом. Огонь врага усиливался, гранаты все чаще влетали в окна. Один за другим люди выходили из строя, в ленинском уголке громко стокали раненые, плакали голодные, испуганные дети. Все чаще над кварталом, где находился военкомат, летали немецкие самолеты, и, стоило им сбросить на дом бомбу, люди были бы погребены под развалинами. К счастью, пока что поблизости не упало ни одной бомбы — противник бомбил главным образом крепость и какие-то другие объекты в окрестностях города.

Вдобавок вскоре был тяжело ранен майор Стафеев. Его перевязали, и, лежа, он продолжал руководить обороной. По его приказу служащие военкомата начали уничтожать документы.

День уже клонился к вечеру. Посоветовавшись с майором, командиры решили отправить в плен женщин с детьми — держать их дольше в этой обстановке было нельзя: трагический исход обороны не вызывал сомнений. Женщинам дали белый флаг, и с детьми на руках они пошли на улицу. Но едва эта группа скрылась за воротами, как там застрочил немецкий пулемет, послышались крики и стоны. Мужчины, бледные, взволнованные, прислушивались, стоя у окон. Кто из их близких погиб под пулями, кто уцелел — обо всем этом они могли только гадать. А автоматчики уже снова пытались подойти к дому, и бой возобновился.

Но теперь возникла новая и уже непреодолимая трудность — кончались боеприпасы. Еще одна-две атаки немцев, и запас патронов будет исчерпан. Надо было решать свою судьбу.

Оставалось только одно — попробовать прорваться сквозь кольцо врага, неся за собой раненых. Надежды на успех этого прорыва почти не было, но другого выхода, кроме плена, никто не мог предложить.

Прорываться решили в разные стороны, чтобы рассредоточить внимание противника. Каждая группа несла с собой часть раненых. Воспользовавшись недолгим затишьем, все попрощались друг с другом и кинулись сквозь кусты к забору, ограждавшему двор военкомата. И тотчас же навстречу бегущим ударили пулеметы и автоматы немцев.

Часть людей погибла, когда они перелезали через заборы и помогали перебраться раненым. Другие тут же были захвачены в плен. Раненых гитлеровцы добивали на месте. Так был убит и майор Стафеев.

Только одной небольшой группе, где находился райвоенком С. Л. Ушеров, посчастливилось вырваться из кольца осады. В том месте, где они перелезли через забор, немцев не оказалось. Пробираясь дворами, глухими переулками, они вышли на окраину города и за ночь догнали наши отступающие части. С. Л. Ушеров потом сражался на фронте до конца войны и, когда Брест в 1944 году был освобожден, приехал туда, надеясь разыскать жену и двух сыновей, которые ушли в плен вместе с другими женщинами и детьми. Его ждала тяжелая весть — вся семья его была расстреляна гитлеровцами.

БРЕСТСКИЙ ВОКЗАЛ

Несколько лет назад за границей вышла книга воспоминаний известного гитлеровского диверсанта подполковника Отто Скорцени, военного преступника, который после разгрома фашистской Германии нашел себе безопасное убежище во франкистской Испании. Это тот самый Скорцени, что в годы войны со своей шайкой отборных головорезов выполнял самые ответственные поручения Гитлера и его генералов: похитил у союзников арестованного Муссолини в 1943 году, а зимой 1945 года, переодевшись в американскую военную форму, во главе своих диверсантов сеял панику в тылах войск Эйзенхауэра в дни их поражения в Арденнах. Книга его, весьма саморекламная, так и называется «Легион Скорцени». На одной из ее страниц есть любопытное упоминание о Брестской крепости.

Оказывается, Скорцени побывал в Бресте в первые дни войны и, видимо, имел самое прямое отношение к действиям гитлеровских диверсантов в нашей пограничной полосе. Впрочем, об этом он не обмолвился ни одним словом. Зато не лишена для нас интереса та оценка упорства защитников крепости, которая дана здесь.

«Русский гарнизон цитадели,— пишет автор,— в буквальном смысле слова вел борьбу до последнего патрона, до последнего человека». Скорцени рассказывает, как он однажды под огнем выполз на гребень крепостного вала и видел усеянный трупами гитлеровских солдат двор цитадели.

И вдруг несколько ниже этого упоминания о крепости я

наткнулся на строки, в которых описывалось событие, тогда еще неизвестное мне.

«То же самое было в районе Брестского вокзала, — писал Скорцени. — Там войска противника сосредоточились в глубоких вокзальных подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось затопить подвалы, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал».

Так из этих строк, написанных врагом, я узнал о том, что не только в крепости, но и на Брестском вокзале происходила упорная и, видимо, долгая борьба.

В 1955 году, приехав в Брест, я обратился в управление железнодорожного узла и просил свести меня со старыми служащими, работавшими на станции еще до войны. Побеседовав с некоторыми из них, я наконец нашел человека, принимавшего участие в событиях, о которых пишет Отто Скорцени. Это был старший диспетчер железнодорожного узла А. П. Шихов. Он провел восемь дней в подвалах вокзала и оказался свидетелем этой упорной обороны. По его словам, вокзал защищали несколько десятков наших военных, во главе которых стояли какой-то лейтенант, политрук и старшина с голубыми, авиационными, петлицами на гимнастерке. Никаких фамилий А. П. Шихов не помнил и утверждал, что все, кто был в подвалах, погибли в боях. Я узнал от него некоторые подробности этих боев, но все же и после нашей беседы с ним оборона вокзала по-прежнему оставалась «белым пятном».

Но вот год спустя почта принесла мне большое письмо от электромонтера Ивана Игнатьева из города Ростова-на-Дону. Бывший сержант одной из авиационных частей, стоявших в 1941 году в районе Бреста, Иван Игнатьев, случайно оказался в день начала войны на Брестском вокзале и стал участником его обороны. Он сражался там с группой товарищей по службе под командованием старшины — того самого, о котором вспоминал диспетчер Шихов. Игнатьев называл старшину Басовым и сообщал о нем немало интересного, а также подробно писал мне о многодневных боях за вокзал.

Позднее, пользуясь воспоминаниями Игнатьева, я рассказывал об этой обороне по радио, и тогда откликнулись и другие ее участники — капитан буксирного теплохода Днепро-Бугского пароходства Николай Ломакин, живущий сейчас в городе Пинске; инвалид войны Фома Заирный из города Канева Черкасской области; когда-то зенитчик, а сейчас слесарь паровозного депо в Новгороде Анатолий Пинчук; бывший сержант авиационной части, ныне учитель из поселка Новая Ляда Тамбовской области Алексей Русанов; житель Запорожья Владимир Дубинский; Игорь Кислов из города Орска Орен-

бургской области и другие. Они дополнили картину, нарисованную Игнатьевым, новыми важными подробностями и помогли исправить одну допущенную им существенную ошибку — фамилию старшины, руководившего обороной, ростовчанин помнил неточно. На самом деле старшину звали не Басовым, а Павлом Петровичем Басневым, и он был родом из Ивановской области, где позднее мне удалось разыскать его родных.

Вот как складывалась история героической и трагической обороны Брестского вокзала по воспоминаниям ее участников, обороны, которую с полным правом можно назвать родной сестрой славной защиты Брестской крепости.

В субботу, 21 июня, на вокзал Бреста прибыла группа сержантов одной из наших авиационных частей. Часть эта стояла в лагерях около границы, но команда была послана к месту постоянного расположения полка в местечке Пружаны Брестской области, чтобы там принять бойцов нового пополнения и начать с ними занятия. Командовал группой старшина-сверхсрочник Павел Баснев.

В Пружаны надо было ехать поездом, который отходил только в 6 часов утра на следующий день. Военный комендант станции приказал старшине и его товарищам переночевать на вокзале. Они погуляли по городу, посмотрели в вокзальном агитпункте кинофильм и остались на ночлег в этом же зале. Здесь же расположилась небольшая группа бойцов-зенитчиков, которые везли в свою часть партию сапог, полученных на складе в Бресте, и ночевали несколько других военных пассажиров, тоже ожидавших утренних поездов.

В полусумраке наступающего рассвета все были разбужены близкими взрывами. Выбежав на привокзальную площадь, Баснев и его спутники увидели широкое зарево в стороне границы и столбы снарядных разрывов, то и дело вскидывавшиеся на железнодорожных путях у вокзала. Сомнений не оставалось — началась война.

Прежде всего следовало позаботиться о боеприпасах — сержанты ехали со своими винтовками, но патронов у них было мало. Баснев кинулся назад, в вокзал, разыскивать военного коменданта. К счастью, на вокзале оказался небольшой склад оружия и боеприпасов железнодорожной охраны, и через полчаса маленький отряд старшины и еще несколько групп наших бойцов в полной боевой готовности заняли оборону на западных подступах к станции, чтобы прикрывать отправку поездов на восток.

Между тем вокзал заполнялся людьми. Из города сюда бежали местные жители, семьи военных в надежде уехать

на поезде в сторону Минска. Но немецкие снаряды то и дело рвались на путях, и удалось отправить лишь два-три коротких состава, погрузив только малую часть пассажиров, которые все прибывали.

Звуки перестрелки постепенно приближались. Потом показалась группа пограничников, отступавших от железнодорожного моста на границе. Они присоединились к Басневу и его товарищам.

Вслед за тем на дороге, ведущей к вокзалу, раздался треск моторов, слышались пулеметные очереди, и наши бойцы впервые увидели своих врагов. Десятка два немецких мотоциклистов с пулеметами на колясках мчались к станции, иногда постреливая по сторонам, видимо, больше для острстки.

Их подпустили почти вплотную и встретили дружным залпом. Колонна резко затормозила, словно наткнувшись на невидимую преграду. Машины опрокидывались, съезжали в кювет, стараясь развернуться. В несколько минут все было кончено, и едва ли половина мотоциклистов успела на полной скорости умчаться назад.

Победа воодушевила людей, но радоваться было рано. Не прошло и часа, как издали снова слышался шум моторов. На этот раз противник оказался посерьезнее — к вокзалу подходили немецкие бронетранспортеры с автоматчиками. Силы были неравными — с одними винтовками бойцы не могли долго держаться против бронированных машин. Пришлось отойти в здание вокзала и отстреливаться из окон.

Вокзальные помещения уже были забиты людьми — главным образом женщинами и детьми. Между тем снаряды все чаще падали у вокзала и раза два пробили стеклянный потолок зала ожидания; появились убитые и раненые среди пассажиров. Надо было искать более надежное убежище.

Под всем зданием Брестского вокзала раскинулась обширная сеть подвалов, разделенных как бы на отсеки бетонными перегородками. Сюда, в эти помещения — темные или полутемные там, где они освещались небольшими окнами, выходящими наружу на уровне земли, — хлынула толпа людей, скопившихся на вокзале, заполняя все подземные отсеки. И сюда же, теснимые врагом, вскоре вынуждены были отойти и военные. Теперь сам вокзал был в руках гитлеровцев, а внизу, под ним, около сотни наших бойцов держали оборону, поражая противника выстрелами из подвальных окон.

Немцы сделали попытку ворваться в подвал через дверь, ведущую туда со стороны вокзального ресторана. Но как только офицер и группа солдат открыли дверь и спустились

на несколько ступенек по лестнице, из темной глубины подвального коридора грянули выстрелы. Офицер и один из солдат упали убитыми, а остальные опрометью кинулись бежать назад. В этот день немцы уже не пытались войти в подвалы и лишь два или три раза через рупоры обращались к осажденным с призывом сдаться в плен и выжидали, надеясь, что обстановка заставит советских бойцов сложить оружие.

А обстановка и в самом деле становилась критической.

Многие сотни мирных людей — детей, женщин, стариков — тесно набились в отсеки подвалов. Говорят, что здесь собралось вначале до двух тысяч человек. Дети плакали, женщины порой бились в истерике, мужчины, растерянные и подавленные, не знали, что предпринять. И только горсточка военных с винтовками и гранатами, то и дело стрелявших из окон, без колебаний выполняла свой долг, свою боевую задачу. Этот подвал стал их боевым рубежом, и они были готовы стоять тут насмерть.

Но чтобы оборона была крепкой, ей необходим крепкий тыл. А тыл подземного гарнизона, хотя его трудно назвать так — ведь он был здесь же, где и фронт, — этот «тыл» отнюдь не способствовал укреплению обороны подвала. Все эти растерянные, охваченные тревогой люди, подверженные панике женщины, голодные, плачущие ребятишки создавали атмосферу крайней нервозности, невольно угнетающую бойцов. Как ни зорко наши стрелки сторожили окна, все же гитлеровским солдатам удавалось иногда незаметно подобраться сбоку и забросить гранату то в одно, то в другое помещение. Гранаты рвались в толпе пассажиров, убивали, ранили детей, женщин, и каждый раз при этом возникала такая паника, что военные лишь с большим трудом наводили порядок. Да и кормить эти сотни людей было нечем — маленький склад вокзального буфета, находившийся здесь, наполовину растащили, прежде чем его успели взять под охрану. Впрочем, все равно для такой массы народа продуктов не хватило бы даже на день.

Выход оставался один — отправить всех штатских наверх, в немецкий плен. Тут, в подвалах, их все равно ожидала смерть от пуль, от гранат врага и от голода. В плену они могли уцелеть и сохранить своих детей. И штатским было приказано выходить. Исключения допускали только для коммунистов — по предъявлении партийного билета им разрешали остаться и вручали оружие.

К утру 23 июня подвал опустел. Теперь здесь остались только те, кто защищал его с оружием в руках, — всего около сотни человек. Военный комендант станции, очевидно, был убит еще во время боя на привокзальной площади, и коман-

дование припал на себя какой-то молодой лейтенант-артиллерист, который только недавно окончил училище и ехал через Брест к первому месту своей службы. К сожалению, никто из уцелевших защитников вокзала не помнил его фамилии: все звали лейтенанта просто по имени — Николай. Неизвестна была и фамилия политрука Кости, ставшего комиссаром этого подвального гарнизона. Третьим организатором и руководителем обороны был старшина Павел Баснев. Потом, уже в последние дни боев, он болел, порой не мог даже ходить, и его заменяли тогда сержанты Федор Гарбуз и Алексей Русанов.

Рассказывают, что вместе с военными в подвалах осталась одна женщина, по имени Надя. Кое-кто вспоминает, что якобы до войны она работала следователем Брестской прокуратуры. Надя взяла на себя уход за ранеными, как ни трудна была такая задача в этих тяжких условиях.

Не было ни медикаментов, ни бинтов. Но многие пассажиры, отправленные наверх, оставили в подвалах свои чемоданы. Там нашлось белье, которое и пустили на бинты.

В первые дни не было и воды. Лишь кое-где на полу зеленели затхлые, вонючие лужи. Эту воду цедили через ткань и пытались пить, хотя каждый глоток вызывал тошноту. Потом бойцы обнаружили под потолком подвала колено водопроводной трубы и с трудом сломали его. Теперь у осажденных появилась питьевая вода.

Немногом лучше обстояло дело с едой. В складе буфета еще оставались ящики с печеньем, конфетами и мешки с кусковым сахаром. При строгой экономии этих запасов могло хватить более или менее надолго. Но уже вскоре положение изменилось к худшему.

Весь первый и второй день гитлеровские агитаторы через рупоры пытались уговорить подвальный гарнизон прекратить сопротивление, обещая ему «почетную» капитуляцию. Чтобы смутить осажденных, передавались ложные известия о падении Москвы и Ленинграда, о том, что Красная Армия повсюду прекратила сопротивление. Впрочем, последнее доказать было трудно: совсем близко от вокзала, километрах в двух-трех к юго-западу, не умолкая гремело сражение — слышались оружейные выстрелы, взрывы снарядов и бомб, захлеб строчили пулеметы. Это дралась окруженная Брестская крепость, и сознание того, что рядом ведут борьбу товарищи, помогало защитникам вокзала стойко сносить все обрушившиеся на них испытания.

На третий день противник перешел от уговоров к угрозам. Осажденным предъявили ультиматум — в течение получаса сложить оружие, иначе будут применены «крайние меры».

Убедившись, что этот ультиматум не принят, враг начал действовать. Сверху, из вокзального зала, саперы пробили отверстие в один из отсеков подвала. Через дыру туда вылили несколько ведер бензина и следом бросили гранаты. Отсек был охвачен огнем.

К несчастью, это оказалось помещение продуктового склада — защитникам подвалов грозила опасность остаться без пищи. И они бросились спасать продукты. Но вынести успели только несколько ящиков с печеньем и карамелью — все остальное сгорело. С трудом удалось остановить и распространение пожара в сторону отсеков, занятых гарнизоном. Огонь пошел в другую сторону — к вокзальному ресторану.

Немцы спохватились — пламя грозило всему зданию вокзала. К перрону срочно пригнали паровозы и из шлангов принялись заливать огонь. А гарнизон подвала продолжал держаться.

Новые попытки проникнуть вниз не дали результатов. Теперь против входной двери осажденные устроили баррикаду из мешков с сахаром. Укрываясь за ней, бойцы встречали залпом каждого, кто открывал дверь. А у всех окон по-прежнему день и ночь дежурили стрелки, подстерегая зазевавшихся гитлеровцев.

Огонь из подвала мешал немцам — они торопились наладить движение поездов через Брест. Саперы получили приказ закрыть эти окна снаружи. Им приходилось подкрадываться к каждому окну сбоку и стараться неожиданно прикрыть чем-нибудь оконную амбразуру. Иногда это не удавалось сделать сразу и бесшумно. Тогда из окна вылетала граната — саперы все время несли потери. В конце концов им удалось заложить все окна толстыми листами железа, шпалами и рельсами. Но стрелки ухитрялись отыскивать какие-то щели или пробивали рядом маленькие амбразуры и продолжали стрелять, хотя, конечно, уже с меньшим успехом; немцы теперь могли вести восстановительные работы.

На пятый или шестой день последовал новый ультиматум врага. Теперь гитлеровцы угрожали защитникам подвалов газами. И хотя противогазов было всего несколько штук, эта угроза также не возымела действия.

Приоткрывая заложенные окна, гитлеровские солдаты начали бросать в подвалы бомбы со слезоточивым газом и химические гранаты. Едкий газовый туман заволокло подвальные отсеки. Люди кашляли, задыхались, нестерпимо резало глаза, и те, у кого не было противогазов, могли спастись от удушья лишь одним способом — какой-нибудь кусок ткани мочили в воде и, закрывая лицо, дышали сквозь него.

Газовая атака длилась несколько часов. К счастью, погибли при этом немногие. Газ, видимо, находил какие-то выходы наружу, и концентрация его постепенно уменьшалась. Мало-помалу воздух очистился. Гарнизон подвалов продолжал борьбу.

Положение осажденных становилось все более тяжелым. Но сдаваться никто не собирался. И так же, как защитники Брестской крепости, этот подвальный гарнизон жил одной надеждой на то, что вот-вот с востока подойдут наши войска и снова отбросят врага за Буг, за линию границы. Они не представляли себе, как далеко за эти дни ушел фронт, как несбыточны все их надежды. А голос сражающейся крепости как бы звал их к борьбе, подбадривал, укреплял их волю и упорство.

Между тем враг торопился покончить с этой горсточкой упрямцев, засевших в подвалах вокзала. Защитники вокзала заставляли немецкое командование держать на станции отряд солдат, и им то и дело удавалось сквозь щели в забитых окнах подстрелить какого-нибудь офицера. Не помогали ни уговоры, ни ультиматум, ни огонь, ни газы. И гитлеровцы решили затопить подвалы водой. Было открыто одно из окон, и в подвал просунули брезентовый шланг.

Вода шла весь день, всю ночь, весь следующий день. Защитники подвала попробовали отгородить этот отсек от остальных, устроить своеобразную плотину. В двери поставили большой лист железа и обложили его мешками с мелом, хранившимся здесь, в подвалах. Но вскоре вода размыла мел, и плотина была прорвана. Вода медленно распространялась по всем отсекам, и уровень ее неуклонно поднимался. Тогда стали отдира́ть доски деревянного пола, кое-где настеленного на бетоне, и строить из них подмости вдоль наружной стены, чтобы с этого настила по-прежнему охранять окна.

А вода поднималась.

Подвалы Брестского вокзала устроены так, что пол находится на разном уровне — есть более глубокие и более мелкие отсеки. В одних вода стояла по колено, в других уже доходила людям до пояса, а были и такие помещения, где человек погружался по горло или даже не доставал дна и мог передвигаться только вплавь.

По неосторожности от воды не уберегли остатки продуктов. Погибло все печенье, а карамель превратилась в сплошной мокрый и липкий ком, от которого отщипывали по кусочку ежедневный «паек».

Наконец вода перестала прибывать. Говорят, что в районе станции вышел из строя водопровод, и поэтому затопить под-

валы доверху немцам не удалось. И из этих залитых подвалов по-прежнему раздавались выстрелы.

Тогда озлобленные этим упорством враги прибегнули к последнему, уже издевательскому средству. К вокзалу одна за другой стали подъезжать машины, нагруженные нечистотами, которые сливали в окно подвала.

Трудно представить себе страшную картину этих последних дней обороны вокзала. В темноте, с трудом дыша воздухом, пропитанным запахом нечистот и смрадом гниющих трупов, увязая по пояс или по грудь в отвратительной зловонной жиже, в которой плавали раздувшиеся мертвецы, молчаливо бродили люди, исхудавшие, шатающиеся от голода и болезней, но продолжающие сжимать в руках винтовки. У них уже не было никаких надежд на то, что их выручат из осады, и только бешеная ненависть к врагу да гордое, упорное желание не подчиниться его злой воле даже ценою своей жизни — только эти чувства еще заставляли их жить и бороться, как заставляли они драться и героев Брестской крепости.

Их уцелело к этому времени всего два-три десятка человек, самых выносливых, самых стойких. И они понимали, что долго не продержатся. Мысль о плене была им ненавистна. Выход оставался один: попробовать пробиться из осады с боем — постараться подороже продать свою жизнь в этом бою.

Но дверь, выходящую в ресторан, немцы плотно забили снаружи, а все окна были заложены листами железа и шпалами. Казалось, осажденные наглухо заперты в этом бетонном ящике.

К счастью, с бойцами почти до конца обороны оставался какой-то железнодорожник, хорошо знавший и вокзал и станцию. Он вспомнил, что в другом конце здания находится такое же подвальное помещение котельной и там есть дверь, ведущая наружу.

Под потолком подвалов тянулись, уходя во все стороны, узкие и извилистые обогревательные ходы, — циркулируя по этому лабиринту, теплый воздух зимой обогревал полы в вокзальных помещениях. Ходы эти были достаточно широки, чтобы по ним мог проползти человек. Несколько бойцов отправились в разведку и сумели отыскать путь в котельную. Там действительно оказалась дверь. Снаружи она тоже была забита шпалами, но ночью ее все же удалось открыть. Дверь выходила в сторону, противоположную перрону, на запасные пути, и к тому же сверху была прикрыта бетонным козырьком, тянувшимся вдоль всего здания вокзала. Отсюда и решили прорываться на следующую ночь — на исходе второй недели обороны.

Весь следующий день с помощью железнодорожника, на память знавшего окрестности станции, обсуждали подробный маршрут прорыва. Надо было от двери пробраться под бетонным козырьком к дальнему углу здания, оттуда перебежать запасные пути, перелезть через станционную ограду и северо-восточной окраиной выходить из города.

Около двадцати человек под командованием лейтенанта и старшины Баснева шли на прорыв. Трех — сержанта Игнатьева с двумя бойцами — оставляли на месте. Они должны были притаиться на трубах под потолком подвала, ничем не выдавая себя, и осторожно выбраться, когда немцы снимут охрану.

Глубокой ночью, распрощавшись с остающимися, защитники подвалов один за другим вышли наружу через дверь котельной. Несколько минут спустя Игнатьев и его товарищи слышали выстрелы, разрывы гранат, крики «ура!». Потом все смолкло. И трудно было решить, прорвались ли защитники вокзала сквозь кольцо врага или все пали в неравном бою.

На следующее утро немцы открыли заложенные окна подвалов. Внутрь помещений с перрона бросали гранаты, чтобы убедиться, что никого не осталось внизу. Потом охрана была снята.

На вторую ночь Игнатьев с бойцами выбрались наружу, перелезли станционные пути и нашли приют в домике одного из местных жителей на окраине Бреста. Отдохнув и подкормившись, они через несколько дней двинулись на восток, в сторону фронта.

Теперь нам известно, что основная группа защитников вокзала тоже сумела выйти из кольца осады, хотя часть людей при этом погибла. Лейтенант Николай и старшина Павел Баснев оказались в числе уцелевших. Первую ночь беглецы, переживая погоню, сидели в каком-то болоте за окраиной города, а два дня спустя, переодевшись в одной из деревень в штатское платье, пришли в район Жабинки. Там им пришлось разделиться: в деревнях повсюду стояли немецкие войска, и большая группа мужчин была бы сразу взята на подозрение. Лейтенант с политруком Константином пошел в одном направлении, Баснев с сержантом Федором Гарбузом — в другом. С тех пор остается невыясненной судьба этих людей. Мы знаем только, что Павел Баснев не вернулся с войны: то ли погиб он в стычке с гитлеровцами, когда пробирался к фронту, то ли попал в фашистский плен и там принял смерть.

Только совсем недавно, осенью 1963 года, когда эта глава

книги была опубликована в журнале «Молодая гвардия», и получил письмо от Константина Борисенко, каменщика зонально-опытной станции в Бахчисарайском районе Крымской области. Бывший заместитель политрука артиллерийской противотанковой батареи, он был послан в командировку в Брест, оказался на вокзале в день начала войны и стал одним из защитников станции. Он-то и был тем политруком Костей, о котором вспоминают участники этой обороны. От него я наконец узнал и фамилию лейтенанта, руководившего обороной. Это был непосредственный начальник Борисенко, командир артиллерийского взвода Николай Царев. Вдвоем с ним Борисенко шел к фронту, и вместе они попали потом в руки гитлеровцев. Они потеряли друг друга из виду в гитлеровском лагере, и К. М. Борисенко ничего не знает о судьбе своего командира. Он даже не помнит сейчас, откуда родом был Николай Царев. Будем надеяться, что и это удастся впоследствии выяснить.

В Бресте, в центре разросшейся и оживленной станции, стоит теперь новый красавец вокзал, построенный несколько лет назад. Но в земле под этим высоким красивым зданием по-прежнему тянутся те же бетонные отсеки подвалов, где в первые дни войны шла эта удивительная трагическая борьба, не менее упорная и стойкая, чем борьба героического гарнизона Брестской крепости.

ПОСЛЕДНИЕ

К 1 июля было разбито и рассеяно главное ядро защитников центральной цитадели — группа капитана Зубачева и полкового комиссара Фомина.

Несколькими днями позже в отчаянной попытке вырваться из кольца осады погибли или попали в плен бойцы группы Бытко и Семененко, и оба командира оказались в фашистской неволе.

Иной план прорыва возник у старшего лейтенанта Потапова, который со своими бойцами продолжал удерживать Тереспольские ворота и отбивать атаки автоматчиков с Западного острова. Потапов понял, что попытка прорыва на север неизбежно потерпит неудачу: противник ожидал атак именно в этом направлении и стянул туда свои главные силы. Зато гитлеровцы совсем не ожидали, что осажденные попробуют прорваться на запад или на юг, и оставили там лишь незначительные заслоны. Этим и решил воспользоваться командир, намереваясь вырваться со своей группой через мост на Западный остров,

а затем переплыть рукав Буга, выйти на соседний Южный остров, в район госпиталя, и оттуда пробираться в сторону Южного военного городка Бреста, где перед войной стояли наши танковые и артиллерийские части,— старший лейтенант надеялся, что танкисты еще продолжают драться в этом городке.

После одного из очередных ультиматумов, когда защитникам центральной крепости было дано «на размышление» полчаса и артиллерия противника на это время прекратила обстрел, Потапов с оставшимися в живых бойцами перебежал в помещение казарм, примыкающее к Тересподьской башне. В ту самую минуту, когда срок ультиматума истек и немцы с новой силой принялись обстреливать центр крепости, раздалась команда. Разом выскочив из окон на берег Буга, все бросились через мост и по протянувшейся рядом с ним дамбе на Западный остров. Бойцы бежали без единого выстрела, и враги не сразу заметили эту атаку. А когда они спохватились и их пулеметы ударили по мосту и дамбе, большая часть людей Потапова уже успела скрыться в зарослях Западного острова, быстро пробираясь сквозь чащу кустарника на юго-восток. Несколько минут спустя, прорвавшиеся вышли к рукаву реки, отделяющему Западный остров от Южного, и, не останавливаясь, пустились вплавь.

И в этот момент откуда-то из кустов противоположного берега по воде ударили немецкие пулеметы. Вода Буга закипела под пулями, и плывущие люди один за другим скрывались под водой. А на том берегу в кустах уже замелькали фигуры автоматчиков и солдат с собаками. Большинство бойцов Потапова погибло в реке. Лишь некоторым удалось достигнуть берега, но многие из них тут же попали в руки врага. А те, кто еще не успел броситься в реку, тотчас же повернули назад и побежали обратно к мосту и дамбе, стремясь вернуться в крепость, где еще можно было продолжать борьбу.

И борьба продолжалась, несмотря на то что главные группы защитников центральной цитадели перестали существовать как организованное целое. Только характер этой борьбы изменился. Уже не было единой обороны, не было постоянного взаимодействия и связи между отдельными группами обороняющихся. Оборона как бы распалась на множество мелких очагов сопротивления, но само сопротивление стало еще упорнее и ожесточеннее. Люди поняли, что вырваться из кольца осады им не удастся. Оставалось одно: держаться во что бы то ни стало, драться до тех пор, пока не придут на помощь свои с востока, либо до тех пор, пока будешь не в силах держать оружие.

Солдаты и офицеры противника с удивлением видели это совершенно непонятное, необъяснимое для них упорство последних защитников цитадели. На что они надеются, что поддерживает их силы? Такие вопросы жители Бреста нередко слышали от германских офицеров и солдат, участвовавших в боях за крепость.

— Их так трудно взять в плен,— говорил однажды немецкий офицер группе наших женщин.— Когда нет патронов, они бьют прикладами, а если у них вырвут винтовку, кидаются на тебя с ножом или даже с кулаками.

Все это казалось невероятным. Убитые советские бойцы и те немногие, которые живыми попадали в плен, были до предела истощены. Пленные шатались от голода и выглядели какими-то ходячими скелетами. При виде этих живых мертвецов трудно было поверить, что они в состоянии держать оружие, стрелять и драться врукопашную. Но такие же, как эти пленные, измученные, истощенные люди продолжали борьбу в крепости — стреляли, бросали гранаты, кололи штыками и глушили прикладами дюжих автоматчиков отборных штурмовых батальонов 45-й немецкой дивизии. Что давало им силы — это было непостижимо для врага.

Да, силы их были на исходе! Защитники крепости с трудом держали в руках оружие, с трудом передвигались. И только неистовая, сжигающая сердце ненависть к врагу поддерживала их в этой борьбе, перешедшей уже за грань физических сил человека. Длинная череда страшных дней, проведенных среди огня и смерти в кипящем котле Брестской крепости, была для каждого из них школой ненависти. На их глазах в огне, под бомбами и снарядами гибли беззащитные женщины, маленькие дети, умирали, сражаясь, их боевые товарищи. Этого нельзя было забыть, как нельзя было забыть ночь на 22 июня, когда неожиданное нападение фашистских полчищ разом смяло и растоптало жизнь каждого из них. Столько неудержимой, яростной ненависти к убийцам в зеленых мундирах скопилось за эти дни в душах бойцов, что желание мстить стало сильнее голода, жажды, физического истощения.

Добр и даже благодушен по своему характеру наш человек, и нелегко наполнить его сердце ненавистью. Это неизбежно сказывалось в начальный период войны. Понадобились месяцы, чтобы в наших отступавших войсках, во всей армии и во всем народе люди поняли, с каким невыразимо жестоким и опасным врагом они имеют дело, какая страшная угроза нависла над судьбой Родины, над всем будущим нашей страны. И тогда в душах людей родилась и накопилась та благородная

ярость, ненависть, без которой невозможна была бы победа и утолить которую мог только полный и окончательный разгром врага.

Те, которые сражались в Брестской крепости, прошли эту школу ненависти не за месяцы, а за дни и недели — такой концентрированной, неистовой, бешеной была их короткая война. И в этом чувстве ненависти, как в жарком, злом пламени, сгорело все мелкое, личное, свое, что было в душах людей, и осталось одно, самое важное и главное, — та смертельная и до конца непримиримая борьба с врагом, в которой они стали первыми воинами своего народа. Рядом с этой борьбой и ее возможным трагическим исходом собственная жизнь казалась уже неважной, недостойной особой заботы. Эти чувства станут ясными, стоит только задуматься над несколькими словами, выпарапанными неизвестным защитником крепости на стене каземата: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII—41».

Посмотрите — здесь нет подписи. Он не думал, этот умирающий солдат, о том, чтобы оставить истории свое имя, донести сквозь годы свой подвиг до потомства, быть может, до близких, родных ему людей. Он, видимо, вообще не думал ни о подвиге, ни о героизме. Почти месяц тут, в адовом огне Брестской крепости, он был простым «чернорабочим» войны, рядовым бойцом первого рубежа Отчизны, и в час смерти ему захотелось сказать ей, своей Родине, что он сделал для нее самое большее, доступное человеку и гражданину, — отдал жизнь в борьбе с ее врагами, не сдавшись им.

Сколько гордости, не хвастливой, а величавой, полной высокого достоинства и спокойной скромности безвестно погибающего, вложил он в свое «Я умираю, но не сдаюсь!». Пусть начал он со слова «я», но ведь это «я» — безымянное. Даже для самого себя он уже был не столько личностью, человеком с именем и фамилией, с собственной биографией, сколько маленькой частицей, атомом этой яростной борьбы, как бы человеческим кирпичом в стене старой русской крепости, ставшей на пути врага. И поистине удивительно звучит это безличное «я», с такой простотой уходящее в небытие.

А его «Прощай, Родина!»... Вслушайтесь в эти два слова! В них и отчаянно упорный возглас сраженного, но непобежденного борца, и как бы невольный тихий вздох, полный тоски преждевременного ухода из жизни, и пронзительный крик боли за судьбы родной страны, — ведь он не знает и не узнает никогда, что происходит с ней там, на востоке. И не матери, родившей и вскормившей его, не любимой жене, не детям, если они у него были, посылает он свой последний привет.

Умирая, он произносит то слово, что выше и шире всех других, что вмещает в себя и человека, и семью, и его прошлое, настоящее и будущее,— бесконечно дорогое слово «Родина». Так в короткой этой надписи, сейчас хранящейся в музее, как бы настежь распахнулась перед нами великая и простая душа нашего народа.

А маленький эпизод, однажды рассказанный мне защитником крепости Александром Ребзуевым, показывает всю силу бесконечной ненависти, которая одна давала необъяснимую энергию последним героям Брестской обороны.

Ребзуев попал в плен при разгроме группы Фомина. Его и нескольких других бойцов не сразу отправили в лагерь, а продержали с неделю в сараях за Бугом. Когда стрельба в центральной крепости стала немного затихать, видимо после того, как прекратила свое существование группа Потапова, пленных повели под конвоем в район Тереспольских ворот — убирать трупы.

Их вели через Западный остров, и они слышали неподалеку стрельбу,— вероятно, еще продолжали драться пограничники. В центре крепости перестрелка вспыхивала то здесь, то там, но около Тереспольских ворот как раз было затишье.

Их ввели в глубокие ворота, и они увидели, что в самой середине этого сводчатого туннеля, прочного и надежного, как убежище, поставлен у стены большой стол с расстеленными на нем топографическими картами и с полевым телефоном. Над картами склонились трое или четверо гитлеровских офицеров, а один громко кричал в телефонную трубку.

Но прежде всего пленным бросилось в глаза другое. Перед каждым из офицеров стояла походная стопка, а в центре стола белела еще почти полная большая литровая бутылка с надписью «Московская водка». И Ребзуев рассказывает, что именно это слово «Московская» вдруг отозвалось в сердце тяжелой болью и тоской. Нестерпимо унизительным казалось видеть перед хохочущими, полупьяными фашистами надпись «Московская», будто тем самым было грязно оскорблено само слово «Москва», сейчас особенно святое для этих попавших в руки врага людей.

Наверно, и товарищи Ребзуева чувствовали то же самое. Рядом с ним в группе пленных шел боец, такой же исхудавший, заросший щетиной, грязный и оборванный, как и все. Он был из другого полка, и Ребзуев не знал его фамилии. Но, видимо, столько ненависти против врага скопилось в душе этого человека, что картина пиршества гитлеровцев была последней каплей, переполнившей чашу.

— Ты смотри!.. Сволочи!.. — тихо сказал он, толкая Ребзуева.

Один из офицеров, насмешливо поглядывая на пленных, что-то сказал другим, и те захохотали.

— Нет!.. — вдруг услышал Ребзуев шепот своего соседа. — Пусть убьют... Я им покажу «Московскую»!..

Мгновенным, почти незаметным движением боец нагнулся, схватил валявшийся на земле обломок кирпича и с силой запустил его туда, где сидели немцы. Раздался звон разбитого стекла, бутылка разлетелась на осколки, водка залила карты, а офицеры испуганно вскочили с мест и, крича, схватились за пистолеты. Сзади подбежал конвоир, прогремела короткая очередь, и боец упал около стола.

Град побоев обрушился на остальных пленных. Их заставили поднять тело убитого, вынести из туннеля ворот и бросить на берегу Буга. Ребзуев вспоминает, что на мертвом лице бойца была усмешка, спокойная и презрительная усмешка победителя, а не побежденного. А за воротами, во дворе цитадели, уже вновь разгоралась стрельба.

День за днем, методично и последовательно немецкая артиллерия и отряды автоматчиков гасили последние очаги сопротивления в крепости. Но происходило нечто непонятное: эти очаги оживали вновь и вновь. Из подвалов казарм и домов, из глубоких темных казематов в толще земляных валов то здесь, то там вновь раздавались пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, и кладбище 45-й гитлеровской дивизии в Бресте продолжало расти и шириться. Казематы и подвалы тщательно обыскивали, в домах, где оборонялись советские бойцы, помещения взрывали одно за другим, но спустя некоторое время стрельба возобновлялась из развалин. Отдельные группы бойцов пробирались на участки, где немцы давно считали себя хозяевами, и пули настигали фашистов в самых неожиданных местах. Защитники крепости спускались в глубокие подземелья и по неизвестным немцам подземным ходам покидали занятые врагом участки крепости, продолжая борьбу уже на другом месте.

Еще 8 июля командование 45-й дивизии послало вышестоящему штабу донесение о взятии крепости, считая, что оставшиеся очаги сопротивления будут подавлены в ближайшие часы. Но уже на следующий день число этих очагов увеличилось и стало ясно, что борьба затянется.

Продолжали драться группы бойцов в западном секторе казарм и в подвалах 333-го полка, и вся эта часть Центрального острова оставалась недосягаемой для врага. На Западном острове еще раздавались пулеметные очереди и выстрелы по-

граничников. В северной части крепости продолжал стрелять дот у Западного форта, и отчаянно дрались у восточных ворот последние оставшиеся в живых артиллеристы во главе с Нестерчуком и Акимочкиным. В одном из казематов внутри северного вала засело несколько стрелков, которыми командовал политрук Венедиктов. Немцы забрасывали этот каземат гранатами, но бойцы хватали на лету немецкие гранаты и кидали их во врагов.

Кто же были последние защитники Брестской крепости и как они погибли? Мы не знаем этого и, быть может, и не узнаем никогда. Говорят, что борьба продолжалась еще долго и группы советских бойцов и командиров скрывались в глубоких подземных убежищах, подстерегая врагов. Фашисты опасались ходить в одиночку по уже занятой ими крепости. Как рассказывали потом гитлеровские офицеры жителям Бреста, германское командование отдало приказ затопить эти подземелья водами Буга. Так, непокоренными, погибли последние герои Брестской крепости.

Мы даже не знаем дня, когда это произошло, когда прозвучал в Брестской крепости последний выстрел и закончилась ее удивительная оборона.

Как вы помните, в немецком донесении, которое было захвачено в 1942 году на фронте в районе Орла, говорилось, что крепость сопротивлялась девять дней и пала к 1 июля. Позднее выяснилось, что борьба продолжалась гораздо дольше, а потом на стене казармы нашли надпись, датированную 20 июля,— доказательство того, что на двадцать девятый день обороны защитники крепости еще вели бой. Впоследствии оказался в живых майор Гаврилов, который попал в плен только 23 июля, то есть на тридцать второй день войны. Но и он не был последним защитником крепости. Борьба продолжалась и после этого.

Несколько лет назад мне пришлось случайно встретиться в Москве с научным сотрудником Института психологии Академии педагогических наук Федором Николаевичем Шемякиным.

Ф. Н. Шемякин в годы войны работал в политотделе армии генерала Горбатова. Он вспоминает, что в 1943 году, когда эта армия находилась в районе Орла или Брянска, в политотдел как-то принесли пачку документов, захваченных в одном из штабов разгромленной дивизии противника.

Разбирая бумаги, Ф. Н. Шемякин, который хорошо знает немецкий язык, обратил внимание на небольшую папку — в ней были подшиты документы о боях в Брестской крепости

в 1941 году. Он совершенно ясно помнит, что в этих документах шла речь о пяти с половиной неделях борьбы. По его словам, в папке были собраны донесения противника, датированные концом июля и началом августа, и в них содержалось много интересных и важных подробностей героической обороны. Затем следовали протоколы допросов наших бойцов и командиров, захваченных в плен в Брестской крепости. Ф. Н. Шемякин говорит, что тогда, читая эти протоколы, он удивлялся мужеству и достоинству, с каким держались наши люди перед лицом врага на допросах.

Наконец, в папке был подшит акт, составленный группой немецких военных врачей, которым командование противника поручило обследовать трупы, найденные в последнем крепостном каземате, продолжавшем сопротивление. Гитлеровские врачи констатировали, что защитники этого каземата последними патронами покончили с собой, не желая сдаваться в плен.

Тогда же я принял меры, чтобы найти эти важные документы, и генерал-полковник А. П. Покровский, который очень много помогал мне в моих изысканиях по Брестской крепости, приказал организовать самые тщательные поиски в наших военных архивах. К сожалению, обнаружить эту папку не удалось. Она, видимо, либо пропала во время войны, либо находится сейчас где-то в неизвестном нам месте. Остается надеяться, что когда-нибудь эти документы или их копии будут все же найдены.

Кстати, срок в пять с половиной недель, о котором, по словам Ф. Н. Шемякина, говорилось в немецких документах, согласуется и с показаниями многих очевидцев обороны — жителей Бреста и окрестных деревень. Они утверждают, что бои в крепости продолжались до самых последних дней июля или до первых чисел августа 1941 года. Есть и другие подтверждения этого.

В конце ноября 1956 года я получил письмо из далекой деревни Кожла-Сола Казанского района Марийской автономной республики. Мне писал бывший учитель, а сейчас колхозный пчеловод Игнатий Васильевич Иванов. Он не был защитником Брестской крепости, но в начале июля 1941 года в составе группы раненых красноармейцев попал в гитлеровский плен близ Минска и был отправлен в лагерь Бяла Подляска. Там-то и произошла встреча, которая навсегда запомнилась ему. Для большей точности я дословно привожу здесь часть его письма.

«В конце июля 1941 года,— пишет И. В. Иванов,— я попал в 307-й концлагерь, который находился примерно в 30—50 километрах от города Бреста.

Сюда в последние дни июля — не то 30-го, не то 31-го числа (точно не помню, но в один из этих дней) — привезли четырех человек из Брестской крепости. Привезли их в лагерь после полудня, к вечеру. Поместили их отдельно, в специальный блок, находившийся через один пустой блок от нас. Поэтому разговаривать нам с ними было трудно, так как расстояние превышало 50 метров. Их продержали в этом блоке недолго, всего несколько часов. Но мы успели узнать от них кое-что.

Вот что нам удалось услышать от этих четырех защитников Брестской крепости.

Они сказали нам, что попали в этот лагерь прямо из крепости, где они больше месяца вели бой. Все имели по несколько ранений. Последняя их попытка вместе с другими уйти к Бугу не удалась. Это было примерно 26—27 июля. После этого они почти двое суток держались и вели бой, пока имелись патроны. Потерявшие возможность сражаться, уже фактически безоружные, они вынуждены были уйти в подземные казематы. Немцы через каждые два часа предлагали им сдаваться, но эти товарищи отвечали пением «Интернационала». Так продолжалось больше суток.

В тот самый день, когда их привезли в лагерь, гитлеровцы пустили в подземелья Брестской крепости отравляющие вещества — газы. Дышать стало нечем. Тогда защитники крепости решили выйти и принять смерть, стоя под солнцем. С пением «Интернационала» они вышли из каземата. Их встречала большая вооруженная группа немецких солдат и несколько офицеров. Несмотря на пение «Интернационала», немцы по нашим воинам не стреляли.

Пораженные мужеством израненных, голодных и еле державшихся на ногах людей, немцы молчали. Один из офицеров, видимо старший, снял каску перед защитниками крепости, и все солдаты, как по команде, последовали примеру своего начальника — почтили верность воинскому долгу наших воинов снятием каски.

Эти четверо были доставлены в наш лагерь в день их пленения.

Примерно через три часа их увели, но куда, я лично не видел. От себя скажу, что вид их был ужасен. Они все были оборванные, с окровавленными, грязными повязками, худые и обросшие щетиной. Все время кашляли и вытирали глаза, — видимо, сказывалось действие газов. Ослабели они настолько, что еле стояли на ногах, поддерживая друг друга.

Встреча с этими героями произвела сильное впечатление на нас, пленных, а тем более на меня. Дело в том, что я до

войны принимал участие в строительстве дотов около Брестской крепости. Поэтому места эти мне были знакомы, и встречая в немецком плену с людьми, защищавшими больше месяца эту крепость, глубоко взволновала меня.

Больше я их, к сожалению, не встречал и о них ничего не слышал. Наверно, их вскоре перевели в другой лагерь».

Таково свидетельство И. В. Иванова. Должен сказать, что мне и до того приходилось слышать от бывших пленных лагеря № 307 о какой-то группе героев крепости, доставленных туда в конце июля, хотя тогда это были лишь смутные и неопределенные слухи.

Но были ли эти четверо бойцов последними защитниками крепости?

Участник обороны, а сейчас пенсионер Николай Сергеев в 1943 году встретил на фронте старшину Звонкова, который сражался в крепости до первых чисел августа. Последние дни он с двумя товарищами прятался в нашем подбитом броневике на Центральном острове. Все трое были ранены, и товарищи Звонкова вскоре умерли от ран. Старшина наблюдал за немцами сквозь смотровую щель и выжидал момент, чтобы покинуть свое убежище и попытаться выйти из крепости.

Однажды он видел, как около Холмских ворот цитадели была построена во дворе рота гитлеровцев. Вероятно, фашистские солдаты собрались получать награды: перед строем стояло несколько офицеров и один держал в руках коробочки с орденами, а другой читал какой-то приказ. И вдруг позади строя из окон полуразрушенного здания казарм 84-го полка прогремела длинная автоматная очередь. Офицер, читавший приказ, и пять-шесть солдат упали убитыми, а остальные с криками разбежались, беспорядочно стреляя по развалинам. Тотчас же автоматчики бросились внутрь казарм, но был ли пойман тот, кто стрелял, Звонков уже не знал. В ту же ночь он сумел незаметно вылезти из броневика, кое-как добрался до города и нашел приют у местных жителей, а позднее ему удалось перейти линию фронта.

Один из жителей Бреста передал мне рассказ какого-то участника обороны, фамилию которого он уже, к сожалению, не помнил. Этот боец, как и Звонков, впоследствии пробравшийся в город, в первых числах августа тоже прятался в уже захваченной врагом центральной крепости, но не в броневике, а в одном из подвалов на территории 333-го полка. Он наблюдал за немцами через подвальное окошко и однажды стал свидетелем подвига неизвестного защитника крепости.

Как-то днем десятка три немецких автоматчиков строем

шли вдоль казарм, направляясь к Тереспольским воротам. Они уже поворачивали в туннель ворот, как вдруг в самой середине этого отряда раздался сильный взрыв, разметавший в разные стороны солдат. Вслед за тем с верхушки разрушенной Тереспольской башни на камни двора кинулся человек в красноармейской гимнастерке и остался лежать бездыханным среди трупов гитлеровцев, убитых взрывом. Неизвестный герой подстерег врагов, бросил в них, по-видимому, связку гранат и, дорого продав свою жизнь, покончил с собой.

Житель соседней с крепостью деревни Котельня-Подгорская, Григорий Самолук, рассказал мне о какой-то группе героев, сражавшихся в здании бывшей церкви на Центральном острове. Как известно, эта церковь в ходе боев несколько раз переходила из рук в руки, но говорят, что в начале августа туда снова пробрались наши бойцы с пулеметом и вели долгий бой с гитлеровцами, пока все не погибли. Самолук слышал от немцев, что это был последний очаг сопротивления в центре цитадели, и видел своими глазами останки героев, когда глубокой осенью оккупанты пригнали его с другими колхозниками убирать территорию крепости.

По его словам, наверху, в развалинах церковной башни, еще стоял тогда станковый пулемет «максим», направленный в сторону Тереспольских ворот, а рядом лежали трупы семейных бойцов с зелеными петлицами пограничников на гимнастерках. Гитлеровцы, раздраженные упорным сопротивлением этой группы, не разрешали хоронить погибших, и стаи ворон копошились над мертвецами. А внизу, там где когда-то был церковный алтарь, крестьяне увидели еще один полусгнивший труп советского бойца. Он сидел, прислонясь к стене, около него валялся разбитый автомат, а над его головой на штукатурке была выцарапана надпись: «Погибаю за Родину!»

До сих пор среди жителей Бреста и ближних деревень ходят удивительные рассказы о том, что даже несколько месяцев спустя, после того как гитлеровцы полностью овладели крепостью, отдельные советские бойцы и командиры скрывались в крепостных казематах и подземельях и по ночам на развалинах еще иногда раздавались выстрелы. Кое-кто из местного населения вспоминает, что зимой 1941/42 года, когда немцы сгоняли людей в крепость разбирать развалины, они порой видели перебегающие из каземата в каземат, от подземелья к подземелью фигуры в изодранной красноармейской одежде. И чья-то рука не раз писала на полуразрушенных крепостных стенах грозные слова: «Смерть немецким оккупантам!»

Еще более удивительную историю передает участник обороны крепости, бывший старшина 84-го полка Александр Дурасов, живущий сейчас в городе Могилеве в Белоруссии.

Старшина Дурасов, раненный в боях за крепость, попал в плен и находился несколько месяцев в гитлеровском лагере под Брестом. Весной 1942 года, когда рана его зажила, он был послан в город и зачислен в рабочую команду, обслуживавшую немецкий госпиталь.

Вместе с военнопленными в этой команде работала и группа евреев из созданного фашистами гетто. В отличие от пленных, евреи ходили без конвоя, хотя и терпели не меньше издевательств со стороны оккупантов и их прислужников. В составе группы из гетто был один музыкант-скрипач, игравший до войны в джазе брестского ресторана.

Однажды — это было, как вспоминает Дурасов, в апреле 1942 года — скрипач опоздал часа на два на работу и, когда пришел, с волнением рассказал товарищам о том, что с ним случилось. Он шел по дороге, направляясь к госпиталю, как вдруг его обогнала немецкая военная машина, в которой сидел какой-то офицер. Машина резко затормозила впереди него, и гитлеровец подозвал скрипача.

— Садись! — приказал он, открывая дверцу.

Музыкант сел, и автомобиль помчался в крепость. Они приехали на Центральный остров и, судя по тому, как объяснил Дурасову скрипач, остановились где-то в расположении 333-го полка.

Там, среди развалин, в земле была пробита широкая дыра, уходящая куда-то глубоко вниз. Вокруг нее с автоматами наготове стояла группа немецких солдат.

— Спускайся туда! — приказал скрипачу офицер. — Там, в подземелье, до сих пор скрывается один русский. Он не хочет сдаваться и отстреливается. Ты должен уговорить его выйти наверх и сложить оружие — мы обещаем сохранить ему жизнь. Если ты не уговоришь его — можешь не возвращаться: я застрелю тебя.

Музыкант с трудом спустился вниз и попал в неширокий и темный подземный ход. Он двинулся по нему, вытянув вперед руки, и, боясь, чтобы неизвестный не застрелил его, все время громко повторял, кто он и зачем идет.

Внезапно гулко ударил выстрел, и перепуганный скрипач упал ничком на сырой пол подземелья. К счастью, пуля не задела его. И тут же он услышал доносившийся откуда-то издали слабый голос.

— Не бойся, иди сюда, — говорил неизвестный. — Я вы-

стрелил просто в воздух. Это был мой последний патрон. И я сам решил выйти — у меня уже давно кончился запас пищи. Иди и помоги мне.

Скрипач поднялся на ноги и двинулся вперед. Вскоре он наткнулся на человека, сидевшего у стены. Обхватив руками музыканта, неизвестный с трудом встал, навалился ему на плечо, и оба медленно пошли к выходу.

Когда они кое-как выкарабкались наверх, последние силы оставили незнакомца, и он, закрыв глаза, изнеможенно опустился на камни развалин.

Гитлеровцы, стоя полукругом, молча, с любопытством смотрели на него. Перед ними сидел невероятно исхудавший, заросший густой щетиной человек, возраст которого сейчас было невозможно определить. Нельзя было также догадаться о том, боец это или командир, — вся одежда на нем висела лохмотьями.

Видимо не желая показать врагам свою слабость, неизвестный сделал усилие, чтобы встать, но тут же упал на камни. Офицер бросил приказание, и солдаты поставили перед ним открытую банку с консервами и печенье, но он не притронулся ни к чему. Тогда офицер спросил его, есть ли еще русские там, в подземелье.

— Нет, — ответил неизвестный. — Я был один, и я вышел только для того, чтобы своими глазами посмотреть на ваше бессилие здесь, у нас, в России. Я выпустил свой последний патрон в воздух, но расстрелять меня вы не посмеете.

По приказанию офицера музыкант перевел ему эти слова пленного. И тогда офицер, обращаясь к своим солдатам, сказал:

— Этот человек — настоящий герой. Учитесь у него, как нужно защищать свою землю. Его воля победила смерть, голод и все лишения, и это великий подвиг солдата.

После этого офицер приказал одному из солдат вывести музыканта за пределы крепости, и дальнейшая судьба пленного так и осталась неизвестной.

Услышав от А. И. Дурасова эту историю, я, естественно, попытался найти следы скрипача. Это было не слишком трудно: Дурасов говорил, что у музыканта было бельмо на глазу и он заметно прихрамывал. Человека с такими характерными приметами могли помнить многие старожилы Бреста.

Я решил обратиться за советом к моему старому знакомому — музыканту из брестского ресторана, Сергею Кондратюку, который когда-то помог мне в розысках Петра Клыпы.

Опять я отправился вечером в уже новый, недавно построенный ресторан «Буг», где теперь играл на аккордеоне Кон-

дрятюк. И как только я описал наружность скрипача, аккордеонист тотчас же вспомнил этого человека. Он даже сказал мне, что их было два родных брата — оба музыканты — и что со скрипачом он не раз играл вместе в оркестрах. Фамилию его Кондратюк уже не помнил, он обещал узнать ее у своих знакомых — музыкантов. Через два дня он сообщил мне эту фамилию. Скрипача звали Залман Ставский. Его помнили в городе многие, и кое-кто даже вспоминал его рассказ о том, как он выводил из подземелья неизвестного героя крепости. Но самого Залмана Ставского уже давно не было на свете: его расстреляли гитлеровцы вместе с тысячами других евреев из брестского гетто в 1942 году.

Таким образом, эта ниточка безнадежно оборвалась. Кто был этот последний герой, прошедший десять месяцев в подземельях Брестской крепости, как жил и боролся он это время и что случилось с ним впоследствии? Быть может, когда-нибудь удастся что-либо узнать из немецких документов. Быть может, все это навсегда останется тайной. Но тайна эта полна той же величавой трагической героики, что и вся похожая на легенду оборона Брестской крепости, только сейчас открывающая перед нами свои волнующие загадки.

Много загадок до сих пор хранят развалины Брестской крепости. Там, под камнями, еще можно найти останки героев, их оружие и документы, там, в засыпанных подвалах, лежат зарытые или замурованные в стенах боевые знамена некоторых полков. В настоящее время нам известны даже люди, которые в дни боев собственноручно зарывали или замуровывали эти знамена. К сожалению, пока поиски дали результат лишь в одном случае, о котором я расскажу дальше. Большинство полковых знамен до сих пор найти не удастся. Еще не вскрыты многие крепостные подземелья и подземные ходы, которые, по слухам, в разных местах проложены под крепостной территорией. Нет сомнения, что постепенно из-под развалин извлекут новые документы и предметы времен обороны, и они будут храниться в наших музеях как дорогие сердцу народа реликвии — свидетельства мужества и героизма легендарного гарнизона.

ВРАГ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

Я уже говорил о том, с каким невольным уважением писали штабные офицеры 45-й пехотной дивизии немцев о стойкости и упорстве защитников крепости в своем «Боевом донесении о занятии Брест-Литовска». И до сих пор во многих

выходящих на Западе книгах— воспоминаниях бывших гитлеровских генералов, офицеров и солдат об их трагическом Восточном походе — говорится о Брестской обороне, причем все, кто об этом пишет, отмечают мужество и волю к борьбе крепостного гарнизона, которые тогда приводили немцев в недоумение и заставляли порой задумываться об исходе восточной авантюры фюрера.

Упорное сопротивление Брестской крепости, неожиданные для врага значительные цифры потерь, понесенных полками 45-й дивизии на берегах Буга, были своего рода предзнаменованием для фашистских войск. Борьба у стен Бреста как бы заключала в себе роковое пророчество того, что произойдет в будущем на полях Подмоскovie, в приволжских степях, на Курской дуге, на разрушенных улицах Берлина.

Есть и другие красноречивые свидетельства врага о необычайной жестокости и упорстве боев за Брестскую крепость. В германских журналах и газетах летом и осенью 1941 года не раз печатались фотографии, сделанные фронтовыми репортажами, сопровождавшими части 45-й дивизии. Конечно, их целью было прославление побед немецкого оружия, но и по этим фотографиям видно, что каждый шаг врага в стенах крепости стоил ему очень дорого.

Солдаты, притаившиеся за гребнем земляного вала под огнем защитников цитадели. Солдаты, крадучись пробирающиеся через развалины или стремглав бегущие по открытому месту. Все это говорит о том, что здесь захватчиков повсюду подстерегает смерть, что метр за метром этой изрытой бомбами и снарядами земли им приходится брать с боя, платя за эти метры «большой кровью».

Но особенно интересны и полны значения немецкие кинодокументы о боях за Брестскую крепость. Кинооператоры были там вместе с войсками, и еженедельные выпуски германской кинохроники «Вохеншау» в какой-то мере отразили на экране события, происходившие в первые дни войны у стен Бреста.

Наши кинозрители, вероятно, помнят кинофильм «Бесмертный гарнизон», созданный режиссером З. Аграненко. В фильме есть кадр, который нельзя не запомнить, хотя он появляется на экране всего на 2—3 секунды. Снятая откуда-то сверху, с высоты, перед нами возникает Брестская крепость, вся в клубах густого дыма, в черных высоких фонтанах могучих взрывов, вздымающихся и опадающих здесь и там,— настоящий огненный котел, где, кажется, не может уцелеть ничто живое.

И не только обычный сегодняшний кинозритель, уже искусленный в «чудесах кино», но и многие профессионалы кинематографисты считают этот кадр кинофокусом — хитрой работой художника и оператора на макете. А между тем дело обстоит совсем иначе. Это документальный кадр, снятый гитлеровским кинооператором с самолета утром 22 июня 1941 года. Перед нами — настоящая Брестская крепость, настоящие взрывы снарядов и бомб, каждый из которых уносит десятки жизней наших бойцов, командиров, женщин и детей, оказавшихся там, среди этого огненного урагана.

И другие эпизоды боев за крепость встречаем мы во фронтовых выпусках «Вохеншау». Вот на склоне внешнего крепостного вала залегли автоматчики в касках. Они плотно вжались в землю и лишь изредка, выставив на гребень вала ствол автомата, чуть приподнимают головы и дают две-три короткие очереди. Чувствуется, что над их головами то и дело посвистывают пули защитников крепости. Вот из укрытия ведут огонь по крепостному двору гитлеровские минометчики. Вот идет, осторожно пригнувшись, вдоль полуразрушенной стены какого-то строения солдат с ранцевым огнеметом за спиной. Огненная струя лижет грудь камней — там может скрываться советский боец. Немцы, видно, уже привыкли к тому, что в них стреляют из-за каждого камня, из каждой воронки. Вот перебегают под стеной уцелевшего здания несколько автоматчиков — это бой в расположении 125-го полка, куда прежде всего прорвались солдаты противника. А вот, видимо в момент затишья, над одним из крепостных домов поднимают флаг со свастикой. Ничего, это ненадолго — известно, что защитники крепости не раз сбивали с крыш метким огнем фашистские флаги. А немецкий диктор, комментируя все эти кадры, говорит о «бессмысленном», «фанатическом» сопротивлении большевиков.

Однако самые интересные, пожалуй даже сенсационные, кадры немецкой кинохроники, посвященные Брестской крепости, удалось открыть лишь совсем недавно — летом 1964 года.

Надо сказать, что однажды я уже слышал, будто бы Гитлер в конце лета или в начале осени 1941 года посетил захваченную его войсками Брестскую крепость. Еще в дни нашей первой встречи в Ереване герой Бреста Самвел Матевосян рассказал мне, что, когда он находился в лагере для военнопленных в брестском Южном городке, ему однажды попала в руки немецкая солдатская газета, где сообщалось о поездке фюрера в крепость. Это известие меня заинтересовало, но проверить его не удалось — никто из других защитников кре-

пости, оставшихся в живых, не знал о таком факте. Я решил, что Матевосян что-нибудь слутал, и не придавал значения его рассказу.

Весь 1964 год я вместе с нашим известным кинорежиссером и оператором лауреатом Ленинской премии Романом Карменом работал над созданием большого кинофильма о второй мировой войне. Этот фильм, строго документальный, вышел на экран под названием «Великая Отечественная...». Чтобы отобрать для него материалы, нам пришлось просмотреть более миллиона метров кинодокументов военного времени — кадры, снятые советскими операторами на фронтах Великой Отечественной войны, гитлеровскую хронику, съемки операторов США, Англии, Франции, Японии и т. д.

Просмотры подходили уже к концу, когда нам позвонили из Государственного киноархива в Белых Столбах под Москвой и сообщили, что у них обнаружена еще одна коробка немецкой кинохроники, где среди прочего материала есть «сюжет», посвященный Брестской крепости. На другой день эта коробка была доставлена в наш зал, и мы приготовились посмотреть ее на экране.

«Сюжет» начинался с поездки Гитлера и Муссолини на Восточный фронт. Сначала мы увидели фюрера и дуче в самолете — видимо, в личной машине Гитлера. Они перебрасывались какими-то репликами и время от времени поглядывали вниз сквозь круглое окошко самолета.

И вдруг, вероятно снятая с того же самолета, перед нами появилась на экране дальняя панорама Брестской крепости с такими знакомыми мне по картам характерными очертаниями ее внешних валов. Крепость, возникнув всего на несколько мгновений, ушла под крыло самолета, и затем мы увидели уже посадку машины на полевом аэродроме. Окруженные большой свитой военных и штатских, среди которых можно различить Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Гитлер и Муссолини садятся в автомобиль и едут по пыльной дороге между двумя рядами солдат, неистово вытягивающих руки в фашистском приветствии и горланящих восторженное «Хайль Гитлер!». И вдруг впереди появляется широкая гладь реки и за ней — полуразрушенные крепостные стены с глубоким туннелем ворот. Эта река — Западный Буг, этот туннель — Тереспольские ворота Брестской крепости.

Машины фашистских диктаторов и их приближенных идут по уцелевшему в 1941 году мосту, соединявшему Западный остров с центром крепости, и останавливаются у Тереспольских ворот. Сквозь туннель фюрер и дуче проходят в крепостной двор. Они стоят, озираясь вокруг, любясь от-

крывшейся перед ними панорамой разрушения. Слева — груды камня и обезображенная коробка здания 333-го полка, прямо — развалины дома пограничников. Здесь все говорит о долгом и тяжком сражении.

Один из генералов почтительно показывает Гитлеру ряды крупнокалиберных пушек около ворот, и голос диктора поясняет, что эти орудия захвачены у большевиков тут, в крепости. Впрочем, это уж явное вранье — в самой крепости пушек такого калибра не было, и они, конечно, привезены сюда из окрестностей Бреста. Гитлер и Муссолини согласно кивают в ответ на объяснения генерала.

Видно, очень дорого заплатил враг за эти брестские развалины, видно, в штабе Гитлера хорошо знали, во что обошелся войскам штурм крепости, если оба диктатора, попав на Восточный фронт, прежде всего решили посетить старую цитадель над Бугом. Эти кадры как бы показывают нам сейчас значение Брестской обороны в цепи первых сражений Великой Отечественной войны.

Но они говорят и о многом другом.

С обычной своей надменной гримасой, тяжело поворачивает лицо с массивной челюстью Муссолини. И хотя он ничего не говорит, а молча смотрит, кажется, будто на его квадратной физиономии на момент появляется выражение озадаченности. Если здесь, на первом куске советской земли, было такое... то что же будет дальше?! Кто знает, не пробежал ли и в самом деле в это мгновение по спине дуче неприятный холодок дурного предчувствия, не мелькнула ли у него мысль о том, что стоящий рядом зловещий союзник и друг втянул его в слишком рискованную игру?

А Гитлер только самодовольно усмехается, разглядывая пушки. Он чувствует себя прочным хозяином этой изрытой взрывами, заваленной горами камня земли, где начался его поход на восток. Его войска уже за Смоленском, за Киевом, под стенами Ленинграда, он уже приказал готовиться к парадку на Красной площади и не сомневается в победе, которая кажется ему совсем близкой. И невдомек ему, что пройдут годы и, когда от него на земле не останется уже ничего, кроме имени, звучащего как страшное проклятье, к этим крепостным развалинам, около которых он сейчас стоит, тысячи и тысячи людей будут приходить как к самой дорогой святыне народной, обнажая головы перед памятью павших, класть живые цветы на мертвые камни, политые кровью героев, а сами слова «Брестская крепость» станут синонимом мужества и стойкости вооруженного гражданина гордой свободной страны, отстаивающего свою родную землю.

В этом поистине великая мудрость и справедливость людской истории, в этом как бы залог всей жизни человечества на земле: вечная и категорическая неизбежность победы правого и доброго дела над злом, каким бы сильным оно ни казалось сначала!

В НЕВОЛЕ

Что греха таить, многие из наших людей с явным сомнением относились к тому, что в довоенные годы писала печать о злодеяниях гитлеровцев. «Преувеличено! — с понимающей улыбкой говорили они. — Заостряется для пропаганды. Ведь это все-таки культурный народ — немцы. Не могут они так поступать». И называли имена великих мыслителей и поэтов, ученых и музыкантов, которых дала миру Германия, — Канта и Гегеля, Шиллера и Гёте, Баха и Бетховена.

Но при этом забывали ту обстановку и те исторические условия, в которых жила Германия в последние сто лет. Со времен Бисмарка немецкие учителя воспитывали в школах молодежь на идее военной силы, в стремлении к завоеваниям, в убеждении исключительности, превосходства Германии и немцев. Военная каста стала привилегированной в стране, военная истерия — знаменем правящих классов, и германские генералы и фельдмаршалы, все эти Шлиффены и Мольтке, Гинденбурги и Людендорфы, в угарном чаду парадов и маневров мало-помалу делали властителями дум и всей жизни своего народа. Одну за другой Германия развязывала завоевательные войны, все более истребительные и широкие по масштабам, и, хотя мировая схватка 1914—1918 годов принесла ей тяжелое поражение, немецкая военщина сумела использовать и его как трамплин для будущего нового прыжка, как горючий материал, чтобы разжечь в стране настроения реванша и возмездия.

Нет, фашистское безумие, на десятилетие с лишком охватившее Германию, не было просто трагической случайностью в истории этого народа. Отравленные семена гитлеризма упали в почву, заранее и глубоко распаханную германской военщиной. И из этих семян быстро выросла не только дурманная трава массового военного психоза, но и такие ядовитые растения — настоящие анчары XX века, — как зловещие гестапо, СС и СД. Сапогами штурмовиков были растоптаны многовековые достижения немецкой культуры, и в умственной жизни Германии наступил мрачный период, когда главной наукой сделалась позорная расовая теория, философия сводилась к

утверждению идеи грубой силы и безнаказанности сильного, юриспруденция — к обоснованию кулачного права, а вершиной поэзии и музыки стал бандитский гимн «Хорст Вессель». Самые звериные инстинкты развязал в людях гитлеризм, и, казалось, как новая черта характера нации, рядом с общеизвестной немецкой чувствительностью, сентиментальностью, в нелепом, противоречивом единстве с ней, явилась перед всем миром еще невиданная в истории бесчеловечная жестокость гитлеровцев, еще более страшная, чем средневековые ужасы, именно потому, что дело происходило в XX веке, с применением всех достижений новейшей науки, техники, промышленной организации.

Те, кто твердил об исконном немецком гуманизме, о традициях немецкой культуры, стали прозревать, по мере того как волна вражеского нашествия катилась все дальше по нашей земле. Эти потомки Канта и Гегеля, Гёте и Шиллера выгоняли на поле боя женщин и стариков, чтобы наступать за их спинами, кидали в огонь детей, пристреливали беспомощных раненых, медленной смертью уничтожали пленных, устраивали чудовищные по масштабам массовые убийства мирного населения, садистски пытали партизан, подпольщиков, коммунистов. С первых часов войны там, под Брестом, и во всех других приграничных районах наши люди увидели жестокое лицо своего врага, и окровавленная, выстраданная людьми правда о немцах Гитлера, передаваемая из уст в уста, полетела по всей стране.

Разглядели это злобное лицо врага и защитники Брестской крепости, разглядели даже раньше других. На их глазах ворвавшийся в санитарный отсек казармы немецкий танк с ревом вертелся по бетонному полу, кромсая гусеницами тела раненых товарищей. Они не раз видели из своих подвальных убежищ, как гитлеровцы избивают и пристреливают бойцов, попавших в плен, как отправленных из крепости женщин и детей ставят на колени перед наведенными пулеметами.

Но, только оказавшись в плену, они на своем собственном опыте до конца убеждались, как беспредельна и беспощадна жестокость врага. Плен начинался побоями, ударами прикладов по ребрам, сухой строчкой коротких автоматных очередей, которыми приканчивали тяжелораненых. Потом пленных выстраивали и вызывали из строя евреев, комиссаров и коммунистов. Тех, кто выходил сам или кого выдавали предатели, тут же, отведя в сторону, расстреливали. Расстреливали солдат с зелеными петлицами пограничников, расстреливали политработников, которых узнавали по звездочке, нашитой на ру-

каве гимнастерки. Иногда их умерщвляли не сразу, в мучениях.

Наши женщины, отправленные в плен защитниками крепости, вспоминают сцену, которую они видели, когда их вывели за крепостные валы. В стороне стояло несколько десятков пленных советских бойцов под охраной автоматчиков. Гитлеровцы заставили их стать тесным кругом и привели откуда-то избитого, окровавленного политрука. Они толкнули его в центр этой толпы, и несколько фашистских солдат принялись издеваться над политруком на глазах у наших бойцов. За их спинами женщинам не было видно, что с ним делали, но время от времени оттуда раздавались дикие вопли истязуемого, а стоявшие вокруг пленные так страшно и глухо стонали, глядя на пытки, что уже за этим угадывалась неописуемо жуткая картина.

А потом пленных собирали в длинные колонны и под усиленной охраной гнали в лагерь. Это был марш смерти, сошедший под треск автоматных очередей, — охрана пристреливала тех, кто выбился из сил, кто осмелился взять хлеб из рук крестьянки, выбежавшей на дорогу, кто замешкался, остановился, шагнул в сторону. И ощущение непоправимой беды, сознание безысходности и беспросветности будущего все сильнее охватывало людей.

Два больших лагеря для военнопленных устроили гитлеровцы в окрестностях Бреста. В такой лагерь был превращен огороженный теперь колючей проволокой и тщательно охраняемый Южный военный городок с его многочисленными кирпичными корпусами казарм. Главным же местом сбора пленных, куда доставляли сотни тысяч людей со всех фронтов, был так называемый лагерь № 307, находившийся на польской территории, в нескольких десятках километров за Бугом, близ местечка Бяла Подляска.

Это было просто обширное поле, разгороженное на клетки — «блоки» — колючей проволокой в два-три ряда. В каждой из таких клеток содержалось около тысячи узников. Если не считать дощатого барака, где помещался лагерный ревер — госпиталь — и домика канцелярии, то единственными строениями на поле были деревянные сторожевые вышки с пулеметами и прожекторами. В палящую жару и в дождь, а позднее и в осенние заморозки и под первым снегом пленные большей частью в одних гимнастерках, а порой только в белье круглые сутки оставались под открытым небом. Люди руками рыли в земле норы, наподобие звериных, и заползали туда. Но грунт на этом поле был песчаный, земля нередко оседала, и тогда истощенные, до предела обессилевшие узники уже не

могли выбраться наверх. Вдобавок солдаты охраны и лагерные полицаи, на вербованные из предателей, иногда нарочно топтались над этими норами, обваливая их и превращая в могилы, где люди оказывались заживо похороненными.

Тяжкую картину представлял этот лагерь. На огромном поле, над которым всегда стоял запах гнили и тления, в проволочных загонах копошились на земле сотни тысяч людей. Оборванные, немытые, одолеваемые полчищами вшей, кишевших прямо в песке, атакуемые тучами зеленых мух, вьющихся в воздухе, с грязными повязками на зачервивевших ранах, пленные сотнями гибли от болезней и истощения. Раз в день им давали по 150 граммов эрзац-хлеба с опилками и черпак мутного супа — баланды, которую варили из гнилой немытой брюквы или из грязной картофельной шелухи, чтобы вызвать желудочные заболевания. От дизентерии умирали прямо на поле, тифозных куда-то увозили навсегда. Расстрелы, избиения, издевательства, весь дикий режим этого лагеря служил одной цели — скорее уничтожить эти массы людей. А с фронтов на смену умершим и убитым в проволочные загоны доставлялись все новые партии узников. Здесь, на поле за Бугом, работал безостановочный конвейер смерти, мощная фабрика уничтожения.

Не лучшей была обстановка и в лагере Южного военного городка Бреста. Хотя пленные находились здесь в каменных корпусах, под крышей, условия их жизни почти ничем не отличались от условий в Бяла Подляске и смертность была тут такой же высокой.

В этих лагерях людей уничтожали не только физически, но и морально. Верные своей философии, гитлеровцы старались развязать в пленных самые низменные чувства — дать простор подлости, предательству, национальной розни.

Старательными помощниками фашистской охраны с первых же дней стали «хальбдойче» — полунемцы — и прямые предатели из числа украинцев, русских, белорусов. Они были не менее, а порою и более жестокими палачами, чем сами гитлеровцы, — ведь известно, что предатель идет дальше врага. Какие-то темные личности вертелись среди узников, стараясь выискать затаившихся коммунистов, комиссаров, евреев, заводили с пленными провокационные разговоры, чтобы потом выдать человека гестаповцам за лишнюю порцию хлеба, за дополнительный черпак баланды. Стремясь возбудить среди пленных национальную вражду, лагерное начальство создавало более легкие условия для украинцев или местных, западных белорусов и пыталось вербовать из них полицаев и провокаторов.

Их было не так много, этих прислужников врага, дешево продающих честь и совесть советского человека. Но они делали свое дело, насаждая в лагере атмосферу подозрительности и разобщения. Люди замыкались в себе, с недоверием относились друг к другу, скрывали свое прошлое, неохотно делились с товарищами мыслями и чувствами.

Защитникам Брестской крепости приходилось быть особенно осторожными. Гестапо вскоре начало выискивать среди пленных участников этой обороны. Видимо, гитлеровцы, встретив в стенах крепости такое яростное и долгое сопротивление, считали слишком опасными для себя бойцов и командиров, сражавшихся там. Поэтому люди скрывали свою принадлежность к крепостному гарнизону и на допросах говорили, что были захвачены в плен где-нибудь в окрестностях Бреста. Сами слова «Брестская крепость» стали ненавистными для врага.

Не помню, кто из защитников крепости рассказал мне историю, случившуюся уже в 1942 году в доме его родителей, живших в станице на Северном Кавказе. Когда станица была оккупирована, в дом, где оставалась только мать участника обороны, пришли на постой четверо немецких солдат. Рассматривая висевшие на стенах комнаты семейные фотографии, они обратили внимание на снимок, где был запечатлен молодой красноармеец. Женщина объяснила, что это ее сын. Кто-то из немцев, говоривший немного по-русски, спросил, где он теперь.

— Не знаю,— вздохнув, сказала мать.— Наверно, и в живых нет. Он перед войной был на самой границе — в Брестской крепости.

Немец перевел ответ своим товарищам. И тотчас же один из солдат, поблуднев от злости, кинулся на женщину и стал избивать ее, крича что-то. Трое других с трудом оттащили его, и он, ругаясь, ушел из дома. А остальные объяснили перепуганной матери, в чем дело. Этот солдат штурмовал Брестскую крепость в 1941 году, был тяжело ранен и теперь кричал, что все советские солдаты, дравшиеся там,— фанатики-большевики и что их родственников надо беспощадно расстреливать.

Как ни страшен был режим гитлеровских лагерей под Брестом, как ни старались фашистские палачи зверским обращением уничтожить в сердцах пленных всякую надежду, погасить всякую искру протеста и сопротивления, добиться этого им не удавалось. То и дело происходили побеги из лагерей. В Южном военном городке подряд несколько групп пленных бежали через канализационные колодцы, в Бяла Подляске

побеги были почти ежедневными — то по пути из лагеря на работу, то ночью, через все проволочные заграждения и препятствия.

Тех, кого удавалось поймать, казнили на виду у всего лагеря страшной казнью. Беглецов расстреливали, вешали, отдавали на растерзание собакам или помещали в клетку из колючей проволоки и заставляли умирать медленной смертью от голода и жажды.

Однажды троих бойцов, пойманных после побега, заживо сварили в котлах лагерной кухни.

Но даже эти изощренные злодейства не могли сломить воли пленных, задуть в них стремление снова вырваться на свободу и опять начать борьбу с врагом. Наоборот, чем больше свирепствовали гитлеровцы, тем острее становилось чувство ненависти к палачам, тем сильнее было желание мстить за погибших друзей, за все пережитое в этом аду. И наверно, именно такие чувства, победив недоверие и подозрительность, объединили пленных лагеря Бяла Подляска в подготовке массового побега, который произошел здесь осенью 1941 года.

Темной сентябрьской ночью несколько тысяч узников по сигналу кинулись на проволочные заграждения, набросили на них шинели и гимнастерки, перелезли через эти колючие препятствия под ярким светом прожекторов, под огнем пулеметов с вышек и ушли в ближайший лес. Большинство из них вскоре было поймано и расстреляно, многие погибли еще на проволоке, но кое-кому удалось скрыться. Говорят, что одним из главных организаторов этого массового побега был старший лейтенант Потапов, тот, что командовал важным участком обороны Брестской крепости в районе казарм 333-го полка. Уцелел ли он тогда или погиб под огнем пулеметов, остается неизвестным.

В наказание за этот побег пленных гитлеровцы несколько часов вели пулеметный огонь по территории лагеря. Сюда вызвали танки, и они из пушек стреляли по блокам, а потом вошли внутрь лагеря и гусеницами давили людей, укрывшихся в своих норах. Однако и эта расправа не помогла, и побеги не прекращались, вплоть до зимы, когда большинство выживших пленных было вывезено в другие лагеря.

Одни попали в бывшую польскую крепость Демблин, где рядом с земляным валом зимою 1941 года возник другой, такой же высокий вал из мертвых тел, которые не успевали хоронить. Других послали в Седлец, в Краков или на территорию самой Германии — в Хаммельсбург и Эбензее, под Мюнхен или Бремен.

Но где бы ни оказывались герои Бреста, они проносили с

собой через плен дух борьбы и сопротивления — тот неукротимый дух советского воина, каким была проникнута легендарная оборона крепости.

Немногим удавалось бежать из плена, и они шли к фронту или находили в лесах Белоруссии отряды народных мстителей — партизан. Так бежал и сражался в партизанском отряде близ Бреста боец 333-го полка Иван Бугаков. Так, сумев вырваться из лагеря, стал партизанским подрывником на железных дорогах защитник крепости Федор Журавлев. Так, позднее, бежав к партизанам Югославии, воевал вместе с ними один из пограничников Кижеватова — Григорий Еремеев. Другие были менее счастливыми — побег им не удался. Но и в лагерях, порою даже в самых жутких, герои Брестской обороны искали и находили возможность бороться. Бывший политрук Петр Кошкарров, ближайший помощник комиссара Фомина и капитана Зубачева, исполнявший обязанности начальника штаба сводной группы в центральной крепости, попав в лагерь Хаммельсбург под фамилией Нестеров, стал одним из руководителей подпольной коммунистической организации. Участник обороны Николай Кюнг, сражавшийся с бойцами полковой школы 84-го полка на Южном острове крепости, очутился в лагере смерти — Бухенвальде, нашел там единомышленников и был в числе организаторов Интернационального подпольного комитета, подготовившего восстание заключенных весной 1945 года.

Они боролись, герои Бреста, при всех условиях, в любой обстановке. Поистине их девизом были те слова, которые однажды видел на стене тюремного карцера военнопленный П. Артюхов из Донбасса, сообщивший мне обо этом в своем письме. Брошенный после допроса в карцер, он при свете, чуть проникавшем в маленькое подвальное оконце, прочитал на серой бетонной стене бурю надпись, сделанную, видно, кровью:

«Врешь, фриц! Нас не сломаешь — мы из Брестской крепости!»

ПУТЬ НА РОДИНУ

Невероятно далекой, почти недостижимой казалась Родина тем, кто очутился во вражеском плену. Ряды колючей проволоки, пулеметы и автомагы лагерной охраны, дальний, немыслимо трудный путь через чужие, иноязычные земли, сквозь неожиданные и вездесущие кордоны гестапо, жандармов и местной полиции, в ежеминутном ожидании предательства от

тех, кто пустил тебя в дом, обогрел, накормил и, наконец, последние километры через прифронтовую полосу, набитую вражескими войсками, а потом через огненную линию фронта, степной разгородившую два мира,— как преодолеть, как пройти все это истощенному, обессиленному, затравленному узнику? Какими неисчерпаемыми запасами воли и упорства, ловкости и хитрости должен обладать человек, чтобы победить все препятствия на этом пути страха и смерти?!

Но как ни далека была Родина, ее настойчивый зов звучал в сердцах пленных. Куда бы ни увозил их враг — на шахты Эльзаса или на подземные заводы Рура, в ущелья Австрийских Альп или в фьорды оккупированной Норвегии,— везде слышали они призывный голос Родины. И они бежали отовсюду, куда забрасывала их злая судьба, попадались, снова бежали, даже зная, что примут от палачей мученическую смерть, ибо зов Отчизны был сильнее самого желания жить. Для большинства из них эти побегі заканчивались неудачно, нередко трагически. Но были и такие, которым посчастливилось пройти сотни километров, одолеть сотни преград и добраться до своих. Человеческая предприимчивость и изобретательность порой находили самые удивительные, причудливые пути на Родину, и неугасимый дух борьбы вел поистине брэнное тело изможденного пленного через непостижимые испытания этого пути.

Сержант Алексей Романов, в прошлом школьный учитель истории из Сталинграда, был курсантом и секретарем комсомольской организации в школе младших командиров 455-го полка. Война застала его в казармах Центрального острова Брестской крепости, и он сражался там под командованием лейтенанта Аркадия Нагая. В первых числах июля несколькими бойцам во главе с парторгом школы Тимофеем Гребенюком удалось ночью с боем вырваться из крепости. Тимофей Гребенюк вскоре погиб, а вся его группа была рассеяна противником. Схваченный гитлеровцами, коммунист Алексей Романов все же сумел бежать из-под расстрела и, примкнув к маленькому отряду наших бойцов и командиров, пробиравшихся по тылам врага в сторону фронта, через неделю оказался неподалеку от города Барановичи. Под станцией Лесная немцы загнали отряд в болото и окружили его. Шел тяжелый бой. Потом в небе появились немецкие самолеты, и последнее, что видел Романов, была черная капелька бомбы, стремительно падающая туда, где он лежал.

Он очнулся, видимо, через несколько дней в одном из проволочных загонов лагеря Бяла Подляска. Гимнастерка на его груди обгорела, тело было обожжено, и острая боль разламы-

вала голову — он получил сильную контузию. Сержант поправлялся медленно, и прошло немало времени, прежде чем он начал ходить.

Осенью 1941 года с партией пленных Романова увезли в Германию, а весной 1942 года он попал в большой интернациональный лагерь Феддель, на окраине крупнейшего немецкого порта Гамбурга. Здесь вместе с бывшим политработником Иваном Мельником, поляком Яном Хомкой и другими он организовал подпольную антифашистскую группу. Они подбирали листовки, сброшенные с самолетов, выпускали обращения к пленным, уничтожали предателей и готовили диверсии. Но лагерное гестапо не дремало — несколько подпольщиков были схвачены и казнены. И он, пленный «номер 29563», тоже попал под подозрение. Его допрашивали в гестапо, сажали в карцер, но прямых улик против Романова у гитлеровцев не было.

Все это время мысль о побеге не оставляла его. Но лагерь, находившийся у такого важного порта, охранялся особенно зорко, и казалось, любой план бегства отсюда заранее обречен на провал. И все-таки он родился, этот план, невероятно дерзкий и необычайно трудно осуществимый.

Шел декабрь 1943 года. Почти каждую ночь Гамбург подвергался воздушным налетам — англо-американская авиация бомбила его с аэродромов Англии. Город и порт, уже сильно разрушенные, испуганно затихали с наступлением сумерек, погружаясь в непроницаемую темноту и настороженно ожидая тревожного сигнала сирен. Днем пленных из лагеря Феддель стали гонять на работу в порт — разгружать пароходы. Портовых грузчиков не хватало: ненасытный Восточный фронт перемалывал гитлеровские войска, и немцы проводили все более и более «тотальные» мобилизации в стране. Волей-неволей им приходилось теперь использовать пленных на тех работах, которые раньше избегали им поручать.

Романов и его товарищи уже хорошо знали расположение порта, все его причалы и пристани, знали даже многие грузовые суда, на которых им довелось работать. Среди этих судов, часто разгружавшихся у причалов Гамбурга, были пароходы Швеции — нейтральной страны, — она торговала и с государствами антигитлеровского блока и снабжала фашистскую Германию столь необходимой ей железной рудой.

План, родившийся у Романова и Мельника, на первый взгляд был прост — бежать из лагеря, проникнуть ночью в порт, спрятаться на шведском пароходе и доплыть с ним в один из портов Швеции. Оттуда можно с британским судном добраться до Англии, а потом с каким-нибудь караваном союзных судов прийти в Мурманск или Архангельск. А затем опять взять в

руки автомат или пулемет и уже на фронте расплатиться с гитлеровцами за все, что пришлось пережить в плену в эти годы. Столько ненависти скопилось за это время в душах пленных, что они готовы были даже проплыть вокруг света, лишь бы потом сойтись со своим врагом грудь с грудью, держа оружие в руках.

Но между замыслом и его осуществлением лежала целая пропасть. Как ускользнуть от многочисленной и бдительной лагерной охраны? Если это удастся, как спрятаться от погони? Ведь по крайней мере два-три дня эсэсовцы с собаками будут искать их следы. Как потом переплыть Эльбу, очень широкую здесь, у своего устья, и проникнуть на огороженную и строго охраняемую территорию порта? Охраняется не только сам порт — эсэсовские часовые круглые сутки дежурят у каждого иностранного судна. Как ухитриться попасть на пароход? И наконец, как спрятаться там, чтобы тебя не нашла команда, не обнаружили эсэсовцы? Пленным было известно, что эсэсовские наряды с собаками дважды тщательно обыскивают сверху донизу каждый пароход, уходящий из Германии, — здесь в Гамбурге, перед его отправлением и в Киле, откуда он уже идет прямо в Швецию.

Все, что можно было заранее предвидеть, они обдумали и обсудили. Остальное решал случай. Они знали, чем рискуют, — лишь за месяц до того в лагере были повешены двое пойманных после неудачного побега.

Бежать решили только вдвоем — так было легче скрыться. Приготовили даже оружие — два самодельных ножа, тайно выточенных из кусков железа во время работы в порту. Они поклялись друг другу: если один из них в побеге струсит, смалодушничает, второй должен заколоть его этим ножом. Мрачная клятва была дана отнюдь не из любви к романтике: они шли почти на верную смерть и связались нерасторжими узами — трусость одного означала гибель другого, и суровый закон военной справедливости оправдывал такую кару.

25 декабря 1943 года стояла ненастная, дождливая погода. Смеркалось рано, и пленных гнали с работы из порта уже в темноте. По пути в лагерь колонна проходила через неширокий и темный туннель. Здесь-то и начался побег.

Едва колонна втянулась во мрак туннеля, Романов и Мельник выскочили из строя и замерли, прижавшись за каменным выступом стены. Конвоиры прошли мимо, не заметив этого мгновенного броска двух пленных. Гулкий стук деревянных колодок стих вдаль, и они остались одни.

Стремглав они бросились бежать назад, к берегу Эльбы.

Там, у самой воды, стояли разбомбленные во время авиационных налетов кирпичные коробки бывших складов. В залитом водой подвале одного из этих складов им предстояло просидеть двое суток, чтобы собаки потеряли их след и эсэсовцы отказались от поисков.

Двое суток в ледяной декабрьской воде были нестерпимой мукой для этих обессиленных людей. Самое мучительное было в часы, когда на море начинался прилив. Вода в устье Эльбы при этом тоже прибывала, и уровень ее в подвале поднимался. Более слабый Мельник иногда терял сознание, и Романов поддерживал его, а едва вода убывала, принимался растирать товарища.

Они выстояли свой срок. На вторую ночь, надеясь, что их уже перестали искать, оба беглеца выползли из своего убежища в складское помещение, кое-как обсушились и вышли наружу.

Порт был на той стороне Эльбы. Противоположный берег терялся в темноте, но они помнили, как широка в этом месте река. И оба поняли, что им не переплыть ее: слишком много сил стоило им двухсуточное пребывание в ледяной воде, без крошки пищи. Недалеко был длинный мост, ведущий прямо к воротам порта. Но они знали, что мост охраняется часовыми, — по нему не пройти незаметно. Только какой-нибудь случай мог помочь им, и они, в глубине души вовсе не рассчитывая на чудо, все-таки поплелись в сторону порта.

Они залегли у дороги в нескольких сотнях метров от будки часового, охраняющего вход на мост. Где-то на дальней окраине города шарили в небе прожекторы и слышалась пальба зениток — в воздухе были англо-американские самолеты.

И вдруг вдали послышался стрекот моторов и лязг гусениц на камнях дороги, и беглецы увидели узкие синие полосы света. Это шла на погрузку в порт колонна танкеток с приглушенными, маскировочными фарами.

Романову уже приходилось видеть эти танкетки, и он помнил, что позади на броне у них приварены крюки, видимо, для буксировки. План действия родился мгновенно, и он в двух словах объяснил его Мельнику. Это был счастливый случай — может быть, единственный шанс для них попасть в порт.

Надо было на ходу догнать танкетку и повиснуть сзади на крюке. Машины шли с интервалом в 50—100 метров. Синий свет позволял водителям видеть только на 2—3 метра вперед, и они не могли заметить пленных. Опасность заключалась только в том, что часовой на мосту мог освещать фонариком каждую машину и увидеть беглецов. Впрочем, об этом не при-

ходилось долго раздумывать: разве весь их побег не был сплошным риском и цепью случайностей?

Первым метнулся на дорогу Романов. На бегу нащупав крик, он повис на нем и даже нашел какую-то опору ногам внизу — неширокий выступ металла. Мельник сумел так же подцепиться на следующую танкетку.

К счастью, фонарик часового мигнул только один раз — пропуская головную машину. В воздухе гудели самолеты, и охранник явно боялся лишний раз включить свет. Еще не веря своему счастью, Романов и Мельник буквально считали каждый метр мостового настила, уходящего назад под гусеницами. Наконец они въехали в ворота порта, и Романов, высмотрев темный закоулок между пакгаузами, кинулся туда. Минуту спустя к нему присоединился Мельник.

Да, счастье пока что сопутствовало им в их отчаянном предприятии. Они перебрались через мост и даже оказались внутри порта, благополучно миновав охрану. Теперь оставалось последнее и самое трудное.

Они знали хорошо причал, где должен стоять шведский пароход «Ариель», — на нем работали пленные из Федделя, и они говорили, что судно простоит под погрузкой еще 3 — 4 дня. «Ариель» грузился коксом, и Романов с Мельником намеревались, пробравшись в трюм парохода, зарыться в кокс и пролежать там до тех пор, пока судно не минует Кильский канал.

Легко сказать — пробраться на пароход! Когда беглецы, крадучись вдоль стен пакгауза и перебегая открытые места, вышли наконец к месту стоянки «Ариеля», они поняли, каким нелегким делом это будет.

С парохода на пристань вели единственные сходни, и на середине их стоял часовой-эсэсовец с автоматом. Втянув голову в плечи, он поднял воротник шинели, опустил наушники шерстяного шлема и стоял, повернувшись спиной к холодному ветру, который резкими и шумными порывами налетал с моря, швыряя на пристань густые заряды мокрого снега. Но подойти к часовому скрытно было невозможно — он заметил бы опасность, если бы беглецы попытались приблизиться к сходням. Да они и не хотели убивать его — исчезновение часового навело бы эсэсовцев на след бежавших.

Они подошли к самому краю пристани около кормы «Ариеля» и принялись всматриваться в темноту, стараясь определить расстояние до палубы парохода в этом месте.

Палуба была на метр-полтора ниже уровня пирса. Но пароход стоял поодаль от стенки пристани, и между нею и бортом судна оставалось пространство около четырех метров. Для

изголодавшихся, измученных «доходяг» из лагеря такой прыжок в длину казался недостижимым рекордом. А попытка могла быть только одна — того, кто не допрыгнет, ожидала десяти — пятнадцатиметровая пропасть и темная глубь ледяной воды у основания пристани.

В ночной тьме они внимательно поглядели друг на друга.

— Надо прыгать! — шепнул Романов.

— Надо! — согласился Мельник. — Давай первый — ты сильнее.

Присмотревшись и выбрав на палубе место, которое показалось ему самым удобным, Романов отошел назад, чтобы разбежаться, и стал пристально вглядываться в едва различимую фигуру часового на сходнях. Солдат ничего не слышал: он, по-прежнему ссутулившись, стоял спиной к ветру, может быть, даже задремал.

Романов дождался, пока вдоль пристани помчался новый порыв ветра со снегом, заглушающий своим свистом все звуки, и стремительно кинулся вперед. В этом последнем неистовом толчке ногой о край пристани была сейчас вся его жизнь.

Он не допрыгнул до палубы, а упал грудью на край металлического борта и одновременно успел ухватиться руками за этот борт. Удар был таким сильным, что на миг он потерял сознание, но руки, видимо управляемые уже одним инстинктом, продолжали цепко держаться за железо. В следующий момент он пришел в себя, судорожным усилием подтянулся вверх, перекинул ногу через борт и встал на палубу.

Первым делом он опять поглядел на часового — не слышал ли тот звука удара. Тот стоял неподвижно, как чучело. С пристани, пригнувшись, смотрел на палубу Мельник. Романов ободряюще замахал рукой, и тот исчез из виду — отошел, чтобы разбежаться. Он прыгнул даже лучше, чем Романов, а тот, почти подхватив на лету товарища, втащил его на палубу. Вокруг не было ни души — команда спала, а вахтенный, верно, ничего не заметил.

Осторожно они прокрались к люку, ведущему вниз, и спустились в трюм. По рассказам товарищей они знали, что у «Ариеля» три трюма. Нижний, видимо, был уже загружен и задраен; они попали во второй, средний, трюм, в один из его отсеков, уже наполовину заполненный коксом. Теперь надо было зарыться в эту кучу угля.

Но и это следовало правильно рассчитать. Если беглецы зароятся слишком глубоко, завтра утром над ними насыплют такую гору кокса, что они не смогут выбраться вверх и погибнут в этой угольной могиле. Но мелко зарываться тоже не

годились — их могли обнаружить. Они долго прикидывали, как будет рассыпаться по отсеку сбрасываемый сверху кокс, и, наконец выбрав нужные места, заползли внутрь этой кучи. Только тогда, свернувшись калачиком в своем неудобном убежище, Романов почувствовал, как нестерпимо больно ему дышать — удар о край борта, видно, не обошелся даром.

Он кое-как заснул и проснулся от шума. Сверху в отсек с грохотом сыпался загружаемый кокс. Это продолжалось около часа, а потом неподалеку слышались голоса, лай собаки, кто-то ходил по грудам кокса, металлически звякнула крышка люка — и все стихло. Отсек задраили.

Романов и Мельник не знали, сколько еще простоял «Ариель» в Гамбурге — день, два или три, и выползли из своего убежища, лишь когда почувствовали покачивание парохода. Ониплыли!

Романов первым выбрался из-под кокса и помог вылезти своему спутнику. Мельник совсем обессилел и уже с трудом двигался. А у них в этом металлическом гробу не было ни капли воды, ни крошки пищи, и впереди лежал путь, который продлится неизвестно сколько дней. Но это был путь к свободе, путь на Родину, и ради него они были готовы на все, даже на смерть.

Когда пароход остановился в Киле, они снова зарылись в кокс и переждали обыск. Но потом Мельник уже не отозвался на зов товарища. Он был без сознания, и Романову так и не удалось привести его в чувство.

Неизвестно, сколько времени продержался после этого Романов. Муки жажды и голода становились все нестерпимее, потом наступила странная слабость, появилось тупое безразличие ко всему, и он уже ничего больше не помнил.

В крупном шведском порту Гетеборге рабочие, разгружая кокс, обнаружили в одном из трюмов «Ариеля» два трупа в одежде военнопленных из немецких лагерей, с буквами «SU» на спине.

Вызвали врача. Один из найденных и в самом деле был уже трупом, в другом еще теплилась слабая искорка жизни. Его увезли в больницу, а гетеборгские грузчики с волнением обсуждали происшествие. Побег этих двух русских был первым и единственным побегом пленных из Гамбурга в Швецию на торговом судне.

Романов очнулся лишь через несколько дней в тюремной больнице шведской политической полиции: нейтральная страна встретила его не очень-то любезно из страха перед своим злобующим немецким соседом. Он поправлялся медленно, с трудом. Когда ему стало лучше, к его кровати несколько раз прихо-

дили какие-то люди, говорившие по-русски и убеждавшие его не возвращаться на Родину, а просить политического убежища в Швеции. Он отвечал одним и тем же — требовал, чтобы к нему вызвали сотрудника советского посольства.

Он добился своего и в конце концов попал в Стокгольм, к тогдашнему посланнику Советского Союза в Швеции, известной соратнице В. И. Ленина Александре Михайловне Коллонтай. К его огорчению, она отвергла все проекты возвращения на Родину через союзную страну. «Вы свое отвоевали», — сказала она и велела остаться жить в советской колонии в Швеции.

В 1944 году, когда сложила оружие Финляндия, Романов вернулся на Родину. Но все пережитое в крепости и в плену тяжело сказалось на его здоровье: он приехал домой больным человеком и немало времени провел в госпиталях. Говорят, туберкулез, то и дело одолевающий его, явился следствием не только испытаний, перенесенных в Брестской крепости, и лагерных лишений, но и того удара грудью о борт «Ариеля», которым завершился его прыжок с гамбургской пристани.

Но он не сдался болезням, как не сдавался фашистам. Несмотря на недуги, он сумел после войны окончить второй институт и работает инженером-строителем в одной из проектных организаций Москвы.

В 1957 году, когда Алексея Романова восстанавливали в рядах партии, в партийной комиссии ему показали его лагерную карточку пленного, в свое время оказавшуюся случайно в какой-то захваченной нашими войсками гитлеровской картошке. Там была приклеена фотография Романова в одежде пленного с памятным ему номером 29563 и в графах педантично записаны все штрафы и аресты, которым он подвергался.

Внизу стояла последняя запись, заверенная печатью со свастикой: «№ 29563 бежал из лагеря 25 декабря 1943 года и пойман не был».

Романов долго и задумчиво разглядывал эту карточку, свою фотографию и вдруг, широко улыбнувшись, сказал:

— А ведь счастливый номер оказался. В этой лагерной лотерее мало кто выигрывал. Мне вот повезло.

Но члены партийной комиссии понимали, что дело не в счастливом номере, и единогласно проголосовали за восстановление коммуниста Алексея Даниловича Романова в рядах КПСС.

Русский врач! Сколько большого, славного смысла в этих словах. Какие волнующие имена и картины встают в воображении, когда вспоминаешь богатую подвигами историю нашей медицины.

Пирогов в окровавленном белом халате, спасающий героев Севастополя, и Боткин, окруженный больными. Медик, прививающий себе чуму, чтобы проверить действие открытой им вакцины, и скромный земский врач, высасывающий гной из горла больного дифтеритом ребенка. Светила советской хирургии Николай Бурденко и Александр Вишневский. И огромная безымянная армия рядовых врачей, фельдшеров, медсестер, санитаров — армия бойцов против смерти, солдат жизни, каждый день и час делающих на земле свое такое важное и такое человеческое дело.

Из всех профессий, пожалуй, только медики не меняют характера своей деятельности, когда начинается война. Солдаты жизни в мирное время, они остаются такими же бойцами со смертью и на войне, только условия их работы становятся другими. Кто расскажет о бесчисленных девчужках в больших кирзовых сапогах, деливших с пехотой все ее тяготы, под пулеметным огнем, под снарядами и минами таскавших раненых на плащ-палатках или на своих плечах, о ротных и батальонных санитарках и медсестрах?! Кто расскажет о врачах и фельдшерах полковых санчастей и медсанбатов дивизий, работавших в переполненных ранеными палатках под артиллерийским огнем, о медиках армейских госпиталей, делавших свое дело под бомбежками?! Враг убивал их так же, как солдат и офицеров боевых частей, а они, носившие те же солдатские или командирские погоны, не могли вступить с ним в открытый бой, не имели права на прямое мщение и словно лишь косвенно участвовали в борьбе, стараясь спасти и вернуть в строй тех, которые дрались с оружием в руках.

Но сколько ветеранов-фронтовиков сейчас со слезами на глазах вспоминают безымянную девушку, вытащившую их, полуживых, из огня, или благословляют золотые руки хирурга и мечтают встретить и обнять людей в белых халатах, которые спасли им жизнь?! И сколько тысяч пленных сумели пройти через муки адовых лагерей Гитлера и живут теперь на земле только потому, что рядом с ними, такими же бесправными узниками, как они, были люди благородного долга — русские врачи?!

В заводы болезней и смерти, в фабрики уничтожения людей превратили фашисты свои лагеря для военнопленных.

И только пленные врачи были единственным препятствием на пути этого уничтожения, единственными борцами со смертью. Гитлеровцы вынуждены были в той или иной степени мириться с существованием лагерных режиссеров и с деятельностью врачей, — во-первых, потому, что использовали пленных как рабочую силу, а во-вторых, потому, что правительству Гитлера приходилось делать вид, будто оно выполняет правила международных конвенций, предписывающих оказывать медицинскую помощь солдатам и офицерам противника, попавшим в плен. А врачи, рискуя жизнью, изобретательно и широко пользовались своими возможностями — спасали умирающих от голода, объявляя их больными, скрывали в заразных бараках тех, кого ждала смерть, участвовали в борьбе лагерного подполья, помогали узникам бежать. Разоблаченные гестапо, они шли на казнь, принимали пытки и мучения, а в обычном лагерном быту терпели вместе со всеми пленными голод, побои и издевательства.

Брестские врачи прошли весь этот путь, и много истинных героев было среди них, выполнивших честно свой долг и в дни боев за крепость, и позднее, в фашистском плену.

Жил и работал до войны в городе Бресте главный хирург областной больницы Степан Трофимович Ильин¹, пожилой, широкоплечий и сильный человек с суровым широким лицом крестьянина и с большими рабочими руками, делающими хирургические чудеса на операционном столе. Много лет подряд он работал здесь, и сотни жителей Бреста были обязаны ему жизнью.

В то памятное утро 22 июня 1941 года Ильин, сразу поняв, что произошло, первым делом прибежал в военкомат. Но там ему сказали, что никаких приказов о мобилизации еще нет, и он поспешил в горисполком, где уже никого не застал. Встретив на улице нескольких работников облздравотдела, он решил вместе с ними уходить из города — доктору было ясно, что оставаться в Бресте ему нельзя, — здесь все знали его не только как хирурга, но и как активного коммуниста.

Путь их лежал мимо дома Ильина, и, попросив спутников минуту подождать его, врач побежал предупредить жепу. Но в это время к дому подъехала больничная машина «скорой помощи», и взволнованная медсестра кинулась к Ильину:

— Степан Трофимович, голубчик, скорее в больницу! Там раненых тьма-тьмушная — и ни одного врача. Дети умирают!

¹ Сейчас С. Т. Ильин — главный врач областной больницы в городе Могилеве.

Ильин остановился в смущении и растерянности. Все, что он делал до сих пор, казалось ему единственно правильным. Он хотел уйти из города, чтобы примкнуть к первой же воинской части. Доктор был твердо уверен, что теперь, с началом войны, его место в армии, и у него не оставалось сомнений в том, какая участь его ждет, если он попадет в руки гитлеровцев. Но вдруг сейчас, увидев перед собой дрожащую от волнения, заплаканную сестру, узнав от нее, что происходит в больнице, он впервые по-иному оценил свое поведение. Он должен был прийти в больницу хотя бы ненадолго, для того чтобы навести там порядок, подбодрить сестер и санитарок, вызвать врачей и организовать прием раненых. И ему стало стыдно, что он не сделал этого.

Он обернулся назад, туда, где на углу остались стоять его спутники, издала махнул им рукой и сел в машину. В голове у него уже был готов план действий. Сейчас он приедет в больницу, срочно вызовет всех беспартийных врачей, которые могут без особых опасений остаться в городе, назначит вместо себя одного из них и тотчас же уедет из Бреста.

Но он не представлял себе того, что ждало его в больнице. И двор и здание были сплошь заполнены ранеными — их скопилось тысячи две, если не больше. Сюда свозили военных, сюда сползались все, кто пострадал на улицах при обстреле и бомбежках.

— Доктор, дорогой! Степан Трофимович! Родной наш!.. — несло со всех сторон, пока они с сестрой с трудом пробирались к дверям, осторожно перешагивая через лежащих на земле, истекающих кровью людей.

И прежде чем Ильин вошел в больницу, он понял, как трудно будет ему уйти отсюда.

Сестрам и санитаркам, с восторгом встретившим его появление, он показался таким же, как обычно. Высокий, сильный, он одним своим видом внушал им спокойствие и уверенность. Как всегда, сосредоточенно хмурым было его лицо, а голос звучал с привычной грубоватой властью. И никто из сослуживцев Ильина не подозревал, каким нерешительным человеком чувствует себя сейчас доктор и какая сложная борьба мыслей и чувств происходит в нем.

Он велел одной из санитарок объехать на машине всех врачей с приказом немедленно явиться в больницу. Он осмотрел первую группу раненых и распорядился прежде всех положить на операционный стол летчика-лейтенанта с раздробленной ногой, доставленного на машине с аэродрома. Он обошел палаты, указывая, как лучше разместить раненых. И все это время он думал об одном, казалось неразрешимом, про-

тиворечии: ему нельзя оставаться в городе, но и уйти он не может.

Так и не решив этого вопроса, он торопливо вымыл руки, надел халат, шапочку, маску и подошел к операционному столу.

Летчик, молодой человек лет девятнадцати-двадцати, с бледным, обескровленным лицом, широко раскрыв глаза, пристально смотрел на врача. Ему предстояло ампутировать ногу почти до колена, и Ильин предупредил его, что будет оперировать без наркоза, — усыплять лейтенанта было некогда, хирурга ждали другие раненые. Летчик молча кивнул, и операция началась.

Вначале, как ни старался Ильин сосредоточиться только на том, что делает, он не мог не думать о своей судьбе, и, пока руки его совершали привычные быстрые движения, какой-то дальний уголок сознания продолжал решать тот же неотступно стоявший перед ним вопрос. Но мало-помалу внимание его все больше привлекал этот юноша, лежавший на столе.

Ильин знал, как мучительна операция, какую нестерпимую боль должен испытывать молодой летчик. Он ожидал крика, стонов, но лейтенант молчал. Даже когда он начал пилить кость, у раненого не вырвалось ни одного стога, и на мгновение доктору показалось, что его пациент от боли лишился чувств. Он посмотрел в лицо летчика, увидел крупные капли пота на его лбу, посиневшие от напряжения, плотно сжатые губы, живые, полные муки глаза, и острая жалость и нежность к этому мальчику, так мужественно переносящему страдания, охватила его. Он уже ни о чем не думал и только торопился закончить операцию.

— Вот и все! — сказал он, наложив последний шов и наклонясь к лицу летчика.

В ответ неожиданно прозвучало тихое и спокойное:

— Спасибо, доктор!..

И Ильин, чувствуя, что у него от волнения перехватило горло, поспешно отошел к умывальнику.

И тут он понял, что вопрос, так долго мучавший его, внутренне уже решен им. Судьбы этих двух тысяч искалеченных людей, затопивших больницу, были сильнее его личной судьбы. Все то, что недавно казалось ему противоречивым и несовместимым, — долг коммуниста, долг врача и долг человека — вдруг сразу слилось воедино в том, что он делал сейчас и будет продолжать делать дальше. Он ощутил себя здесь, у операционного стола, солдатом, который ведет бой и не получил приказа об отступлении. И он уже твердо знал, что останется на своем посту и не уйдет отсюда, чем бы это ему ни грозило.

Он остался. Он работал до изнеможения весь этот день, работал и тогда, когда город был уже полностью занят врагом и немцы появились в больнице. Он стоял за операционным столом всю ночь и почти весь следующий день, только меняя окровавленные халаты. И среди его пациентов оказались некоторые из тех, что сражались в крепости, а попав в плен, были доставлены в городскую больницу.

А потом потянулись долгие месяцы страшной жизни в оккупации, жизни, полной страданий, произвола, смерти. И наконец наступил день, когда за ним пришли из гестапо: гитлеровцам донесли, что Ильин — коммунист.

Но как только его арестовали, в городскую управу посыпались коллективные петиции. Люди, которых он когда-то спас от смерти, их родные, друзья просили за него оккупантов. И хотя много тяжкого довелось пережить Ильину в тюрьме, гитлеровцы не решились расправиться с таким популярным в городе человеком и в конце концов выпустили его. А вскоре после этого доктор Ильин установил связь с партизанами и ушел в один из отрядов, пробыв там до освобождения Бреста.

Степан Ильин был штатским, а не военным врачом. Но еще в первые месяцы оккупации ему приходилось иногда бывать в лагере для пленных Южного военного городка, где работали его коллеги — военные медики из Брестской крепости, попавшие в гитлеровский плен. Он видел невыносимые условия этого лагеря, видел, как мрут от голода и болезней тысячи пленных, видел мучения наших людей и, страдая от невозможности помочь им, иногда думал, что его место, как коммуниста и врача, — там, среди узников фашизма, которые больше всего нуждаются в его помощи. Однажды, приехав туда, он заявил, что остается с пленными, и доктор Юрий Петров, руководивший ревиrom Южного городка, с трудом отговорил его от этого намерения и почти насильно вытолкнул Ильина из ворот лагеря, быть может тем самым сохранив ему жизнь. Недаром другой врач этого ревира, Сергей Сергеевич Ермолаев, позже находясь в лагере Седлец, оказался не в силах вынести все то, что ему пришлось видеть и пережить. Он покончил самоубийством, перерезав себе горло бритвой, и все усилия товарищей-врачей спасти его остались тщетными.

Юрий Петров, Иван Маховенко, Владимир Медведев, Василий Занин, Борис Маслов — все эти врачи из Брестской крепости взяли на себя в лагере Южного городка нелегкую обязанность лечить и спасать от смерти наших раненых пленных. Это были хирурги высокого класса, мастера своей профессии, но им пришлось работать в недопустимой обстановке.

Раненые валялись на грязной соломе, не хватало бинтов для перевязок, не было лекарств — гитлеровцы отнюдь не хотели помогать врачам лечить тех, кого они старались скорее загнать в могилу. Приходилось всячески изворачиваться: медсестры стирали бинты и они снова шли в дело, порой удавалось выпросить для раненых лишнюю порцию баланды, случалось добывать у немецких врачей медикаменты.

Юрий Викторович Петров, ученик знаменитого ленинградского хирурга-онколога академика Петрова, был большим специалистом своего дела. Немецкие врачи из военного госпиталя, разместившегося в Бресте, вскоре узнали, что в лагерном ревире в Южном городке работает очень искусный хирург. Порой они приезжали посмотреть на его операции, проконсультироваться по какому-нибудь сложному случаю, а Петров пользовался этим интересом и уважением к себе со стороны немецких коллег, чтобы достать у них то перевязочные материалы, то лекарства.

Петров и Маховенко были спасителями майора Гаврилова, когда героя крепости привезли в лагерь. Брестское гестапо почему-то интересовалось выздоровлением майора, и возникло опасение, что с ним могут расправиться за его стойкость и упорство. Чтобы этого не случилось, врачи объявили, что Гаврилов заболел тифом, и перевели его в тифозный барак. Тифа гитлеровцы боялись как огня, и Гаврилов на два месяца исчез из их поля зрения. За это время чиновники в гестапо сменились, история с Гавриловым позабылась, и его оставили в покое. Тогда врачи выписали его из тифозного барака и устроили раздатчиком баланды на кухню, чтобы он мог подкормиться и немного восстановить свои силы.

Мне не довелось присутствовать при первой послевоенной встрече П. М. Гаврилова с его спасителем Ю. В. Петровым, которая произошла на аэродроме, когда герой крепости приехал в гости к своим бывшим соратникам, живущим сейчас в Ленинграде. Зато я видел, как встретились в Москве годом раньше герой Бреста, теперь белорусский писатель Александр Махнач и, ныне уже покойный, доктор Иван Кузьмич Маховенко, замечательный, душевный человек, показавший себя в плену и блестящим хирургом и настоящим советским гражданином. Маховенко делал Махначу в ревире Южного городка сложную операцию, вынимая пулю, прошедшую через всю ногу от пятки до колена.

Я видел, какими глазами смотрел Махнач на своего бывшего врача, как Маховенко тут же заставил его показать раненую ногу, ощупывал и оглядывал ее и как потом они вдвоем увлеченно и надолго погрузились в свои воспоминания, забыв обо

всех присутствующих. И, прислушиваясь к их разговору, я понимал, что для каждого из этих бывших узников фашизма врач оставался не просто товарищем по несчастью, с которым многое пережили вместе, но товарищем старшим, особо уважаемым, какое бы соотношение в возрасте не было между ними.

У меня нет возможности назвать здесь многих медиков из Брестской крепости, живых и погибших, как нет возможности даже упомянуть всех участников героической Брестской обороны. Но в заключение этой главы я хочу рассказать только одну историю трудной честной и трагически оборвавшейся жизни русского врача Бориса Алексеевича Маслова.

Военврач II ранга Маслов был начальником окружного госпиталя, который, как уже говорилось, находился на самой границе — на Южном острове крепости. Когда началась война, он оказался на своем посту и руководил спасением больных и раненых. Госпитальные корпуса горели и рушились под артиллерийским обстрелом и бомбежками, и по приказанию Маслова всех больных перенесли оттуда в ближайший каземат в земляном валу.

Бой шел около внешних ворот Южного острова, не смолкала перестрелка на валах над Бугом, какие-то группы бойцов дрались около полуразрушенных госпитальных зданий. В каземат к Маслову приносили раненых, и он с несколькими врачами и сестрами старался оказать им посильную помощь, хотя бинтов и медикаментов почти не было. Потом раненых набралось столько, что пришлось занять два соседних каземата.

Поглощенные своей лихорадочной работой, врачи и сестры потеряли счет времени. Они не знали, сколько часов прошло, когда неподалеку от убежища, где находились раненые, послышались трескучие очереди автоматов и загрелили разрывы гранат. Гитлеровские солдаты прорвались на этот край острова и теперь прочесывали один за другим казематы земляного вала, забрасывая гранатами и простреливая из автоматов эти полутемные помещения.

Они приближались, и нельзя было терять времени. У Маслова был пистолет — он мог застрелить одного-двух фашистов. Но что будет потом? В отместку автоматчики закидают гранатами и перестреляют и раненых, и врачей, и сестер. Погибнут сотни доверенных ему людей. Нет, их надо было попытаться спасти.

Маслов надел новый белый халат и, выйдя наружу, под пули, пошел навстречу вражеским солдатам, размахивающим гранатами. Мучительно вспоминая забытые немецкие слова, он закричал, чтобы солдаты не стреляли; в этих казематах

находятся только беспомощные раненые. Держа наготове гранаты, автоматчики недоверчиво и подозрительно заглядывали внутрь. Потом они пробежали мимо. Раненые были спасены, хотя бы на время.

Вместе с другими врачами и сестрами Борис Маслов оказался вскоре в лагере Южного городка Бреста. Он работал в лагерном реви́ре, как и Петров, Маховенко, Ермолаев, но мысль о побеге не оставляла его. В конце лета Маслов с группой бойцов бежал. Они пришли ночью в город, и Маслов пробрался домой, чтобы переодеться в штатский костюм. Попрошавшись с женой и дочерью, которых он бросал тут на произвол судьбы, врач со своими товарищами той же ночью двинулся на восток — к фронту.

Много дней шли они через леса и болота, изредка заходя в деревни, с трудом спасаясь от немецких облав, то и дело натываясь на полицаев и предателей. Это был трудный и долгий путь.

Однажды, уже далеко от Бреста, их приютил на ночь какой-то железнодорожник. Здесь они узнали, что фронт ушел за сотни километров и что даже Смоленск захвачен врагом. И они поняли, что не дойдут.

В ту ночь в дом железнодорожника прибежала плачущая женщина — его соседка. Она сказала, что в ее хате умирает узник, бежавший из немецкого лагеря. Женщина боялась вызвать врача: если бы на нее донесли, она была бы расстреляна за укрывательство беглеца.

Маслов тотчас же отправился к ней. Помочь больному уже было нельзя: истощенный, измученный беглец погибал от сильнейшего воспаления легких. Он умер через несколько часов. Плача, женщина передала Маслову все его документы.

Умерший не был военным — у него нашли паспорт. И тут обнаружилось любопытное совпадение: покойника звали, как и Маслова, Борисом Алексеевичем, только фамилия была другая — Кирсанов. По возрасту он оказался почти ровесником врача, и все это вдруг подсказало Маслову, что ему надо делать.

Врач решил подклеить на паспорт свою фотографию и с этим документом вернуться назад в Брест. Лишь немногие знали его в городе, и он надеялся устроиться где-нибудь в районе, а потом установить связь с партизанами и уйти в один из отрядов.

Так он и сделал. Когда в Бресте «доктор Кирсанов» явился к немецкому окружному врачу «гебитсартцу», тот, конечно, спросил его диплом, но Маслов объяснил, что все его документы сгорели в первый день войны, и предложил проверить свое

умение на деле. Несколько операций убедили немца, что перед ним опытный, знающий хирург, и по просьбе Маслова он был направлен на работу в больницу местечка Любешов, где вскоре завоевал симпатии всех жителей.

В начале 1943 года он узнал, что в соседнем, Морочанском районе активно действуют партизаны. В районном центре оказалась вакантной должность врача, и Маслов добился перевода туда. Через некоторое время с помощью местных жителей связь с партизанами была установлена, и однажды к командиру отряда в лесной лагерь привели человека, который, по-военному вытянувшись, доложил, что «военврач второго ранга Маслов прибыл для дальнейшего прохождения службы». С этих пор он перестал быть Борисом Кирсановым и опять сделался Борисом Масловым, партизанским врачом в одном из отрядов Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

После соединения с частями Советской Армии Б. А. Маслов был начальником большого военного госпиталя в городе Станиславе в Западной Украине. В 1948 году он демобилизовался из рядов армии по болезни, но вскоре был арестован и осужден по ложному обвинению в пособничестве врагу.

Маслов погиб в одном из сибирских лагерей. Герой Брестской крепости, партизан, преданный Родине советский человек, медик с высоким чувством долга и ответственности, он не дожид до лучших времен и пал жертвой бериевских репрессий.

Пусть же этот краткий рассказ будет первым маленьким и скромным венком на неведомую могилу врача — патриота и героя.

«ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН»

Изучая историю обороны Брестской крепости, я обратился также к иностранным источникам, и прежде всего к немецким, стараясь отыскать какие-то сведения о тех событиях в воспоминаниях и записках бывших гитлеровских генералов. Такого рода воспоминания в послевоенное время наводнили книжные рынки западноевропейских стран и США.

Действительно, вскоре мне удалось найти краткие упоминания о боях за Брестскую крепость в «Записках солдата» генерала Гудериана и в мемуарах того же Отто Скорцени. Впрочем, оба они лишь вскользь отмечали упорство крепостного гарнизона и говорили — один о «нескольких днях», второй о «неделе» боев, явно пользуясь официальной версией, сочиненной штабом 45-й пехотной дивизии немцев.

Потом мне попала в руки новая книга английского военного историка капитана Лиддела Гарта. Капитан Лиддел Гарт — широко известный британский военный литератор. В свое время он написал несколько работ об империалистической войне 1914—1918 годов, а теперь занимается историей второй мировой войны. При этом капитан Лиддел Гарт является ревностным почитателем германской военной школы и издавна преклоняется перед военными талантами немецких полководцев.

Книга, о которой я говорю, посвящена описанию событий второй мировой войны. Она называется «По другую сторону холма» и была написана Лидделом Гартом главным образом на основании его бесед с гитлеровскими генералами и фельд-маршалами. Там, в этой книге, я нашел несколько любопытных строк, относящихся к событиям обороны Брестской крепости. Лиддел Гарт вспоминает о своей встрече с одним из крупных офицеров гитлеровского вермахта, неким генерал-майором Блюментриттом, который в первые дни войны на советско-германском фронте занимал пост начальника штаба 4-й немецкой армии, действовавшей в районе Бреста.

Вот что генерал Блюментритт сказал капитану Лидделу Гарту:

«Начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию. Наши потери доходили до 50 процентов. ОГПУ и «женский батальон» защищали старую крепость в Бресте больше недели, сражаясь до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрел из крупнокалиберных орудий. Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу».

Буквы «ОГПУ» здесь расшифровываются весьма просто. Совершенно ясно, что под этими буквами генерал Блюментритт подразумевает пограничников Брестской крепости.

Что же касается упоминания о «женском батальоне», то оно, конечно, является смехотворным, потому что подобных подразделений в Советской Армии, как известно, не было. Нет сомнения, что этот термин генерал Блюментритт употребил, имея в виду тех женщин, которые с оружием в руках сражались вместе с мужчинами в Брестской крепости. Это были жены, сестры, дочери наших советских командиров, отважно ставшие на защиту Родины плечом к плечу со своими мужьями, отцами и братьями.

Сохранился рассказ о подвиге молодой жены командира, комсомолки Кати Тарасюк. Сельская учительница, она незадолго до войны приехала в крепость, чтобы провести отпуск вместе с мужем.

Сначала Катя вместе с другими женщинами находилась в подвале, ухаживая за ранеными. Лейтенант Тарасюк в это время с группой бойцов отбивал атаки противника. Когда группа его поредела, Тарасюк сам лег к станковому пулемету. Он выбрал себе позицию у подножия большого развесистого дерева, и вражеские автоматчики каждый раз откатывались назад под его меткими очередями. По одиночному пулемету вели огонь пушки и минометы. Вся земля вокруг была изрыта снарядами и минами, осколки срезали ветви дерева, и вскоре от него остался только расщепленный, изуродованный ствол. Но, весь израненный, Тарасюк продолжал стрелять, пока вражеская пуля не сразила его.

Пулемет молчал недолго. Тарасюка заменил один из бойцов. Когда Катя узнала, что ее муж погиб, она выбралась из подвала и поползла к расщепленному дереву, откуда по-прежнему раздавался треск пулемета. Вскоре и этот пулеметчик был убит. Тогда молодая женщина сама легла за щиток и вела огонь по врагу, пока ее не поразил осколок вражеского снаряда. Обезображенное, искромсанное осколками дерево, у подножия которого погибла отважная пулеметчица, жители Бреста впоследствии прозвали «деревом войны».

Но были и другие женщины-воины — гнев и ненависть к врагу заставили их взяться за оружие.

С. М. Матевосян рассказал мне, как в первый день обороны полковой комиссар Фомин поручил ему с группой бойцов прорваться на трех бронемашинах в город и отвезти в штаб дивизии важные документы, захваченные у пленного немецкого офицера.

Добраться до города броневикам не удалось, так как гитлеровцы прочно блокировали все крепостные ворота. Но в поисках выхода из крепости Матевосян и его бойцы совершили продолжительную поездку по разным участкам обороны.

Проезжая неподалеку от домов комсостава в северной части крепости, они слышали там перестрелку. Оказалось, что отряд гитлеровских автоматчиков осадил эти дома, ведя непрерывный огонь по окнам, откуда в ответ раздавались скупые, расчетливые выстрелы.

По команде Матевосяна броневики развернулись и с тыла ударили по врагу из всех пулеметов, уничтожив и рассеяв отряд противника. И сразу же, выпрыгивая из окон, выбегая из дверей, навстречу своим освободителям с радостными криками бросились люди — наши бойцы, командиры, женщины и дети.

Среди них Матевосян увидел молодую женщину в наряд-

ном цветастом платье, уже разорванном и окровавленном. На щеке у нее была глубокая царапина, и лицо залито кровью. В руках женщина сжимала немецкий автомат. Она бросилась к Матевосяну с криком:

— Товарищ командир, нет боеприпасов! Что нам делать?

Эта женщина, только что вышедшая из боя, где она дралась наравне с мужчинами, думала вовсе не о спасении, а прежде всего о том, чтобы продолжать борьбу.

Другой участник обороны Брестской крепости, бывший лейтенант Василий Соколов, в своем письме рассказывает о неизвестной девушке, которая в первый день войны прибежала в подвал 333-го стрелкового полка. Там, в подвале, она взяла винтовку одного из убитых бойцов и дралась все время бок о бок с мужчинами, как рядовой стрелок.

Необычайную, поистине легендарную историю рассказывают в Бресте о какой-то женщине — одной из последних защитников крепости. Мне довелось слышать о ней от нескольких жителей города, в домах которых в 1941 году находились на постое немецкие солдаты.

Это было уже в сентябре или даже в октябре, когда крепость считалась давно взятой и полки поредевшей в штурмах 45-й дивизии, пополненные и ушедшие на фронт, заменили тыловыми частями, охранявшими крепостные склады. Но тыловики эти постоянно несли потери: из подземелий и подвалов развалин продолжали раздаваться внезапные выстрелы — последние защитники крепости еще скрывались там и вели борьбу. Вот в это время и прошел среди немцев слух о «кудлатой».

Солдаты, несшие службу в крепости, рассказывали, что в подземных убежищах до сих пор прячется женщина, вооруженная автоматом. Неожиданно она появляется то здесь, то там и открывает огонь, причем охранники с почти суеверным страхом говорили, что она не дает промаха — каждая пуля ее убивает врага. Потом она исчезает где-то под землей, и так же неожиданно ее выстрелы раздаются уже в другом месте. Все попытки поймать или убить ее оставались тщетными.

По описанию немцев, вид этой женщины, насколько ее удавалось разглядеть издали, был страшным. С запыленным, закопченным лицом, в изодранной одежде, с волосами, давно не чесанными и свалявшимися в колтун, она казалась им призраком из подземного мира, духом мести и смерти. И каждый раз, когда очередная команда солдат отправлялась на дежурство в крепость, немцы молились и желали друг другу не

встретиться сегодня с этой женщиной, которую они называли «фрау мит автомат» или «кудлатая». Лишь во второй половине октября о ней перестали говорить — женщина уже не появлялась.

Кто же была она? Скорее всего, жена какого-нибудь командира — ведь до войны многие из них занимались военным делом, метко стреляли, умели обращаться с пулеметом. Быть может, на глазах у этой женщины погиб ее муж, были убиты дети, и, охваченная жаждой мщения, она осталась там, в подземных лабиринтах крепости, чтобы заплатить врагу сторицей за свое горе, за беду, которую он принес на ее родную землю. Так это или нет, сказать трудно, и кто знает, станет ли когда-нибудь известно имя этой легендарной героини.

Словом, в крепости было немало женщин, сражавшихся с оружием в руках, но, к сожалению, мы пока еще не знаем их фамилий.

Однако большинство бойцов этого «женского батальона», как окрестил его генерал Блюментритт, были безоружными и находились в крепостных подвалах. Там женщины вели свой бескровный, но не менее тяжелый бой за жизнь своих детей в обстановке постоянной опасности, невыносимых трудностей и лишений. Они делали все, что могли, для спасения жизни раненых защитников крепости, взяв на себя заботливый, ласковый уход за ними.

Поистине героическую стойкость проявили бойцы этого «женского батальона». В мирное время верные спутницы и подруги командиров, они и в военной обстановке оказались достойными своих мужей и внесли свой большой вклад в оборону Брестской крепости.

Чего только не пришлось пережить этим женщинам!

В первые минуты войны мужья покинули их, и они остались одни со своими детьми, беззащитные среди сумасшедшего грохота взрывов, воя бомб, рева самолетов, круживших над крепостью.

Ни одна из них не попыталась задержать своего мужа — они знали, что теперь долг, более властный, чем обязанности отца и супруга, зовет командиров туда, в казармы, где живут их бойцы.

Эти женщины, прижимая к себе детей, под огнем бежали из домов, спеша укрыться в земляных валах крепости, в глубоких казематах, в подвалах. И многие из них, прежде чем они достигли спасительных убежищ, погибли там, во дворе крепости, под взрывами бомб и снарядов, под очередями гитлеровских пулеметов.

Для того чтобы вы хоть немного представили себе, что

пережили эти женщины и дети в страшное утро 22 июня 1941 года, я расскажу вам одну историю, которую услышал еще во время первой своей поездки в Брест. Это история маленького мальчика Алика Бобкова.

ИСТОРИЯ АЛИКА БОБКОВА

Младший лейтенант Александр Бобков был командиром роты 37-го отдельного батальона связи и вместе с семьей жил в одном из домов комсостава в северной части Брестской крепости.

Как только раздались первые взрывы, он велел жене одеть детей и решил по пути в роту отвести семью в находившееся поблизости убежище.

Собственно говоря, это было не убежище, а подземный склад, где хранились овощи, но в его глубине, под защитой надежных, бетонированных сводов, жена и дети могли в безопасности переждать бомбежку и обстрел.

Жена наспех завернула в одеяло грудную дочь, а отец взял за руку пятилетнего Алика, и под огнем они бросились бежать к этому складу. Когда они подбежали к его дверям, то оказалось, что здесь уже собралось несколько командиров со своими женами и детьми. Однако проникнуть внутрь склада не удавалось, потому что на массивных дверях висел тяжелый замок, который никак не могли сбить.

Все сгрудились тут, у дверей, и мужчины возились с замком, безуспешно стараясь сломать его. К счастью, над этими дверьми был устроен большой бетонный козырек, который немного защищал столпившихся здесь людей от рвущихся неподалеку снарядов. Правда, по бокам козырек был открыт, и поэтому осколки и шальные пули иногда свистели над головами людей.

Между тем наблюдатели противника с аэростатов, видимо, заметили толпу, скопившуюся у склада, немецкая артиллерия начала обстреливать этот участок.

Один из снарядов сразу же разорвался в гуще толпы под козырьком. Этим взрывом были наповал убиты мать Алика Бобкова и маленькая сестра, а его отцу оторвало обе ноги. Мальчик тоже был ранен осколками.

Насмерть перепуганный Алик, крича и плача, бросился к самой двери подвала, пробираясь под ногами у людей, но в это время поблизости грохнули еще два-три взрыва, и вся толпа в панике кинулась бежать прочь.

Под козырьком, около двери склада, остались лежать толь-

ко несколько трупов, в том числе мать и сестренка Алика и его смертельно раненный отец, который то приходил в себя, то снова терял сознание.

Мальчик присел на землю около него. Он плакал, ему было больно и страшно, но все-таки здесь рядом был отец...

Прошло немного времени, и вдруг мимо дверей этого склада пробежали трое гитлеровских солдат. Один из них на бегу бросил гранату под бетонный козырек, туда, где находился Алик. Она, шипя, завертелась рядом с бесчувственным, окровавленным лейтенантом Бобковым, и мальчик, опершись на тело отца, широко раскрытыми глазами с любопытством смотрел, как волчком крутится эта граната с длинной деревянной ручкой. В этот момент лейтенант Бобков очнулся и отчаянным голосом крикнул сыну:

— Ложись!

Мальчик упал прямо на тело отца, головой к гранате.

Раздался взрыв. Этим взрывом лейтенант Бобков был убит, а Алик снова ранен множеством осколков.

К счастью, ни один осколок не попал ему в голову — все ранения пришлось в спину и в ноги.

Этим же самым взрывом был сбит замок, висевший на дверях склада, и двери распахнулись.

Тогда Алик, который уже не мог ходить, пополз туда, в сырую подземную темноту склада.

Мальчик потерял много крови и был очень слаб. Ему мучительно хотелось пить, и он долго ползал по мокрому, холодному бетонному полу в поисках воды. Там оказались какие-то лужи, но, когда он пробовал пить из них, вода имела соленый привкус. Здесь, видимо, был разлит овощной рассол.

Потом Алику удалось отыскать в одном из углов подвала несколько кусочков льда, и он, пососав их, немного утолил жажду.

Он был совершенно измучен, время от времени терял сознание, ему хотелось только найти сухое место и прилечь. Наконец он заполз на какую-то доску и лег там.

Сколько дней пробыл он в этом подвале — неизвестно. Он очнулся, не в силах даже пошевелиться, молча глядя на видневшийся вдали светлый прямоугольник двери. Потом в этом прямоугольнике появился темный силуэт человека, и кто-то вошел в подвал. Зажегся карманный фонарик, и лучик его забегал по стенам, подкрадываясь все ближе, пока не осветил Алика.

Мальчик лежал неподвижно, слегка прижмурив глаза. Тогда человек нагнулся и поднял его на руки.

Это был немецкий солдат, который зашел сюда осмотреть

подвал. Он понес мальчика к выходу, а Алик, обняв руками его шею, рассказывал немцу о том, как убили его отца, как погибли мать и сестренка.

Солдат вынес Алика во двор. Трупы уже были убраны, и только высохшие пятна крови еще оставались на бетонном полу у входа в подвал.

Немец поставил мальчика на землю, но Алик, вконец обессиленный, не мог держаться на ногах и тут же упал ничком.

Тогда солдат поднял его и понес к санитарной машине, стоявшей поодаль. Алика отвезли в городскую больницу в Брест.

Можно себе представить, сколько ранений оказалось на теле мальчика, если после того, как ему сделали в больнице перевязку, у него остались незабинтованными только часть одной руки и голова. Все тело сплошь было закрыто бинтами.

Алик провел в больнице четырнадцать месяцев. Он вышел оттуда только осенью 1942 года.

Потом он жил у своей дальней родственницы, а когда Брест был освобожден, воспитывался в детском доме вместе с дочерьми капитана Шабловского.

Когда я встретил Алика Бобкова в 1954 году, это был уже молодой человек, высокий, худой, бледный и очень застенчивый, словно то, что он пережил мальчиком там, в Брестской крепости, на всю жизнь оставило печать на его характере.

В то время, когда мы познакомились, он заканчивал вместе с Таней Шабловской фельдшерскую школу в Бресте.

А сейчас уже не Алик, а Александр Александрович Бобков окончил Минский медицинский институт и приехал работать врачом на столь памятную ему Брестщину. Он заведует теперь врачебным участком в селе Гостынь Лунинецкого района Брестской области.

Я понимаю, что рассказал очень тяжелую, мрачную историю. Быть может, кто-нибудь из читателей скажет мне: зачем беречь старые раны, зачем вспоминать о тех страшных, полных ужасов и крови днях сейчас, в мирное время?

Но имеем ли мы право забывать, что стоили нам мир и свобода? Разве не было бы такое забвение предательством перед памятью павших воинов, перед горем безутешных матерей, одиноких вдов, осиротевших детей?

Этого нельзя забывать во имя нашей упорной борьбы за мир, которая немыслима без горькой памяти о бедствиях минувшей войны. Этого нельзя забывать еще и потому, что на

земле, взрастившей фашистское чудовище, снова шевелится и поднимает голову недобитый и по-прежнему ненасытный германский милитаризм, который уже дважды ввергал в кровавые боины все человечество.

ПОД ВЛАСТЬЮ ВРАГА

Вместе с детьми и тяжелоранеными женщины укрылись в глубоких подземных казематах, в бетонированных крепостных подвалах. Но при всей относительной безопасности этих убежищ безвыходно находиться в них было едва ли не более трудно, чем оставаться там, наверху, где на развалинах, среди огня и смерти, яростно дрались защитники крепости.

Там, наверху, люди активно действовали, боролись, глядя в лицо опасности, встречая ее грудью. Бешеное напряжение этой борьбы прогоняло ощущение страха, забирало все силы мускулов и нервов, не оставляя времени и места для переживаний.

Обитатели подвалов, наоборот, были обречены на вынужденное бездействие. Здесь царила атмосфера мучительной неизвестности, глухой, безысходной тревоги, напряженного тоскливого ожидания. Стоны раненых, плач детей тонули в тяжком грохоте, колебавшем массивные своды. Порой близкие взрывы авиабомб так встряхивали эти подземные коробки, что трескались бетонные полы подвалов и от мощного воздушного удара у людей шла кровь из носа и ушей.

Напрягая слух, женщины жадно ловили долетающие в подвал звуки боя, стараясь угадать, что происходит наверху. Каждый раз бомбежка или обстрел крепости из крупнокалиберных орудий заставляли их дрожать за жизнь детей и за свою участь в ежеминутном ожидании того, что прямое попадание бомбы или снаряда похоронит их под обломками этих тяжелых сводов. Больно сжимали сердце тревожные мысли о судьбе мужей, ведущих бой, и в бессильном отчаянии наблюдали они, как слабеют их дети и смерть от голода и жажды все ближе подступает к ним.

Но это были мужественные женщины, они старались вынести все эти испытания без слез и жалоб, так же стойко, как сражались с врагом там, наверху, их мужья.

А потом пришло новое, еще более страшное испытание.

Когда на участке 333-го стрелкового полка положение стало совершенно безнадежным, в подвал к женщинам пришел начальник 9-й погранзаставы лейтенант Кижеватов. Покрытый

пылью и копотью, до предела измученный, весь в окровавленных повязках, пограничник тем не менее старался говорить с ними бодро и даже шутливо.

— Ну, женщины,— сказал Кижеватов,— побывали вы тут с нами, и хватит. Пора расставаться. Приказываю: берите детей, берите белый флаг и идите сдаваться в плен. В плену хоть кто-нибудь из вас уцелеет, детей сбережете, а здесь всех ждет верная гибель.

Но женщинам, как и их мужьям, плен был ненавистен, и они заявили, что никуда не уйдут и останутся в крепости до конца. Некоторые даже говорили, что лучше бы Кижеватов велел бойцам перестрелять их вместе с детьми, чем отправляться в плен на муки, где все равно смерть неминуема.

Однако лейтенант был непреклонен. Он сказал, что таков приказ командования и они, жены командиров, должны беспрекословно подчиниться ему. Женщинам дали белый флаг и отправили их в плен.

То же самое в эти дни происходило на другом участке обороны крепости, у восточных, Кобринских ворот, где сражались бойцы 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, которым командовали старший политрук Николай Васильевич Нестерчук и лейтенант Акимочкин. Видя неизбежность трагического исхода борьбы, Нестерчук тоже принял решение отослать в плен женщин.

— Слушайте, женщины,— сказал он.— Мы посылаем вас в плен, для того чтобы спасти детей. Приготовьтесь к самому худшему — вас ждут унижения, издевательства, пытки, может быть даже смерть. Помните одно: вы должны вынести все во имя нашей Родины и ради того, чтобы сохранить для нее своих детей.

Вместе с женщинами и детьми в подземных казематах дивизиона находилась и дочь Нестерчука, четырнадцатилетняя Лида. Она плакала и просила отца оставить ее здесь, не отсылать от себя. Но Нестерчук наотрез отказал ей. Лида слышала, как он тихо сказал начальнику штаба лейтенанту Акимочкину:

— У меня в пистолете осталось два патрона: один — для врага, другой — для меня. Когда наступит последний момент, у меня не хватит сил застрелить ее своей рукой. Пусть она уходит.

И Лида ушла вместе с женщинами.

Трудно передать все, что пришлось пережить этим женщинам там, в плену. Некоторые из них были расстреляны вместе с детьми, над другими издевались, заставляя становиться на колени перед пулеметами и фотографируя эти сцены.

С них срывали одежду, избивали, подгоняя ударами прикладов, погнавши потом в Брест, в городскую тюрьму.

Жена одного из командиров Анастасия Никитина-Аршинова рассказывала мне о том, как группу женщин и детей, в которой находилась и она, вели в плен. Был знойный день, и автоматчикам-конвоирам очень не хотелось идти по такой жаре. Отойдя немного от крепости, они хотели расстрелять здесь же, на месте, всю колонну пленных. Но среди них был один пожилой солдат, решительно воспротивившийся этому расстрелу. То и дело конвоиры останавливали колонну, наводили на женщин и детей автоматы, но каждый раз пожилой солдат, крича и ругаясь, заставлял их отказаться от своего намерения. В конце концов они рассердились на него и ушли назад, в крепость, а он, уже в одиночку, конвоировал пленных до самого Бреста.

Больше двух недель женщины с детьми провели в набитой до отказа брестской тюрьме, где их морили голодом, а потом кормили тухлой треской. Но когда их выпустили, то «на свободе» оказалось немногим легче.

В городе и в окрестных деревнях, где поселились жены наших командиров, их ждало еще немало тяжких испытаний. Они остались без всяких средств к существованию. Имущество их было разграблено. Чтобы прокормить детей, эти женщины нанимались на самые тяжелые работы, а многие из них — жены полковников, майоров, лейтенантов — вынуждены были под угрозой голодной смерти просить милостыню у крестьян. И они ходили по деревням, собирали там подавание, поддерживая этим силы своих детей.

Во всех превратностях судьбы эти женщины никогда не теряли веры в будущую победу. Они были убеждены, что рано или поздно на востоке снова загремят советские пушки и Красная Армия принесет им долгожданное освобождение. Все долгие, гнетущие годы оккупации они жили мечтой о том желанном дне, и только эта надежда давала им силы вынести все, что выпало на их долю.

Дочери Советской Родины, воспитанные партией борцов, они не прозябали в пассивном ожидании свободы и не забывали о борьбе. Одни из этих женщин приняли участие в подпольной работе коммунистических организаций в Бресте и его окрестностях. Другие устанавливали связь с партизанами, выполняли их задания или уходили в отряды. В Брестской области были так называемые семейные партизанские отряды, где вместе с бойцами-мужчинами находились также женщины с детьми.

А потом наступил страшный сорок второй год, когда гит-

леровцы начали почти поголовно расстреливать всех, как они говорили, «восточников» — семьи командиров, партийных и советских работников, приехавших в Брестскую область после освобождения Западной Белоруссии. Из местечек и деревень полицаи свозили эти семьи в районный центр Жабинку, близ Бреста. Там, на окраине Жабинки, в течение многих дней не смолкал стрекот пулеметов, и тела расстрелянных женщин и детей ряд за рядом ложились в заранее выкопанные рвы.

Но и эта зверская расправа не смогла запугать тех, кто остался в живых. Смелые женщины продолжали борьбу — они так же беззаветно верили в будущую победу. Рассказывают, что, когда в 1944 году наши самолеты впервые бомбили военные объекты врага в Бресте, эта ночь была подлинным праздником для жен и детей командиров, живших в городе. В то время как оккупанты и их пособники прятались в подвалах и убежищах, эти женщины и дети выбегали на улицы, прямо под бомбежку, как под благодатный весенний дождь, словно веря, что бомбы, сделанные руками советских людей, не смогут поразить их. Они подбирали осколки этих бомб, еще горячие после взрыва, целовали их и потом бережно хранили у себя.

И они дожили в конце концов до желанного дня. Пришла Советская Армия, и снова в западнобелорусских землях прочно установилась Советская власть.

А потом окончилась война, наступил День Победы. Но только немногие из этих женщин дождались возвращения своих мужей — большинство командиров пало в боях 1941 года или погибло в гитлеровском плену.

Семьи командиров получали государственные пособия или пенсии, но еще нелегко было жить в то время на разоренной, разграбленной врагом земле, лишь постепенно заживающей свои раны. И в эти послевоенные годы женщинам пришлось переносить еще немало трудностей. Вдовы, оставшиеся единственными кормилицами своих детей, вынуждены были усиленно работать и нередко испытывали материальную нужду и лишения.

Все пережитое наложило на них неизгладимый отпечаток. Еще сравнительно молодые, они рано постарели, преждевременные морщины легли на их лица, их руки загрибели от трудной работы. Но совесть их чиста и спокойна — среди выпавших им тяжких испытаний они сумели сохранить своих детей, вырастили и воспитали их достойными советскими гражданами, преданными народу и партии коммунистов, такими же, как были их отцы, погибшие в Брестской крепости в дни героической обороны.

Все народы, кроме немецкого, все нации, кроме германской, были для гитлеровцев неполноценными и лишними жителями земли. С тупой надменностью расовая теория гитлеризма заявляла, что господами, хозяевами на нашей планете предназначены быть только германцы, а другие народы либо вовсе исчезнут с лица земли, либо останутся как слуги, рабы, рабочий скот немецких завоевателей.

Первыми среди этих «неполноценных» наций должны были исчезнуть евреи. Им гитлеровцы не оставляли никакого «либо», этот народ был обречен фашистами на поголовное истребление. И во всех странах, завоеванных гитлеровской армией, истребление евреев проводилось с невиданным размахом, с подлинно немецкой планомерностью и организованностью. Миллионы людей еврейской национальности или с примесью еврейской крови стали жертвами массовых расстрелов, сгорели в печах лагерных крематориев, были задушены в газовых камерах или машинах-душегубках. Целые кварталы в городах, превращенные в еврейские гетто, сжигали и разрушали вместе с тысячами населяющих их жителей, носивших на одежде желтую шестиконечную звезду — обязательный знак еврея в оккупированных немцами странах.

Помнят киевляне, как час за часом тянулись по улицам города бесконечные колонны евреев, которых вели на расстрел в Бабий Яр. Помнят узники Освенцима, Майданека, Трешлипки, как тысячные партии евреев из Польши и Венгрии, из Советского Союза и Чехословакии, из Голландии и Франции непрерывным конвейером смерти проходили через газовые камеры и штабелями трупов ложились у печей крематориев, не успевавших сжигать мертвые тела. Узнайте у бывших заключенных Маутхаузена, как десятки самолетов с фашистскими крестами на крыльях в один день разбомбили «еврейский филиал» этого лагеря уничтожения, перемешав с землей все его многотысячное население. И в сотнях больших и малых городов расскажут вам о страшной участи тех, кто жил в огороженных колючей проволокой бесчисленных гетто.

В Бресте, где издавна жили тысячи евреев, они испытали то же, что и везде. Так же метили их здесь шестиконечными звездами, так же издевались над ними, так же согнали в гетто, огородив колючей проволокой кварталы, а потом в 1942 году так же, как и в других местах, жители этого гетто были поголовно уничтожены.

Чтобы вы представили себе всю меру горя и мучений,

выпавших на долю этих людей, я расскажу вам историю Романа Левина, еврейского мальчика из Бреста.

Левины не были уроженцами Бреста. Они приехали из восточных областей после освобождения Западной Белоруссии. Семья была большая — бабушка, дедушка, отец, мать, маленький Роман и его шестнадцатилетняя сестра. Отец работал в одном из брестских учреждений, мать вела хозяйство, а Роман, которому исполнилось десять лет, уже третий год ходил в школу.

Это лето 1941 года началось для мальчика, как всегда, многолюдным, шумным пионерским лагерем, раскинувшимся в лесу, неподалеку от границы. Походы, купанье, игры, вечерние лагерные костры — все, казалось, шло, как и в прошлом году, весело, интересно. И ни детям, ни воспитателям было невдомек, что не игры в войну, а настоящая и страшная война ожидает их нынешним летом и что через несколько дней вместо теплого огонька пионерского костра в этом приграничном лесу забушует гибельный огонь германских пушек.

Лагерь был близко от Бреста, и детей сумели в то утро 22 июня быстро доставить в город. Отца Роман уже не застал дома — он ушел на работу в первые минуты войны, и с тех пор родные его больше не видели.

Часов в десять утра к дому, где жили Левины, подъехал долгожданный грузовик. В него посадили несколько семей. На улицах рвались снаряды, слышались винтовочные выстрелы, но машина благополучно проскочила к южной окраине города и выехала на Московское шоссе. Всем казалось, что они уже спасены. И вдруг впереди застрочили автоматы, и дед Романа упал на дно кузова убитый. Путь на восток был отрезан — на шоссе засели гитлеровцы.

Так Левины остались в Бресте. Они вернулись домой, похоронили деда, и для них началась жизнь, полная горя и унижений, жизнь, где все лучшее, светлое оставалось в прошлом, настоящее было беспросветно тяжким, а будущее не сулило ничего, кроме тревожных опасений, острого предчувствия смерти. Десятилетний Роман, который до того был просто советским мальчиком, пионером и школьником, вдруг узнал, что он — еврей и что поэтому его могут безнаказанно обидеть, ударить или даже убить. Он читал в газете оккупантов, слышал от немцев и их приспешников оскорбительные слова в адрес евреев, и вокруг ползли зловещие слухи о будущей расправе с ними.

Мать Романа, считая, что они будут в большей безопасности, если уедут из города, вскоре устроилась работать на небольшом хуторе близ местечка Жабинки. Она увезла с со-

бой и Романа, а дочь батрачила в соседней деревне. Только бабушку они не успели взять к себе: в Бресте было создано еврейское гетто, и ее забрали туда, в огражденные колючей проволокой и охраняемые кварталы.

На хуторе вместе с Романом и его матерью жили и другие женщины с детьми — семьи наших командиров, партийных и советских работников — «восточники», как называли их теперь. Приходилось много и тяжело работать, жить впроголодь, спать всем вместе на нарах в дощатом бараке, но все же они кое-как перебивались, и одно время казалось, что жизнь вошла в какую-то колею и можно будет перетерпеть и дождаться своих.

Однако наступила осень 1942 года, и все изменилось. Газеты снова затрубили о немецких победах, о поражениях Красной Армии, о неминуемом и скором разгроме Советского Союза. Потом из Бреста донеслись жуткие вести — все население гетто было вывезено за город и расстреляно. Там погибла и бабушка Романа. А затем повсюду — и в городах и в деревнях области — началась охота за «восточниками»: их уничтожали целыми семьями — детей, женщин, стариков. Люди на хуторе затаились, притихли, в страхе ожидая своей очереди.

И эта очередь пришла. Однажды ночью хутор оцепили эсэсовцы и полицаи.

Мать Романа тотчас же поняла, что явилась смерть. Она уже не думала о себе — ею владела только одна мысль: как спасти сына. Прежде чем гитлеровцы ворвались в барак, она успела сказать Роману, чтобы он спрятался под нарами. Мальчик кинулся туда и, съжившись, притаился за большим чемоданом. Он слышал топот сапог, испуганные крики детей и женщин, резкие команды, грубую ругань полицаев, и вдруг сквозь этот шум до него донесся тихий, скорбный голос матери: «Прощай, мой мальчик!»

Потом всех вывели наружу, один из полицаев осмотрел еще раз все помещение и заглянул под нары, но за чемоданом не заметил спрятавшегося Романа и тоже ушел. Возгласы и крики, доносившиеся со двора, постепенно удалились и смолкли — эсэсовцы и полицаи повели людей к ближнему лесу.

Тогда мальчик вылез из своего убежища и, отворив окно, выбрался во двор. Охваченный инстинктивным паническим страхом, он бросился бежать в темноту, сам не зная куда и зачем, а сзади, словно подхлестывая его, неслись злые трескучие очереди автоматов — гитлеровцы делали свое палаческое дело.

Помнившись немного, он решил идти в соседнюю дерев-

ню — к сестре. Но когда он вызвал ее из дому и рассказал все, что произошло, она плача сказала:

— Тебе нельзя оставаться со мной. Нас здесь тоже расстреляют, может быть сегодня или завтра. Уходи, попробуй спастись. Иди на восток, ты маленький, — возможно, кто-то сжалятся над тобой.

И мальчик пошел.

Стояла осень, лил дождь, густая грязь была на дорогах. Вымокший, дрожавший от холода, бесприютный, Роман шел наугад полевыми дорогами, лесными тропками. Маленький, слабый и беспомощный человек, он вдруг оказался один, без родных, без крова, без куска хлеба в огромном, чужом и враждебном ему мире. Смерть шла по пятам за ним, смерть, казалось, подстерегала его за каждым поворотом дороги, в каждом доме на его пути, в каждом встречном прохожем, который мог оказаться гитлеровцем или полицаем. И хотя Роман научился лгать и выдавать себя за украинца, называя вымышленную фамилию, он знал уже, что у него типично еврейская внешность, и понимал, что полиция скорее всего не поверят ему.

Он старался не заходить в деревни, спал где попало, ел что придется и все время опасался роковой встречи с полицией. И все-таки она произошла два или три дня спустя. Полицай встретил мальчика неподалеку от Жабинки и, внимательно взглядевшись в его лицо, повел с собой.

Они пришли в Жабинку, одно название которой в те дни внушало людям ужас: именно сюда свозили «восточников» из окрестных деревень и за окраиной этого местечка происходили массовые расстрелы. А когда они оказались перед начальником жабинской районной полиции — известным на всю округу палачом, — Роман понял, что судьба его решена.

У начальника полиции сидела какая-то женщина — молодая и красивая. Полицай, который привел Романа, прервал их беседу и доложил о задержанном. Мельком взглянув на мальчика и задав ему для проформы два или три вопроса, начальник полиции молча сделал своему подчиненному знак, и Роман догадался, что этот жест обозначает его смерть. Полицай толкнул Романа автоматом, приказывая идти к дверям, но их остановила женщина, сидевшая у стола.

Она вдруг стала просить начальника полиции отдать ей этого мальчика, чтобы он помогал ей дома по хозяйству. Роман заметил, что просьба эта не пришлась по душе начальнику полиции, но он все же не отказал женщине и отпустил полицая.

Женщина привела Романа к себе домой. Она оказалась

жительницей Жабинки, полькой по национальности, Флорией Будишевской. Жила она с сестрой и сыном Марианом, однолетком Романа. Пожалев мальчика, она взяла его совсем не как работника по дому, а для того, чтобы он рос и воспитывался вместе с ее сыном. И Роман, находившийся на волосок от смерти, неожиданно для себя попал в дом, в семью, к женщине, которая была с ним ласковой и доброй и во многом заменила ему в это тяжелое время погибших мать и сестру.

Влияние Будишевской на начальника полиции объяснялось просто: в ее доме долго жил важный немецкий чиновник, покровительствовавший своей хозяйке. И Флория порой ловко пользовалась его поддержкой. Ей удалось спасти от расстрела несколько семей «восточников», она не раз помогала попавшим в беду русским. А потом Роман заметил, что к его приемной матери иногда ночами ходят какие-то непонятные люди, с которыми она разговаривает наедине, полупшепотом, и стал догадываться, что Будишевская связана с партизанами.

Мало-помалу прекратились расстрелы. Пришли известия о разгроме немцев на Волге, постепенно изменился тон газет, и стало ясно, что Советская Армия теснит врага. Уже по-другому вели себя полицаи, — видимо, они начали подумывать о возможном исходе войны и о своей будущей судьбе. Все шире и активнее действовали в окрестных лесах партизаны. Воскресли, оживились надежды людей на скорое освобождение.

Летом 1944 года жители Жабинки наконец услышали долгожданный голос фронта — дальний гул канонады, доносившийся с востока. И тогда Роман Левин решил идти навстречу наступающим советским войскам. Флория Будишевская и Мариан проводили его в дорогу. Верующая католичка, Флория на прощание благословила мальчика и надела ему на шею маленький серебряный медальон-иконку. Поблагодарив свою спасительницу, Роман ушел и вскоре оказался уже по ту сторону фронта, в деревне, освобожденной Советской Армией.

А когда немного позже была освобождена вся Брестская область, он узнал, что через несколько дней после его ухода Флория Будишевская была арестована гестапо, — видимо, ее связи с партизанами стали известны немцам. Ее увезли в Брест и расстреляли накануне освобождения города.

Роману вскоре удалось найти своего отца — он ушел из Бреста в первый день войны вместе с войсками и остался жив. Мальчик жил сначала с ним, а в девятнадцать лет стал самостоятельным. Он работал на заводе в Одессе, потом переехал в Харьков, обзавелся своей семьей и сейчас заведует клубом на одном из харьковских предприятий. Несколько лет назад

ему после долгих поисков посчастливилось разыскать сына Флории, Мариана Будишевского, который сейчас работает инженером в Варшаве. Названные братья постоянно переписываются и надеются встретиться.

В эти послевоенные годы обнаружилось поэтическое дарование Романа Левина. Сейчас он член Союза писателей Украины, автор многих стихов и книжки «Цена счастья», изданной в 1958 году в Харькове. В этом сборнике есть стихотворение «Медальон». Я привожу его в заключение своего рассказа не из-за художественных достоинств этих стихов (с тех пор Роман Левин сильно вырос как поэт), а как стихотворный документ, своего рода поэтическую военную автобиографию мальчика из Бреста.

МЕДАЛЬОН

Флории Будишевской

1

Начинался день рассветом мутным...
Оставляя по утрам кювет,
Мальчуган, босой и бесприютный,
Шел дорогой небывалых бед.

Трижды он бежал из-под расстрела,
Мыкался по польским хуторам,
Смерть из каждой щелочки смотрела
И упрямо кралась по пятам.

Что успел он повидать на свете?
Где его дорога началась?
Дул над миром предвоенный ветер,
Когда мальчик кончил третий класс.

Справа Брест огнями серебрился,
Рядом Буг границей пролег.
В пограничной зоне разместился
Пионерский летний городок.

На ночь в пуще затихали птицы,
Месяц над землею нависал,
И тогда, наверно, за границу
Долетали наши голоса.

Эхо возвращалось из Заречья,
Полного тревожной тишины.
Но, быть может, самый тихий вечер
Был на грани мира и войны.

Угли в лагерьном костре сгорали,
Звезды становились тусклыми,
А за Бугом спешно расчехляли
Крупновские серые стволы.

Нервно нахлобучивая каски,
Сигареты докурить спеша,
Замерли под Бялою Подляскою
Немцы на исходных рубежах.

2

Томики Майн Рида и Жюль Верна,
Полные придуманных тревог,
Уступили место непомерным
Испытаниям Родины его.

Человек одиннадцатилетний,
На нелегком повзрослев пути,
В первый раз до мелочей последних
Родину, Отчизну ощутил.

Родиной был дом и школа рядом,
А отныне родиною стал
Косогор в воронках от снарядов
И кювет, где он заночевал.

Родиной стал воздух горьковатый,
Порохом пропитанный насквозь,
И могила русского солдата,
Где звезду оставить не пришлось.

Да и сам он, мальчуган живучий,
Потеряв отцовское жилье,
Стал слезинкой Родины горячей
И частицей стойкости ее.

И, когда был к жизни путь потерян,
Цепь облав ждала невядалеке,
Женщина ему открыла двери
В небольшом полесском городке.

От фашистских глаз надежно скрыла
И, похлопотав над очагом,
Сытно, по-хозяйски накормила,
Не спросив почти что ни о чем.

Есть слова, не одобренные делом,
И поступки честные без слов,
Но всего честней на свете белом
Был мальчишку приютивший кров.

Где-то на Полтавщине далекой
 Мать его когда-то родила.
 Не вчера ль над ямой неглубокой
 Пуля сердце матери нашла?

Было бы спокойней умереть ей,
 Если б знала, что в последний час
 В этом непомерном лихолетье
 Кто-то сына от расстрела спас.

Что, ресницы сонные смежая,
 Он уснул, спокойствием храним,
 Что из Польши женщина чужая
 Матерью склонилась над ним.

Ночь поблекла и ушла на запад,
 Вместе с ветром унося туда
 Наших нив испепеленных запахов,
 Раненых германцев поезда.

И, когда окрасился упрямо
 Горизонт кровавою зарей
 И у зданья волостной управы
 На посту сменился часовой,

С трижды распроклятою утайкой,
 Не решив еще идти куда,
 Распрощавшись с доброю хозяйкой,
 Снова дом мальчишка покидал.

У дверей она остановила
 И, хотя был мальчик не крещен,
 Всею пятерней перекрестила,
 Повязав на шею медальон.

На пластинке тоненькой мадонна,
 Неземным видением представ,
 С мальчиком пошла по опаленным,
 Самым грешным и святым местам.

И опять игра со смертью в прятки,
 И опять дороги вкривь и вкось,
 И опять скитания с оглядкой,
 И ночлеги где и как пришлось.

То ли впрямь он родился в сорочке,
 То ли стал спасительным щитом
 Медальон, где две латинских строчки
 Были у мадонны над перстом.

И совсем не верующий в бога,
 До сих пор храню я медальон
 В память об исхоженных дорогах
 И о той, кем был благословлен.

В трудных боях добывалась победа над врагом на фронте. Тяжелыми и сложными были неравная борьба и полная лишений лесная жизнь партизан. Но едва ли не в самых тяжелых условиях пришлось действовать тем советским людям, которые вели тайную борьбу с фашистскими захватчиками, — нашим подпольщикам.

Фронтвики и партизаны дрались с врагом в открытую, их ненависть к гитлеровцам выплескивалась огнем винтовок и автоматов, взрывами гранат, бешеными рукопашными схватками. А в каждодневной жизни они были коллективом советских людей, если, конечно, не считать особых, военных условий их быта. Иное дело подпольщики. Они не могли помышлять об открытой борьбе, они жили среди оккупантов, зная, что за ними всегда следит злое гестапо, что каждый их неосторожный шаг подстерегают явные и тайные пособники врага.

Приходилось всячески скрывать свою ненависть, постоянно притворяться, порой таиться даже от родных и близких людей, а иногда и играть роль фашистского прислужника, получая за это презрение народа. Надо было отбросить привычные прямоту, откровенность и сочетать в своем характере смелость и осмотрительность, решительность и осторожность, изобретательность и изворотливость. И при этом подпольщик всегда знал, что если он потерпит неудачу, попадет, будет выслежен или выдан предателем, то его ждет страшный конец — избиения и пытки, все изощренные муки, которыми гитлеровские палачи старались «развязать язык» своих жертв. Больше того — он знал, что такая же участь может постигнуть и его семью.

И все же люди сознательно и смело шли на это. Буквально на всей оккупированной территории Белоруссии, Украины, в прибалтийских республиках, в занятых врагом областях Российской Федерации, в каждом городе и во многих селах, активно и бесстрашно действовали антифашистские подпольные организации, внося свой важный вклад в общенародную борьбу, в дело будущей нашей победы.

Героические, преданные Родине советские люди, но в большинстве своем неискушенные конспираторы, подпольщики нередко терпели поражение в смертельном состязании с опытным, мощным аппаратом гестапо и полиции; выданные провокаторами и предателями, они погибали, как мученики, под пытками, бестрепетно шли на казнь, ничем не запятнав своей совести.

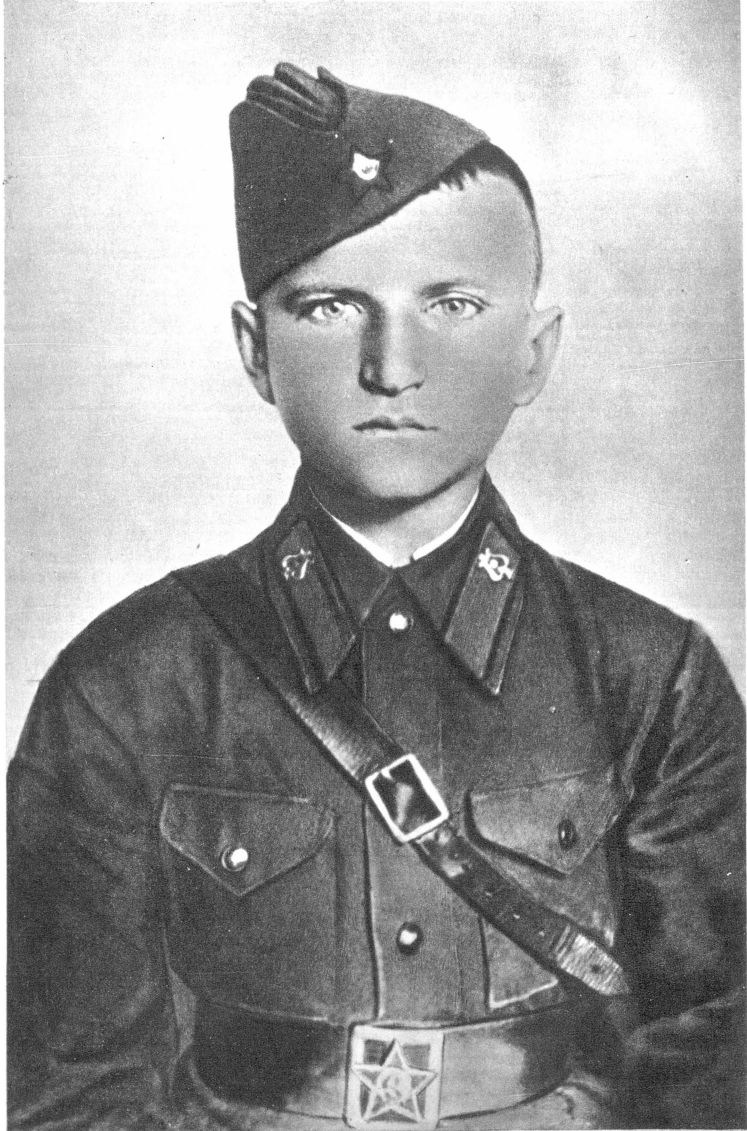
СТАРШАЯ ДОЧЬ
КАПИТАНА ШАБЛОВСКОГО
РАИСА.

ДОЧЕРИ КАПИТАНА ШАБЛОВСКОГО
ТАНЯ, СВЕТЛАНА, НАТАША.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОБОРОНЫ КРЕПОСТИ. СНИМОК ИЗ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛА.

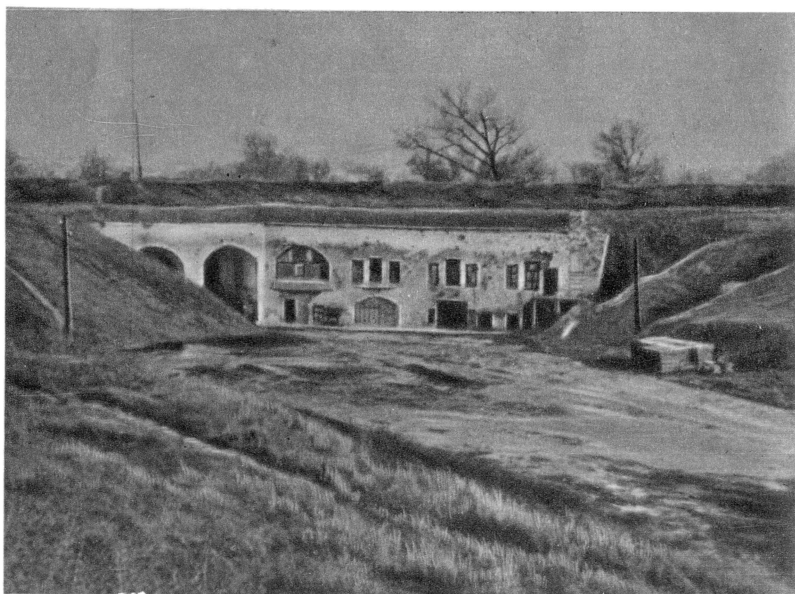

ПЕТЯ КЛЫПА. 1941 ГОД.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ВОСТОЧНОГО ФОРТА
К. Ф. КАСАТКИН. 1941 ГОД.

ВОСТОЧНЫЙ ФОРТ. ВИД С ЦЕНТРАЛЬНОГО ДВОРА.

ПОЛИТРУК ВОСТОЧНОГО ФОРТА.
С. СКРИПНИК. 1941 ГОД.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
И. Д. ДОМИЕНКО. 1941 ГОД.

КОМИССАР Е. М. ФОМИН. 1941 ГОД.

КАПИТАН И. Н. ЗУБАЧЕВ. 1941 ГОД.

КРАСНОАРМЕЕЦ А. П. БЕССОНОВ.
1941 ГОД.

КРАСНОАРМЕЕЦ В. П. ПУЗАКОВ.
1941 ГОД.

КРАСНОАРМЕЕЦ
Н. В. ГАЙВОРОНСКИЙ.
1941 ГОД.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В. И. БЫТКО.
1941 ГОД.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ И. В. СГИБНЕВ.
1941 ГОД.

ВОЕНФЕЛЬДШЕР РАИСА АБАКУМОВА. 1941 ГОД.

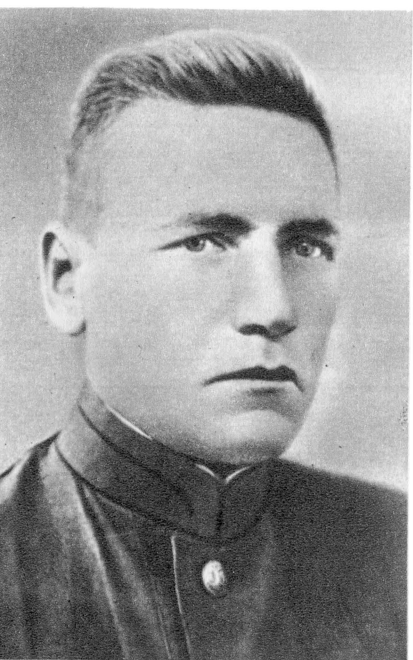
ЛЕЙТЕНАНТ А. А. ВИНОГРАДОВ. 1941 ГОД.

ЛЕЙТЕНАНТ А. И. СЕМЕНЕНКО.
1941 ГОД.

СТАРШИНА ВЯЧЕСЛАВ МЕЙЕР.
1941 ГОД.

А. И. СЕМЕНЕНКО. 1956 ГОД.

А. А. ВИНОГРАДОВ. 1956 ГОД.

Р. И. АБАКУМОВА. 1956 ГОД.

К сожалению, история нашего антифашистского подполья в годы Великой Отечественной войны в большей своей части еще остается нераскрытой, неисследованной, неизвестной народу.

Ядром и костяком этой широкой подпольной сети были, как известно, коммунисты и комсомольцы. Как правило, такое ядро формировалось заранее партийными организациями в областях, городах, районах еще до прихода оккупантов. Но часто случалось, что по неопытности организаторов, по непредвиденным обстоятельствам или из-за прямого предательства эта первичная сеть подполья оказывалась разгаданной врагом, нарушенной и парализованной. И тогда обязательно находились другие ответственные или рядовые коммунисты и комсомольцы или даже беспартийные люди, которые создавали новую сеть антифашистских организаций, восстанавливали боевое партийное подполье, поднимали народ на тайную борьбу. Быть может, в этой, порой даже многократной, преемственности, в этом незатухающем духе сопротивления — одно из самых ярких, красноречивых доказательств жизненности нашей великой идеи.

Брестская партийная организация не могла заблаговременно подготовить свое коммунистическое подполье. Враг не дал ей времени для этого — первый удар войны застал коммунистов Бреста врасплох. Уже через несколько часов Брест оказался во власти гитлеровцев, а несколько дней спустя вся область была занята оккупантами.

Тысячи людей с партийным или комсомольским билетом остались на этой оккупированной территории. Они не получили заданий, не получили никаких партийных или комсомольских поручений от своих первичных организаций, а свой билет с приходом немцев большинство из них постаралось надежно спрятать. Но ведь настоящие коммунисты и комсомольцы носят билет не только в кармане.

Сердце подсказывало человеку линию поведения в новых, непривычных и тяжелых условиях. Он не мог оставаться в стороне от борьбы, которую вели его народ, его партия, его государство. Он должен был стать участником этой борьбы, занять свое место в строю. Применяясь к трудной, полной опасности обстановке, человек начинал искать единомышленников и вместе с ними действовать, сначала робко, словно ощупью, потом все более уверенно и смело.

Одни или вместе со своими семьями, но по большей части без мужей, ушедших на восток с войсками, остались в Бресте женщины-коммунистки, служащие обкома или горкома партии, жены ответственных работников, — Роза Радкевич, Тать-

яна Смирнова, Зинаида Южная, Анна Бабушкина, Александра Хромова, жены наших командиров и политработников — Попова, Матвеева, Пименова. Общее несчастье, одна участь притесняемых, преследуемых «восточников» объединили, сдружили их, заставили помогать друг другу.

Вскоре в городе появились изголодавшиеся, раздетые, потерявшие все имущество женщины, вышедшие из Брестской крепости со своими детьми. Надо было помочь им устроиться куда-то на жительство, не дать умереть с голода. Потом стало известно, что в Южном военном городке голодают тысячи пленных бойцов и командиров, и женщины отрывали у себя и у своих детей последнее, собирали пакетики продуктов и носили туда, в лагерь, незаметно передавая за проволоку.

Мало-помалу они начинали привыкать ко всем трудностям своего существования, которое как бы постепенно входило в колею, хотя это была тяжкая колея постылой подневольной и нищей жизни в оккупации. И тогда эти женщины-коммунистки, собираясь вместе, стали думать о том, что они должны делать, как бороться с врагом.

Гитлеровцы кричали о своих победах, сулили скорый захват Москвы, писали, что советская столица горит и рушится под немецкими бомбами, а разгром Красной Армии — дело самого близкого будущего. Было невыразимо страшно слушать все это и не знать, где правда и где ложь. И хотя оккупанты строго-настрого запретили слушать радио, тем не менее женщины, идя на риск, раздобыли себе приемник и, установив его на квартире, где жили Роза Радкевич и Анна Бабушкина, принимали ежедневно сводки Советского Информбюро. Под секретом они сообщали новости с Родины другим женщинам, и известия, передаваемые от одного к другому, вскоре распространялись по всему городу. Но коммунистки понимали, что этого слишком мало, и все чаще задумывались о необходимости планомерной и широкой подпольной работы. Они даже как-то послали Радкевич и Хромову в Минск, надеясь найти там кого-нибудь из партийного подполья и получить указания. Но те вернулись ни с чем — никаких нитей, ведущих к подпольному центру, обнаружить им не удалось.

И вдруг уже в конце лета одна из женщин принесла Радкевич и Смирновой листовку, вывешенную на улице. Она была написана от руки и призывала народ к сопротивлению оккупантам. Значит, в городе действовала какая-то подпольная группа. Надо было найти этих людей, установить с ними связь и включиться в их работу.

С большим трудом через целую цепочку знакомых им коммунистов женщины наконец нашли тех, кого искали. Это

была подпольная группа железнодорожников брестского узла, которую возглавлял бывший секретарь узлового парткома Петр Жуликов. Но и железнодорожники делали только первые шаги в подпольной борьбе. Теперь женщины объединились с ними. Коммунисты собрались на заседание и выбрали подпольный обком партии во главе с Жуликовым и горком, секретарем которого стала Роза Радкевич.

Впрочем, обком вскоре прекратил свою деятельность, а Жуликов стал руководить горкомом, — на первых порах в условиях оккупации поддерживать связь с районами оказалось практически невозможно. Удалось лишь связаться с первой возникшей в брестских лесах партизанской группой, с одним из ее организаторов, председателем Старосельского сельсовета Михаилом Чернаком. Зинаида Южная, посланная на связь с партизанами, договорилась с ними о взаимодействии, о снабжении их оружием и медикаментами.

Горком постепенно расширял рамки своей работы. Были созданы первичные партийные организации, вскоре объединившие уже больше ста коммунистов. Теперь в нескольких местах принимали по радио сводки Совинформбюро, размножали их и распространяли в городе. Через своих людей, работавших в магистрате, удавалось доставать немецкие бланки для паспортов, всевозможные справки, образцы печатей магистрата и гебитскомиссара.

Этими документами снабжали пленных, бежавших из лагерей, партизанских связных. Шел сбор боеприпасов, и патроны, гранаты, оружие, добытые на немецких складах, переправляли старосельским партизанам, а потом и в другие появившиеся по соседству отряды. Подпольный горком партии и горком комсомола, созданный вслед за ним, вели работу среди молодежи, агитируя за уход в партизаны, срывая отправку людей на работы в Германию.

Узнав по радио о создании в Москве Антифашистского комитета, подпольщики организовали в Бресте такой же комитет. Он объединял работу многих антифашистских групп — пятёрок, которые вели агитацию в народе, занимались сбором средств и облигаций в фонд обороны. Комитет этот возглавила Зинаида Южная, и он проникал даже в огражденное колючей проволокой еврейское гетто, где группой руководил Григорий Меерович, и распространял свое влияние на польское население Бреста, с которым поддерживал связь подпольщик Дзеховский.

Однако не дремало и брестское гестапо. Не обладая опытом конспирации, подпольщики порой допускали досадные промахи, доверяясь ненадежным людям, и это иногда приво-

дило к тяжелым последствиям или даже к непоправимым несчастьям.

В 1942 году была арестована Роза Радкевич. Ее выдал на допросе захваченный полицией военнопленный, которого она после его побега из лагеря снабдила поддельным паспортом. Но в то время у нее были документы на имя Милькиманович, а предатель назвал ее настоящую фамилию. Это спасло подпольщицу: полиция сочла арест ошибкой и выпустила Радкевич из тюрьмы. Позже был арестован вместе со своей семьей Петр Жуликов. Собрав деньги, подпольщики дали взятку полицейским чинам, и секретаря подпольного горкома освободили. Но Жуликов уже тяжело болел, и обязанности секретаря с этих пор возложили на Татьяну Смирнову. В 1943 году последовал новый арест, и Петр Жуликов с несколькими товарищами был замучен в тюрьме.

Выданная предательницей, погибла смелая девушка, фармацевт городской аптеки Гая Аржанова. С помощью Гали в партизанские отряды были переправлены многочисленные партии медикаментов на десятки тысяч рублей. Схваченная гестаповцами, она стойко вынесла 26 допросов, сопровождавшихся пытками, и, не сказав ни слова палачам, была повешена во дворе брестской тюрьмы.

Но, несмотря на эти провалы, на все опасности, подстерегавшие их на каждом шагу, подпольщики продолжали борьбу. Мало того, они привлекали к этой работе своих близких, даже детей. Восьмилетняя Зоя, дочь Татьяны Смирновой, служила связной между подпольщиками, относила партизанским разведчикам добытые для них сведения. Другая девочка, дочь подпольщицы Захарской, Лера, доставляла в город взрывчатку, присланную партизанами для диверсий. Эти дети росли и мужали в атмосфере опасностей и борьбы и сызмальства учились быть конспираторами и обманывать врага.

С лета 1942 года начала действовать в Бресте и его окрестностях другая подпольная организация, быстро расширявшая свои ряды и развернувшая большую работу. К сожалению, в течение многих послевоенных лет это подполье несправедливо оставалось непризнанным и неизвестным народу. Лишь в 1964 году стараниями работника Центрального Комитета КП Белоруссии, в прошлом партизана Г. И. Казарцева, все несправедливости были устранены. И то, что мы знаем сейчас об этой организации, неопровержимо говорит о ней как о главном и самом активном антифашистском подполье города Бреста.

Его создателем и руководителем был местный житель Александр Иванович Боровский, молодой коммунист и военный

разведчик Красной Армии. Он ушел из Бреста вместе с группой других коммунистов утром 22 июня 1941 года. Потом он вступил в армию и осенью того же года попал в окружение в районе Киева.

Все испытал он за время долгих скитаний в оглядку по оккупированным врагом землям — и гитлеровский лагерь для военнопленных, откуда, впрочем, он скоро бежал, и преследования полиции, и предательство, и сердечную помощь добрых и честных людей. Только весной 1942 года сумел Боровский добраться домой в Брест и устроиться там на работу в пекарне. И сразу же стал осматриваться и искать подходящих людей, вместе с которыми можно было бы начать тайную борьбу с врагом.

Умелый конспиратор и организатор, он создал в городе несколько подпольных групп, которые вначале объединяли около тридцати, а к марту 1944 года уже больше сотни патриотов. Организация Мельникова (так назвался в подполье Боровский) повела на первых порах агитационную работу среди горожан, а потом, связавшись с партизанами в окрестных лесах, стала добывать для них сведения о расположении войск и военных объектов врага. Им удавалось доставать и переправлять в партизанские отряды оружие, боеприпасы, медикаменты. Позднее группы Боровского приступили к систематическим диверсиям.

Одной из групп руководил молодой музыкант — скрипач из театрального оркестра Дмитрий Красовский. В апреле 1943 года ему удалось узнать, что в ближайшие дни гитлеровское командование соберет в брестском театре важное совещание представителей нескольких фронтов. Ожидался приезд большого начальства, и поговаривали даже о том, что на совещание прибудет сам Гитлер. Красовский сообщил эти сведения Боровскому, а тот через партизан передал по радио донесение на Большую землю. И когда вечером 3 мая фашистские офицеры заполнили зал театра, в воздухе неожиданно появились советские самолеты. Осветительные ракеты повисли над городом и, ориентируясь по скоплению машин у театра, летчики сбросили бомбы. Несколько десятков офицеров было убито на площади перед театром, здание рухнуло, и под его обломками нашли могилу многие из участников совещания, не успевшие выбежать на улицу.

К несчастью, в дальнейшем в группу Красовского пробрался провокатор, выдавший гестапо часть подпольщиков. Молодой скрипач и его товарищи вынесли все изощренные пытки в гестаповских застенках, но не сказали ни слова. Красовский был повешен во дворе тюрьмы.

Надо добавить, что это был единственный провал в организации Боровского,— он сумел так наладить конспирацию, что гестапо не могло нащупать основную сеть подполья, и она работала вплоть до освобождения города.

Смелую диверсию провели подпольщики группы Петра Федорука в мае 1944 года. Решено было взорвать большую офицерскую столовую немцев в самом центре города. С этой целью туда устроили работать уборщицей одну из подпольщиц — Марию Шевчук. В короткое время она завоевала доверие немцев — целый день она мыла, чистила, скребла помещение да вдобавок еще частенько угощала свое начальство то салом, то маслом, то яйцами. К тому же она дешево стирала господам офицерам и каждый раз приносила с собой на работу целую сумку аккуратно выглаженного белья своих клиентов. И никто не догадывался, что, завернутые в это белье, попадают в здание столовой партизанские толовые пашки, которые Мария укладывает в дымоходе печи.

Так пронесла она в столовую 24 куска тола. Когда все было подготовлено, Мария Шевчук завернула в очередную партию белья четыре магнитные мины. Улучив удобный момент, она установила их там же, в дымоходе. 18 мая 1944 года, закончив свою обычную работу, она перед уходом домой включила мины. Взрыв должен был произойти в час дня.

Как было условлено, Мария из столовой зашла домой и, взяв трехлетнюю дочь, отправилась за 15 километров от Бреста, туда, где ее ждали партизаны. Она едва успела прийти в назначенное место, как по всем дорогам, ведущим из города, помчались ловить ее гестаповцы и полицаи на мотоциклах. Столовая взлетела на воздух, около сотни гитлеровцев было убито и ранено, и брестское гестапо сразу поняло, кто устроил этот взрыв. К счастью, Мария Шевчук и ее дочь были уже вне опасности в лесном партизанском лагере.

Все более ощутимой для оккупантов становилась деятельность подполья. Постоянные акты саботажа происходили в депо Бреста, где по непонятным для немцев причинам часто выходили из строя паровозы, горели буксы в поездах, случались аварии с ремонтным краном. В январе 1942 года были отравлены бутылки со спиртом на одном из немецких складов, и 65 солдат в тяжелом состоянии отправили в больницу. В 1943 году произошел сильный взрыв на вокзале Брест-центральный, где подложенная у камеры хранения мина убила 10 гитлеровцев. Все чаще подрывались на дорогах машины, оказывалась нарушенной связь, исчезали бесследно немецкие ставленники, полицаи.

Уже к 1943 году обстановка в брестских лесах решительно

изменилась. Теперь здесь действовали десятки партизанских отрядов. Переброшенный через линию фронта, на территорию области прибыл в полном составе подпольный обком партии во главе с опытным боевым коммунистом С. И. Сикорским. Различные партизанские отряды и бригады объединяются в Брестское партизанское соединение. Отныне вся боевая и подпольная борьба с врагом организовывалась и направлялась из единого центра. В городе часть подпольщиков, попавшая под подозрение полиции, вынуждена была уйти вместе с семьями в партизаны, сменилось руководство подпольного горкома партии. Борьба приобретала все больший размах и шла вплоть до освобождения города и области советскими войсками.

В дни, когда Красная Армия начала свое наступление на белорусской земле, подпольщики Боровского провели большую разведывательную работу, добывая для авиации, а потом и для наземных войск необходимые сведения об укреплениях и силах противника. Благодаря им удалось спасти от взрыва и своевременно разминировать важнейшие здания города.

И сейчас еще живут в Бресте многие из участников этой подпольной борьбы. Заведует столовой Александр Иванович Боровский, работает шофером в облисполкоме командир подпольной группы Петр Федорук, женой которого стала после войны Мария Шевчук. По-прежнему остаются брестскими жителями Татьяна Смирнова, Зинаида Южная, Прасковья Голубева и многие другие, прошедшие в годы оккупации все опасности подпольной работы в тылу врага.

ХОЗЯЕВА БРЕСТСКИХ ЛЕСОВ

Командира одной из пулеметных рот 125-го полка лейтенанта Сергея Шиканова война застала на его городской квартире в Бресте. Рота уже несколько дней находилась вне крепости, в районе Южного военного городка, где шли учения. Туда, к своим бойцам, и поспешил Шиканов с первыми взрывами бомб и снарядов.

По шоссе, отчаянно гудя, быстро неслись грузовики, пустые и груженные. Попытки остановить машины были тщетными — шоферы не обращали внимания на сигналы лейтенанта. Пришлось вынуть из кобуры пистолет. Это подействовало — пустой грузовик, ехавший в сторону Южного городка, подобрал Шиканова.

У моста через Мухавец они догнали колонну танков. На броне машин были сложены ящики с патронами. И Шиканов тотчас же подумал о том, что патронов у него в роте почти нет.

Он остановился около головного танка, представился командиру колонны и просил поделиться боеприпасами. Танкисты быстро набросали ящики в кузов грузовика. Теперь пулеметы Шиканова были обеспечены «пайком» — он вез около 20 тысяч патронов.

Рота стояла в полной готовности, и бойцы тотчас же принялись набивать пулеметные ленты. В двух других пулротах, расположенных по соседству, не было никого из командиров, — они, видимо, не смогли выбраться из города, — и Шиканов подчинил бойцов себе.

А потом появились немецкие самолеты, и роты выдержали жестокую бомбежку. Но когда вслед за этим на дороге показались конная разведка и мотоколонна противника, их встретили пулеметными очередями в упор. К ротам Шиканова примкнула и группа пограничников, отходивших с ближней заставы. Вместе с ними пулеметчики весь день вели бой, прикрывая отступление наших войск, а вечером сами начали двигаться на восток.

Но уже в тылу у них были танковые колонны немцев, и Шиканов со своими бойцами оказался отрезанным от фронта.

Первую военную ночь они провели в лесу, у деревни Франополь. Под командованием лейтенанта оказалось всего 250 человек — и свои и присоединившиеся к отряду из других частей.

В ту ночь они сделали попытку перейти Московское шоссе — Шиканов хотел вести людей в Беловежскую пушу. Но по дороге непрерывным потоком текли немецкие войска, и нечего было думать пробиться здесь с боем. Пришлось снова отойти в глубь леса. Только на следующую ночь удалось форсировать шоссе, когда движение вражеских войск немного ослабело.

Теперь отряд Шиканова находился в густом Старосельском лесу Жабинского района. Лейтенант повел было своих людей дальше, на север, в сторону Беловежи, но они не смогли пробиться через Влодавское шоссе — там тоже шли немецкие колонны. Подумав, Шиканов решил остаться на месте, в Старосельском лесу, и организовать здесь партизанский отряд, благо место было вполне удобным для устройства базы.

В Старом Селе он установил связь с председателем сельсовета Михаилом Чернаком. Молодой, энергичный и смелый человек, Чернак вместе с лейтенантом с жаром взялся за создание отряда. Собрав сельский актив, он договорился с крестьянами о снабжении партизан продуктами, условился о поддержке с жителями соседних сел. Вместе с Шикановым он, по сути, стал организатором отряда. А потом Михаил Чернак возглавил взвод партизанской разведки, и, когда год спустя он

героически пал в бою, отряд Шиканова был назван именем Чернака.

С этой оставшейся во вражеском тылу группы бойцов и пограничников лейтенанта Сергея Шиканова, позднее превращенной в отряд имени Чернака, и началась будущая славная биография брестских партизан.

Отряд в Старосельском лесу был первым в области партизанским отрядом, за которым, впрочем, вскоре возникло множество других.

Первые месяцы партизанской жизни оказались особенно тяжелыми для отряда Шиканова. Среди тех, кто примкнул к его группе во время отступления, были всякие люди. Одни, считая, что партизанские действия обречены на провал, решили двигаться дальше на восток, пробираться к фронту. Другие, убоявшись трудностей и опасностей лесной жизни, уходили на поселение в деревни. Третьи, как ни мало их было, поверили лживым обещаниям немецких листовок и сами являлись в полицию, чтобы испытать потом до дна чашу позора и унижения или даже умереть с голоду в гитлеровских лагерях для военнопленных. Словом, осенью 1941 года в отряде Шиканова осталось всего 65 человек — главным образом бойцы его роты и пограничники. Но зато он знал, что этим людям он может доверять, как самому себе, — они действительно были готовы бок о бок с ним пройти через любые испытания партизанской судьбы.

Именно в это время Шиканов особенно сдружился с одним из своих подчиненных, служившим до войны в его пулбрате, Нурумом Сыдыковым. Маленький, круглолицый, необычайно подвижной и ловкий казах, Нурум Сыдыков соединял в своем характере лучшие качества солдата — бесстрашие и решительность, большую выносливость и неистощимый запас оптимизма. Его круглая физиономия постоянно улыбалась, и только в бою, когда Нурум сжимал приклад винтовки или пулемета, лицо его становилось злым и жестким, и узкие глаза с зоркостью степного охотника ловили в прорезь прицела зеленые фигуры гитлеровских солдат. Во все остальное время он был неизменно весел, смешлив и умел поднимать настроение партизан даже в дни поражений и неудач. В своего командира, Шиканова, Нурум был влюблен, считал его лучшим человеком на земле и не задумываясь отдал бы за него жизнь. Плечом к плечу проходили оба они через годы партизанской борьбы, сохраняя и укрепляя свою большую, сердечную дружбу.

Но Шиканов и его люди недолго оставались единственной партизанской группой на Брестщине. Почти тогда же, может быть всего на несколько дней позже, в другом, Ружанском рай-

оне начали боевые действия в тылу врага 12 бойцов и командиров Красной Армии во главе с лейтенантом Александром Журбой. К этой группе в июле 1941 года присоединилось несколько бывших ответственных работников из Ружанского района, в том числе председатель одного из сельсоветов Мирон Криштафович. Так в Ружанской пуще образовался отряд.

В августе Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии направил на подпольную работу в Брестской области депутата Верховного Совета БССР, в прошлом заместителя председателя Ружанского райисполкома Ивана Жишко и бывшего председателя Ружанского поселкового Совета Иосифа Урбановича. Пройдя сотни километров по тылам врага, через леса и болота, оба посланца в сентябре прибыли на место, в Ружанский район, и тотчас же установили связь с Криштафовичем. Тут же был организован районный подпольный антифашистский комитет, развернувший большую работу в селах и уже в апреле 1942 года преобразованный в Антифашистский комитет всей Брестской области.

Зимний период был нелегким для партизан, но они с честью выдержали все испытания, не прекращали борьбы. А с весной начался бурный рост партизанского движения. Люди, уже досыта хлебнувшие горя под властью оккупантов, понявшие, что принес им враг, поднимались против него. Из городов и сел уходили в леса сотнями, и партизанские отряды росли как грибы.

Активно действовал в лесах под Кобрином отряд «дяди Кости» во главе с Константином Гапасюком. В деревне Студнянке почти все мужчины взяли оружие и создали партизанскую роту под командованием бывшего депутата Краснолесского сельсовета Вакульчика. Мелкие группы партизан в Шерешевском, Порозовском, Березовском районах быстро набирали силу, превращаясь в грозные для врага большие отряды. Уже в первой половине 1942 года в области действовали крупные отряды Поддубного, Камбуратова, Черткова, имени Димитрова, имени Щорса. Два последних отряда летом 1942 года совершили совместное нападение на районный центр Косов. Гарнизоны немцев были уничтожены на обширном пространстве, и целый месяц Косов и его окрестности находились под властью партизан, пока оккупанты не перебросили сюда сильные карательные части.

Мало-помалу партизаны становились полновластными хозяевами брестских лесов. То и дело прерывалось движение по дорогам, рвались немецкие линии связи, летели под откос поезда. Сначала у партизан не было взрывчатки, и они устраивали крушения, разбирая рельсы. К концу 1942 года была установле-

на прочная связь с Большой землей, самолеты стали доставлять мины и тол, и на железных дорогах загремели взрывы. За 1941 и 1942 годы на линиях вокруг Бреста были пущены под откос сотни воинских эшелонов.

Брестщина, как и вся Белоруссия, была охвачена партизанским пожаром, и никакие карательные экспедиции не приносили врагу успеха. Все усилия оккупантов потушить огонь народной войны оказывались тщетными. Партизаны разбивали карателей или ловко уходили от них по лесам и топям, меняя район своих действий. Отряды разрастались, делились, объединялись в партизанские бригады. А в 1943 году, когда начал действовать подпольный обком, было создано единое Брестское партизанское соединение, возглавленное первым секретарем обкома С. И. Сикорским. Теперь, направляемые из одного центра, боевые операции партизан стали еще более планомерными, организованными и все сильнее угрожали тылам гитлеровской армии в районе Бреста.

Партизаны уже имели отличные лесные базы, прочно налаженную связь с центрами страны, регулярно снабжались оружием и боеприпасами, бесперебойно получали продовольствие от населения, располагали своими складами и мастерскими. Они выпускали сотни листовок, имели свою партизанскую печать в дополнение к областной газете «Заря», которая с 1943 года возобновила свой выход в подполье. Они устраивали смелые диверсии в городах, дезорганизовывали железнодорожное сообщение и связь, заваливали лесные дороги. Они срывали все мероприятия оккупантов в селах, расправлялись с предателями и палачами, наводили страх на местную полицию, мешали отправке молодежи на работу в Германию, организовывали побегі военнопленных из лагерей. Все больше пустели села — народ шел в леса, к партизанам. Теперь уходили не только мужчины: в партизаны отправлялись целыми семьями, со стариками, женщинами и детьми. В центре освобожденных партизанами зон, в чаще лесов, под надежной охраной боевых подразделений создавались специальные семейные отряды, в партизанском быту игравшие роль хорошо налаженных тылов. Как и по всей Белоруссии, крестьяне на Брестщине стали во множестве переходить на партизанскую лесную жизнь, стремясь ускорить изгнание захватчиков с родной земли.

А потом загремела взрывами в Белоруссии знаменитая «рельсовая война» — удивительная по размаху и масштабу диверсионная операция на железнодорожной сети, когда по всей республике партизанские отряды одновременно выходили на полотно железных дорог и подрывали каждый рельс на протяжении десятков и сотен километров.

У брестских партизан уже был неплохой опыт в таких операциях — они еще в ночь с 8 на 9 августа 1943 года провели массовую диверсию на железнодорожных линиях Брест — Барановичи, Брест — Пинск, Брест — Малорита. В ту ночь они вывели из строя больше двух тысяч рельсов, надолго парализовав движение поездов через Брест. И когда год спустя развернулось наступление Советской Армии в Белоруссии и партизанские соединения республики начали «рельсовую войну», Брестское соединение в ночь с 19 на 20 июня, еще за несколько дней до начала наступательных операций на фронте, вывело из строя почти четыре тысячи рельсов. На этот раз гитлеровцы так и не смогли восстановить движение в районе Бреста, вплоть до момента, когда сюда пришли советские войска. Множество эшелонов с грузами так и осталось стоять на станциях, пополнив собою трофеи наступающей армии. А партизаны, взаимодействуя с войсками, громили отходящие колонны врага, минировали дороги в тылу гитлеровцев, совершали дерзкие нападения на гарнизоны противника, окончательно дезорганизуя его оборону.

Белоруссия — страна партизан, покрывшая себя славой в годы Великой Отечественной войны. Здесь повсюду встретишь не только седых, но и сравнительно молодых ветеранов народной борьбы с партизанскими медалями, с орденами на груди — ведь многие участвовали в ней, еще будучи детьми. Немало таких ветеранов найдется и в каждом селе Брестской области и в самом Бресте. И хотя за три тяжких военных года партизаны понесли очень большой урон, все же среди ветеранов можно встретить и тех людей, что еще летом 1941 года ушли в леса и создали первые отряды народных мстителей Брестщины, впоследствии разросшиеся в могучую, многотысячную армию.

Может быть, будучи в Бресте, вы встретите бывшего секретаря областного подпольного Антифашистского комитета и одного из организаторов партизан в Ружанском районе Мирона Емельяновича Криштафовича, который только недавно ушел на пенсию с высокого поста председателя Брестского облисполкома. Впрочем, на этом посту Криштафовича сменил тоже славный партизан — бывший секретарь подпольного комитета комсомола области Федор Рома. А может быть, попадетесь вам где-нибудь в коридорах обкома или горкома партии еще довольно молодой, сухощавый, подтянутый человек, у которого под штатской одеждой угадывается многолетняя военная выправка. Это Сергей Шиканов, тот лейтенант, что когда-то создал вместе с Михаилом Чернаком самый первый отряд брестских партизан в Старосельском лесу. После войны он не уехал с Брестщины, ставшей для него второй родиной, и работает здесь на ответственных должностях в советских и партийных органах. А ино-

гда его можно видеть вдвоем с маленьким, круглолицым и всегда весело улыбающимся человеком. Брестский партизанский ветеран, сын далекого солнечного Казахстана Нурум Сыдыков словно совсем не изменился за эти годы ни по внешности, ни по характеру. Он тоже навсегда остался в этих памятных для него местах, обзавелся семьей и до последних лет был лейтенантом милиции в Бресте, где имя «Нурум» известно едва ли не каждому жителю. Он такой же никогда не унывающий и по-прежнему считает самым умным, самым смелым и самым лучшим человеком на свете своего бывшего командира Сергея Шиканова. Ведь здесь, на Брестщине, да и во всей Белоруссии говорят, что нет на земле дружбы крепче, чем дружба партизан.

ВОЗМЕЗДИЕ

Три года ждали жители Бреста своих освободителей. Ждали напряженно в первые часы 22 июня 1941 года, когда на улицах уже с веселой и жестокой деловитостью победителей хозяйничали чужие солдаты и люди, прислушиваясь к грохоту сражения, доносившемуся со всех сторон, старались догадаться, что происходит на фронте. Ждали с возрастающим нетерпением в первые дни и недели войны, когда на западе не умолкая гудел бой у стен крепости и казалось, что вот-вот такой же гул послышится с востока, возвещая возвращение своих. Ждали потом с глухой тоской, с охватывающим иногда ощущением безнадежности, не веря порой, что удастся пережить страшное время оккупации и дожждаться желанного дня. И наконец, ждали со все ярче разгорающейся надеждой, по мере того как с фронта шли вести о победных ударах Советской Армии и о поражениях гитлеровских войск.

С наступлением лета 1944 года предчувствие близкого освобождения охватило всех. Войска маршала Рокоссовского и генерала армии Черняховского стояли перед Витебском, Оршей, Могилевом, на первых километрах белорусской земли, и они назывались войсками Белорусских фронтов. Южнее фронт выдвинулся далеко на запад и подошел вплотную к Ковелю, остановившись совсем недалеко от Бреста. Затишье, которое царило тут в последнее время, было явно предгрозовым — не могло быть сомнений, что наступила очередь освобождения Белоруссии.

Как ни бодрились оккупанты, как ни старались их печать и радио распространять наигранные уверенность и оптимизм, лица немецких солдат и офицеров становились все более озабоченными и хмурыми. Изменилось поведение полицаяв и преж-

них фашистских прихвостней — люди теперь видели на их лицах заискивающие, лживые улыбки, слышали порой от них презрительные реплики в адрес своих хозяев, а то, бывало, и узнавали, что тот или иной полицай подался к партизанам «замаливать грехи». Только те, чьи руки уже были в крови, кто понимал, что им не приходится рассчитывать на снисхождение и предстоит держать ответ как палачам, в эти дни вели себя с еще большей злобой и жестокостью. И потому к радостному ожиданию, охватившему людей, примешивались чувства тревоги и опасения за себя, за своих близких, — все знали, как свирепствуют враги и их приспешники перед отступлением, вымещающая досаду на мирных жителях.

Уже были освобождены все оккупированные области Российской Федерации, свободны почти вся Украина, часть Молдавии. Думая об этом, жители Бреста иной раз не могли не посетить на своего рода историческую несправедливость своей судьбы. Они первыми приняли на себя огонь войны, неожиданный удар врага, первыми попали в гитлеровскую неволю, а теперь свобода, избавление от фашистского ига приходит к ним почти в последнюю очередь. Впрочем, было понятно, что дело здесь не столько в истории, сколько в географии.

А наши полководцы во фронтовых и армейских штабах, планируя на картах будущую белорусскую наступательную операцию, не раз думали о другой исторической и географической несправедливости.

Природа Белоруссии всегда на стороне обороняющегося. Ее непролазные пуши, ее непроходимые болотные топи делают эту республику естественной крепостью. Здесь очень удобно обороняться и очень трудно наступать.

Как много могла бы помочь нам эта белорусская лесная и болотная земля в 1941 году и как обидно мало помогла она на деле! В том не ее вина. Героические, но необстрелянные, не подготовленные к такой борьбе войска, стоявшие в приграничных районах, были захвачены врасплох первым сильным и неожиданным ударом врага, потеряли почти всю свою технику, штабы и управление и вскоре оказались деморализованными непрерывными поражениями. В этих условиях они не смогли использовать преимущества белорусских лесов и болот, и противнику удалось очень быстро преодолеть все естественные препятствия на его пути.

Теперь за трагические ошибки сорок первого года надо было снова платить кровью и жизнями. Теперь природа Белоруссии становилась невольным союзником врага. Его прикрывали болота, его защищали леса. И если в 1941 году был силен тот, кто наступал, и по многим причинам оказался слабым тот,

кто оборонялся, то в 1944 году положение стало иным. С обеих сторон фронта стояли две мощные, закаленные в боях армии, густо насыщенные техникой и умеющие сражаться. Наступающий был во всеоружии, но и обороняющийся, в отличие от 1941 года, имел большие силы и стоял, готовый встретить любые неожиданности. Исход дела решали искусство полководцев, воля и дух войск.

То, что произошло на белорусской земле летом 1944 года, начиная с 23 июня, когда под гром артиллерийской канонады двинулись вперед войска Белорусских фронтов, было грозным историческим уроком для германской армии и германского государства, многозначительным искуплением и возмездием для тех, кто ровно три года назад вступил на эту землю с мечом. Все повторялось в обратном порядке. Колесо истории, остановившее свое вращение на берегах Волги, сейчас с возрастающей скоростью поворачивалось в другую сторону — с востока на запад.

Что должны были теперь думать те люди в германской армии, которые еще не потеряли способности мыслить и рассуждать? Что должны были чувствовать те немногие оставшиеся в живых ветераны, что прошли здесь победным маршем в сорок первом году? Тогда самоуверенные, веселые, опьяненные быстрыми победами, совершавшие «танковые прыжки» в десятки километров, завоеватели огромных пространств, они не видели перед собой никаких преград. Война казалась уже выигранной, и где-то совсем близко был парад на Красной площади, обещанный фюрером. Правда, зимой все как-то неожиданно застопорилось. Россия дохнула им в лицо ледяным декабрьским ветром Подмосковья и нанесла ответный ошеломительный удар, заставивший их попятиться назад. Но ведь потом были новые победы, поход через донские степи, и они черпали касками воду из Волги и Терека, и все снова казалось надежным и прочным. И вдруг все опять изменилось круто и непонятно.

Откуда-то из глубин этой бескрайней и загадочной страны потекли на фронт несметные свежие полки, рекой полились танки и самолеты, пушки и минометы, и война, тяжело повернувшись у волжских берегов, теперь зашагала назад, с востока на запад, медленно, но неуклонно. И вот они снова у тех же рубежей, с которых начинали свой восточный поход. И сорок четвертый год приходил для них расплатой, возмездием за сорок первый, странно похожий на него, как бывают похожи фотография и ее негатив.

Такое же лето, те же леса, поля и болота, те же деревеньки и хутора. И такие же танковые «клипсы», такие же частые окру-

жения — «котлы», только роли переменились: «клинья» стали советскими, а в «котлах» теперь барахтаются не красноармейцы, а солдаты фюрера. И опять под Минском множество дивизий завязано в плотном «мешке», но на этот раз «мешок» — советский, а дивизии — германские. И так же по дорогам, ведущим от фронта, движутся бесконечные, унылые колонны пленных, но сейчас они идут не на запад, а на восток и одеты эти солдаты не в красноармейские гимнастерки, а в серо-зеленые френчи армии Гитлера.

Были совпадения, казавшиеся удивительными и зловещими. После первого внезапного удара немецким войскам понадобилось меньше месяца, чтобы дойти от Бреста до Смоленска. Советская Армия, у которой внезапности уже не могло быть, прошла почти то же расстояние, по тем же местам, приблизительно в то же время года, за срок немногим больше месяца.

В 1941 году 4-я немецкая армия стяжала победные лавры на земле Белоруссии, наступая вслед за танками Гудериана и Гота.

Теперь та же самая 4-я армия была искромсана, рассечена и разгромлена советскими танковыми дивизиями в тех же памятных ей местах. Но, конечно, только номер этой армии остался неизменным — за три года войны на Восточном фронте уже не раз сменился ее состав.

А тот 12-й армейский корпус немецких войск, который 22 июня 1941 года замкнул кольцо вокруг Брестской крепости, а две недели спустя рапортовал об уничтожении ее гарнизона, теперь сам оказался в кольце под Минском и отметил трехлетие своей брестской победы тем, что остатки его сдались в плен.

Все было похоже, и все — наоборот. Но никто не сомневался, что одно существенное различие неизбежно будет между войной сорок первого и сорок четвертого годов. Теперь она не остановится там, откуда начала свой путь, — за Брестом, за Бугом. Она пойдет дальше, на свою родину, — в Германию, до самого Берлина. Она понесет туда возмездие.

Вал советского наступления безостановочно катился вперед, и один за другим получали долгожданную свободу белорусские города и села. Орша, Витебск, Могилев, Минск, Барановичи... Подходила очередь Бреста.

Ключ к Варшаве, ключ к Польше — так оценивали значение Бреста в ставке Гитлера. Любой ценой отстоять Брест — был личный приказ фюрера. Используя крепость и укрепленный район на Буге, противник надеялся удержать в своих руках этот «ключ к Варшаве». Свежие войска, в том числе танковая дивизия, были переброшены к городу.

Немцы ждали удара с юга, от Ковеля, — там войска Рокоссовского были ближе всего к Бресту. Но, освободив Ковель, наши дивизии двинулись дальше на запад и форсировали Буг. Через несколько дней был занят польский город Люблин. Советские войска, таким образом, оказались в тылу Бреста, на земле Польши, и теперь держали в своих руках более надежный «ключ к Варшаве».

Брест попал в полукольцо. С востока, с запада и юга фронт неотступно приближался к нему. Но зато северо-западный участок обороны казался противнику особенно прочным. Там был сильно укрепленный опорный пункт — районный центр Пружаны, и огромный густой массив Беловежской пущи, по мнению немецких генералов, делал невозможным русское наступление на этом участке.

И вдруг именно там рванулись вперед части генерала Батова, казаки Плиева, и гарнизон в Пружанах пал, а пуца была пройдена насквозь. Бои завязались уже на другом берегу Буга; последние коммуникации, ведущие от Бреста на запад, ощутились под угрозой, и участь города была решена.

По еще одному любопытному совпадению, армией, которая освобождала Брест, командовал генерал-полковник Василий Попов. В 1941 году, тогда еще генерал-майор, В. С. Попов был командующим 28-м стрелковым корпусом, стоявшим в районе Бреста. В состав этого корпуса входили и 6-я и 42-я дивизии, части которых вели оборону Брестской крепости.

Генерал Попов отступал на восток вместе с остатками своих войск, дравшихся на промежуточных рубежах, редевших и таявших в непрерывных тяжелых боях. Всю горечь, все отчаяние и унижение этих поражений испытал он, как и многие другие, на том страдном пути. И вот сейчас, три года спустя, его дивизии, теперь закаленные, сильные, превосходно вооруженные, стали освободителями этого города, где встретил он первое утро войны, где враг тогда разбил его войска и где в оккупации осталась и его семья.

Прекратились взрывы снарядов, прилетавших из-за Буга, смолк перестук пулеметов на окраинах, с ревом промчались на запад танки, осторожно, крадучись вдоль домов, прошла разведка, и потекли по полуразрушенным улицам города бесконечные колонны пехоты. Толпы ликующих жителей запрудили тротуары, и люди с необычайным волнением жадно вглядывались в пыльные, усталые, но победно веселые и такие родные лица солдат с привычными звездочками на пилотках и еще незнакомыми погонами на плечах. С удивлением и восторгом они смотрели на эту сильную, уверенно шагающую вперед армию, на ее оружие, богатую технику, и слезы застилали их глаза

То были не слезы страха и отчаяния, с которыми провожали они отступавших солдат в сорок первом. Нет, люди плакали сейчас от радости, гордости, счастья. Но в этих слезах были и капли горечи прежних воспоминаний, тоски о тех, кого уже нет, мыслей о том, что пережил и выстрадал народ.

В тот день войска вошли и в Брестскую крепость. Суровые руины казарм из темно-красного, цвета запекшейся крови, кирпича здесь и там еще дымились — враг взорвал перед уходом свои склады, а при штурме города крепость бомбили и наши самолеты.

Но для передовых частей, спешивших на запад, следы боев сорок первого года еще были скрыты дымкой недавнего сражения. Да и слишком уже часто доводилось им видеть всевозможные развалины — привыкший глаз долго не задерживался на них. И что знали эти молодые воины сорок четвертого года о событиях, когда-то разыгравшихся здесь? Лишь немногие слышали какую-то смутную легенду о боях за Брестскую крепость. История ее героической обороны лежала еще далеко впереди, за чередой будущих лет, а перед ними, творцами мировой истории, была неоконченная война, еще не до конца добытая победа.

С любопытством поглядев вокруг, они ушли вперед, на запад, за Буг, преследовать и добывать врага. А над Брестом, над разрушенной крепостью, над спокойным, как и в то памятное июньское утро, Бугом уже стояла тишина фронтового тыла. И на берег реки, на восстановленную границу Советского государства, выходили солдаты в зеленых пограничных фуражках.

часть
третья

Большая
сенья

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Летом 1956 года советский народ отметил пятидесятилетие героической обороны Брестской крепости.

Еще в последних числах июня в Бресте состоялась встреча жителей города с участниками обороны Яковом Коломийцем и Григорием Гудымом. Там, на развалинах старой крепости, ее защитники поделились своими воспоминаниями о памятных событиях героических и трагических дней 1941 года.

Такие же встречи и вечера, посвященные славной годовщине, организовали в те дни жители Краснодара. Известно, что в рядах легендарного гарнизона было немало бойцов-кубанцев, а в самом Краснодаре сейчас живут герои обороны Петр Гаврилов, Анатолий Бессонов, Петр Теленьга и другие. Как раз в это время на экранах краснодарских кинотеатров появился фильм «Бессмертный гарнизон», а приехавший туда на гастроли Николаевский драматический театр показал мою пьесу «Крепость над Бугом». Все это, конечно, вызвало большой интерес краснодарцев к Брестской обороне и к ее участникам.

В июле Министерство обороны СССР решило провести в Центральном доме Советской Армии в Москве торжественный вечер, посвященный пятидесятилетию подвига гарнизона Брест-

ской крепости. На этот вечер должны были приехать бывшие защитники крепости. К сожалению, всех героев Бреста, которые к этому времени были нам известны, вызвать не удалось, и приглашения послали семерым из них — П. М. Гаврилову, С. М. Матевосяну, П. С. Клыпе, А. И. Семененко, А. А. Виноградову, Р. И. Абакумовой и еще одному участнику обороны, найденному мною незадолго до того. Это капитан запаса Константин Федорович Касаткин, ставший в дни боев начальником штаба отряда майора Гаврилова и вместе с ним руководивший обороной Восточного форта. Сейчас К. Ф. Касаткин работает инженером на одном из предприятий Ярославля.

Первым прибыл в столицу Матевосян. Он приехал еще до получения вызова, командированный сюда по своим служебным делам. Как раз летом 1956 года геологическая экспедиция, которую он возглавляет, обнаружила в горах Армении новое месторождение золота, и Матевосян привез в Москву образцы породы. Его принял министр геологии и охраны недр П. Я. Антропов, и работа экспедиции получила полное одобрение. После этого Матевосян еще совершил поездку на Урал, знакомясь там с опытом золотодобычи, а потом вернулся в Москву, чтобы присутствовать на торжественном вечере.

Вслед за ним, тоже случайно, приехал другой участник обороны крепости, бывший помощник начальника штаба 44-го полка, сослуживец Гаврилова и Семененко, а сейчас колхозник из Вышневолоцкого района Калининской области Николай Анисимович Егоров. Как раз в это время в партийной комиссии Московского военного округа рассматривался вопрос о восстановлении его в партии, и Н. А. Егоров был вызван сюда. Дело его благополучно разрешилось: он восстановлен в рядах КПСС с прежним стажем и с него даже сняли старое, еще довоенное, партийное взыскание.

Потом приехал Петр Михайлович Гаврилов из Краснодара. К этому времени московская печать уже заинтересовалась предстоящим вечером и участниками героической обороны, и им начали уделять внимание на страницах газет и журналов.

Первым из журналистов, «атаковавших» героев Брестской крепости, был корреспондент «Вечерней Москвы» Юрий Ульянов. Еще до того как участники обороны съехались сюда, он решил отправиться в Краснодар и написать очерк о майоре Гаврилове. Но, сойдя с поезда в Краснодаре, он узнал, что всего несколько часов назад Гаврилов выехал в Москву. Тогда Ульянов, как истый газетчик, решил перехватить его в пути. Он долетел на самолете до Воронежа и сел в тот же поезд, в котором ехал Гаврилов. После этого Ульянов всю дорогу до Москвы

сидел в поездном радиоузле и посылал вызовы Гаврилову, но, к сожалению, на них никто не ответил. Как выяснилось впоследствии, П. М. Гаврилов находился в том же вагоне, через купе от радиоузла, но, будучи после контузии немного глуховатым, он не слышал призыв Ульянова и приехал в Москву, так и не встретившись с ним.

Короче говоря, Ульянов застал Гаврилова только вечером этого дня в гостинице Центрального дома Советской Армии. Рассказ корреспондента немало позабавил всех: для того чтобы проехать каких-нибудь два километра из редакции «Вечерней Москвы» на Чистых прудах сюда, в гостиницу, на площадь Коммуны, Ульянову пришлось совершить большой крюк через Краснодар и Воронеж.

На следующий день на Курском вокзале мы с цветами встречали героиню обороны крепости Раису Ивановну Абакумову, приехавшую из Орловской области. В тот же день из Вологды прибыл Анатолий Александрович Виноградов.

Вечером все собрались в гостинице, и вдруг неожиданно здесь появился только что приехавший из Николаева Александр Иванович Семененко. Можно себе представить, с каким волнением он заключил в объятия своего бывшего полкового командира П. М. Гаврилова, и оба, конечно, не смогли сдерживать слез.

А на другое утро мы оказались свидетелями еще более волнующего свидания. В вестибюле гостиницы встретились старые боевые товарищи — П. М. Гаврилов и его начальник штаба Константин Федорович Касаткин, прибывший из Ярославля. Вскрикнув, они бросились друг к другу и заплакали.

Потом появился Петр Клыпа, и участники обороны сразу узнали в нем прежнего воспитанника 333-го полка, четырнадцатилетнего подростка, который, как они помнили, с особым чувством мальчишеского достоинства, облаченный в полную военную форму, ходил, бывало, по крепости, и все тогда приветливо встречали этого маленького бойца.

Накануне вечера столичная печать уже широко освещала пребывание защитников крепости в Москве. Тогда же по радио стали передавать мои рассказы о поисках героев Бреста. За день до предстоящего торжества, 23 июля, участники обороны выступили по Московскому телевидению. С тех пор, где бы они ни появлялись, москвичи узнавали их, подходили к ним, чтобы поприветствовать, останавливали и расспрашивали о том, что они видели и пережили в дни боев.

Получилось так, что в Москве собралось значительно больше участников обороны, чем мы ожидали.

Около гостиницы Центрального дома Советской Армии то

и дело происходили новые встречи. Вдруг появился бывший политрук Петр Павлович Кошкар, который сейчас работает начальником одного из гаражей в Москве. Кошкар сражался в центральной цитадели вместе с полковым комиссаром Фоминым, капитаном Зубачевым, лейтенантом Виноградовым, и сейчас, узнав, что здесь находятся его товарищи по обороне крепости, он пришел к гостинице. Узнав друг друга, он и Виноградов горячо обнялись.

В тот же день неожиданно приехали бывший командир взвода полковой школы 44-го полка, а теперь маляр из Ворошиловградской области Федор Забирко; интендант того же полка Николай Зориков; однополчанин Петра Клыпы, музыкант Минской филармонии Михаил Гуревич и сын полкового комиссара Фомина, молодой киевский юрист Юрий Фомин. Пришел в гостиницу участник обороны Восточного форта, работник одной из московских мебельных фабрик Николай Разин; позвонил по телефону еще один герой крепости — москвич, инженер Алексей Романов.

24 июля в Краснознаменном зале Центрального дома Советской Армии состоялся торжественный вечер. В президиуме сидели защитники крепости, представители Министерства обороны, генералы и офицеры, поэты и писатели, а в зале собрались сотни бойцов и офицеров Московского гарнизона.

Минутой молчания почтили москвичи память погибших героев Бреста. Я сделал короткое сообщение об обороне крепости, познакомил присутствующих с находившимися здесь участниками памятных боев. Затем с воспоминаниями выступили сами защитники крепости. Были оглашены многочисленные приветствия от предприятий и учреждений, от участников обороны, живущих в других городах. В свою очередь, собрание послало приветственные телеграммы всем бывшим защитникам крепости, адреса которых были известны, а также семьям погибших командиров — руководителей легендарной обороны. Этот вечер, закончившийся большим концертом и кинофильмом «Бессмертный гарнизон», прошел в необычайно душевной, сердечной атмосфере.

ОДНА ФОТОГРАФИЯ

Читатель, вероятно, хорошо помнит эту фотографию — она обошла страницы многих газет и журналов и стала широко известной. Трое мужчин, уже немолодых, на лицах которых время положило свои заметные борозды, замерли, крепко обнявшись друг с другом.

Смело можно сказать, что фотокорреспонденту Марку Ганкину этим снимком удалось создать профессиональный шедевр. Целая гамма настоящих, глубоких человеческих чувств запечатлена в нем, три характера раскрыты каждый по-своему, и вместе с тем этот снимок полон большого внутреннего единства, свойственного подлинному произведению искусства. Да и в самом деле, фотография Ганкина смотрится, как картина художника, и ее можно разглядывать подолгу и многократно, всякий раз находя новую пищу для ума и чувства.

Три однополчанина, три бывших командира Красной Армии, три героя Брестской крепости, прошедшие через самое пекло этих боев. А потом на долгие четыре года — три узника фашизма, испытавшие всю горестную долю пленного: позор и унижения, голод и побои, издевательства и вечную угрозу смерти. Но и на этом не кончились их мытарства. Освобожденные победой и вернувшиеся на Родину, они встретили несправедливое, предвзятое отношение к себе, то неоправданное недоверие к бывшим пленным, какое господствовало в сороковые годы, в годы бериевщины. И это было едва ли не самым жестоким и обидным испытанием в их нелегкой судьбе. Люди, честно выполнившие свой долг перед народом, они словно оказались чужими в родной стране, посторонними на празднике Победы, в которую внесли свой посильный и немалый вклад. До слез оскорбительное клеймо «отсидевшегося в плену» или даже «предателя» жгло их огнем.

И вот сейчас, спустя много лет, когда уже далеко позади остались и война, и плен, и послевоенные несправедливости, наконец решительно пресеченные партией, трое боевых товарищей, переживших все это, впервые сошлись вместе. И тотчас из глубин сердца всплыло пережитое и охватило их неудержимо и властно.

Склонившись как бы под тяжким грузом нахлынувших воспоминаний, прижавшись головой к щеке друга, замер в этом трюйственном объятии Петр Гаврилов. Он закрыл глаза, целиком отдавшись и грусти прошлого, и теплоту счастью этой душевной встречи с дорогими ему людьми. Богатырски мощный, крупнолицый Александр Семененко почти повис на шее у друга, будто обессиленный всем тем, что принесла ему сейчас память. Он роняет слезы тяжело и скупно, как все сильные мужчины, а на лбу, над переносьем, залегла напряженная трагическая складка. И навзрыд, громко, безудержно плачет, прильнув лицом к товарищам, Николай Зориков. Вот на переднем плане его рука — как бережно и нежно сжимает она локоть друга.

Только одна рука. Вторая осталась в Брестской крепости.

История интенданта 44-го стрелкового полка старшего лейтенанта Николая Зорикова была мне известна давно. Я впервые услышал ее в те дни, когда искал майора Гаврилова, от бывшего комиссара этого же полка Николая Романовича Артамонова. Полковник Артамонов рассказал мне о Зорикове в 1955 году при нашей встрече в Москве.

Как-то так повелось в нашей военной литературе, что интенданта писатель обычно изображает или отрицательной или смешной фигурой. Николай Зориков был живым опровержением этой литературной «легенды об интендантах». Он был поистине героическим интендантом Брестской крепости.

Это происходило в первые часы войны. Как только начался обстрел крепости, батальонный комиссар Артамонов прибежал из своей квартиры в доме комсостава к северным воротам, около которых, в казематах внутри земляного вала, располагался один из батальонов полка. Роты этого батальона, поднятые по тревоге, комиссар вывел за крепостные ворота и отправил на окраину Бреста — на заранее назначенный рубеж обороны. Сам же Артамонов еще ненадолго задержался у ворот, ожидая, что сюда с минуты на минуту подоспеет командир полка майор Гаврилов.

В этот момент из глубокого туннеля ворот выбежал человек. У него почти по самое плечо была оторвана рука и обрубок наспех обмотан рубашкой, насквозь пропитавшейся кровью. Артамонов узнал интенданта Зорикова.

Зориков бросился к нему, крича:

— Товарищ комиссар, дайте мне машину!

Артамонов подумал, что интендант просит отправить его на машине в госпиталь: рана была действительно страшной и он, видимо, потерял уже много крови. Но оказалось, что Зориков беспокоится совсем о другом.

— Дайте мне машину! — настойчиво требовал он. — У меня на складах — продовольствие, фураж. Ведь все фашистам достанется.

Этот человек, так опасно раненный, шатавшийся от слабости, думал не о своем спасении — он прежде всего заботился о материальных ценностях, которые были поручены ему.

С трудом комиссару удалось убедить Зорикова немедленно ехать в госпиталь, и он отправил интенданта в тыл попутной повозкой. Так и не дождавшись Гаврилова, Артамонов вскоре поспешил на рубеж обороны, к своим бойцам, и потом отступал на восток вместе с ними. О Зорикове он ничего больше не слышал.

Но я уже знал о дальнейшей судьбе интенданта со слов участника обороны Александра Махнача, который встречал его

в плену. Зорикова доставили из крепости в госпиталь, но через несколько дней, когда раненых везли на восток, они попали в окружение и оказались в гитлеровском лагере. Потерявший руку старший лейтенант вдобавок заболел в плену туберкулезом, и Махнач вспоминал, что к моменту освобождения их в 1945 году Зориков чувствовал себя очень плохо. Куда он уехал по возвращении на Родину и где находится теперь, было неизвестно.

Неожиданная встреча друзей произошла 24 июля 1956 года, в тот день, когда герои крепости должны были выступать в Центральном доме Советской Армии. Утром мы, как всегда, собрались на скамейках, стоявших в зеленом палисаднике перед гостиницей. Участник обороны крепости и бухенвальдский подпольщик, однополчанин Матевосяна Николай Кюнг толковал о чем-то с Петей Клыпой. Юрий Фомин просматривал газеты. Рядом фотокорреспондент журнала «Советская женщина» Марк Ганкин хлопотал около Раисы Абакумовой, то и дело нацеливался на нее объективом, выбирая удобную позицию для съемки. Подошли Гаврилов и Семененко и сели тут же, продолжая увлеченно вспоминать какую-то забавную историю, случившуюся в полку перед войной.

И никто не заметил, когда около этой скамейки появился худощавый, лысоватый и рыжеволосый человек в простой полосатой рубаше. Левый рукав его рубашки был пуст почти до самого плеча.

Он остановился у скамейки и молча, странным, пристальным взглядом смотрел на Семененко и Гаврилова, поглощенных своими воспоминаниями. Только чуть-чуть подергивалась, как от нервного тика, его небритая щека. Как-то машинально Семененко поднял голову и поглядел на незнакомца. И вдруг не то крик, не то стон вырвался у него и, стремглав вскочив со скамьи, он бросился к однорукому. А вслед за ним, увидев этого человека, также вскрикнул и кинулся к нему Гаврилов.

Обнявшись, прижавшись щекой к щеке, они плакали в голос, громко, не обращая внимания на прохожих. И деловитые москвичи, спешившие по площади Коммуны, спрашивали друг друга, что случилось, а узнав, что это встретились через пятнадцать лет герои Брестской крепости, понимающе кивали, останавливались и смотрели на них повлажневшими глазами.

Еще не зная, кто этот человек без руки, мы все тоже замерли, захваченные и потрясенные этой сценой. Только один из нас не остался стоять на месте. Это был фотокорреспондент Марк Ганкин. Как ни сильно взволновала его эта встреча, про-

фэссиональная хватка фотографа-журналиста все же сработала: он понял, что в его руках возможность редкой удачи, что это — момент необыкновенный и неповторимый. И с мгновенным вдохновением фотографа-художника он выбрал единственно верную точку съемки и поднял к глазам аппарат.

Так родилась эта фотография, доставившая ее автору широкую популярность и Золотую медаль Международной фототыставкй. У нашего большого художника Сергея Коненкова она вызвала хорошую творческую зависть. Известная немецкая писательница Анна Зегерс повесила ее в своем кабинете. Многие зарубежные журналы на всех континентах мира перепечата-ли этот снимок из «Советской женщины».

Уже нет в живых одного из тех, кто изображен здесь. В 1961 году, несколько месяцев спустя после торжеств в Бресте, посвященных 20-летию обороны крепости, Николай Иванович Зориков умер: его одолел туберкулез — наследие войны и плена.

Но его лицо, как и лица его товарищей, останется вечно живым на этой фотографии-картине, будет постоянно волновать зрителя большим человеческим чувством, с проникновенной силой напоминать людям о бедствиях войны, звать их бороться за мир на земле.

ПОЕЗДКА В БЕЛОРУССИЮ

В дни пребывания героев крепости в Москве у нас зародилась мысль о том, чтобы совершить поездку в столицу Белоруссии Минск и на место памятных событий — в Брест. Было получено разрешение на эту поездку, и спустя несколько дней пятеро героев обороны — П. М. Гаврилов, С. М. Матевосян, Р. И. Абакумова, П. С. Клыпа, А. А. Виноградов — и я с ними выехали в Минск.

В Минске рано утром нас встречали на перроне вокзала представители городского Дома офицера, а также участники обороны, живущие в столице Белоруссии: уже знакомые вам А. И. Махнач и М. П. Гуревич и с ними бывший боец 33-го инженерного полка, теперь работник областного управления сельского хозяйства Федор Филиппович Журавлев.

В тот же день участники обороны выступили в некоторых воинских частях, а вечером в переполненном зале Дома офицера состоялась встреча минчан с героями Брестской крепости. Жители белорусской столицы горячо приняли приехавших к ним дорогих гостей, и этот вечер надолго запомнился каждому из его участников.

Там, в Минске, к нашей группе присоединился еще один защитник крепости, до тех пор неизвестный нам бывший командир взвода 333-го полка Александр Петлицкий, работающий сейчас компрессорщиком на одном из заводов города. И когда на другой день мы уезжали в Брест, вместе с нами туда поехали также минчане — Гуревич, Махнач, Журавлев и Петлицкий.

Утро 31 июля, когда мы подъезжали к Бресту, выдалось ненастным: все небо было затянуто тучами и шел частый, мелкий, словно осенний, дождик. Всем казалось, что по такой погоде, конечно, почти никто не придет встретить гостей в Бресте. Но то, что ожидало героев крепости на Брестском вокзале, было необычайно волнующим. Прямо под дождем, запруживая весь перрон, тесно, плечом к плечу, стояла большая, плотная толпа людей с букетами цветов. И как только поезд подошел к перрону, духовой оркестр грянул марш и люди бросились к дверям вагона, в котором приехали участники обороны. Можно себе представить, как глубоко тронула всех приехавших эта неожиданная и такая горячая встреча. Я помню, как, не скрываясь, плакала Раиса Ивановна Абакумова, как побледнел от волнения и не мог унять дрожь в руках Александр Иванович Махнач, как взволнованно и растерянно оглядывался по сторонам Самвел Минасович Матевосян.

У вагона героев крепости встретили заместитель председателя Брестского облисполкома М. Е. Вуколов, секретарь горкома партии Т. С. Смоловик и секретарь обкома комсомола В. П. Сомович. Вместе с ними пришли встретить дорогих гостей участники обороны, живущие в Брестской области, — Яков Коломиец и Афанасий Бородич, вдова капитана Зубачева и его сын, жены командиров, погибших в крепости, — Татьяна Семочкина, Анна Гончар, Дарья Прохоренко и другие. Десятки дружеских рук подхватили чемоданы приезжих, гостям вручили целые охапки живых цветов, и все медленно двинулись сквозь густую толпу к широким дверям вокзала.

На площади перед вокзалом должен был происходить митинг. Но из-за непогоды его перенесли в большое помещение агитпункта в новом вокзальном здании. Сотни жителей Бреста заполнили просторный зал. И когда по предложению председателя митинга все встали, чтобы почтить память героев, погибших в Брестской крепости, и оркестр заиграл траурный марш Шопена, в зале раздались громкие, неудержимые рыдания. Здесь много было тех, у кого еще свежа память о трагических днях 1941 года, кто в те дни потерял в крепости или в городе родных, близких людей, кто пережил здесь тягостное и полное ужасов время фашистского господства.

Так началось пребывание героев обороны в городе, который они с таким поразительным упорством защищали пятнадцать лет тому назад и который бережно и гордо хранит славу их подвига. Жители Бреста приняли их как подлинно дорогих, близких им людей, а городские партийные и советские организации сделали все, чтобы как можно более гостеприимно и радушно принять защитников Брестской крепости.

В то же утро к нашей группе присоединились еще несколько человек. Из города Кобрина приехал участник обороны Григорий Гудым; из глубинного Жабинского района Брестской области — бывший боец 44-го стрелкового полка, а теперь председатель одного из богатейших колхозов Марк Пискун; из Минска, догнав нас, прибыл однополчанин Журавлева, а теперь концертмейстер консерватории Кирилл Соболевский; пришел живущий в Бресте бывший сослуживец Пети Клыпы Михаил Игнатюк, который по-прежнему, как и до войны, носил старшинские погоны и, находясь на сверхсрочной службе в армии, играл в одном из военных оркестров. К нам присоединились приехавшие из районного городка Антополя жена и дочь героя обороны Николая Нестерчука, жены других командиров, погибших в крепости.

Сразу же, в первый день, все отправились в крепость. В торжественном молчании, с большими букетами цветов вошли в крепостные ворота участники обороны, жены павших героев.

Там, на заросших травой памятных развалинах, они разбросали эти цветы. Они положили букеты у крепостной стены, в том месте, где гитлеровские палачи расстреляли полкового комиссара Фомина. Груда цветов легла на камни, где когда-то в подвале находился штаб обороны, руководимый капитаном Зубачевым и комиссаром Фоминым. Первыми рассыпали над этими камнями большие букеты жена погибшего капитана Александра Андреевна Зубачева и его сын Анатолий. Потом все направилось в северную часть крепости, к восточным воротам, где в 1941 году сражался старший политрук Нестерчук с артиллеристами 98-го дивизиона. Там первой со слезами положила на землю свои цветы дочь погибшего героя Лидия Нестерчук, которая четырнадцатилетней девочкой была здесь вместе с отцом в дни боев в крепости.

А два дня спустя участники обороны приехали на гарнизонное кладбище Бреста и возложили большой венок из живых цветов на братскую могилу, где похоронены останки героев, найденные под развалинами после войны. На ленте этого венка была надпись: «Боевым братьям, павшим героям, от товарищей по обороне крепости».

В солнечный, погожий день на городском стадионе состоялся митинг, на котором жители Бреста встретились со своими гостями. Десять тысяч человек заполнили трибуны, толпой стояли вдоль зеленого поля. И когда герои обороны крепости появились здесь, стадион загремел жаркими, долго не смолкавшими рукоплесканиями.

Под звуки горна промаршировали через поле пионеры. Они приветствовали героев, поднесли им цветы и поставили у трибуны свое знамя, постоянно меняя около него почетный пионерский караул. Выступали представители партийных и советских организаций, предприятий и учреждений города, выступали сами герои, делясь своими воспоминаниями, взволнованно благодаря брестцев за горячий, сердечный прием. И то и дело кто-нибудь отделялся от толпы, заполнившей трибуны стадиона, и спешил через поле к столу президиума, где уже высилась гора цветов, чтобы положить еще один букет и обменяться дружеским рукопожатием с гостями.

А когда митинг закончился, вся эта многотысячная толпа вдруг хлынула на поле, тесно обступив героев крепости. Я видел, как, подхваченный десятками рук, взлетел над головами людей Самвел Матевосян, как качали Петю Клыпу, как, обступив, расспрашивали о чем-то женщины Раису Абакумову. С трудом удалось пробраться сквозь эту приветливую толпу к выходу, и долго еще не могли тронуться с места машины с гостями — так плотно стоял вокруг народ.

На следующий день мы уезжали из Бреста. Перед отъездом председатель Брестского облисполкома, Герой Советского Союза, один из знаменитых белорусских партизан, Роман Наумович Мочульский, устроил прием в честь участников обороны крепости. А потом на вокзале героев провожала большая толпа жителей Бреста. И они уехали из этого города, такого близкого и дорогого каждому из них, унося с собой незабываемые впечатления об этих нескольких днях, которые останутся в их памяти на всю жизнь.

После встречи в столице, после поездки в Брест герои обороны разъехались по домам, вернулись к своей обычной работе. Они получали множество писем, часто выступали перед трудящимися своих городов и сел, и из разных уголков страны приходили вести о встречах с защитниками Брестской крепости, подвиг которых высоко оценен нашим народом.

Этот подвиг высоко оценило и Советское правительство. Руководителю обороны Брестской крепости Петру Михайловичу Гаврилову присвоено звание Героя Советского Союза. Орденом Ленина посмертно награжден полковой комиссар Е. М. Фомин. Ордена боевого Красного Знамени получили герои Брест-

ской крепости Р. И. Абакумова, С. М. Матевосян, А. А. Виноградов, П. П. Кошкарлов и другие. Подвиги погибших героев — И. Н. Зубачева, В. В. Шабловского, Н. В. Нестерчука, А. Ф. Наганова — отмечены посмертными наградами — орденами Отечественной войны I степени. Различными орденами и медалями Союза ССР награждены многие другие защитники крепости. Уже позднее, в 1965 году, в день двадцатилетия Победы было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза лейтенанту Андрею Кижеватову, и теперь рядом с крепостью располагается погранзастава его имени.

СЕМЬЯ МАЙОРА ГАВРИЛОВА

В дни пребывания героев обороны в Бресте с одним из них — Петром Михайловичем Гавриловым — произошло исключительно волнующее событие, которое вместе с ним переживали все его товарищи.

В 1941 году, перед войной, у Петра Михайловича была семья, состоявшая из жены Екатерины Григорьевны и десятилетнего приемного сына Коли. Жена Гаврилова уже долгое время серьезно болела: она страдала острым суставным ревматизмом и, бывало, по неделям не вставала с постели.

Гаврилов оставил семью с первыми взрывами снарядов, поняв, что началась война. Он сказал жене, чтобы она одела Колю и шла с ним в убежище, а сам тотчас же бросился в штаб полка, чтобы принять командование над своими бойцами. С тех пор он больше не видел ни жены, ни сына. После войны, возвратившись из плена, он приезжал в Брест, наводя справки о семье, а потом посылал многочисленные запросы, но все эти поиски окончились безрезультатно, и он считал, что жена и сын погибли там, в крепости, либо были впоследствии расстреляны в Жабинке, как жены и дети других командиров. В 1946 году, работая в Сибири, он снова женился и сейчас живет со своей второй женой, Марией Григорьевной, в Краснодаре.

И вдруг в 1956 году, пятнадцать лет спустя, когда герои обороны были в Бресте, одна из жительниц города пришла в гостиницу к П. М. Гаврилову и сообщила, что его первая жена жива и находится где-то в доме инвалидов в Брестской области. Тотчас же принялись наводить справки, и оказалось, что действительно Екатерина Григорьевна Гаврилова содержится в Косовском районном доме инвалидов. В тот же вечер Гаврилов на машине отправился за сто с лишним километров от Бреста в районный центр Косов. Он вернулся в гостиницу рано утром и привез с собой свою первую жену.

НАЧАЛЬНИК 9-й ПОГРАНЗАСТАВЫ
ЛЕЙТЕНАНТ А. М. КИЖЕВатов.

ПОГРАНИЧНИКИ НА ЗАПАДНОМ ОСТРОВЕ
БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ. 1941 ГОД.

С. Т. БОБРЕНОК. 1956 ГОД.

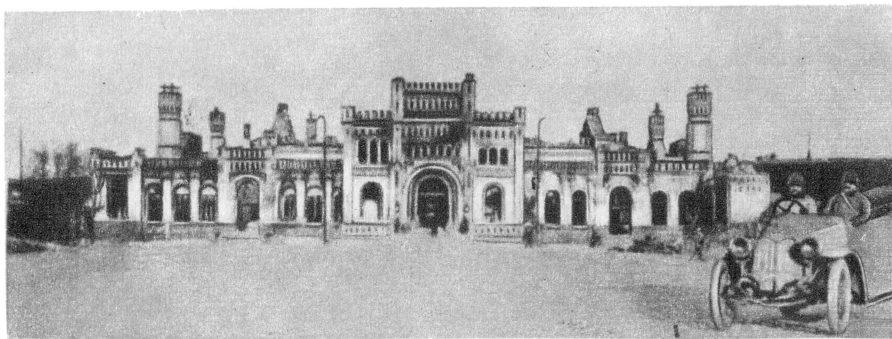

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
М. И. МЯСНИКОВ. 1947 ГОД.

Г. Т. ЕРЕМЕЕВ. 1941 ГОД.

СТАРШИНА П. БАСНЕВ.
1941 ГОД.

ДОВОЕННОЕ ЗДАНИЕ БРЕСТСКОГО ВОКЗАЛА.

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК Н. НЕСТЕРЧУК.
1941 ГОД.

ЛЕЙТЕНАНТ И. Ф. АКИМОЧКИН.
1940 ГОД.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ А. ПОТАПОВ. 1938 ГОД.

А. Д. РОМАНОВ В ПЛЕНУ (СНИМОК С КАРТОЧКИ ВОЕННОПЛЕННОГО).

ВРАЧ Ю. В. ПЕТРОВ.

ВРАЧ В. С. ЗАНИН.

ВОЕНВРАЧ И. К. МАХОВЕНКО.
1935 ГОД.

АЛИК БОБКОВ. 1949 ГОД.

МЕСТО ГИБЕЛИ РОДИТЕЛЕЙ И
СЕСТРЫ АЛИКА БОБКОВА.

РОМАН ЛЕВИН.

ФЛОРИЯ БУДИШЕВСКАЯ.

КОМАНДИР ПЕРВОГО ПАРТИЗАН-
СКОГО ОТРЯДА НА БРЕСТЩИНЕ
С. С. ШИКАНОВ. 1947 ГОД.

ПАРТИЗАН НУРУМ САДЫКОВ.
1942 ГОД

РУКОВОДСТВО ПАРТИЗАНСКИМ
ДВИЖЕНИЕМ НА БРЕСТЩИНЕ.
В ЦЕНТРЕ СИДИТ
С. И. СИКОРСКИЙ И СЛЕВА ОТ
НЕГО — К. Т. МАЗУРОВ.

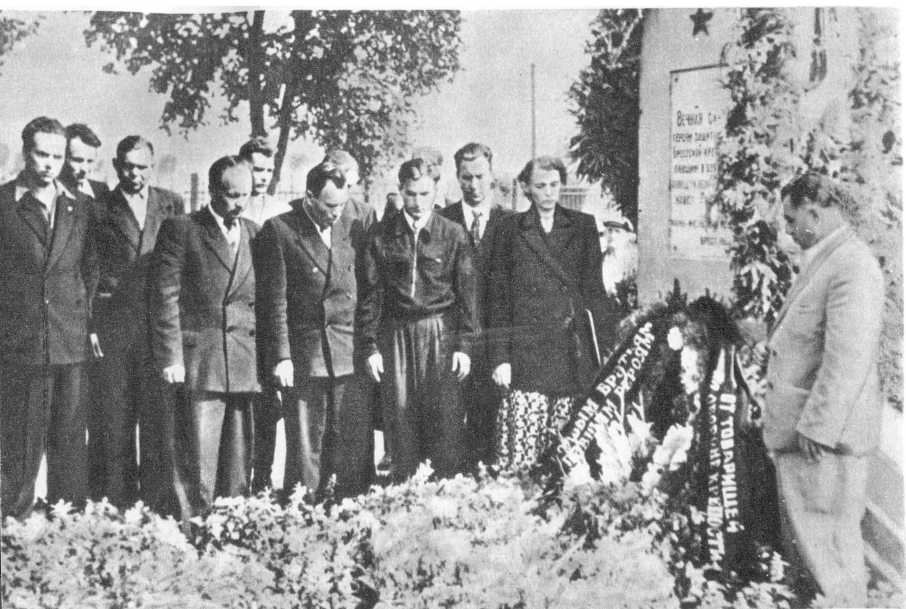

ВСТРЕЧА БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ. ФОТОГРАФИЯ М. ГАНКИНА.

ЗАЩИТНИКИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ У СЕВЕРНЫХ ВОРОТ КРЕПОСТИ. 1956 ГОД.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКА НА БРАТСКУЮ МОГИЛУ ГЕРОЕВ КРЕПОСТИ
НА ГАРНИЗОННОМ КЛАДБИЩЕ.

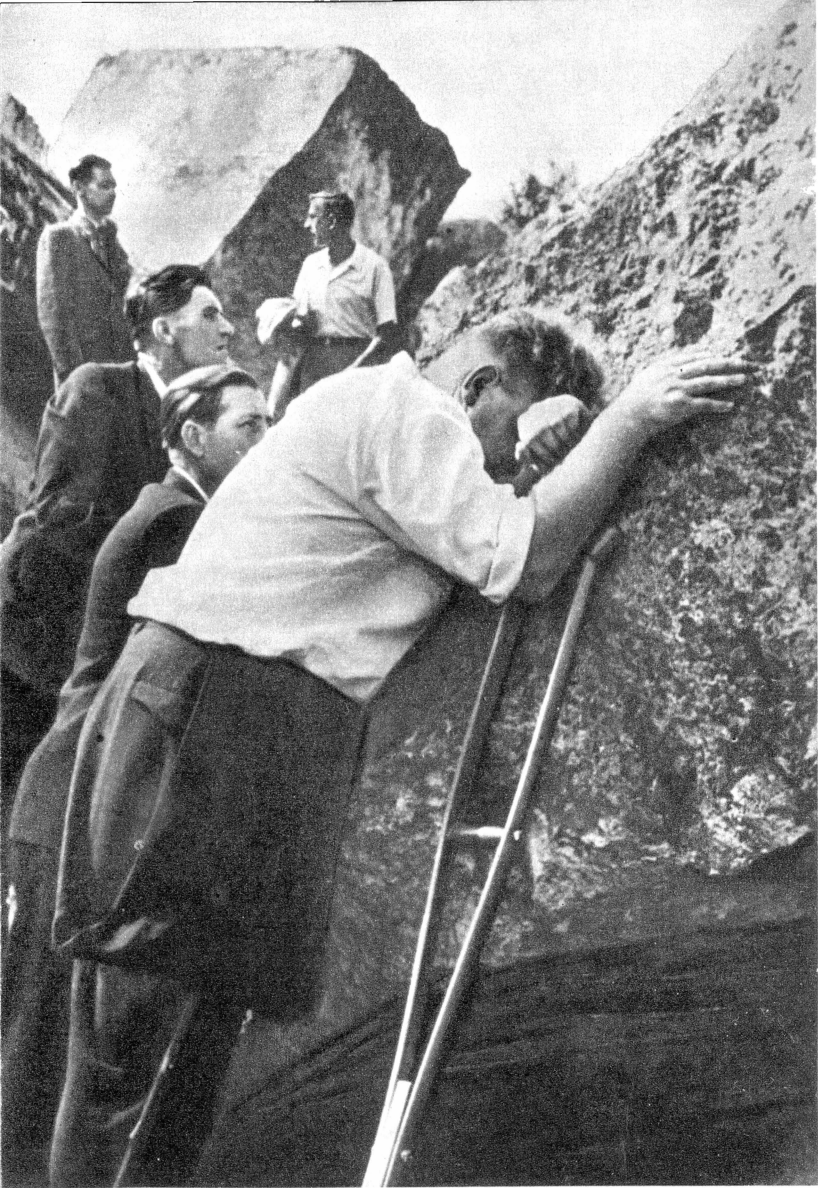
ПАРАД В ЧЕСТЬ СПАСЕН-
НОГО ЗНАМЕНИ 393-ГО
ОЗАД. У ЗНАМЕНИ
Р. К. СЕМЕНЮК.

ВСТРЕЧА ГЕРОЕВ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ НА ВОКЗАЛЕ ГОРОДА
БРЕСТА. 1961 ГОД.

УЧАСТНИКИ ОБОРОНЫ
И ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ
НА ПРАЗДНИКЕ ДВАДЦА-
ТИЛЕТИЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ
ОБОРОНЫ НА ВАЛУ КРЕ-
ПОСТИ. 1961 ГОД.

ПРОКЛЯТИЕ ВОЙНЕ! СНИМОК *М. АНАНЬИНА*.

Болезнь окончательно одолела ее, и Екатерина Григорьевна Гаврилова уже в течение четырех лет была полностью парализованным человеком, не двигала ни рукой, ни ногой. Оказалось, что она с сыном была захвачена гитлеровцами и вывезена на польскую территорию, а потом они жили в одной из деревень Брестской области, откуда Коля вскоре ушел в партизанский отряд.

Гаврилов узнал, что его сын сейчас служит в армии, но где именно, Екатерине Григорьевне было неизвестно: около года назад она потеряла с ним связь.

К радости Гаврилова и его жены, в этот же самый день в Брестском облисполкоме была получена телеграмма от командира одной воинской части. Узнав из газет о пребывании героев крепости в Бресте, он извещал Гаврилова о том, что его сын Николай служит в этой части, и сообщал его адрес.

Это была двойная радость, и вместе с отцом и матерью ее разделили все участники обороны.

П. М. Гаврилов решил взять Екатерину Григорьевну с собой в Краснодар. Он не уехал с нами, а через два дня вместе с ней и сопровождающей ее сиделкой вылетел домой. Его вторая жена приняла Екатерину Григорьевну, как сестру, и заботилась о ней в течение нескольких месяцев.

Из Краснодара Гаврилов послал телеграмму в воинскую часть, где служил его сын, прося командира предоставить ему отпуск. Конечно, эта просьба была удовлетворена, и Николай Гаврилов — отличник боевой подготовки, один из лучших воинов своей части — приехал в Краснодар и встретился с отцом, которого не видел пятнадцать лет. Он привез с собой письмо от командования части: Петра Михайловича приглашали в гости — встретиться с однополчанами его сына. Гаврилов с радостью отозвался на приглашение. По окончании отпуска Николай отец и сын вместе приехали в эту часть, и герой Брестской крепости гостил там несколько дней, тепло встреченный бойцами и командирами.

А два месяца спустя Николай Гаврилов, отслужив свой срок, был демобилизован и уехал к отцу в Краснодар. К несчастью, он уже не застал в живых своей приемной матери. Екатерина Григорьевна, сердце которой было вконец подорвано многолетней тяжелой болезнью, скончалась в декабре 1956 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВА БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ

После выступления летом и осенью 1956 года по Всесоюзному радио с рассказами о поисках героев Брестской крепости на мое имя пришло большое количество писем со всех концов страны. Число их уже вскоре превысило три тысячи. Среди них были и письма от людей, которые в 1941 году сражались в Брестской крепости. Если до того за два с половиной года мне с большим трудом удалось обнаружить в разных городах и селах Союза около пятидесяти участников обороны, то за несколько месяцев после радиопередач более трехсот ранее неизвестных защитников крепости сообщили свои адреса.

С волнением узнали эти люди о том, что советский народ помнит и чтит подвиг, который они совершили пятнадцать лет тому назад в стенах старой русской крепости. Многие из них с радостью встретили на страницах газет и услышали по радио имена своих прежних товарищей, героев крепости — П. М. Гаврилова, П. С. Клыпы, С. М. Матевосяна, Р. И. Абакумовой, А. М. Филя и других. Тепло, с любовью пишут они о своих боевых друзьях, которых сейчас знает весь народ.

«Я знал Гаврилова,— пишет его бывший сослуживец по довоенному времени, офицер запаса из Ленинграда Иван Гомозов.— Это был прежде всего честный коммунист, грамотный командир полка, требовательный к себе, к своим подчиненным, трудолюбив без устали, заботлив, как отец, пунктуален. Гаврилов был самым лучшим командиром полка в нашей дивизии. И мне думается, если бы не было брестской трагедии, Гаврилов был бы прославленным воином Отечественной войны. Ночью он часто сидит читает книги о Суворове, рано утром он уже следит за подъемом то одного, то другого подразделения, днем проводит занятия с комсоставом полка, часто цитирует суворовские изречения, требует от личного состава глубоких знаний, больше занятий в поле. Все знали, что от глаза Гаврилова ничего не ускользнет. Если что-либо неладно идет в каком-либо подразделении, Гаврилов тут как тут, и все он видит и все знает. К концу дня часто можно было видеть Гаврилова угрюмым и задумчивым. Это он был недоволен прошедшим днем. Часто можно было слышать от него выражения недовольства, что, мол, мало сделано за день, не с полной целеустремленностью проведены занятия и так далее. Гаврилову хотелось быстрее подготовить свои подразделения к будущим боям. Он торопился с подготовкой личного состава, потому что видел, что схватка не за горами».

«Майора Гаврилова я знал как строгого, требовательного

командира, как чуткого и справедливого воспитателя, — пишет бывший боец 44-го полка Сергей Демин из Харькова. — В моей памяти сохранилось много случаев из жизни полка и моей лично, которые непосредственно связаны с командирской деятельностью Гаврилова. Я работал на автомашине, и очень часто приходилось ездить с командиром полка в далекие и близкие рейсы.

Видели бы вы, — пишет Демин, — мое состояние, когда я узнал, что случилось с Гавриловым на сегодняшний день. Я за него был рад не менее, чем за себя. Действительно, ему теперь воздают по заслугам. Я горжусь им, ведь он — мой командир».

«Я услышал по радио, что майор Гаврилов, бывший командир полка, командовавший частью Брестского гарнизона, жив, — пишет из Новосибирска бывший защитник крепости Иван Черняев. — Я был в дни обороны крепости под его командованием. Товарища Гаврилова знаю лично и всегда вспоминаю как пример мужества, стойкости и бесстрашия в борьбе за социалистическую Родину. Прошу передать товарищу Гаврилову мой искренний привет, пожелание хорошего здоровья и долгих лет жизни».

С любовью вспоминают бывшие сослуживцы и самого юного героя крепости — Петю Клыпу.

Интересное письмо со своими воспоминаниями прислал бывший лейтенант 333-го полка Александр Степанович Санин, возглавивший в первые дни оборону на том участке крепости, где сражался Петя. Сейчас А. С. Санин — преподаватель черчения и рисования в одной из школ города Омска. Вот что он пишет:

«Из всего состава обороняющихся в первые дни я особенно выделяю двух младших командиров-артиллеристов и двух маленьких (12—13 лет) мальчиков — Петю, воспитанника 333-го полка, и второго, имя которого не помню. Но это были настоящие герои-храбрецы. Это они в первые дни обороны разыскивали склад боеприпасов. Под градом пуль и непрерывной бомбежкой они переносили патроны, пулеметные ленты и снаряды. Петя Клыпа! Только теперь я узнал его фамилию. Он был подлинно бесстрашным мальчиком. Он вбежал в подвал и, обращаясь ко мне, по-военному доложил: «Товарищ командир, я был на втором этаже здания, оттуда все хорошо видно!» Этим он мне и напомнил о необходимости организации наблюдения. Первое мое приказание было отдано этому мальчику — наблюдать и немедленно доложить о появлении противника. Где только не был этот живой, подвижной, сообразительный мальчонка: в разведке, на подноске боеприпасов — буквально всюду. Я очень боялся и беспокоился за него. Но он, будучи назначен мною

связным, часто исчезал на час, а иногда и больше, но никогда не приходил без новостей или без оружия, боеприпасов.

О мальчике-герое вспоминает и другой командир, сражавшийся на этом участке, сейчас пенсионер, живущий в Вязьме, — Василий Соколов.

«Немцы цепочкой перебегали к комсоставской столовой и заняли ее, — пишет он. — Мы повели шквальный огонь по цели. Клыпа в это время обеспечивал нас патронами, передавал распоряжения из штаба. Везде только и было слышно: «Клыпа, Клыпа...» Живой и находчивый, мальчик вел себя как настоящий взрослый, бывалый боец».

Как вы помните, в первых числах июля 1941 года, когда на участке 333-го полка подошли к концу боеприпасы, оставшиеся в живых бойцы сделали попытку прорвать кольцо врага. После этой попытки из них уцелело только несколько человек, которых гитлеровцы взяли в плен. В числе этих уцелевших бойцов был и контуженный Петя Клыпа.

Гитлеровцы отправили его в лагерь Бяла Подляска, и там Петя встретился с пятью такими же, как он, воспитанниками, мальчуганами по 14—16 лет. Неутомимый и энергичный, он тотчас же принялся готовить их побег, и вскоре эти пять мальчиков бежали в Брест во главе с Петей Клыпой.

В 1957 году я получил письмо от одного из этих бывших воспитанников — Петра Котельникова. Сейчас он уже старший лейтенант и служит в одной из воинских частей. С восторгом вспоминает Котельников о своем боевом друге Пете Клыпе. Он пишет:

«Познакомился я с ним в первые дни войны в подвале 333-го полка. Первое, что у меня он спросил, боюсь ли я этих немцев и умею ли я стрелять из винтовки. Несколько дней мы провели вместе в одном подвале, и кто только там был, знал его имя. Был он проворным и смелым мальчиком, часто оставлял подвал и приносил ценные сведения, докладывая рапортом командованию. Им был обнаружен склад с боеприпасами, и под его командой мы доставляли патроны и гранаты к амбразурам, откуда вели огонь по фашистским солдатам наши бойцы.

Инициативный и смелый, Петя Клыпа организовал побег из гитлеровского лагеря пятерых бывших воспитанников, среди которых были Володя Казмин, Володя Измайлов, Коля Новиков и я. Бежав из лагеря, мы попали в брестскую тюрьму, где фашисты морили пленных голодом, пытаясь окончательно сломить советских людей и навязать им свою волю. Петя и здесь проявил инициативу и находчивость. Он мог уже тогда объясняться на немецком языке и переговаривал с немцами. После этого на четвертый день нас выпустили из этой страшной тюрьмы.

Выйдя из тюрьмы, Петя разведal на южной окраине Бреста склад с боеприпасами и тут же предложил немедленно его взорвать. Но взорвать его не удалось, так как участились случаи облавы, и мы вынуждены были покинуть город — идти, пробираться к своим.

Еще четырнадцатилетним подростком Петя обладал хорошими организаторскими способностями. Храбростью своей и бесстрашием он завоевал доверие среди нашей пятерки, и так, без официального назначения, он стал нашим настоящим вожаком и самым лучшим другом и близким товарищем. Находясь в тылу у гитлеровцев, в трудные минуты он никогда не унывал и не давал унывать другим. Часто напевал он свою любимую песенку, слова которой я услышал впервые от него:

По морям, по океанам
Красный вымпел над волной.
Не ходить врагам незванным
По берегам земли родной.

Он верил в будущую победу и не сомневался в ней. Он смело говорил местному населению, что Советская Армия опять вернется, вернется сюда и Советская власть».

Одновременно с Котельниковым прислал письмо и третий из этой пятерки — Владимир Казьмин, который когда-то вдвоем с Петей пробирался к линии фронта по лесам и болотам Белоруссии. Сейчас В. П. Казьмин уже инженер-электрик и работает на строительстве линий электропередач. Он с радостью узнал, что его друг юности и боевой товарищ остался жив, и уже установил с ним прочную связь. Остается неизвестной судьба четвертого из этой юной пятерки — Володи Измайлова. Что же касается пятого — Коли Новикова, то он, как выяснилось позднее, вернулся на Родину после войны и умер где-то на Северном Кавказе незадолго до того, как я начал поиски брестских героев.

Добрым словом вспоминает о героине Брестской крепости военфельдшере Раисе Абакумовой бывший участник обороны Восточного форта лейтенант запаса Степан Терехов, который живет сейчас в белорусском городе Мозыре.

«Рядом с нами,— пишет он,— находились раненные. За ними ухаживала Раиса Абакумова, которая нередко из-под носа у немцев выхватывала наших раненых и одна, на своих плечах, под огнем перетаскивала их в укрытое место».

«Я читал недавно в газете про Раису Абакумову,— пишет бывший защитник крепости, а теперь колхозник из станицы Шкуринской Краснодарского края Василий Зайцев.— Она мне тогда спасла жизнь. Я был сильно ранен и лежал без памяти

целые сутки. Когда я прочел про Абакумову, я вспомнил, как тогда раненые все время звали на помощь Раису. Если бы я ее увидел сейчас, я от всего сердца поблагодарил бы ее и ее детей, если они у нее есть. Если есть, то желаю им, как и всем советским детям, не переживать ничего подобного тому, что пришлось пережить нам в Брестской крепости».

Оказался в живых один из пяти наших военнопленных, которые вместе с Матевосяном осенью сорок первого года бежали из гитлеровского лагеря в Южном военном городке Бреста. Это бывший старшина Евгений Хлебников, работающий сейчас в одном из колхозов Смоленской области. Он дополняет рассказ Матевосяна новыми интересными подробностями этого смелого побега.

Необычайно волнующее письмо, поистине потрясающий человеческий документ, прислал из Львова один инвалид войны. Вот что он пишет:

«Я, Решетняк Константин Михайлович, бывший рядовой 84-го стрелкового полка, принявший натиск немцев в ночь на 22 июня 1941 года под командованием незабываемого, бессмертного комиссара полка товарища Фомина и его первого помощника Матевосяна, который был наш непосредственный командир в бою и боевой товарищ. Дело в том, что после шестидневных тяжелых боев я был ранен тяжеловесной бомбой и попал в плен к гитлеровцам. Я перенес тяжелую операцию и лишился обеих ног. С большим нетерпением я ждал дня освобождения и свободной жизни. Я дождался, дождался, но этот день принес мне второе несчастье. Гитлеровцы при отступлении подожгли дом, где я находился с другими ранеными, вследствие чего я лишился зрения. До Вашей беседы по радио я не думал, чтобы кто-нибудь остался в живых из защитников крепости Брест, а если есть, то такие, как я. Сейчас я беспредельно рад, что живут командиры и некоторые боевые наши товарищи.

Слушая Вас по радио, я вспоминаю всю довольно страшную картину героических боев прошедших дней. Я был бы очень счастлив еще видеть Вашу пьесу «Крепость над Бугом», но это уже невозможно. Даже письмо настоящее пишет мне товарищ по работе, а не я. Однако... хочу Вам помочь восстановить некоторые эпизоды нашей прошедшей боевой жизни. Я это постараюсь сделать посредством моих зрячих товарищей и направляю Вам. Извините за беспокойство. Инвалид первой группы, пенсионер Костя Решетняк».

Сколько удивительной силы духа, сколько простоты и скромности в этом письме искалеченного войной рядового советского человека!

Я рассказывал, как герой Брестской крепости П. М. Гаврилов нашел свою первую жену и сына. Но передача по радио рассказов о поисках героев Брестской крепости помогла установить связь еще трем людям, которых в прошлом жизнь свела довольно своеобразным способом.

Читатели, вероятно, помнят рассказанную в одной из предыдущих глав историю участника обороны крепости Александра Митрофановича Филя, который сейчас живет и работает в Якутии. Эта история имела свое любопытное продолжение.

Когда мы беседовали с А. М. Филем в дни его приезда в Москву, он познакомил меня с одним важным эпизодом из своей биографии. Как вы помните, Филь был родом из бедной крестьянской семьи, жившей в станице Тимашевской Краснодарского края. В начале тридцатых годов он, будучи четырнадцатилетним мальчиком, сбежал из дома и, подобно многим его сверстникам в те времена, беспризорничал. В 1933 году он попал в Ростов-на-Дону и там однажды, как это делали и другие беспризорники, выхватил на базаре из рук женщины сумочку и бросился наутек.

— К моему удивлению, — рассказывал мне Филь, — эта женщина поступила совсем не так, как, бывало, поступали другие. Она не стала кричать, не побежала за мной, а спокойно и молча пошла следом. Это было настолько неожиданно, что я остановился. И женщина тоже остановилась поодаль и сказала мне: «Мальчик, ты возьми деньги, а сумку мне отдай. Там продуктовые карточки». И я, — говорит Филь, — был настолько ошеломлен необычным поведением этой женщины, что машинально протянул ей всю сумку. Женщина открыла ее, достала рублей двадцать денег, протянула их мне и потом, внимательно посмотрев на меня, сказала: «Слушай, мальчик, если тебе будет плохо, захочется кушать — приходи ко мне. Вот тебе адрес». И она написала на бумажке: «Газетный переулок, 97. Москвичева Нина Степановна».

Действительно, маленькому беспризорному оборвышу через несколько дней стало очень плохо. Он изголодался, устал и, как он ни страшился, что его передадут милиции, все-таки пошел по указанному адресу. Хозяйки квартиры он не нашел дома, но соседи ее уже были предупреждены о том, что может прийти этот беспризорный мальчик. Его тотчас же накормили и положили отдыхать.

Потом пришла сама Нина Степановна Москвичева и сказала, что она оставит Сашу Филя жить у себя. Оказалось, что

Филь попал в семью героя гражданской войны на Кавказе Луки Москвичева.

Нина Степановна стала воспитывать его вместе со своей дочерью Леной, однолетней Александра Филья. Она предложила своему приемышу идти учиться, но тот не захотел жить на чужой счет и устроился работать, а вечерами посещал курсы. Вскоре он стал бухгалтером, а впоследствии поступил на первый курс университета, откуда был призван в армию и попал в Брестскую крепость.

После войны А. М. Филь ничего не знал о судьбе Москвичевых и не имел с ними никакой связи. Он и не пытался разыскать их. Несправедливое обвинение, столько лет тяготевшее над ним, глубоко его угнетало и лишало всякого желания восстанавливать прежние связи. Одна мысль о том, что близкие, дорогие ему люди, знавшие его как хорошего комсомольца, искреннего советского патриота, могут хоть на минуту поверить, что он изменил Родине, — эта мысль была для него нестерпима.

Вскоре после того как я рассказал по радио о судьбе А. М. Филья, мне вручили телеграмму из Южно-Сахалинска. Телеграмма эта была даже с оплаченным ответом и с таким текстом:

«Убедительно прошу Вас сообщить адрес Александра Филья. Южно-Сахалинск, Западная, 106. Москвичевой Елене».

Это была названная сестра Филья — Лена Москвичева, с которой вместе он воспитывался в Ростове в семье ее матери.

А еще спустя некоторое время я получил такое письмо:

«Добрый день, товарищ Смирнов! Прочитав статью «Герои легендарной обороны Брестской крепости» в газете «Правда» от 24 июля, я узнала о существовании Филья Александра Митрофановича, а позднее прослушала Вас по радио. И вот все это очень совпадает с тем, что произошло у меня в жизни. В 1933 году я подобрала беспризорного мальчика, уроженца станицы Тимашевской. Воспитывала я его до ухода в армию. Все это время он работал и одновременно учился. В 1940 году поступил на первый курс юридического факультета в университет, откуда и был взят в армию. Последнее письмо мною было получено от него 20 июня 1941 года, из которого я узнала, что он находится в Брест-Литовских казармах и служит писарем в штабе.

Товарищ Смирнов, возможно, что это однофамилец, но я не могу хладнокровно отнестись к этому известию. Я убедительно прошу сообщить его адрес, для того чтобы списаться с ним.

Если я у Вас оторвала время, прошу извинить. Надеюсь, что Вы понимаете мое состояние. С уважением к Вам Н. С. Москвичева, работница Ростовской швейной артели промкооперации».

Я тотчас же сообщил матери и дочери Москвичевым адрес А. М. Филья, а ему послал их адреса, и теперь они постоянно переписываются.

Так герой Брестской крепости Александр Филь нашел своих старых друзей, людей, глубоко близких ему,— приемную мать и названную сестру.

ЗНАМЯ

В 1955 году, когда в газетах стали появляться статьи об обстреле Брестской крепости, к одному из районных комиссаров города Сталинска-Кузнецкого в Сибири пришел рабочий металлургического комбината, младший сержант запаса Родион Семенюк.

— В сорок первом я сражался в Брестской крепости и там закопал знамя нашего дивизиона,— объяснил он.— Оно, должно быть, цело. Я помню, где оно зарыто, и, если меня пошлют в Брест, достану его. Я уже писал вам раньше...

Военком был человеком равнодушным и не любил делать ничего, что прямо и непосредственно не предписывалось начальством. В свое время он побывал на фронте, неплохо воевал, получил ранение, имел боевые награды, но, попав в канцелярию, постепенно стал бояться всего, что нарушало привычный ход учрежденческой жизни комиссариата и выходило за рамки указаний, спущенных сверху. А никаких указаний о том, как быть со знаменами, зарытыми во время Великой Отечественной войны, у него не было.

Он вспомнил, что действительно год или полтора назад получил письмо от этого Семенюка насчет того же знамени, прочитал его, подумал и велел положить в архив без ответа. Тем более что по личному делу, хранившемуся в военкомате, Родион Ксенофонович Семенюк казался комиссару фигурой подозрительной. Три с половиной года он пробыл в плену, а потом воевал в каком-то партизанском отряде. Бывших пленных военком твердо считал людьми сомнительными и недостойными доверия. Да и указания, которые он, бывало, получал в прошлые годы, предписывали не доверять тем, кто побывал в плену.

Однако теперь Семенюк сидел перед ним самолично, и приходилось что-то отвечать на его заявление о знамени.

Недовольно и хмуро поглядывая в открытое, простодуш-

ное лицо невысокого и очень моложавого Семенюка, военком с важностью покивал головой.

— Помню, помню, гражданин Семенюк. Читали мы ваше письмо... Советовались... Знамя это ваше особого значения теперь не имеет. Вот так...

— Да ведь это Брестская крепость, товарищ комиссар... — растерянно возражал Семенюк. — Вон о ней в газете писали...

Комиссар о Брестской крепости имел самое отдаленное представление и в газетах ничего о ней не читал. Но подрывать свой авторитет он не собирался.

— Правильно... писали... Знаю, знаю, гражданин Семенюк... Видел. Верно пишут в газетах. Только это одно дело, что пишут, а тут другое... Мало ли что... Вот так, значит...

Семенюк ушел от военкома озадаченный и расстроенный. Неужели и вправду боевое знамя их 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, под которым они сражались в Восточном форту Брестской крепости, уже не имеет никакого значения для народа, для истории? Ему казалось, что здесь что-то не так, но ведь военком — лицо, облеченное доверием, и должен знать истинную ценность этого знамени.

Семенюку часто вспоминались те страшные, трагические дни в Восточном форту. Помнилось, как носил он это знамя на груди под гимнастеркой и все время боялся, что его ранят и он без сознания попадет в руки врага. Помнилось партийное собрание, на котором они давали клятву драться до конца. А потом эта страшная бомбежка, когда ходуном ходили земляные валы и из стен и с потолков казематов сыпались кирпичи. Тогда майор Гаврилов и приказал закопать знамя, чтобы оно не попало к фашистам, — стало уже ясно, что форт продержится недолго.

Они закопали его втроем — с каким-то пехотинцем, по фамилии Тарасов, и с бывшим односельчанином Семенюка — Иваном Фольварковым. Фольварков предлагал даже сжечь знамя, но Семенюк не согласился. Они завернули его в брезент, положили в брезентовое ведро, взятое из конюшни, а потом поместили еще в цинковое ведро и так закопали в одном из казематов. И только успели сделать это и забросать утрамбованную землю мусором, как фашисты ворвались в форт. Тарасов тут же был убит, а Фольварков попал в плен вместе с Семенюком и погиб уже позднее, в гитлеровском лагере.

Много раз в плену и потом, после возвращения на Родину, Семенюк мысленно представлял себе, как он отроет это знамя. Он помнил, что каземат находится во внешнем подковообразном валу, в правом его крыле, но уже забыл, какой он по

счету от края. Тем не менее он был уверен, что сразу найдет это помещение, как только попадет на место. Но как туда попасть?

Лишь в 1956 году, услышав по радио об обороне крепости и узнав о встрече брестских героев, Семенюк понял, что рай-военком был неправ, и написал прямо в Москву, в Главное политическое управление Министерства обороны. Оттуда тот-час же пришел вызов — Семенюка приглашали срочно при-ехать в столицу.

В Брест он попал в сентябре, через месяц после того, как там побывали герои обороны. Наступил день, когда он в сопро-вождении нескольких офицеров и солдат с лопатами и кирками вошел в подковообразный двор Восточного форта.

Семенюк волновался, у него дрожали руки. Тут сказыва-лось все — и набежавшие воспоминания о пережитом здесь, на этом клочке земли, и впервые охвативший его страх: «А вдруг я не найду знамени?!»

Они вошли в узкий дворик между валами. Все вопроси-тельно смотрели на Семенюка. А он остановился и внимательно оглядывался вокруг, стараясь собрать разбежавшиеся мысли и сосредоточиться — вспомнить во всех подробностях тот день, 30 июня 1941 года.

— По-моему, сюда! — сказал он, указывая на дверь одного из казематов.

В помещении он огляделся и топнул ногой по полу:

— Вот здесь!

Солдаты с лопатами приготовились копать. Но он вдруг остановил их:

— Подождите!..

И, торопливо подойдя к дверям каземата, выглянул во дворик, прикидывая расстояние от края вала. Его била нервная дрожь.

— Нет! — наконец решительно произнес он. — Это не тут. Это — рядом.

Они перешли в соседний, такой же точно каземат, и Се-менюк отстранил солдат:

— Я сам!

Он взял лопату и принялся копать, торопливо и нервно отбрасывая в сторону землю. Грунт, слежавшийся за долгие годы, был плотным, неподатливым.

Семенюк тяжело дышал, пот катил с него градом, но вся-кий раз он останавливал солдат, когда те хотели ему помочь. Он должен сам выкопать это знамя, только сам...

Все в напряженном молчании следили за ним. Яма уже была довольно глубокой, а ведь Семенюк сказал, что зарывал

ведро на полуметровой глубине. Офицеры с сомнением стали переглядываться.

А он и сам уже приходил в отчаяние. Где же, где это знамя? Оно уже давно должно было появиться. Неужели он спутал каземат — ведь они все так похожи один на другой? Или, может быть, знамя отырыли немцы тогда, в сорок первом?

И вдруг, когда он готов был уже прекратить работу, лезвие лопаты явственно звякнуло о металл и в земле показался край какого-то металлического диска.

Это было дно цинкового ведра. Он тотчас вспомнил, что тогда, в сорок первом, они не вложили сверток в ведро, а закрыли им сверху: на тот случай, если бы каземат был разрушен, ведро защищало бы знамя от дождя и талых вод, просачивающихся с поверхности земли.

Все в волнении склонились над ямой. А Семенюк лихо-радочно быстро откапывал ведро и наконец вынул его из земли.

Память не подвела — сверток со знаменем был здесь, где он оставил его с товарищами пятнадцать лет назад. Но сохранилось ли само знамя? Цинковое ведро просвечивало насквозь, как решето, — оно все было разъедено солями земли.

Он дрожащими руками взял второе, брезентовое ведро, лежавшее под цинковым. Оно рассыпалось прахом, совсем истлевшее за эти годы. Под ним был более тонкий брезент, в который они тогда завернули знамя. Он тоже истлел и разлезался лохмотьями, пока Семенюк поспешно раскрывал сверток. И вот уже заалела красная материя и золотом блеснули буквы.

Осторожно Семенюк тронул пальцем полотнище. Нет, знамя не истлело, оно сохранилось отлично.

Тогда он медленно развернул его и, расправив, поднял над головой. На красном полотнище золотела надпись:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И ниже:

«393 отдельный зенитно-артиллерийский дивизион».

Все молча стояли, завороженно глядя на эту боевую реликвию, извлеченную из земли спустя полтора десятилетия. Семенюк бережно передал знамя одному из офицеров и выбрался из ямы. Он не чувствовал под собой ног от радости.

А на другой день в центральном дворе крепости выстроился торжественный строй располагавшейся здесь воинской части. Под звуки оркестра, четко печатая шаг, проходил перед строем знаменосец, и алое полотнище вилось за ним по ветру. А следом за этим знаменем двигалось вдоль строя другое, но уже

без древка. Его на вытянутых руках нес невысокий моложавый человек в штатской одежде, и безмолвно застывшие ряды воинов отдавали почести этому славному знамени героев Брестской крепости, овеянному дымом жестоких боев за Родину, знамени, которое пронесил мимо них человек, сражавшийся с ним на груди и сохранивший его для потомков.

Знамя 393-го дивизиона, найденное Родионом Семенюком, было передано потом Музеем обороны Брестской крепости, где оно теперь хранится. Сам Семенюк тогда же приехал из Бреста в Минск, побывал там на приеме у заместителя командующего Белорусским военным округом, а позднее навестил меня в Москве и рассказал о том, как он отыскал знамя. Год спустя, когда Советское правительство наградило героев обороны, знатный металлург Кузбасса Родион Семенюк за спасение боевого стяга своей части получил орден Красного Знамени.

Вероятно, некоторые читатели захотят задать мне вопрос: как же чувствует себя райвоенком, который с таким тупым, бюрократическим равнодушием отнесся к сообщению Семенюка о знамени и объявил его «не имеющим значения»? Думаю, что он теперь придерживается иного мнения. Я назвал его фамилию в Министерстве обороны, и мне сообщили, что этот бездушный и недалекий чиновник получил строгое взыскание.

НОВЫЕ ИМЕНА, НОВЫЕ ФАКТЫ

После того как летом 1956 года было торжественно отмечено пятнадцатилетие героического подвига защитников Брестской крепости, а печать и радио широко отразили это событие, выявлялись все новые участники легендарной обороны. Среди них — люди самых разных профессий, живущие во всех уголках нашей Родины. Прислали свои воспоминания о боях за Брестскую крепость главный инженер Усадского завода в Татарии Василий Ромадин, бригадир полеводческой бригады колхоза имени Ленина Хмельницкой области на Украине Феодосий Дзех, фельдшер сельского медицинского участка в Полтавской области Николай Гутыря, учитель географии в средней школе села Красногвардейского Краснодарского края Константин Горбатков, ветеринарный врач из казахстанского овцеводческого совхоза Александр Леонтьев и многие другие.

Некоторые из участников обороны из скромности или за недостатком времени не сообщали о себе. Но за них это делали другие — их сослуживцы, родственники, друзья, соседи.

Инженер лесного хозяйства из поселка Городец Калинин-

ской области Галина Мороз писала, что вместе с ней в лесхозе работает бывший защитник крепости Константин Иванов. Находившийся в отпуске в городе Петропавловске Казахской ССР житель Душанбе Першин спешил сообщить, что он встретил там участника обороны колхозника Федора Ковтюха. Работник Зангезурского рудоуправления в городе Кафан Армянской ССР извещал меня о своем товарище по работе, бухгалтере Николае Тарасове, который сражался в крепости вместе с Самвелом Матевосяном.

Много интересных, новых фактов, новых имен сообщают в своих письмах участники обороны. Особенно любопытно то, что среди них оказалось несколько человек, которые собственноручно зарывали или замуровывали в подвалах казарм боевые знамена своих частей. Таким образом, знамя, выкопанное Родионом Семенюком, было не единственным, зарытым в крепости.

О знамени 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона сообщил бывший лейтенант-артиллерист Василий Чесноков из Орла.

«Второго июля,— писал он,— начальник штаба 98-го артиллерийского дивизиона Акимочкин, комбат Каганович и я собрали все секретные документы и знамя и зарыли в крепости в подвале. Через несколько часов начальник штаба погиб от осколка гранаты, я был ранен, а документы и знамя, вероятно, еще лежат там».

К сожалению, знамени, о котором пишет Василий Чесноков, уже никогда не удастся отыскать — оно погибло безвозвратно. Его закопали в одном из казематов совсем рядом с восточными, Кобринскими воротами крепости. А ворота эти и все прилегающие к ним помещения в 1945 году, вскоре после освобождения, были уничтожены мощным взрывом. Там, в туннеле ворот, хранились немецкие авиабомбы — склад, захваченный у врага нашими войсками. То ли противник оставил в складе мину замедленного действия, то ли кто-то из охраны допустил преступную небрежность, но бомбы эти взлетели на воздух, и ворота вместе с прилегающими участками земляного вала перестали существовать. На этом месте теперь образовался небольшой круглый пруд — гигантская воронка взрыва.

О боевом знамени 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, написал бывший курсант полковой школы, сейчас каменщик из Кузбасса Темирян Зинатов.

«Когда наш штаб горел,— рассказывает он,— мы — Амосов, Гуцин и я — из огня вытащили полковое знамя и спрятали под кухней столовой 44-го полка в подвале. Сохранилось

или нет это зная, я не знаю, так как прошло уже много времени».

Об этом же самом знамени сообщил защитник крепости, бывший сержант Анатолий Корж из Краснодара. Летом 1956 года он прислал большое письмо, обращаясь к участникам обороны, которые в это время были в Москве.

«Помню товарищей Семененко и Виноградова,— пишет он,— их боевой приказ по гарнизону, нашу попытку прорваться через Мухавец, когда мы, соединенные одной волей к победе, пошли открыто на пулеметный огонь врага. Славная старая крепость на века сохранит память о лучших качествах советских людей, о коллективном героизме, о великой силе советского патриотизма.

Я считаю, что не ошибаюсь, когда думаю, что еще тогда, в самом начале войны, в ее первые часы, там, под стенами Брестской крепости, были разрушены мечты и надежды немецкой армии на скорую и легкую победу.

Уважаемый Петр Михайлович,— обращается Корж к Гаврилову,— надеюсь, Вы побываете в крепости. Я жалею, что не могу точно воспроизвести в памяти план всей крепости, но я хорошо помню, что в подвале под столовой рядового состава нашего 44-го полка, у стены, обращенной к Мухавцу, мы зарыли наше полковое знамя.

Дорогой Петр Михайлович, мы с Вами не только однополчане, но и волею судьбы — земляки. И поэтому жду Вашего возвращения в Краснодар, чтобы посетить Вас, нашего батьку, как мы Вас раньше называли, простите за прошлое, даже без звания. Целую вас всех, мои дорогие товарищи! До радостных встреч! С приветом Анатолий Иванович Корж, бывший старший сержант, командир химического взвода, ныне мастер-технолог».

Есть сведения и о других боевых знаменах, зарытых и замурованных в крепости. Но, к сожалению, все попытки отыскать их пока не увенчались успехом. Будем надеяться, что в дальнейшем удастся найти эти реликвии боевой славы героев Брестской обороны.

Много писем присылали бывшие советские военнопленные, прошедшие через все испытания гитлеровских концлагерей. Они сообщали о замечательных подвигах наших людей там, в фашистском плену, об их воле к борьбе, об их мужестве и самоотверженности, об их вере в грядущую победу.

О славном советском патриоте генерал-лейтенанте Дмитрие Карбышеве, зверски замученном гитлеровцами в лагере Маутхаузен, написал мне участник обороны крепости Александр Санин, о котором я уже говорил. Санин был близко зна-

ком с Карбышевым, будучи в гитлеровском лагере Хаммельсбург, и он сообщает много интересных фактов о поведении этого героического советского генерала.

О Карбышеве вспоминает также участник Великой Отечественной войны Иван Воронец из столицы Киргизии — города Фрунзе.

«Навсегда останется в моей памяти,— пишет он,— светлый образ генерал-лейтенанта Дмитрия Михайловича Карбышева, во имя торжества идеи отдавшего свою жизнь. С февраля 1942 года по август этого же года мне пришлось быть рядом с ним в знаменитом Хаммельсбургском ревире. Этот великий человек спас от падения своим словом стойкого большевика тысячи молодых жизней. Это он крепко вселил в нас веру в будущее».

О своем пребывании в гитлеровском плену рассказывает бывший пограничник и защитник Брестской крепости Григорий Еремеев из города Кызыл-Кия в Средней Азии.

«Я был в особом лагере,— пишет он.— Это Демблинский лагерь, который находился в Демблинской крепости.

В 1943 году нас завезли в Италию. В районе города Удино из села Перкото я бежал в горы, попал в девятый югославский корпус, при котором организовали особую русскую партизанскую бригаду. Мне опять дали пулемет, сначала английский ручной, потом немецкий. Затем назначили командиром отделения и командиром взвода. С боями дошли до города Триест».

Отозвался из столицы Казахстана, Алма-Аты, бывший сержант-минометчик 125-го полка Владимир Иванович Фурсов, узник гитлеровских лагерей Бяла Подляска, Замостье и Торн. Позднее он побывал в Москве и лично рассказал мне свою историю. Он сражался в северо-западной части крепости, а потом на подступах к ней, около линии железной дороги, был ранен в бедро пулей, выпущенной из крупнокалиберного пулемета, и без сознания попал в плен.

Рана оказалась очень тяжелой — ему пришлось ампутировать ногу значительно выше колена. Беспомощный, безногий пленник, он испытал много тяжкого в фашистских лагерях, но все же дожил до освобождения и вернулся на Родину.

И тут, при возвращении домой, с В. И. Фурсовым произошел такой случай, который ни один писатель не ввел бы в свое сочинение из боязни, чтобы его не упрекнули в явной неправдоподобности. Но жизнь не боится прослыть выдумщицей и порой способна творить удивительные и почти невероятные совпадения.

Еще в 1941 году мать В. И. Фурсова, жившая в Алма-Ате,

получила извещение о том, что ее сын пропал без вести, и считала его погибшим. На фронте был и ее старший сын, брат Владимира Ивановича. Этому посчастливилось больше — он остался живым и здоровым до конца войны, все время переписывался с матерью, хотя за все эти четыре года не имел отпуска и не мог приехать навестить ее.

Вскоре после окончания войны он демобилизовался и дал телеграмму матери, извещающая о дне и часе своего приезда.

Случилось так, что именно в это время Владимир Иванович, который после лагеря еще лечился в госпитале, выписался из него и поехал домой. Он предполагал, что мать считает его погибшим, но, освободившись из плена, не стал писать ей: он знал, что она сейчас же бросит все и отправится за сотни километров отыскивать его в госпитале. «Подлечусь, отлежусь, сделают мне протез, и тогда сам приеду без всяких предупреждений», — решил он и так и поступил. Ехал он в Алма-Ату, не давая никакой телеграммы, и знал, что его никто не встретит.

Надо же случиться так, что разные поезда, которые везли двух братьев, прибывали в Алма-Ату почти в одно время. Но поезд, которым ехал Владимир Иванович, пришел раньше, а поезд его брата немного опоздал.

Каково же было удивление Фурсова, когда, сойдя на перрон, он вдруг увидел неподалеку свою мать. Теряясь в догадках, как она могла узнать о его приезде, и глубоко взволнованный, он окликнул ее. Она обернулась, узнала его и, рыдая, бросилась ему на шею. Они оба плакали.

Внезапно Владимир Иванович заметил, что, плача и обняв его, мать называет другое имя — имя его старшего брата.

— Мама, ведь я — Володя, — удивленно сказал он.

Мать вздрогнула. Словно не понимая, она резко отшатнулась от него, широко раскрытыми глазами и даже с каким-то страхом вглядываясь в лицо сына. И вдруг, побледнев и закрыв глаза, упала без чувств на перрон. Вокруг быстро собирался народ.

Она пришла встречать старшего сына. И решила, что это он, когда Владимир Иванович окликнул ее. Она не видела обоих сыновей четыре года, а между ними было некоторое сходство. Да и могла ли она подумать, что вернулся тот, кого она столько лет считала покойником?!

Говорят, от радости не умирают. Мать привели в чувство, и она снова обняла своего воскресшего из мертвых сына. А через час пришел поезд, которым ехал брат Владимира Ивановича. В семье Фурсовых это был, наверно, самый счастливый

день. Необычайная встреча была предметом всеобщего интереса в Алма-Ате, и о ней даже писали местные газеты.

Сейчас Владимир Иванович Фурсов живет там же, в Алма-Ате. Он уже доктор биологических наук и профессор Казахского государственного университета.

Интереснейшее письмо прислал мне бывший военнопленный, а потом партизан Отечественной войны Павел Марков из Брянска. Он сообщил о том, что в гитлеровских концлагерях наши военнопленные пели песню о Брестской крепости.

«Впервые,— писал П. Марков,— я услышал ее, эту песню о легендарных защитниках Брестской крепости, в 1943 году, в застенках лагеря военнопленных в гор. Кройцбурге (Верхняя Силезия) от лейтенанта Михаила Озерова, впоследствии замученного фашистскими палачами за организацию коллективного побега пленных из неволи.

На меня, тогда совсем обессиленного от тяжелых ран и от голода, мужественные и простые слова этой песни произвели глубокое впечатление. Не ослабляли гордого звучания песни ни старый мотив, схожий с известным народным «Раскинулось море широко», ни отсутствие литературных украшений в слог.

Она звучала как гимн и откровение, вселяя в сердца измученных невольников гордость и надежду. Ее пели в тяжкие минуты испытаний. Не раз она доносилась из глухих гранитных щелей — карцеров, где медленно, но верно фашисты умерщвляли непокорных советских людей, не желавших работать на врага.

Эту песню я потом принес в партизанское соединение Героя Советского Союза Петра Григорьевича Лопатина в Белоруссию, где в отрядах было немало военнопленных, бежавших из фашистских застенков.

Я уже собирался познакомить партизан с этой песней, как в первый же вечер услышал от отрядного любимца Коли Квитковского близкие сердцу слова. Однако не все они совпадали с «Кройцбургским текстом», запечатленным в моей памяти. Песня стала вдвое короче и прозвучала еще выразительнее. Я попросил Колю записать ее мне.

Однажды, когда я вернулся с боевого задания, Коля бережно передал мне клочок бересты, на котором свекольным соком была, может быть впервые, записана эта героическая песня о легендарных защитниках Брестской крепости. Такой я и сберег ее до наших дней. Вот она:

НА СТЕНЫ, ПОД ЗНАМЯ

Ревут самолеты, и танки гремят,
Дымится гранит опаленный.

Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Последних бойцов гарнизона.

На стенах грохочет разрывов гроза,
Дрожит под ударами камень,
Но, раненный дважды, зовет комиссар:
— На стены, за мною, под знамя!

Пусть мало патронов и смерть впереди,
Не станем вовек на колени!
Товарищ, товарищ, на стены иди —
Там знамя советское реет.

А враг, атакуя, бросает: — Держись!..
Гробницею будет вам крепость.
Склоните знамена — оставим вам жизнь,
А нет — так пойдете на небо.

В ответ раздается призыв боевой,
Ведет он сквозь грозное пламя:
— На стены, на стены, в атаку, за мной!
На стены, товарищ, под знамя!

И снова неравные схватки кипят,
На крепость летят самолеты.
Врагу не сдаются тринадцать солдат,
Героев советской пехоты.

...Последний боец на граните лежит,
Запрятано знамя героем.
Пусть топчут враги его юную жизнь,
Но тайны святой не откроют.

Умеют героически за честь умирать
Простые советские люди.
А кто за Отечество мог постоять,
Отечество тех не забудет.

Над крепостью Брестской на подвиг зовет
Свидетель бессмертия — камень:
«Товарищ, товарищ, за мною, вперед!
На стены, на стены! Под знамя!»

Кто и когда сложил эту песню? Где, на каком участке крепости сражались эти тринадцать героев, о которых говорится здесь? Быть может, все это останется неизвестным. Важно одно: эта песня и ее история говорят о том, что бессмертный подвиг героев Брестской крепости в те тяжкие, грозные годы помогал советским людям жить и бороться как с оружием в руках в белорусских лесах и болотах, так и без оружия в страшных гитлеровских концлагерях. Сама эта песня, правдивая и мужественная, тоже была оружием борьбы.

Волнующие факты самоотверженной борьбы наших военнопленных в гитлеровской неволе приводил участник обороны

Севастополя Петр Геббель из Чкаловской области. Вот что он пишет:

«Для того чтобы строить воздушные телеграфные линии, необходимо было копать ямы, носить и ставить столбы, крепить траверсы, наворачивать изоляторы, натягивать провод, вязать его.

Все это делали сами немцы, но, когда началась тотальная мобилизация, их начали заменять русскими военнопленными солдатами. В этих так называемых рабочих командах пленных содержали лучше, одевали чище и кормили лучше.

Пленные должны были копать ямы, носить столбы, ставить их под руководством мастера. Остальную работу проводили пока еще немцы.

Но пришло время — немцы стали заставлять и эти работы делать русских. И вот одна из команд в количестве шестнадцати человек отказалась наворачивать на столбы изоляторы, мотивируя тем, что этой работой они помогают немцам воевать против русских и фактически будут не военнопленными, а добровольцами.

Никакие уговоры и посулы не помогли. Тогда фельдфебель, в ведении которого была эта группа, здесь же, на месте, расстрелял каждого второго. Остальные восемь человек полезли на столбы, но ни один из них не принялся за работу. Фельдфебель хотел еще раз каждого второго расстрелять, но охранявшие солдаты не дали.

А сколько раз я сам трусил за свою шкуру после каждой порчи или диверсии, правда, может быть, ничтожно мелкой, но все же эти диверсии я делал. То на каком-нибудь столбе противоиндукционные кресты перепутаешь так, что звонящий в город попадает совсем в другую сторону или аппарат Морзе работает в другую точку. А чтобы найти такое повреждение, необходимо прозванивать все линии. А то ткнешь топором или вколешь иглу или гвоздь в два кабеля на многокилометровом участке линии. Такая линия выходит надолго из строя.

Не я один так делал. Делали очень многие, и делали в одиночку. В случае поимки каждый отвечал сам за себя.

А более крупные диверсии! Взрыв эшелона в городе Бреда (Голландия) с боезапасом, снятым с линии Мажино и следовавшим на Восточный фронт. А расстрел в городе Гамбурге 2-го штаба обороны из зенитных орудий во время одной ночной тревоги, во время налета английской авиации! Когда охрана попряталась, пленные начали бить из зенитных орудий по зданию штаба — и вот все раскрылось: самолеты ни единой бомбы не сбросили на город, а высотное здание все в огне, и никто не знает, кто же это сделал. В это здание было вса-

жено более сотни снарядов, убит гитлеровский генерал и много другого сброда».

«Я не являлся защитником Брестской крепости,— пишет офицер запаса Александр Рагоза из города Темрюк Краснодарского края.— Но я один из тех, который прошел ужасы фашистских лагерей. Я — бывший командир полка Советской Армии. Был пленен в первые дни войны, будучи на границе вблизи Бреста.

В Германии, в лагере, где находилось двести старших офицеров, под руководством бывшего прокурора 99-й дивизии товарища Смирнова возникла подпольная патриотическая организация «Семья». Впоследствии наш лагерь, как большевистский — так именовали нас фашисты, в 1943 году вместе с другими офицерскими лагерями был вывезен на каторгу в Норвегию.

Наша патриотическая организация в Норвегии распространяла свое влияние уже на тысячу с лишним советских офицеров. За этот период «Семья» проделала большую работу. Ее работа заключалась в агитационно-пропагандистской деятельности, в организации диверсий и саботажа и так далее.

Мне и моим товарищам по совместной работе в патриотической организации «Семья» хотелось бы, чтобы Вы осветили ее работу в печати, что было бы большим делом. Ведь до 1956 года об этом, то есть о борьбе наших патриотов в тылу врага, нигде не говорилось и не писалось».

Интересные, волнующие письма присылали женщины — жены погибших в крепости командиров, которые много пережили в дни обороны, а потом испытали ужасы гитлеровской оккупации. Свои подробные воспоминания прислали жена павшего в крепости смертью героя батальонного комиссара Венедиктова, живущая сейчас в Воронеже; врач Наталья Конторовская — жена пограничника лейтенанта Чувикова; жена бывшего начальника штаба 333-го полка Зинаида Руссак из Бреста.

Целую повесть, полную потрясающих фактов о жизни и борьбе наших женщин на оккупированной белорусской земле, написала родственница одного из командиров, сражавшихся на подступах к Брестской крепости, учительница Татьяна Потапова из города Дрогобыча.

«О, как бы я была счастлива побывать в крепости и отдать земной поклон братьям и сестрам, омывшим первыми землю своей кровью, защищая Родину от напавшего врага,— пишет вдова защитника крепости Елена Кузнецова из города Фрунзе.— Теперь мы свободны, ничей сапог не топчет нашу землю, работаем, отдыхаем, учим детей... Правда, трудно быть и ма-

терью и отцом, как-то однобоко получается, но, слава богу, старшая моя дочка, Нонна, кончила медицинскую школу и работает в клинике, ей уже 21 год. Младшая, Латта, 17 лет, перешла в девятый класс, учится неплохо».

«Жить нам, «советкам» (так называли немецкие приспешники жен офицеров), не было где, не было и чего кушать,— вспоминает жена погибшего в Бресте лейтенанта-артиллериста Мария Беспалова из Орла.— Мы ходили побираться, вещи были разграблены, умирали наши дети, и, когда они умирали, нам попы не разрешали их хоронить на кладбище, потому что они некрещенные. У нас могли отнимать вещи, разуть, раздеть на улице. Что пережили наши женщины и дети, в том числе и я, страшно вспоминать.

Я обошла всю Брестскую область, была в Бельске, Белостоке, Пинске, Ковеле, жила в Кобрине, обошла все деревни и села. Была связана с партизанами и выполняла их поручения. Меня немцы шесть раз арестовывали, избивали, вследствие чего я стала инвалидом второй группы».

ПИСЬМО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Среди писем, полученных мною от женщин, особенно выделяется одно. В нем нет ни слова об обороне крепости, и оно имеет лишь косвенное отношение к теме моего рассказа. Но мне кажется, что события, о которых в нем идет речь, по своему духу сродни героическим делам защитников Брестской крепости. Я хочу познакомить читателей с этим человеческим документом исключительной силы.

Мне пишет женщина-азербайджанка из города Баку — Асия Серажетдиновна Гусейн-заде, вдова бывшего офицера Советской Армии. Ее муж, гвардии майор Али Гейдар Ибрагимов, был командиром артиллерийского дивизиона. Три года он провел на фронте, сражался на Украине, в Белоруссии, на Кавказе, в Крыму, участвовал во взятии Одессы, был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Александра Невского, орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Летом 1944 года его дивизион принимал участие в боях за освобождение Бреста, и там майор Ибрагимов был тяжело ранен.

Письмо Асии Гусейн-заде касается последующих событий, и я привожу его, немного сокращая, но ничего не меняя в тексте.

«3 сентября 1944 года,— пишет она,— мной была полу-

чена телеграмма из госпиталя города Пензы, в которой меня просили срочно приехать в Пензу, ввиду того что мой муж тяжело ранен.

Получив в срочном порядке отпуск на выезд в город Пензу к мужу, я выехала 7 сентября 1944 года. Мне пришлось испытать самые тяжелые условия передвижения — ехать на буфере, в тамбуре, сделать несколько пересадок, где станции были полностью разрушены, и только 17 сентября я добралась до города Пензы в два часа ночи. Просидев до утра в зале ожидания вокзала, я пешком пошла в город разыскивать госпиталь, а расстояние между вокзалом и госпиталем было пять километров. Госпиталь находился в конце города, и только к девяти часам утра я добралась до госпиталя, где спросила гвардии капитана Ибрагимова.

Одна легкомысленная сестра тут же обратилась ко мне:

— А, это тот слепой на оба глаза, который больше никогда не будет видеть!

Я перенесла жутко тяжелый удар. Ведь мне никогда не приходило даже в голову, что мой муж может оказаться слепым. От горя и волнения я потеряла сознание и упала. Очнувшись в кабинете начальника госпиталя, где мне оказывали медицинскую помощь. После этого меня повели на третий этаж, в палату, где лежал мой ослепший муж.

Оказалось, что, когда мой муж узнал о том, что он безвозвратно потерял зрение (от той же медсестры), он объявил голодовку, требуя, чтобы вызвали меня. Поэтому мне дали срочную телеграмму о приезде.

В палате лежало восемнадцать человек офицеров. Были там слепые, безногие и с другими ранениями. Когда меня подвели к кровати моего мужа, я его не узнала. Он был в ужасно изуродованном виде. Вместо глаз зияли красные гнойные ямы; одной ноздри не оказалось, вся челюсть была разбита и обтянута металлической шиной, сломана была лопатка и перерезаны пять пальцев на обеих руках. Всего у него было семнадцать ранений. Все лицо забито осколками.

Я подошла к нему и спросила его по-азербайджански:

— Алиша, это ты?

Он ответил:

— Да.

Я обняла его, прижала к своей наболевшей груди и почувствовала, что он плачет. Чтобы самой не разреветься, я прикусила настолько сильно губу, что и по сей день у меня остался рубец. Врачи начали меня торопить, чтобы я его покормила, ввиду того что он уже тринадцать суток не принимал пищи. Мне принесли стакан какао, и я его начала поить с ложечки.

После этого он мне задал вопрос: приехала ли я за ним и не брошу ли я его, такого изуродованного?

Я ему ответила, что любила его раньше, а теперь люблю вдвое больше и очень его жалею. Сказала, что он пострадал за весь советский народ, за нашу дорогую Советскую Родину, а я патриотка своей Родины, и если бы даже он остался слепым и без рук, без ног, то и в таком случае я не оставила бы его. Я сказала ему, что он мне очень дорог. Он с радостью начал пить какао, и у него появилось желание поскорее поехать домой.

Через неделю я забрала его и еще одного двадцатилетнего бойца, колхозника-азербайджанца из города Геокчай, который остался без одной ноги, и мы приехали в Москву. Мы пробыли в Москве целую неделю. Я добивалась, чтобы мужа посмотрел академик Тихомиров, который его утешил, сказав, что у него через 14 месяцев откроется зрение, а мне сказал он, что больше мой муж никогда видеть не будет и чтобы я его забрала домой подлечить раны.

Я привезла его в Баку, устроила в госпиталь, где он пролежал в течение целого года. Оттуда я его взяла домой и повезла в город Одессу, чтобы показать профессору Филатову, хотя я очень хорошо знала, что он никогда больше белого света не увидит. Но чтобы утешить его, я пошла на все жертвы, продав последние вещи из дома.

Когда мы приехали в Одессу, то оказалось, что профессора Филатова там нет и что он отдыхает на курорте в Гагре, в санатории «Украина». Мы отправились туда. Заручившись документами, я добилась приема у Филатова.

Когда профессор Филатов осмотрел глаза моего мужа, то он тут же откровенно сказал ему, что он никогда больше видеть не будет. Я сказала профессору Филатову, что я хочу пожертвовать одним глазом во имя спасения одного глаза моего мужа и мы будем оба видеть, имея по одному глазу.

Профессор мне ответил, положив мне и моему мужу на плечи руки:

— Если нужно будет, то я найду для него другой глаз.— А ему он сказал: — Больной Ибрагимов, ваши глаза — это ваша жена. Живите друг для друга и берегите себя. Наука идет вперед, не теряйте надежды.

После этого мы ушли оттуда, и я с большим трудом уговорила его остаться в Гагре хотя бы на один месяц. Так мы и сделали. Ежедневно я водила его к морю купаться. Он, как бывший спортсмен, любил плавать. Но слепому, ему ориентироваться было очень трудно. Тогда я купила веревку, привязывала ему за талию и пускала его в море, держа веревку в ру-

ках. Если он уплывал далеко, то давала ему дерганием веревки знать, чтобы он возвращался обратно, и таким образом мы практиковались три-четыре дня.

Мои переживания описать очень трудно. Муж плавал, а я сидела на берегу и плакала.

Однажды ко мне подошел один подполковник и сказал:

— Гражданка, я наблюдаю за вами уже несколько дней. Разрешите мне водить вашего мужа ежедневно купаться в море, и больше веревку с собой не приносите.

Я познакомила с ним мужа, и они ежедневно ходили вдвоем купаться.

Мы пробыли целый месяц в Гагре, после чего выехали в Баку, где мой муж начал приучаться жить жизнью слепых.

В течение девяти лет, которые он прожил слепым, он никак не мог примириться с жизнью слепого, очень нервничал и стал раздражительным. У него начались нервные припадки, и мне приходилось форменным образом быть артисткой, приравливаясь к нему. Если он говорил, что это черное, хотя хорошо знал, что это белое, я должна была говорить, что это черное, только чтобы его успокоить. Физическим трудом заниматься он не мог. Мне приходилось выдумывать всякого рода спорт.

Я набивала мешок песком килограммов на 16, который ему клала на плечи, и водила его по комнате или вокруг стола. Или же он посадит нашу дочь себе на плечи и ходит по комнате. Опять-таки я его водила.

Я описала вам только часть наших обоюдных страданий. Он стал замкнутым, в театр и на концерты не ходил. Только однажды я повела его на концерт Рашида Бейбутова, и, когда артист спел «Песенку слепого нищего», он во время пения разорвал на себе рубашку в отчаянии, что он не может видеть певца и публики.

Все это, конечно, отражалось на нем и на его сердце. Я старалась создать для него все возможные условия спокойной жизни. Но прожитые в таком состоянии девять лет отразились на нем очень тяжело, и 6 ноября 1953 года, под праздник, он за 25 минут скончался от паралича сердца, и не стало для меня самого дорогого человека на сорок восьмом году его жизни».

В конце письма Асия Гусейн-заде обращалась ко мне с просьбой похлопотать о том, чтобы на могиле ее мужа был поставлен памятник — его бюст.

Трудно без сжимающего горло волнения читать это письмо — трагическую и героическую повесть о двух жизнях, так

неразрывно скрепленных воедино большой человеческой дружбой, любовью, преданностью. И мне захотелось не только помочь Асии Гусейн-заде в исполнении ее скромной просьбы, но и рассказать ее волнующую историю как можно большему числу людей. И я решил включить ее письмо в одну из своих радиопередач о поисках героев Брестской крепости.

Выступая перед микрофоном в октябре 1956 года, я огласил это ее письмо и тут же обратился к ней самой с коротким словом. Я сказал ей:

«Дорогая и глубокоуважаемая Асия Серажетдиновна!

Я прочитал Ваше письмо по радио, для того чтобы товарищи из правительства Азербайджана слышали его и помогли Вам в сооружении памятника Вашему мужу. Но я прочитал его и с другой целью. Мне кажется, что Вы сами, Асия Серажетдиновна, заслуживаете памятника при жизни. То, что сделали Вы,— это истинный подвиг советской женщины, подвиг великой любви и дружбы, ничуть не меньший, чем любые подвиги героев Великой Отечественной войны. Для героя, для человека, совершившего подвиг, высшая награда заключается в том, что о нем знает и помнит народ. И мне хотелось, чтобы наш народ, наши советские женщины и девушки знали бы о Вашем замечательном подвиге, подвиге, достойном жены героя Великой Отечественной войны. Я уверен, Асия Серажетдиновна, что все, кто сидит сейчас у своих радиоприемников, слушали Ваше письмо затаив дыхание, со слезами на глазах. Я убежден, что многие из радиослушателей захотят написать Вам, обратиться к Вам со словами сочувствия, со словами дружбы и благодарности, и поэтому я сообщаю сейчас им Ваш адрес: Баку, улица Бакиханова, дом 2, блок 5, квартира 36».

Мои предположения подтвердились. Буквально на другой день после передачи в квартиру на улице Бакиханова в Баку начали приходить письма, и с каждым днем их становилось все больше. Асии Гусейн-заде писали взрослые и дети, мужчины и женщины, люди самых разнообразных профессий со всех концов страны и даже из-за рубежа.

В азербайджанской печати появились статьи и очерки о герое войны Али Гейдаре Ибрагимове и его преданной жене. Писатель Петр Симонов выпустил повесть «Два сердца», где рассказал подробно историю жизни обоих супругов.

Спустя несколько дней после моего рассказа по радио

¹ Впоследствии А. С. Гусейн-заде получила другую квартиру и жила по адресу: Баку, улица Гуси Гаджиева, 33, блок 4, квартира 23. Несколько лет назад она умерла.

Асию Гусейн-заде посетили ответственные работники Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана. А вскоре последовало постановление правительства республики. По ходатайству коллектива школы селения Бильгя, где родился и похоронен А. Ибрагимов, ей присвоено имя героя. Его именем названа также одна из улиц.

12 февраля 1958 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. В нем говорится: «За самоотверженный поступок, чуткость и заботу о войне Советской Армии, инвалиде Великой Отечественной войны, участнике боев за освобождение Бреста гвардии майоре Ибрагимове Али Гейдаре наградить тов. Гусейн-заде Асию Серажетдиновну Почетной грамотой Верховного Совета Азербайджанской ССР».

А еще через десять дней в селении Бильгя на торжественное открытие памятника Али Гейдару Ибрагимову собрались жители Маштагинского района, представители общественности Баку, родные героя и его бывшие товарищи по оружию. Прозвучали взволнованные речи, и с высокого обелиска медленно сползло покрывало. Открылся бронзовый горельеф работы лауреата Государственной премии Фуада Абдурахманова — мужественное лицо офицера-героя. «Здесь похоронен доблестный сын азербайджанского народа, участник боев за Брестскую крепость гвардии майор Али Гейдар Али Кули-оглы Ибрагимов. 1906—1953», — написано золотом на мраморе.

Таково окончание истории азербайджанской женщины Асии Гусейн-заде и ее покойного мужа — героя Великой Отечественной войны и одного из освободителей Бреста.

ТАРАН НАД БРЕСТОМ

Занимаясь розысками защитников Брестской крепости, встречаясь с участниками этой обороны, я столкнулся с любопытной историей, которая дотоле оставалась неизвестной и не была внесена в хронику Великой Отечественной войны.

Осенью 1954 года, когда я встретился в Ереване с Самвелом Матевосяном, он рассказал о воздушном бое, происходившем над Брестом в первый день войны, 22 июня 1941 года.

Это было около 10 часов утра, когда крепость была уже окружена и вела тяжелый бой. Отбивая атаки немецкой пехоты в крепостном дворе, Матевосян и его товарищи видели, что несколько наших истребителей — «чайки», как тогда их называли, — ведут над Брестом бой с группой «мессершмиттов». Численное превосходство было на стороне противника, но со-

ветские летчики сражались отчаянно и сбили два или три вражеских самолета. Этот бой уже подходил к концу, как вдруг одна из наших машин устремилась навстречу «мессершмитту» и столкнулась с ним в воздухе. Охваченные пламенем, оба самолета пошли к земле и скрылись из виду.

По словам Матевосяна, подвиг неизвестного пилота глубоко взволновал защитников крепости. Все они были уверены, что герой погиб, и отважный поступок его придал им новые силы в их невероятно трудной борьбе.

Позднее, когда удалось разыскать многих других героев крепости, некоторые из них тоже оказались очевидцами этого воздушного боя и полностью подтвердили историю, рассказанную Матевосяном.

До этого считалось, что первый воздушный таран в Великой Отечественной войне совершил 27 июня 1941 года летчик-комсомолец Петр Харитонов на подступах к Ленинграду, за что он был удостоен звания Героя Советского Союза. А теперь выходило, что такой же таран был сделан еще в первый день войны, даже в самые первые ее часы, над Брестом. Было бы крайне важно установить имя неизвестного летчика. Но тогда я думал, что сделать это окажется невозможным. В первый день войны в районе Бреста шли тяжелые бои, противник продвигался в глубь нашей территории, и казалось, что в таких условиях подвиг летчика, вернее всего, остался незамеченным и тем более вряд ли зарегистрирован в документах.

К счастью, я ошибся.

Однажды я был приглашен выступить перед коллективом одного авиационного училища. Это училище имеет славную историю, и среди его питомцев — несколько десятков Героев Советского Союза.

В клубном зале собрались курсанты, преподаватели, командиры. Я рассказал им о событиях в крепости и, так как тут сидели летчики, упомянул о воздушном таране в районе Бреста, выразив сожаление, что, вероятно, имени героя-летчика нам никогда не удастся узнать.

По окончании вечера в клубном фойе ко мне подошел преподаватель училища майор Захарченко.

— А ведь вы ошибаетесь, — сказал он мне, улыбаясь. — Напрасно вы думаете, что фамилия этого летчика никому не известна. Я, например, знаю ее.

Я думаю, вы поймете, с каким нетерпением я стал его расспрашивать.

Накануне войны Захарченко, тогда еще лейтенант, служил в 123-м истребительном авиационном полку, который располагался на аэродромах близ Бреста и охранял воздушные

границы в этом районе. На рассвете 22 июня 1941 года летчики приняли бой против воздушных сил врага.

— Около десяти часов утра,— рассказывал майор Захарченко,— на пятом или шестом вылете наших истребителей мы все стали свидетелями воздушного тарана. Один из летчиков — как мне помнится, это был командир эскадрильи майор Степанов — израсходовал в бою свои патроны и таранил «мессершмитт». Летчик погиб, и мы похоронили его на нашем аэродроме.

Больше ничего майор Захарченко сообщить не мог. Но и этого было достаточно: его свидетельство давало надежную нить для поисков — номер части. И, вернувшись в Москву, я разыскал в военном архиве документы 123-го истребительного полка.

Там хранилась боевая история части, составленная офицерами штаба, и в ней я нашел описание воздушных боев, которые вел полк в районе Бреста. Среди скупых, лаконичных фраз полковой истории было и сообщение о первом воздушном таране. Но при этом обнаружилось, что майор Захарченко допустил две существенные ошибки,— впрочем, тут нечему удивляться, ведь он рассказывал мне о событиях спустя пятнадцать лет. Во-первых, воздушный таран над Брестом совершил не майор Степанов, а лейтенант Петр Рябцев. Во-вторых, сам герой при этом таранном ударе не погиб, а спасся на парашюте.

Вот что записано в истории 123-го истребительного авиационного полка о воздушном таране над Брестом:

«22/VI—41 г. 4 истребителя — капитан Мажаев, лейтенанты Жидов, Рябцев и Назаров — вступили в бой с 8 «ME-109». Самолет лейтенанта Жидова был подбит и пошел на снижение. Три фашиста, видя легкую добычу, сверху стали атаковать его, но капитан Мажаев, прикрывая выход из боя лейтенанта Жидова, меткой пулеметной очередью сразил одного «мессершмитта», а второй фашист был подхвачен лейтенантом Жидовым и подожжен. В конце боя у лейтенанта Рябцева был израсходован весь боекомплект. Лейтенант Рябцев, не считаясь с опасностью для жизни, повел свой самолет на противника и таранным ударом заставил его обломками рухнуть на землю. В этом бою было сбито 3 фашистских истребителя, при одной своей потере».

За этой первой записью следовали многие другие, и в них часто встречалось имя Рябцева. Как ни сухи и ни скудны были строки полковой хроники, все же они с уверенностью свидетельствовали, что Петр Рябцев стал одним из самых активных и отважных летчиков своей части.

В конце июня полк был отозван с фронта в Москву и получил на вооружение новые «ЯКи» (самолеты конструкции А. С. Яковлева). Затем эскадрильям его поручили охранять воздушные подступы к Ленинграду, и Петр Рябцев оказался на аэродроме Едрово. Немецкие самолеты рвались к городу Ленина, в небе шли непрерывные бои, и молодой летчик в эти дни принял участие в десятках жарких воздушных схваток. 31 июля 1941 года Петр Сергеевич Рябцев героически погиб в бою над своим аэродромом.

Там же, в военном архиве, нашлось и личное дело лейтенанта Петра Рябцева. Вот что я узнал из него.

Петр Сергеевич Рябцев родился в 1915 году в большой рабочей семье, которая жила в заводском поселке в Донбассе.

Окончив семилетку, 16-летний комсомолец Петя Рябцев поступил в заводскую школу ФЗУ, а потом работал в цехе этого завода электромонтером. Когда комсомол призвал молодежь вступать в ряды Воздушного Флота, Петр Рябцев сразу же откликнулся на призыв. В 1934 году он становится курсантом авиационной школы и успешно заканчивает ее. В аттестациях и характеристиках, которые приложены к личному делу П. С. Рябцева, о нем говорится как о патриоте, хорошем товарище, инициативном, энергичном комсомольце, как о пилоте, хорошо овладевшем своей профессией. С 1938 года Петр Рябцев — кандидат, а с 1940 года — член КПСС.

Это были лишь краткие, по-анкетному казенные сведения, но уже из них передо мной вставал образ хорошего советского юноши, смелого защитника Родины в годы войны.

Летом 1957 года я рассказал о лейтенанте Петре Рябцеве и о его подвиге в очерке, который был напечатан «Комсомольской правдой». Я надеялся, что родные и друзья Петра Рябцева прочтут его и помогут нам узнать больше о герое. Так и случилось.

В тот день, когда был опубликован очерк, в редакцию позвонил главный инженер одной из крупных подмосковных строек Филипп Рябцев, родной брат Петра. А еще через две недели в газете появилась его статья. Это был рассказ о рабочей семье Рябцевых, вырастившей целое поколение молодых тружеников и воинов.

Глава этой семьи, Сергей Константинович Рябцев, 60 лет подряд проработал кузнецом в Донбассе на том же заводе. Он умер незадолго до того, как я начал искать следы его героически погибшего сына. А мать Петра Рябцева, Ирина Игнатьевна, жива до сих пор. Женщина, родившая десять и вырастившая девять сыновей, она награждена орденом «Материн-

ская слава 1-й степени» и живет в заводском поселке вместе со старшими детьми.

Сергей Рябцев начал трудовой путь задолго до революции. Дружба с рабочими-большевиками привела его на дорогу революционной борьбы. Несколько раз он смело выступал перед хозяевами как защитник прав рабочих и пользовался любовью и уважением товарищей. В 1917 году, как только в Донбассе пришла Советская власть, Сергей Константинович Рябцев был избран первым председателем заводского комитета профсоюзов. А в 1924 году рабочие Донбасса послали его своим делегатом в Москву на похороны В. И. Ленина.

Человек, прошедший суровую жизненную школу, старый кузнец воспитал своих детей в духе лучших рабочих традиций, прививая им любовь к труду, преданность Родине и партии. Дружно жила эта большая семья.

До революции Рябцевы занимали маленькую квартиру — две комнаты, причем одна была отведена сыновьям. Все девять мальчиков спали на нарах, которые сколотил им отец. В доме была заведена строгая дисциплина, и отец внимательно следил за поведением сыновей. Например, уходя из дому, каждый из братьев — в том числе и взрослые — обязан был говорить, куда и на сколько времени он идет.

Дома у всех были свои обязанности по хозяйству — стирка белья, мытье полов, заготовка дров, — которые мальчики неукоснительно и добросовестно выполняли, разгружая от работы мать.

После революции завод предоставил Рябцевым четырехкомнатную просторную квартиру. Жить семье стало легче. Старшие сыновья работали на том же заводе, где трудился их отец, младшие учились. И была в семье Рябцевых одна нерушимая традиция: когда кому-нибудь из сыновей исполнялось 16 лет и он заканчивал школу, отец покупал ему новый картуз и приводил к себе на завод. «Проработай три года, получи рабочую закваску, а потом самостоятельно решай свою судьбу. Ошибки не сделаешь», — говорил он.

И все девять сыновей прошли эту рабочую школу на заводе.

Трое братьев Рябцевых погибли в годы войны, защищая Родину. Федор был директором одного из ленинградских заводов и пал в 1941 году в народном ополчении под Можайском. Алексей, рядовой солдат-зенитчик, был убит под Гродно, а Петр погиб, охраняя воздушные подступы к Ленинграду.

Два старших брата Рябцевы — Иван и Владимир — проработали всю жизнь на заводе, где 60 лет трудился их отец, и сейчас вышли на пенсию. Павел до сих пор работает там же

токарем. Два брата — Александр и Виктор — были офицерами Советской Армии.

Филипп Сергеевич Рябцев вспоминал, как в начале июля 1941 года он однажды вечером, вернувшись со службы домой, нашел под дверью небольшую записку от своего брата Петра. На клочке бумаги было второпях набросано: «Дорогой братишка, был проездом, жаль, что не застал, времени в обрез, еду получать новую машину. Я уже чокнулся в небе с одним гитлеровским молодчиком. Вогнал его, подлеца, в землю. Ну, бывай здоров. Крепко обнимаю тебя, твою жинку и сына. Петро».

«Чокнулся» — это и было беглое упоминание о воздушном таране над Брестом.

Два месяца спустя Филипп Рябцев получил сообщение о гибели брата. Эту печальную весть получили также в Дюпассе в семье Рябцевых, и тогда самый младший из братьев, Виктор, подал заявление в летную школу, стремясь занять место Петра в боевом строю. Его желание было удовлетворено. Он окончил авиационное училище и сражался на фронтах. На его личном боевом счету больше десяти сбитых фашистских самолетов. После войны Виктор Рябцев служил в авиации и летал на новейших реактивных машинах. Только недавно он вышел в отставку.

После опубликования статьи в «Комсомольской правде» и после того, как в январе 1958 года я выступил по Всесоюзному радио с рассказом о воздушном таране над Брестом, пришло несколько десятков писем.

Мне писали родные и знакомые Петра Рябцева и просто радиослушатели и читатели. Взволнованное письмо, полное и материнской боли и гордости за сына, прислала 74-летняя мать Петра Рябцева, Ирина Игнатьевна. Поделились воспоминаниями о герое друзья его детства, юности и бывшие боевые товарищи.

Но, конечно, самыми интересными были свидетельства участников того боя, в котором Петр Сергеевич Рябцев совершил воздушный таран. Вот что написано в письме, полученном из Ленинграда:

«Вам пишет офицер запаса гвардии полковник Мажаев Николай Павлович, тот капитан Мажаев, который 22/VI—41 года вместе с летчиками лейтенантами Жидовым, Рябцевым и Назаровым вел описанный Вами бой.

Динамика боя, если мне не изменяет память, описана правильно. В этом неравном бою, когда у нас на исходе были боеприпасы, встала необходимость выйти из боя. Лейтенант Петр Рябцев, уже не имея патронов, совершает таран и этим приво-

дит в смятение группу вражеских самолетов — они выходят из боя. Сам Петр Рябцев покинул самолет и благополучно приземлился, воспользовавшись парашютом. Таран Петра Рябцева — не случайное столкновение, как это иногда имело место в дни войны, не результат безвыходности положения, а сознательный, расчетливый, смелый и связанный с определенным риском маневр бойца во имя победы.

Жаль Петра Рябцева, что рано погиб, а еще больше жаль, что забыли о нем.

Петр Рябцев погиб 31 июля 1941 года при взлете в момент штурмового налета большой группы самолетов «МЕ-110» на наш аэродром.

Упал П. Рябцев в двухстах метрах от наблюдательного пункта штаба дивизии, в кустарник. Искали его два-три дня, и когда случайно обнаружили с воздуха, то оказалось, что самолет был перевернут, шасси не убраны (он их, очевидно, не успел убрать), в районе бронеспинки и фонаря — осколочные пробоины; очевидно, он был поражен осколками в голову».

А вот как описывает памятный бой 22 июня 1941 года другой его участник, бывший лейтенант, а ныне полковник, Герой Советского Союза Георгий Жидов. Он описал его в газете «Советская авиация» 17 июля 1957 года.

«...Стояла ясная погода. Между девятью и десятью часами утра вражеские самолеты начали бомбить штаб одного нашего соединения, расположенного недалеко от аэродрома. Фашистских бомбардировщиков прикрывала группа истребителей.

Мы вылетели звеном: капитан Мажаев, лейтенанты Рябцев, Назаров и я. На высоте примерно 3500 метров нам встретилась группа самолетов противника — «МЕ-109».

Завязался напряженный бой. Атака следовала за атакой.

Наши летчики старались держаться вместе, чтобы можно было прикрывать друг друга. Бой продолжался 8—10 минут. Встретив упорное сопротивление советских летчиков, гитлеровцы решили пойти на хитрость. Четыре самолета «МЕ-109» вошли в глубокий вираж, а четыре продолжали с нами бой. Кроме того, «ХЕ-113» атаковали нас сверху.

Создалось очень трудное положение. Я пошел в атаку на врага, а меня, в свою очередь, преследовал «мессер». Капитан Мажаев взял его под обстрел. Одновременно фашистские «МЕ-109», ранее вышедшие из боя и набравшие вновь высоту, стремились атаковать Мажаева. Наперерез врагу ринулся лейтенант Рябцев. В пылу боя Петр израсходовал боекомплект, а преградить путь к самолету Мажаева надо было во что бы то ни стало.

Вот тут-то и созрело у отважного летчика решение — таранить ведущий истребитель врага. Резко развернув свою «чайку», Рябцев пошел на сближение с противником.

Видно, фашист не хочет уступать. Но его нервы не выдерживают: гитлеровец накрывает самолет и пытается уйти вниз. Но поздно! Рябцев своим самолетом ударил по вражеской машине. И тут же истребители, немецкий и наш, пошли к земле. Вскоре в воздухе появилось белое пятнышко — парашют. Мы, занятые боем, не смогли определить, кто спускался на нем. Как потом стало известно, парашют раскрылся у Рябцева, а гитлеровец врезался в землю вместе со своим самолетом...

Итак, не могло быть никаких сомнений в достоверности воздушного тарана над Брестом, совершенного в первый день войны между девятью и десятью часами утра. Этот подвиг был документально закреплён в истории 123-го истребительного полка и подтвержден участниками воздушного боя. Героическая легенда, которую рассказали мне несколько лет назад защитники Брестской крепости, теперь превратилась в быль, в боевой подвиг донбасского паренька Петра Рябцева.

И когда я писал об этом подвиге в «Комсомольской правде», я, конечно, думал, что таран, совершенный Рябцевым над Брестом, был самым первым воздушным тараном Великой Отечественной войны. И вдруг обнаружилось, что я ошибался. Письма читателей и радиослушателей принесли мне совершенно неожиданные известия. Боевая история нашей авиации оказалась еще более удивительной и славной, чем я предполагал.

Сначала московский слесарь Федор Ильин сообщил мне, что около шести часов утра в первый день войны в приграничном местечке Выгода, между Белостоком и Ломжей, он видел, как неизвестный советский летчик на самолете «У-2» таранил атаковавший его «мессершмитт» и погиб сам, сгорев вместе со своей машиной, которая упала недалеко от дома, где жил тогда Ильин.

Однако вслед за этим письмом пришли два других — от летчиков-комсомольцев А. Загоруйко, В. Кабака и Ю. Малецкого и от бывшего сержанта 12-го истребительного авиационного полка Алексея Шанина из Волгоградской области. Они рассказали мне о воздушном таране летчика младшего лейтенанта Леонида Бутелина, служившего в одном полку с Шаниным. Леонид Бутелин еще в 5 часов 15 минут утра 22 июня 1941 года таранил «Юнкерс-88» над своим аэродромом Боушев, в 30 километрах от города Станислава на Западной Украине. Сам он при этом погиб.

Оказалось, что таран 22-летнего белорусского комсомольца

Бутелина записан в истории 12-го авиаполка. И я решил, что он и был первым тараном Великой Отечественной войны. Но прошло несколько дней, и почта принесла новые, неожиданные сюрпризы.

Два бывших летчика — подполковник в отставке Андрюковский из Ярославля и полковник запаса Молодов из Киева — сообщили, что 22 июня еще около 5 часов утра, то есть через полчаса после начала войны, их сослуживец по 46-му истребительному авиаполку, старший лейтенант Иван Иванович Иванов, в районе Млынов, близ города Дубно, на Украине, таранил в бою «Хейнкель-111». Погибший при этом таране старший лейтенант Иванов за свой подвиг был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Позднее комсомолец Корчевный из Херсона прислал мне газету «Правда Украины» со статьей, где приводилась цитата из боевой истории 46-го полка с описанием подвига И. И. Иванова.

Казалось, теперь уже не было сомнений: первым летчиком, таранившим в воздухе вражескую машину в первый час войны, следовало признать уроженца Московской области, старшего лейтенанта Ивана Иванова. Но чудеса продолжались: позднее выяснилось, что в это же самое время, около 5 часов утра, на другом участке фронта, у городка Замбров, таранил в бою «мессершмитт» летчик 124-го истребительного авиаполка младший лейтенант Дмитрий Кокорев. Об этом мне сообщил старший лейтенант Львов, приложивший к своему письму выдержку из полковой истории, где описан подвиг Кокорева. Сам летчик, подобно Рябцеву, остался жив после тарана, вернулся в свою часть и был награжден орденом Красного Знамени. Кокорев погиб уже позже, 12 октября 1941 года, над аэродромом Сиверская, защищая воздушные подступы к Ленинграду.

Вот к каким неожиданным результатам привели меня поиски следов неизвестного летчика, таранившего около десяти часов утра над Брестом вражеский самолет. словно разматывался сказочный клубок — так разворачивалась передо мною героическая история нашей авиации в первые часы Великой Отечественной войны. Петр Рябцев, таран которого произошел между девятью и десятью часами утра. Неизвестный советский летчик, в шесть часов утра таранивший «мессершмитт» в районе местечка Выгода на маленьком самолете «У-2». Младший лейтенант Леонид Бутелин, совершивший свой подвиг в пять часов пятнадцать минут утра. И наконец, два летчика — Иван Иванов и Дмитрий Кокорев, которые совершили воздушные тараны около пяти часов утра.

Но за кем же все-таки остается первый таран в Великой

Отечественной войне, спросит читатель: за Ивановым или за Кокоревым? Думаю, что установить это со всей точностью будет просто невозможно. Да и важно ли это, в конце концов?

Пусть все эти имена — Дмитрия Кокорева и Ивана Иванова, Леонида Бутелина и Петра Рябцева — будут отныне и навсегда вписаны в боевую историю нашей авиации и Родина воздаст должное памяти отважных летчиков, которые грудью прикрыли небо Родины в грозный час войны.

ВСТРЕЧИ ГЕРОЕВ

Весной 1957 года я отправился в длительную поездку по Союзу. К этому времени откликнулось уже больше 300 участников обороны, и надо было встретиться с ними, записать их воспоминания, с их помощью прояснить некоторые события тех героических дней.

Интерес к обороне Брестской крепости и ее защитникам был повсюду очень велик, и в краях и областях местные власти охотно пошли навстречу моим просьбам. Я заранее давал знать о дне приезда и сообщал адреса бывших защитников крепости, которые живут на территории этой области или края. Героев обороны вызывали в областной или краевой центр, мы с ними выступали на предприятиях, в клубах, школах, библиотеках, а в свободное время я записывал их воспоминания. Так я объехал больше двадцати областей Российской Федерации, Украины и Белоруссии.

Сколько за это время было удивительных встреч, радостных свиданий, неожиданных открытий!

То в вестибюле гостиницы кинутся обниматься однополчане, впервые встретившиеся после войны, и плачут, и смеются, и ощупывают один другого, словно не веря глазам.

— Друг!.. Живой!.. А я-то думал, уж и косточек нет...

То разговариваются двое участников обороны, служившие в совсем разных полках, вроде и незнакомые прежде. А потом неожиданно выясняется, что дрались они рядом, даже ранены были одной и той же немецкой гранатой и один другого вытаскивал из-под огня. И удивленно, радостно хлопают друг друга по плечу.

— Так это был ты?.. Ах, мать честная!.. А помнишь?..

То после очередного нашего выступления кто-нибудь из слушателей, волнуясь, уже ждет у дверей зала одного из защитников крепости, и, обнявшись, долго плачут они друг у друга на плече: вместе прободовали годы в гитлеровском лаге-

ре, вместе холодали, и голодали, и товарищей хоронили замученных. А вокруг в сочувственном молчании толпой стоят другие слушатели, и женщины утирают платочками слезы, а мужчины неловко промаргиваются и отводят в сторону влажно заблестевшие глаза.

Первая встреча произошла в кубанской столице — Краснодаре. На Кубани бывших защитников крепости оказалось больше, чем в какой-либо другой области, — около сорока человек. Тридцать из них съехались в краевой центр, и городская гостиница «Краснодар» превратилась частично в своеобразное общежитие героев Бреста. Другие постояльцы ее то и дело с любопытством наблюдали их встречи.

Вот сельский учитель Константин Горбатков, высокий, худой, горбоносый, тискает в объятиях могучего здоровяка Ивана Михайличенко — главного агронома Калниболотской машинно-тракторной станции — и кричит столпившимся вокруг товарищам:

— Это же мой старшина... Старшина роты нашей!..

Вот Анатолий Бессонов, Владимир Пузаков, Николай Тяпченко — однополчане из 44-го «гавриловского» полка — обступили только что приехавшую на эту встречу из станицы Абинской жену своего погибшего командира, кого они влюбленно звали «Чапаем», — Василия Ивановича Бытко. А вот и сам глава «краснодарского гарнизона» брестцев Петр Михайлович Гаврилов сердечно приветствует вдову своего бывшего сослуживца. Гостиница гудит радостными, возбужденными голосами, и, когда участники обороны веселой толпой отправляются на выступление в переполненный зал краевой библиотеки, краснодарцы на улицах провожают их взглядами, объясняя друг другу:

— Героя Брестской крепости пошли.

Выступлений было множество — в военной части и в школе, в Педагогическом институте и в Обществе по распространению знаний, вечер в Доме офицера, на котором недавно награжденным защитникам крепости крайвоенком торжественно вручил ордена и медали, и большая встреча с трудящимися города в Доме политического просвещения.

Четырехдневное пребывание участников обороны в Краснодаре закончилось веселым товарищеским ужином, организованным для них местными властями. В этот вечер в ресторане «Кубань» за длинными столами, поставленными «покоем», собрались и гости и хозяева — работники краевых советских и партийных органов. В строгом, печальном молчании поднялись все, отдавая дань памяти павшим в боях товарищам. Зазвучали радостные тосты за живых героев, за их трудовые успехи, за-

играл небольшой оркестр, и полились песни предвоенной поры — и «Три танкиста», и «Прощальная комсомольская», и «Москва моя». А потом вышел на середину зала знатный комбайнер из станицы Васюринской, бывший курсант полковой школы 455-го полка Василий Черный, и отплясал для начала русскую со всем казацким пылом и жаром. И пошло, разгораясь, веселье под дробный стук каблуков, под дружное прихлопывание в ладоши, с выкриками, с удалым присвистом. Плясал и «сам товарищ старшина» Михайличенко, и Лидия Алексеевна Бытко, и Анатолий Бессонов, и однорукий, но по-спортивному ловкий Пузаков, и генерал Черняк — военный комиссар Краснодарского края. И когда уже около двух часов ночи мы вдвоем с П. М. Гавриловым отправились на вокзал, к поезду, чтобы ехать в Ростов, на перроне нас провожал почти весь «краснодарский гарнизон» брестских героев, приехавших сюда прямо с ужина.

В Ростове на вечеру в Доме офицера вместе с нами выступали бывший боец 333-го полка слесарь одного из ростовских заводов Константин Коновалов, участник обстрона брестского вокзала электромонтер Иван Игнатьев, приемная мать Александра Филя, Нина Степановна Москвичева, и Константин Комиссаренко — до войны боец 44-го полка. Комиссаренко работал тогда шофером на легковой машине и возил командира полка майора Гаврилова. Теперь он — один из руководителей крупной транспортной конторы в Ростове.

Когда после этого вечера мы вернулись в гостиницу, Комиссаренко со смехом рассказал нам историю своей первой встречи с Гавриловым, которая произошла за два или три месяца до того.

Он был безмерно рад, когда узнал из моих радиопередач, что его полковой командир жив и здоров, и тотчас же написал ему в Краснодар. Гаврилову письмо Комиссаренко тоже принесло большую радость. Так много связывало этих двух людей, за долгие годы проехавших бок о бок в кабине машины тысячи и тысячи километров и по мирным дорогам, и по опасным дорогам войны в суровую зиму 1939—1940 годов, в дни финской кампании. Они были не только шофером и пассажиром-начальником, но и настоящими душевными друзьями. И теперь, списавшись, они решили встретиться в самое ближайшее время.

Случилось так, что Гаврилов вскоре приехал в Ростов. Он известил телеграммой Комиссаренко и назначил ему день и час встречи. Как было условлено, Комиссаренко пришел в назначенное время в гостиницу. И хотя Гаврилов где-то задержался часа на полтора, он терпеливо ждал.

И тут ему пришла в голову мысль проверить, узнает ли его в лицо бывший командир. Дело в том, что внешность Комиссаренко за эти годы сильно изменилась. Гаврилов помнил молодого, безусого солдата, а сейчас его бывший шофер стал представительным сорокалетним мужчиной, который к тому же уже много лет носил солидную бороду.

Комиссаренко попросил дежурного по гостинице сказать Гаврилову, что посетитель не дождался его и ушел, а сам сел тут же, в вестибюле, на диване.

Прошло еще с полчаса, и запыхавшийся Гаврилов вбежал в вестибюль. Мельком взглянув на бородатого мужчину, сидевшего на диване с газетой, он бросился к дежурному:

— Где тут меня человек ждет?

Узнав, что гость ушел, он опешил.

— То есть как ушел?..— растерянно переспросил он.— Не может быть...

Он был явно раздосадован и расстроен. Комиссаренко поднялся с дивана.

— Простите, а кто вас ожидал? — обратился он к Гаврилову.

Тот с недоумением посмотрел на этого бородача, неизвестно почему вмешавшегося в разговор.

— Друг один...— с досадой сказал он и махнул рукой.

— Его не Костей зовут? — лукаво спросил Комиссаренко.

— Костей, Костей! — встрепенулся Гаврилов.— Вы его знаете? Где же он?

— Здесь.

— Да где же здесь? Покажите, где он,— нетерпеливо требовал Гаврилов.

— Вот он! — Едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Комиссаренко постучал пальцем себе в грудь.

Гаврилов озадаченно глядел на него. Потом, пригнувшись и пристально всматриваясь в бородатое смеющееся лицо, медленно подошел поближе.

— Не может быть...— пробормотал он словно про себя. И вдруг скомандовал: — А ну, закрой бороду! Мешает!

Комиссаренко, смеясь, прикрыл ее ладонью. И тотчас же с радостным криком «Костя!» Гаврилов кинулся к нему. До поздней ночи сидели они тогда в гостиничном номере и не могли досыта наговориться.

Как раз в эти дни в Харькове произошла другая любопытная встреча двух однополчан и товарищей Константина Комиссаренко.

Механик одного из харьковских строительных предприятий Сергей Демин до войны был тоже шофером легковой машины

44-го полка. Ему обычно приходилось заменять Комиссаренко, когда тот ремонтировал машину или уезжал в отпуск, и возить в это время Гаврилова. Конечно, оба шофера были друзьями. Другим закадычным другом Демина был полковой библиотечарь Николай Белоусов, красивый, стройный, черноволосый парень, с которым они нередко коротали свободные вечера.

Правда, у Белоусова было не так много свободных вечеров. Почти весь свой досуг он проводил в клубе, где был главным актером драматического кружка. Он мечтал когда-нибудь работать в театре, и друзья так и прозвали его «Колька-артист».

Демин и Белоусов вместе были в крепости и сражались оба в группе старшего лейтенанта Бытко. В последние дни обороны они потеряли из виду друг друга, в разное время попали в плен и уже больше не встречались.

И вдруг шестнадцать лет спустя, как-то в воскресенье, идя в густой толпе пешеходов по центральной харьковской площади Тевелева, Сергей Демин заметил впереди себя человека, показавшегося ему очень знакомым. Он прибавил шагу, почти догнал этого прохожего и, зайдя сбоку, заглянул ему в лицо. Сомнений не было: это шел Николай Белоусов, почти не изменившийся, только повзрослевший, но такой же красивый, без единой сединки в густых черных волосах.

Демин немного приотстал, замешался в толпу позади Белоусова и, негромко сказав: «Колька-артист!», спрятался за спинами прохожих.

Белоусов резко остановился, удивленно оглядываясь по сторонам. Не заметив Демина, он решил, что ему почудились эти слова, и зашагал дальше. И тотчас же снова услышал веселый, дразнящий голос:

— Колька-артист!

На этот раз спрятаться Демину не удалось. Белоусов разглядел в толпе его улыбающееся лицо и сразу узнал друга:

— Сергей! Демин!.. Откуда?

И они, радостно хохоча и похлопывая друг друга по спине, стали обниматься тут же на площади под любопытными взглядами прохожих.

Оказалось, что прозвище «Колька-артист» теперь уже вполне оправдалось. Николай Степанович Белоусов был даже заслуженным артистом РСФСР, ведущим актером Орловского драматического театра, приехавшего в эти дни на гастроли в Харьков. И в тот же вечер Демин вместе с другими харьковчанами в переполненном зале театра аплодировал искусству своего друга и боевого товарища.

Об стой встрече мне рассказал Сергей Демин, когда через несколько дней после поездки в Ростов я приехал в Харьков.

В этом городе тоже оказался целый «гарнизон» защитников крепости, пополненный еще «мальчиком из Бреста» — поэтом Романом Левиным, который на вечерах, состоявшихся там, с неизменным успехом читал харьковчанам и свой «Медальон» и новое стихотворение «Кто сказал, что герои не плачут?», посвященное послевоенным встречам участников Брестской обороны.

Потом были встречи в Запорожье и Днепропетровске, в Луганске и в столице горняков — Донецке, городе, окруженном шахтами и терриконами. Семеро защитников крепости, съехавшихся сюда со всей Донецкой области, единодушно решили, что впредь они будут ежегодно собираться в День Победы — 9 мая — вместе со своими семьями по очереди у каждого из них. На следующий год первая такая встреча состоялась в поселке Новгородское Дзержинского района, где на шахте имени Артема работает горным мастером бывший курсант полковой школы 44-го полка Иван Ленко. Весь коллектив шахты во главе с руководством, с партийной и профсоюзной организациями принял участие в этой встрече героев. Судя по фотографиям, которые после праздника прислали мне донецкие брестцы, встреча была организована с широким шахтерским гостеприимством и за длинными столами, поставленными в саду, весь этот день царила атмосфера бурного дружеского веселья.

Во время поездки по Поволжью мне довелось встретиться с защитниками крепости в Саратове и в возрожденном городе-герое Волгограде, памятные места которого мне показывали живущие там участники Брестской обороны — учитель Виктор Ягупов и шофер Иосиф Косов. В Астрахани собралось пятеро героев крепости, и один из них — Михаил Вороненко, бывший заместитель политрука из полка Гаврилова, а теперь инвалид, лишившийся обеих ног, — приехал из дальнего села Марфино, находящегося в глубинном районе области. Как ни тяжела была для него эта поездка, он, узнав о том, что собираются защитники Бреста, потребовал отвезти его в Астрахань. Колхоз доставил Вороненко туда в кабине грузовика, и он участвовал во всех выступлениях, причем товарищи всякий раз вносили его на сцену на руках.

Горький и Ярославль, Воронеж и Орел, Тамбов и Брянск, Калинин и Ленинград, Смоленск и Могилев — всюду были встречи со старыми друзьями, новые знакомства с участниками обороны, выступления на заводах и в колхозах, в институтах и школах, в клубах и воинских частях. Эта многомесячная поездка, плодом которой явились десятки тетрадей с записанными в них воспоминаниями защитников крепости, закончилась в

столице Белоруссии — Минске. Там не только происходил сбор местного «гарнизона брестцев», но и состоялось торжественное вручение ордена Отечественной войны герою крепости и партизану-подrywнику одного из отрядов Брестского соединения Федору Журавлеву. Журавлев недавно оправился после тяжелой болезни сердца, и орден вручали ему дома, за праздничным столом, где собрались и товарищи по обороне крепости, и сослуживцы, и представители военкомата.

То была не первая боевая награда смелого партизана, путившего под откос много гитлеровских эшелонов. Но этот орден, полученный за Брестскую оборону, был особенно дорог ему, ибо для тех, кто сражался в крепости, трагические дни ее защиты всегда остаются глубоко сокровенной и близкой сердцу памятью, самой тяжелой, но и самой почетной страницей биографии человека.

ТАМБОВСКАЯ «МАМА» И ЕЕ «ДЕТИ»

О тамбовском землячестве защитников Брестской крепости стоит рассказать отдельно. История этого «гарнизона» неразрывно связана с именем одной женщины, которую участники обороны, живущие в Тамбове и области, недаром называли своей «мамой».

В 1956 году я получил письмо от пенсионерки из Тамбова Ольги Михайловны Крыловой. В нем она рассказывала мне свою историю — печальную историю совершенно одинокого и больного человека.

В первые дни войны около Бреста погиб ее единственный сын. Муж Ольги Михайловны тоже был на фронте и после победы возвратился с окончательно подорванным здоровьем. Вскоре он умер.

Ольга Михайловна работала бухгалтером в одном из тамбовских учреждений. После смерти мужа работа была единственным содержанием ее жизни, и только в коллективе сослуживцев она чувствовала себя нужным, полноценным человеком. Опустевшая комната стала тягостным напоминанием о счастливом прошлом, и она старалась меньше бывать дома.

Казалось, что судьба решила быть жестокой до конца с этой женщиной. Ольга Михайловна тяжело заболела. Все чаще болезнь приковывала ее к постели, сначала на недели, потом на месяцы. Пришлось уйти на пенсию, оставить службу, и это было новым ударом для нее. Подолгу лежа в больнице или дома, где приходилось прибегать к помощи соседей, она порой уже думала, что не поправится. Человек, привыкший всю

жизнь быть на людях, она органически не переносила своего вынужденного одиночества и безделья и считала себя окончательно выбитой из жизни и никому не нужной.

На больничной койке она слышала мой радиорассказ о Брестской обороне. Он взволновал ее, тем более что там, под Брестом, пятнадцать лет назад отдал свою жизнь ее любимый сын. И когда вскоре в здоровье ее наступило временное облегчение, Ольга Михайловна написала мне. «Не могу ли я чем-нибудь быть полезной в поисках героев Брестской крепости? — спрашивала она. — Мне так хочется еще послужить людям».

В то время на радиопередачи откликнулись два участника обороны крепости, живущие в Тамбове. Я послал их адреса Ольге Михайловне, прося повидаться с ними, записать их воспоминания и отправить мне. Она выполнила эту просьбу немедленно и с истинно бухгалтерской точностью.

Но Ольга Михайловна не остановилась на этом. Она по собственной инициативе стала искать других защитников крепости в Тамбове и Тамбовской области. Оказалось, что здесь живет немало бывших участников обороны, главным образом бойцов 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, формировавшегося до войны в большей мере из тамбовцев. Этот дивизион, как известно, составлял основное ядро гарнизона Восточного форта, оборонявшегося под командованием майора Гаврилова.

С помощью уже известных защитников крепости Ольга Михайловна отыскивала их товарищей, так же добросовестно записывала воспоминания и присылала мне. Вскоре тамбовское землячество брестцев насчитывало уже больше десяти человек. Все это были, как правило, люди нелегкой судьбы. Один по возвращении из плена был несправедливо осужден, в прежние годы отбывал наказание и оставался еще не реабилитированным, нося в душе незаживающую моральную травму. Другой, с расстроенным войной здоровьем, нуждался в срочном отдыхе и лечении. У третьего были тяжелые жилищные условия, четвертый долго не мог добиться пенсии, пятому нужна была материальная помощь.

И Ольга Михайловна приняла горести этих людей так же близко к сердцу, как свои несчастья. Она сделалась своеобразным ходяком по делам героев Брестской крепости.

Теперь эту женщину постоянно можно было встретить то в обкоме, то в горкоме партии, то в горсовете, то в прокуратуре, в собесе, военкомате, в городских органах здравоохранения. Она добивалась пересмотра дела и реабилитации несправедливо осужденного, новой квартиры для нуждающегося в

жилье, выхлопывала бесплатную путевку в санаторий, денежную ссуду, пенсию. Одинокая женщина, она вдруг превратилась неожиданно для себя как бы в мать большой семьи с острыми, неотложными нуждами, с десятками самых разнообразных дел, которые надо уладить, устроить, подтолкнуть. И тамбовские защитники крепости стали и в самом деле ласково звать ее «наша мама» и несли к ней все свои радости и беды, как несут к родной матери. Она сделалась близким человеком в их семьях, участницей семейных дел, советчицей и помощницей. И теперь, стоило ей заболеть, слечь в постель, как один за другим являлись новые друзья и питомцы, их жены, матери, и снова ожила опустевшая было комната, и Ольга Михайловна уже совсем не ощущала себя одинокой и ненужной.

И самое удивительное было в том, что даже болезнь начала отступать и она стала чувствовать себя теперь гораздо лучше. Реже приходилось лежать в постели, все реже ее укладывали в больницу, словно настоятельность чужих дел, которыми она была теперь поглощена, прогоняла и ослабляла недуг. Как могла она лежать, когда снова свалился в остром припадке эпилепсии герой крепости, а сейчас местный художник Саша Телешев, когда надо помочь в трудоустройстве Ивану Солдатову, надо поехать в соседний город Кирсанов навестить участника обороны Василия Солозובה и помочь его жене, у которой только что родился ребенок, а потом подтолкнуть дело с реабилитацией Сережи Гудкова.

Сергея Гудкова, тоже бойца 393-го дивизиона, Ольга Михайловна нашла позже других. В крепости он был тяжело контужен, потерял речь, стал подвержен нервным припадкам и в таком состоянии пережил годы плена. Видимо, особенно жестокий и бездушный бериевский следователь после войны несправедливо объявил пособником врага этого тяжело искалеченного, дергающегося и почти немого человека. Гудков отбыл наказание и теперь жил на родине, в Тамбове, жил в трудных условиях и с кровоточащей душевной раной, еще более обострявшей его болезнь.

Со всей своей энергией Ольга Михайловна принялась править его судьбу. Мы с ней добились пересмотра его дела в прокуратуре, и незаслуженное обвинение в измене Родине было полностью снято с него. Вслед за тем Гудкову установили пенсию, выдали денежное пособие и, наконец, предоставили новое удобное жилье. И во всем этом большую роль сыграли хлопоты О. М. Крыловой. Удивительно, что и тут, как в случае с Ольгой Михайловной, болезнь тоже начала отступать: здоровье Сергея Гудкова улучшается, к нему возвращается речь,

реже происходят нервные припадки, и, окруженный дружеской заботой и человеческим вниманием товарищей, он чувствует себя вернувшимся к жизни.

С помощью Ольги Михайловны удалось найти еще одного интересного героя крепости, о котором я знал до этого, но считал его погибшим.

Еще в первые годы поисков несколько защитников Восточного форта рассказали мне о смелости своего товарища, бойца 393-го дивизиона Ивана Серегина.

Это было на четвертый или пятый день обороны. Только что огнем счетверенного пулемета была отбита очередная атака врага. После боя человек десять — пятнадцать защитников форта собрались в комнате на втором этаже казарм дивизиона по соседству с тем помещением, где стоял пулемет.

Артиллерия противника, как всегда после неудачной атаки, начала обстреливать форт. Но никто не уходил в укрытие — к обстрелу привыкли.

И вдруг в разбитое окно влетел снаряд. Уже на излете он упал на пол в самом центре комнаты, вертясь волчком.

В первое мгновение все застыли. Потом кинулись ничком на пол, прижавшись всем телом к доскам и закрыв глаза в ожидании взрыва.

Снаряд перестал вертеться и лежал, чуть дымясь, еще горячий. Взрыв мог произойти каждую секунду.

Внезапно один из лежавших на полу бойцов — это был Иван Серегин — вскочил на ноги, склонился над снарядом, схватил его в руки и, подбежав к окну, выбросил наружу. Затаяв дыхание люди снизу искоса следили за ним. Снаряд не разорвался ни у него в руках, ни внизу, на камнях двора. А Серегин, морщась, потирал руки, слегка обожженные горячим снарядом, и чуть посмеивался в ответ на похвалы товарищей. Как мне сказали, Иван Серегин впоследствии погиб.

Для меня было приятной неожиданностью узнать от Ольги Михайловны, что Иван Петрович Серегин жив-здоров и работает в автобазе слесарем по ремонту автомобилей. Когда в 1957 году я приехал в Тамбов, он пришел в обком партии вместе с товарищами. Они при нем рассказывали о происшествии со снарядом, а этот худой, высокий человек со спокойными, неторопливыми движениями лишь усмехался, слушая их, словно недоумевая, почему так много внимания уделяют такому «пустячному случаю».

Надо признаться: плохо, не по-хозяйски относимся мы нередко к славным реликвиям Великой Отечественной войны. Может быть, именно потому, что так много было героического в этой войне, что оно в те годы стало бытом и повседневностью, вошло как бы в привычку, и мы теперь, словно по инерции, порой равнодушно проходим мимо, когда время и небрежение стирают с лица нашей советской земли следы неповторимых подвигов, которые, сохранившись, понесли бы сквозь череду будущих поколений удивительный, простой и великий образ человека и воина сороковых годов, не остановившегося ни перед какими жертвами, чтобы спасти мир от страшной власти фашизма. Тяжело и обидно бывает видеть, как исчезают и разрушаются многие памятники нашей славы.

Я приехал впервые в Брестскую крепость летом 1954 года и застал там картину разрушения и запустения. На ее территории стояла воинская часть, в окрестностях Бреста шло строительство домов для командного состава, и военные строители, которым не хватало кирпича, взрывали остатки полуразрушенных крепостных казарм, пополняя так фонды стройматериалов. Уничтожались стены, на которых кое-где еще сохранились рвущие душу прощальные надписи, оставленные погибшими героями. Кольцо казарм на большом протяжении было разрушено до основания не столько обстрелом и бомбежкой военной поры, сколько преступно-равнодушными руками послевоенных хозяев крепости.

Лишь незадолго до этого по чьему-то приказу были взорваны довольно хорошо сохранившиеся трехарочные ворота центральной цитадели, около которых в 1941 году шли такие жестокие бои. Саперы готовились взорвать здание бывшей церкви, господствующее над центром крепости и до того изрытое пулями и осколками снарядов, что уже один его вид красноречиво говорит зрителю о ярости происходившей тут борьбы.

Надо было принимать срочные меры, пришлось писать тревожные письма в Министерство обороны и в правительство. Только тогда массовое разрушение крепости было приостановлено и памятные развалины взяты под охрану государства. Но еще и после этого разбитные военные хозяйственники иной раз по ночам наведывались сюда за кирпичом, и то одна, то другая полуразрушенная стена оказывалась разобранный. Положение изменилось, лишь когда в крепости был открыт музей.

Его открыли по решению Министерства обороны в дни

Октябрьских праздников 1956 года, вскоре после того, как здесь побывали участники обороны. Он расположился в восстановленном отрезке казарм, примыкавшем к трехарочным воротам, там, где в период боев находился штаб сводной группы во главе с Зубачевым и Фоминим.

То был очень маленький, скромный музей — он занимал тогда всего несколько комнат в казарменном здании. Но ведь, по существу, музеем была вся обширная территория крепости. И уже первые месяцы его существования показали, что недостатка в посетителях не будет. Поток людей, стремившихся побывать в крепости, возрастал с каждой неделей.

Пограничный Брест — это парадное крыльцо нашей страны. В многочисленных поездах, проходящих через его станцию, советские люди едут в западные страны, тут постоянно проезжают наши делегации, направляющиеся за границу. Тысячи иностранных туристов, едущих к нам со всех концов Европы, впервые вступают на советскую землю здесь, на перроне брестского вокзала.

И большинство этих пассажиров старается воспользоваться стоянкой поезда в Бресте, чтобы побывать в крепости, осмотреть ее музей. На машинах и поездах сюда все время приезжают экскурсии из соседних и дальних городов и сел Союза, прибывают иной раз целые школы, пионерские отряды, воинские части.

Летом и осенью 1957 года мне довелось прожить несколько месяцев в крепости, и я своими глазами видел, как велик интерес народа к событиям, происходившим здесь в 1941 году, как стремятся люди попасть на эти овеянные славой развалины, поклониться памяти героев легендарного гарнизона.

То выстроится у ворот крепости большая колонна машин, которая привезла за 300 километров рабочих Минского автомобильного завода. Они выехали еще ночью, в субботу, чтобы иметь возможность провести воскресенье в крепости и вернуться в Минск поздно вечером.

То на десятке грузовиков приедут из района Луцка, с Западной Украины, колхозники и привезут с собой огромный венок из живых цветов, который торжественно возлагают у статуи воина с автоматом, стоящей на берегу Мухавца рядом с музеем. То раскинут свои палатки на Центральном острове крепости белорусские пионеры, совершающие летний поход по местам нашей боевой славы. То приедет из Киева в полном составе лучший класс одной из школ, — оказывается, весь учебный год школьники боролись за первенство, дающее право совершить летом поездку в Брестскую крепость. То из Москвы прибывают представители пионерской дружины имени полко-

вого комиссара Фомина. И экскурсоводы не успевают водить посетителей по крепости, а в комнатах музея всегда толпится народ.

Впрочем, в эти дни «пик» добровольными экскурсоводами всегда становятся живущие в Бресте участники обороны — Григорий Макаров и Михаил Игнатюк, а также жены погибших командиров — Анастасия Аршинова-Никитина, Дарья Прохоренко, Матрена Акимочкина, Татьяна Семочкина и другие. Посетители с особым интересом слушают рассказы этих людей, переживших здесь, в крепости, трагические дни июня — июля 1941 года.

Со всех концов Союза приезжают поклониться памятным для них развалинам бывшие защитники крепости. В 1957 году впервые после войны посетил эти места один из героев обороны — пограничник 17-го отряда, ныне актер Львовского театра Сергей Бобренок. И коллектив того отряда, который теперь охраняет границу на Буге, поднес своему почетному гостю дорогой подарок — зеленую фуражку, символ принадлежности к пограничным войскам. Немного позже побывал тут участник обороны Восточного форта киевлянин Михаил Ивушкин. Его приезд закончился неожиданной радостью — он нашел сына, которого считал погибшим. Маленького Толю, оставшегося в 1941 году без отца и без матери, умершей тогда же, усыновил и воспитал осмотрщик вагонов станции Брест Владимир Лапицкий. Теперь оба Ивушкина живут в Киеве, поддерживая дружескую связь с приемными отцом и матерью Толи.

Воспользовавшись отпуском, привез сюда подростка-сына знатный шахтер из Донбасса, герой обороны Иван Ленко. Дружной группой приехали навестить крепость ее бывшие защитники, живущие сейчас в Ленинграде, — морской инженер Иван Долотов, каменщик Иван Васильев, кандидат медицинских наук хирург Юрий Петров, директор одного из магазинов Александр Никитин. Всей семьей, с женой и дочерью, остановился на несколько дней в Бресте, чтобы посетить памятные места, друг Пети Клыпы — старший лейтенант Петр Котельников, проездом в отпуск из воинской части в ГДР.

А в книге почетных посетителей музея кроме имен участников обороны каждый год появляются новые известные имена советских и иностранных государственных и политических деятелей, знатных людей, мастеров культуры. Л. И. Брежнев и Д. С. Полянский, Л. Ф. Ильичев и Н. Г. Игнатов, К. Е. Ворошилов и Н. М. Шверник, Вальтер Ульбрихт, Пальмиро Тольятти, Морис Торез, Владислав Гомулка и кубинская молодежная делегация, группы наших старых коммунистов, экскурсия голландских детей — все они побывали в крепости и оставили

в книге свои записи, полные уважения к памяти павших героев, восхищения подвигом советских воинов, совершенным двадцать с лишним лет назад на первом рубеже родной земли.

За полтора послевоенных десятилетия совсем иным стал Брест. Из пыльного, типично провинциального городка он превратился в нарядный, обсаженный цветами город-сад, с чистыми, укутанными в густую зелень каштанов и лип улицами, с широкими, красивыми площадями, с множеством новых, благоустроенных домов, общественных зданий, памятников. Он и по внешнему виду, а не только по местоположению становится все более настоящим парадным подъездом страны социализма. Но как бы ни рос, ни расширялся, ни украшался город, главной и любимой достопримечательностью его всегда остаются памятные и ныне бережно охраняемые развалины и остатки укреплений славной крепости, которые составляют гордость не только Бреста, но и всей нашей Родины.

КРУГ СЛАВЫ

Этот день, воскресенье 25 июня 1961 года, начался в Бресте необычно. С утра, словно было Первое мая, в разных концах города слышались звуки оркестров, праздничные колонны принаряженных горожан зашагали через центр, направляясь в сторону крепости. По Каштановой улице, ведущей к северным крепостным воротам, валом валил народ. В густой толпе, гудя, медленно тянулись колонны грузовиков, в кузовах которых сидели колхозники. Съезжались гости из всех районов области, шел чуть ли не весь Брест. Реяли флаги, пестрели плакаты и лозунги, но особенно обращало на себя внимание то, что почти каждый из идущих или едущих в крепость держал в руках цветы — то несколько нарядных пионов из своего сада, то скромный букет ромашек, колокольчиков, незабудок, собранных в поле или в лесу.

Брест торжественно отмечал 20-летие героической обороны крепости.

К этим торжествам готовились тщательно и загодя. Давно уже шло переоборудование музея; теперь он получал в свое распоряжение все большое здание восстановленной казармы, где раньше занимал лишь одно крыло. Из центра крепости выселили воинскую часть. Вечерами после работы и каждое воскресенье сюда приходили трудиться группы жителей Бреста — город заботился о том, чтобы к празднику привести в идеальный порядок обширную территорию крепости. Разбирали

пенужные груды камней, выпалывали разросшиеся сорняки, заливали асфальтом дорожки, разбивали новые цветники и клумбы.

Правительство Белоруссии отпустило значительные средства на проведение торжеств. Для участия в празднике было вызвано около пятидесяти героев обороны из разных районов страны. Но приехало больше ста — одних послали за свой счет предприятия и учреждения, другие прибыли по собственному почину. В течение нескольких дней празднично украшенный Брест гостеприимно принимал почетных гостей.

На вокзале прибывающих поездами встречали пионеры с цветами, представители местных властей, атаковали фоторепортеры, кинооператоры, журналисты. И прямо там, на перроне, каждому защитнику крепости прикалывали на грудь маленький скромный значок — алую кумачовую ленточку с отсиснутым на ней силуэтом Холмских ворот цитадели с их характерными зубчатыми башнями. По такому значку жители Бреста могли узнать героя обороны, приветствовать его, проявить к нему уважение, оказать гостеприимство. И все эти дни люди с алыми ленточками на груди были в центре всеобщего внимания.

Приезжали отовсюду, из всех областей и республик, из самых дальних краев страны. Узбек Турсун Хидыров — из Магаданской области, Даниил Абдуллаев — из Азербайджана, Александр Филь — из Якутии, Владимир Фурсов — из Алматы, Сергей Бобренок — из Львова, Илья Кузнецов — из Красноярского края, Григорий Еремеев — из Киргизии, Николай Морозов — из Донбасса, Самвел Матевосян — из Армении, Петр Кошкарров — из Москвы, Максудгирей Шихалиев — из Дагестана, Федор Журавлев — из Минска, Алексей Маренин — из Кировской области, Филипп Лаенков — из Ташкента. Тут были люди всех специальностей, всех профессий — и вологодский кузнец Виноградов, и московский инженер Романов, и учитель из Котельнича Исполатов, и брестский колхозник Оскирко, и кубанский агроном Михайличенко, и николаевский шофер Семененко, и пенсионер из Калининской области Зориков, и минский писатель Махнач, и орловский артист Белоусов, и ленинградский врач Петров, и офицер Котельников, и крымский железнодорожник Котолупенко. И опять были встречи, узнавания, радостные слезы и долгие воспоминания.

На праздник прибыли делегации из Минска, из Москвы, представители ЦК КП Белоруссии, Министерства обороны СССР, Советского комитета ветеранов войны, Союза писателей СССР. К этим дням в городе открылась выставка произведений белорусских художников и скульпторов на темы Брест-

ской обороны, и защитники крепости осмотрели ее 24 июня. А вечером проходило торжественное заседание в городском театре, где были оглашены многочисленные приветствия, а потом каждому участнику обороны и женам погибших героев первый секретарь обкома партии А. А. Смирнов вручил памятные благодарственные грамоты областных и городских организаций.

Но, конечно, главное торжество должно было состояться на следующий день в самой крепости.

В эти дни опустели городские цветочные хозяйства, были оборваны цветы во всех частных садах. С предприятий молодежь выезжала после работы на машинах в окрестные поля и леса и собирала там огромные охапки цветов. И в то утро крепость была похожа на живой сад.

Толпы людей с цветами затопили весь Центральный остров, где должно было происходить торжество. От широких стеклянных дверей перестроенного и отремонтированного здания нового музея асфальтовая дорога вела к центру острова, где возвышалась большая трибуна с полукруглыми крыльями, а перед ней, закрытый пока полотном, поднимался камень будущего памятника героям обороны. Слева от музея, на обочине дороги, тянувшейся по берегу Мухавца и вдоль остатков кольцевого здания казарм, стояли в парадном строю войска Брестского гарнизона и пограничники. По этой дороге, опоясывающей восточную часть Центрального острова, предстояло пройти круг славы защитникам крепости. А по обе ее стороны, разливаясь по всему острову, густо, плечо к плечу, стояли десятки тысяч людей с цветами в руках.

Взошли на трибуну руководители области и города, почетные гости. Зашевелились музыканты сводного военного оркестра, приготовились кинооператоры и фоторепортеры.

Но праздник начался необычно. Слева от трибуны, в сотне метров, высилось полуразрушенное здание казарм, где когда-то располагался 84-й полк. И вот наверху, на изломанном гребне темно-красной кирпичной стены, появился человек с трубой в руках. Медленно поднес он ее к губам, и оттуда, с вершины славных руин, над крепостью прозвучал сигнал «Слушайте все!».

Этим трубачом был Петр Клыпа, сейчас токарь брянского завода, а в прошлом мальчик-трубач Брестской крепости, воспитанник музыкантского взвода 333-го полка, маленький герой обороны, «советский Гаврош», как его теперь называют. Ему была доверена честь трубным сигналом возвестить начало торжества.

Едва в сразу наступившей тишине смолк голос его трубы,

как трубачи сводного оркестра трижды мощно повторили этот сигнал.

И тотчас же распахнулись стеклянные двери музея, и оттуда вынесли знамя. Знамя тоже было необычным: укрепленное на древке полотнище облегал прозрачный целлофановый чехол, защищая его от пыли и дождя. То было боевое знамя Брестской крепости, прошедшее сквозь огонь в одном из главных бастионов обороны — в Восточном форту, пролежавшее пятнадцать лет в земле, — знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. И нес его сейчас человек, в дни боев хранивший это знамя на своем теле, спасший от врага, а потом нашедший его для потомков, — кузнецкий металлург Родион Семенюк. А по обе его стороны почетным эскортом шли ассистенты знаменосца — Герои Советского Союза Петр Гаврилов и Михаил Мясников, прославленные герои крепости Самвел Матевосян и Раиса Абакумова.

За знаменем из дверей музея выливалась на крепостной двор толпа людей с алыми значками на груди — участники обороны и жены погибших героев.

Оркестр грянул «Священную войну», и под звуки песни-гимна первых дней Великой Отечественной войны герои крепости прошли через толпу к трибуне. Они встали перед ней широким полукругом, а в центре знаменосец Семенюк и его ассистенты поднялись на небольшой постамент.

Начался митинг. Приветствовали героев труженики Бреста, представители делегаций, выступал П. М. Гаврилов, говорила о бедствиях войны жена погибшего командира обороны Александра Андреевна Зубачева. А потом первый секретарь обкома партии А. А. Смирнов, председатель горсовета А. А. Петров вместе с Гавриловым и Зубачевой под музыку Государственного гимна сняли полотно с серого гранитного камня, на котором высечена надпись: «Здесь будет сооружен монумент в честь героической обороны Брестской крепости в июне — июле 1941 года».

Рядом с трибуной чернела груда свеженакопанной земли. То была земля, взятая отсюда же, из Брестской крепости, из тех мест, где шли особенно жестокие бои, земля, политая кровью героев. Длинной чередой в строгом молчании участники обороны подходили сюда, брали горсть этой земли и клали ее к подножью будущего памятника. А из толпы одна за другой выходили группы жителей Бреста с большими венками и букетами цветов и укладывали их вокруг камня. Это было целое море зелени и цветов.

Снова пронесся над крепостью сигнал трубачей «Слушайте все!». Спустился с постамента Семенюк со знаменем, и, вы-

страиваясь за ним колонной, герои крепости под звуки марша двинулись в свой круг славы по Центральному острову.

Кричала и аплодировала толпа, сквозь которую они проходили, перекатами «ура» приветствовал их торжественно заставший строй воинской части, и на всем протяжении этого круга славы пестрый ливень цветов сыпался на них со всех сторон. Цветы падали перед ними, густо устилая дорогу, и герои шагали по этому живому, красочному цветочному ковру.

Они шли взволнованные до глубины сердца, со слезами на глазах, многие открыто плакали. В самом деле, что должны были чувствовать в эти минуты они, люди, прошедшие суровый, тернистый путь войны, плена, горя и бедствий и теперь идущие по дороге славы, по пути, усыпанному цветами, среди восторженных криков приветствующего их народа?!

Помню, я забеспокоился, когда увидел в шеренгах героев Владимира Ивановича Фурсова. Он шел, вытирая заплаканные глаза и тяжело припадая на свою искусственную ногу. Я знал, что каждый шаг мучителен для него, а он отправился почти в двухкилометровый путь.

Час спустя, когда мы увиделись в залах музея, я упрекнул его:

— Как же вы пошли, Владимир Иванович?

Он устало и серьезно взглянул на меня.

— Я бы три раза прошел этот путь, если бы было можно,— ответил он, и я понял его чувства.

Завершив круг славы, колонна героев вернулась к трибуне. И теперь мимо них парадом прошли войска гарнизона и пограничники. Мне приходилось не раз видеть парады на Красной площади в Москве — этот оставлял не меньшее впечатление. Молодые солдаты 1961 года, их офицеры, словно желая выразить все свое восхищение подвигом героев 1941 года, печатали гулкий, сотрясающий землю шаг, в безупречном равнении шеренга за шеренгой проходя перед защитниками крепости и их боевым знаменем.

Потом было открытие музея. П. М. Гаврилов перерезал ленточку у входа, и первыми осмотрели его новые экспозиции участники обороны. А за ними светлые, просторные залы, которые сделали бы честь и столичному музею, затопила многотысячная толпа посетителей.

Час спустя, сфотографировавшись на память с гостями на зеленом склоне земляного вала, все собрались в северо-восточной части крепости на закладку Парка Героев. Там уже были приготовлены молодые деревца, выкопаны ямы, стояли автоцистерны с водой.

Было трогательно видеть, как героев крепости, сажавших деревья, обступали группы жителей Бреста, помогая им. Один держал дерево, другой помогал засыпать яму, третий бежал с ведром за водой для поливки. И каждый из участников обороны написал на маленькой бирочке, привязанной к стволу саженца, свою фамилию, имя, отчество и адрес. Это были как бы персональные деревья, сразу же взятые на учет и отданные под наблюдение брестским пионерам. Они следят за состоянием деревьев и переписываются с героями, которые их посадили. И с той поры каждый защитник крепости, из тех, кому не довелось быть тогда на торжественной церемонии, впервые приезжая в Брест, обязательно сажает в этом Парке Героев свое личное дерево. Пройдут годы, и тенистый разросшийся парк в крепости станет любимым местом отдыха жителей города.

Уже позже этот почин получил дальнейшее развитие. Возникла мысль превратить всю крепость в заповедный мемориальный парк, в музей героизма нашего народа. В Бресте был создан постоянный общественный совет по увековечению памяти о героической обороне крепости. На его обращение откликнулись ботанические сады и дендрарии страны. Сюда шлют отовсюду ценные редкие породы деревьев и кустов, приезжают специалисты-садоводы, идут посадки фруктовых деревьев, и эта земля, изрытая железом войны, пропитанная кровью героев, все больше одевается в густой зеленый покров.

В то праздничное воскресенье герои обороны долго бродили по крепости. Группами боевые товарищи шли на те места, где они сражались, клали там, на развалинах, цветы в память павших друзей, рассказывали о боях посетителям. Именно тогда минский фотокорреспондент Белорусского телеграфного агентства Михаил Ананьин сделал замечательную фотографию, которую можно поставить рядом со знаменитым снимком Марка Ганкина.

На развалинах, среди кусков развороченного взрывом бетона, прикинув всем телом к каменной глыбе, опустив на руку лицо, весь во власти нахлынувших воспоминаний, стоит человек. У него нет ноги, и рядом к камню прислонен костыль. Этот человек — Владимир Иванович Фурсов, который уже на костылях, без протеза, натрудившего ему ногу, пришел сюда, на место, где он сражался, где искалечила его на всю жизнь вражья пуля. И рядом с ним, также поглощенные воспоминаниями, задумчиво смотрят на эти камни однополчане Фурсова — служащие из местечка Жабинки Яков Коломиец, прораб минской строительной организации Павел Сиваков, рабочий Магаданской области Турсун Хидыров и председатель колхоза на Брестщине Марк Пискун.

«Проклятие войне» — так назвал свой сейчас уже широко известный снимок Михаил Ананьин. Это проклятие вместе с героями крепости посылает войне и он сам, автор снимка. Он ведь тоже боец и партизан, и, так же как В. И. Фурсов, он был тяжело ранен.

Закладкой парка и посещением памятных мест крепости еще не закончилось торжество в тот день. Позже был концерт на стадионе города, где первым номером программы хор исполнял песню о героях Брестской крепости. Вечером в новом брестском ресторане «Буг» все собрались на праздничный ужин, и день завершился гулянием и большим фейерверком.

Как жаль, что еще так мало у нас торжественных церемоний в память славных событий Великой Отечественной войны! А они нужны и для нас и для будущих поколений — они возвышают душу человека, открывают его сердце навстречу светлому, героическому, мужественному, они воспитывают и учат, они формируют нового гражданина в уважении к славе предков, к великим делам народа, в любви к Родине, в стремлении безраздельно служить ее благу, ее миру, ее высокой цели.

Я вижу в мечтах грандиозное торжество на поднятых из руин новых улицах славного города на Волге, где могучим усилием народа-богатыря был сломан хребет всей второй мировой войне, где чудовище германского фашизма получило смертельную рану. Это будет всенародный и всемирный праздник с участием делегаций всех государств, сражавшихся против гитлеризма.

А какие непохожие друг на друга и удивительные торжества могли бы стать традицией в городе-герое и страдальце Ленинграде, в боевом Севастополе, в мужественной Одессе! Пусть же окажется, что Брестская крепость положила начало таким торжествам своим праздником двадцатилетия героической обороны, по-настоящему взволновавшим всех, кто на нем присутствовал.

Этот праздник в Бресте станет традицией — решено торжественно отмечать юбилей обороны крепости каждые пять лет. И когда 25 июня 1961 года герои шли по устланной цветами дороге в свой круг славы, я невольно думал о том, как будет происходить это торжество в дальнейшем.

С каждым пятилетием станет все больше редеть эта колонна героев, — что поделаешь, люди смертны. И через несколько десятков лет, быть может, только два или три старых, седых ветерана понесут свое звание в целлофановом чехле по такой же усыпанной цветами дороге славы. А потом уже не останется никого из защитников крепости, но так же толпы

народа затопят Центральный остров. Другие, молодые руки вынесут боевое знамя из музея, и оно снова поплывет над многотысячной толпой, и опять цветочный дождь посыплется на это бессмертное знамя нашей доблести и славы, алое, как пролитая тут кровь героев.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Она действительно уже большая, семья героев Брестской крепости,— мы знаем больше трехсот бывших участников обороны. И это в самом деле семья, хотя она собирается во все-союзном масштабе только раз в пять лет. Она сформировалась там, в крепости над Бугом, ее узы скреплены кровью павших, закалены в огне бешеных боев и нерасторжимо связаны тем пережитым вместе, что никогда не в силах забыть человек. Нет крепче таких уз, нет прочнее такой связи!

Члены этой большой семьи рассеяны по всему громадному пространству нашей страны, и каждый из них занят своим трудовым делом. У них разные профессии, разное образование, различные интересы и стремления. Но перед Брестской крепостью, перед памятью тех святых и страшных дней сорок первого года они все равны — и колхозник и кандидат наук, и слесарь и заслуженный артист, и крупный хозяйственник и скромный сельский фельдшер. Перед ней, этой памятью, они все — рядовые солдаты Родины, защитники первых метров отеческой земли, жертвы войны и узники мрачного фашизма. Два слова — «Брестская крепость» — делают их одинаковыми, как одинаковы их предвоенные фотографии, выставленные в крепостном музее, на которых все они одеты в одни и те же гимнастерки с отложными воротниками, и порой и не разглядишь, что там на петлицах этого воротника — шпалы майора, кубики лейтенанта, треугольники младшего командира или же это простой боец без всяких знаков различия.

Если случится им встретиться где бы то ни было — знакомы или не знакомы, — они как родные обнимутся и разговоятся. Если придется одному проезжать через город, где живет другой, дорогим гостем и братом будет он в доме боевого товарища.

В тех местах, где живут несколько защитников крепости, они постоянно встречаются, поддерживают тесную дружескую связь. Другие регулярно переписываются, приезжают навещать побратимов.

И я за эти годы поисков героев крепости и работы над темой Брестской обороны невольно тоже стал как бы членом

этой большой семьи. Я тоже навещаю их, когда приходится бывать в других городах, и они, приезжая в Москву, стараются встретиться со мной или хотя бы позвонить по телефону. Многие постоянно пишут мне, извещая обо всех своих новостях, о радостях, а порой и печалях.

Впрочем, теперь редко получишь от кого-нибудь из них печальное письмо: кончились для брестских героев дни бед и горестей и они повсюду окружены заботой, почетом, уважением, славой. Мелкие человеческие неприятности уже не в счет.

И только смерть порой приносит беду в эту сейчас счастливую и большую семью героев Бреста.

Несколько лет назад умер в городе Камышине бывший защитник Восточного форта Иван Яковлевич Ефимов, с которым мы встречались, когда в 1957 году я приезжал в Сталинград. О смерти Ивана Яковлевича написал мне его брат. Он умирал в камышинской больнице, находясь в полном сознании, и, прощаясь с братом, сказал:

— Я умираю не от ран, не от болезни, не от возраста, а от немецких фашистов, и пусть они будут трижды прокляты за это. Так и скажи всем, а товарищам из Брестской крепости отнеси мой прощальный привет.

Умер в Луганске Михаил Афанасьевич Кононенко, бывший сапер 44-го полка; умер скоропостижно фельдшер 84-го полка, живший в Каменской области, Сергей Емельянович Милькевич; внезапно оборвалась жизнь чудесного человека и превосходного врача из Москвы Ивана Кузьмича Маховенко; умер в Тамбове тяжело и долго болевший художник Александр Степанович Телешев; свел в могилу туберкулез героического интенданта Брестской крепости Николая Ивановича Зорикова, умершего в 1963 году в городе Спирове Калининской области, и бойца 455-го полка, потом брестского партизана Ивана Петровича Оскирко. Нет уже в живых москвича Николая Александровича Разина, умерла в Мценске Валентина Сергеевна Раевская, скончалась тамбовская «мама» — Ольга Михайловна Крылова. И прав был покойный Ефимов: от каких бы причин ни умирали эти еще не старые люди, они умирают от немецкого фашизма, страшной болезни, от которой до сих пор не вылечилась до конца западная половина Германии.

Над нашими городами не было атомного взрыва, после которого и теперь, спустя десятилетия, лучевая болезнь уносит в могилу жителей Японии. Но у нас есть своя радиация минувшей войны — страдания и бедствия, принесенные фашизмом на нашу землю, раны на телах, незримые раны в душах, оставленные диким гитлеровским пленом, все невероятное напряжение

сил народа в той смертельной борьбе и долголетняя, сжимающая сердце боль о погибших.

Это неистребимые следы войны, радиация фашизма, оставленная его зловедами, смертоносными лучами. Именно от нее в конечном счете уходят теперь раньше времени из жизни наши люди. И проклятие, посланное фашизму со смертного ложа героем Брестской крепости Иваном Ефимовым, — это проклятие всенародное и всесветное, проклятие всего мирного человечества.

Но герои Брестской крепости — бойцы и в мирной жизни. Они не сдаются ни старым ранам, ни болезням, ни возрасту. Их большая семья живет повсюду горячо, интересно, полнокровно.

Редкие печальные события тонут в потоке других, радостных вестей о новых успехах, победах, достижениях этих людей в их работе, в общественной деятельности, в быту, в семье.

Вот свежее письмо из Брянска — от Петра Клыпы. В нем — фотографии двух малышей, родившихся у него один за другим в последние годы.

Петр рассказывает о своей недавней поездке в Минск, куда его пригласила одна из школ. Он пишет, как был взволнован, когда перед замершим строем пионеров председатель совета отряда, подняв руку в салюте, доложил ему:

— Товарищ Петр Сергеевич Клыпа! Отряд имени героя Брестской крепости Пети Клыпы построен на торжественную линейку для встречи с вами!

Вот другие письма. Сергей Бобренок из Львова, счастливый, сообщает о рождении дочери; как и у Петра, у него теперь дочь и сын. Николай Белоусов спешит поделиться своей новостью — он стал директором Орловского драматического театра. Александр Филь коротко извещает, что его наградили Почетной грамотой Якутской АССР.

Зовут на новоселье сразу двое — Раиса Абакумова из Орла и Илья Алексеев из Рязани.

Свою книгу «Введение в биологию», только что вышедшую в Минске, шлет Владимир Иванович Фурсов; новый сборник стихов прислал из Харькова Роман Левин. Многие из участников обороны уже написали и выпустили в свет свои воспоминания. Сергей Бобренок — автор уже трех книг; в Краснодаре вышли записки Анатолия Бессонова; в Тбилиси на грузинском языке изданы воспоминания защитника крепости Александра Калапдадзе; вышла из печати книга ленинградского педагога Николая Исполотова, который вместе со своим братом-близнецом Алексеем, ныне доцентом Московского инженерно-строительного института, был участником обороны.

Новые дети, новые книги, новые квартиры, новые работы — жизнь большая, стремительная, интересная, полная до краев. Она бьет кипучим ключом из конвертов со штампами разных городов, из листков, исписанных разными почерками. И за всем этим встает дыхание сегодняшней страны — работающей, строящей, создающей новое, — весь наш народ, в строю которого стоят рядовые солдаты и труженики Родины, ее защитники и работники — герои Брестской крепости.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Открытое письмо героям Брестской крепости 3

Часть первая

ЛЕГЕНДА, СТАВШАЯ БЫЛЬЮ

Рождение легенды	7
Старая крепость	13
Легенда становится былью	23
Начало поисков	27
Инженер Самвел Матевосян	30
Поездка в крепость	34
Крепость ведет бой	41
Поиски Александра Филя	62
Так сражались герои	66
Доброе имя солдата	82
Капитан Шабловский и его жена	88
Дочери героев	92
Гаврош Брестской крепости	97
От Бреста до Магадана	106
Третья жизнь Петра Клыпы	114
По следам нового героя	119
Командир Восточного форта	128
Подвиг майора Гаврилова	135
Признание Родины	142

Часть вторая

ГЕРОИ ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

Страница славы	151
Комиссар	157
Боевой командир цитадели	164
Друзья-краснодарцы	170
Старший лейтенант с Красной Звездой	177
Сестра	183
«Ничего особенного!»	188
Пограничники	195
Около крепости	204
На улицах Бреста	210
Брестский вокзал	217
Последние	227
Враг свидетельствует	240
В неволе	245
Путь на Родину	251
Солдаты жизни : :	260
«Женский батальон»	268
История Алика Бобкова	273
Под властью врага	276
Мальчик из Бреста	280
Подпольщики	288
Хозяева брестских лесов	295
Возмездие	301

Часть третья

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Пятнадцать лет спустя	309
Одна фотография	312
Поездка в Белоруссию	316
Семья майора Гаврилова	320
Свидетельства боевых товарищей	322
Фильм находит старых друзей	327

Знамя	329
Новые имена, новые факты	333
Письмо азербайджанской женщины	342
Таран над Брестом	347
Встречи героев	356
Тамбовская «мама» и ее «дети»	362
На памятных развалинах	366
Круг славы	369
Большая семья	376

Для среднего школьного возраста

Смирнов Сергей Сергеевич

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ответственный редактор З. С. Карманова.
Художественный редактор Л. Д. Бирюков.
Технический редактор Л. П. Костикова.

Корректоры

Л. И. Дмитриук и Э. Н. Сизова

Сдано в набор 4-X 1968 г. Подписано к печати
15-I 1969 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 27. (Уч.-изд.
л. 23,64 + 24 вкл. = 26,34). Тираж 100 000 экз.
ТП 1969 № 288. Цена 1 р. 15 к. на бум. № 1.
Издательство „Детская литература“. Москва,
М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавополиграф-
прома Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 3210.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1969 году в серии «Школьная библиотека» для средней школы выходят книги:

Кожедуб И.

— **ВЕРНОСТЬ ОТЧИЗНЕ.**

Автобиографическая повесть известного летчика, трижды Героя Советского Союза. Детство в селе, летное училище, Великая Отечественная война — вот вехи этой замечательной жизни.

Казакевич Э.

— **ЗВЕЗДА. ДВОЕ В СТЕПИ.**

Две повести известного советского писателя о Великой Отечественной войне, о героизме и высокой сознательности советского человека-воина.

Сборник

— **МОСКВА В СОЛДАТСКОЙ ПИНЕЛИ.**

Книга рассказов, очерков, стихотворений, воссоздающих великую битву под Москвой и разгром фашистов зимой 1941 года.

Бруштейн А.

— **ДОРОГА УХОДИТ В ДАЛЬ...**

Трилогия о детстве девочки из прибалтийского городка. Книга отражает атмосферу общественной жизни накануне революции 1905 года.

Гулиа Г.

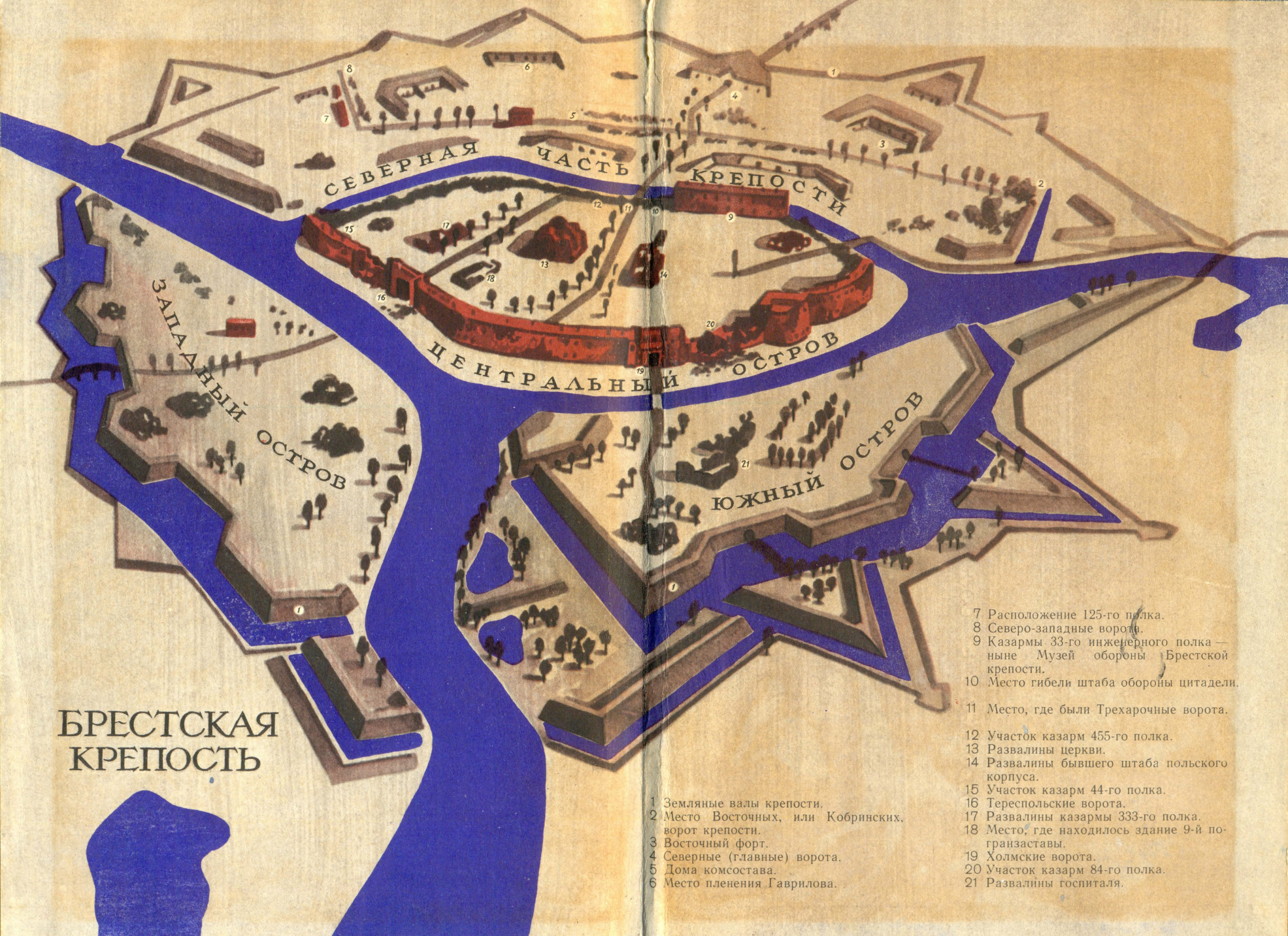
— **ДРУЗЬЯ ИЗ САКЕНА.**

Трилогия («Весна в Сакене», «Добрый город», «Кама») рассказывает о современной Абхазии, о людях и природе этого чудесного края.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

- 1 Земляные валы крепости.
- 2 Место Восточных, или Кобринских, ворот крепости.
- 3 Восточный форт.
- 4 Северные (главные) ворота.
- 5 Дома комсостава.
- 6 Место пленения Гаврилова.

- 7 Расположение 125-го полка.
- 8 Северо-западные ворота.
- 9 Казармы 33-го инженерного полка — ныне Музей обороны Брестской крепости.
- 10 Место гибели штаба обороны цитадели.
- 11 Место, где были Трехарочные ворота.
- 12 Участок казарм 455-го полка.
- 13 Развалины церкви.
- 14 Развалины бывшего штаба польского корпуса.
- 15 Участок казарм 44-го полка.
- 16 Тереспольские ворота.
- 17 Развалины казармы 333-го полка.
- 18 Место, где находилось здание 9-й погранзащиты.
- 19 Холмские ворота.
- 20 Участок казарм 84-го полка.
- 21 Развалины госпиталя.

1 p. 15 k